Ольга Окунева

Три стука в дверь

Семейная сага

Ольга Окунева

Три стука в дверь

«Автор»
2026

Окунева О. И.

Три стука в дверь / О. И. Окунева — «Автор», 2026

«Три стука в дверь» — семейная сага о любви, верности, предательстве и надежде, проходящей через поколения.Всё начинается с любви юной польской дворянки Ядвиги и русского музыканта Александра. Ради счастья им предстоит преодолеть предрассудки, разлуку и испытания, которые принесёт новая эпоха.Годы сменяют друг друга. Семейная усадьба становится свидетельницей радостей и трагедий, встреч и расставаний. Но однажды в жизни Агаты, наследницы этой истории, происходит событие, которое навсегда меняет её судьбу.Старый дом с голубыми ставнями хранит немало воспоминаний. А загадочное предупреждение о трёх стуках в дверь становится началом событий, способных раскрыть тайну, скрывавшуюся долгие годы.Смогут ли любовь, материнская верность и надежда победить жестокость и обман?

© Окунева О. И., 2026
© Автор, 2026

Ольга Окунева
Три стука в дверь

Три стука в дверь
Пролог. Дом с голубыми ставнями

На окраине небольшого городка, где старые улицы постепенно уступали место новым домам, стоял маленький деревянный дом с голубыми ставнями.

Когда-то он был частью большой усадьбы. За густыми зарослями сирени и разросшимися деревьями ещё виднелся высокий, давно опустевший особняк. Часть его окон была заколочена досками, крыша местами потемнела от времени, а дорожки, по которым прежде прогуливались хозяева, почти исчезли под травой.

Но маленький дом продолжал жить.

Каждую весну возле его крыльца расцветали тюльпаны. Летом под окнами благоухали пионы, осенью во дворе желтели хризантемы. А зимой над трубой поднимался тонкий дымок, напоминая редким прохожим, что здесь ещё кто-то живёт.

Хозяйку звали Агата.

В городке её знали давно, хотя мало кто из случайных знакомых мог правильно определить её возраст. Почти совершенно седые волосы, худощавое лицо, усталые глаза и глубокие морщинки вокруг губ делали её значительно старше своих лет.

Несмотря на это, Агата старалась следить за собой, аккуратно одевалась и содержала дом в удивительной чистоте.

Она много работала, принимала заказы на пошив одежды, а свободное время предпочитала проводить дома. С соседями здоровалась приветливо, но долгих разговоров не любила.

И только дети иногда задерживались возле её калитки.

Агата никогда не прогоняла их. Если в доме находились конфеты или свежие пирожки, непременно угощала.

— Спасибо, бабушка Агата! — кричали ребятишки, убегая по улице.

Она улыбалась им вслед.

А потом долго стояла у калитки, словно вспоминая что-то очень далёкое.

Была у Агаты одна привычка.

Каждое утро она ставила на крыльцо небольшую мисочку с молоком и оставляла немного еды.

Когда-то к её дому прибился худой бездомный кот с надорванным ухом.

Он долго не решался приблизиться к человеку, но постепенно привык к ласковому голосу хозяйки и наконец поселился в её доме.

Несколько лет он был её единственным постоянным спутником.

Назвала она его Тишкой.

Незадолго до Нового года кот умер.

А мисочка на крыльце осталась.

В то утро Агата проснулась раньше обычного.

Новогодние праздники уже миновали. За окном падал мелкий снег, ветер раскачивал обнажённые ветви старой яблони, а мороз оставил на оконном стекле причудливые узоры.

Она накинула тёплую кофту, поправила волосы перед зеркалом и отправилась на кухню.

Поставила чайник. Отрезала ломтик хлеба. Налила молока.

Всё было как всегда.

Но когда Агата открыла входную дверь, то остановилась.

Возле самого порога лежал сложенный вдвое лист бумаги.

Поставив мисочку на ступеньку, она подняла записку, развернула её и прочитала:

«Если сегодня кто-нибудь постучит три раза, не открывайте».

Она перечитала записку.

Потом ещё раз.

Буквы были выведены торопливо, словно писавший боялся, что его застанут.

Агата оглядела двор.

Калитка была закрыта. На дорожке лежал свежий снег. Ни возле забора, ни под яблоней никого не было.

— Господи, что ещё за глупости? — тихо произнесла она.

В этот момент возле ограды показалась соседка.

— Доброе утро, Агаточка!

— Здравствуй, Валя.

— Что случилось? Чего ты такая задумчивая?

Агата протянула ей листок.

— Вот, посмотри. Кто-то под дверью оставил.

Соседка прочитала записку и удивлённо покачала головой.

— Господи, чего только люди не придумают!

— Вот и я не понимаю. Может, ошиблись домом?

— Может быть. Но ты всё-таки поосторожнее. Время сейчас неспокойное. Особенно вечером незнакомым не открывай.

Агата усмехнулась.

— Да что у меня брать, Валя? Старое фортепиано разве что.

— Не говори так. Мало ли кому чего понадобится.

Соседка посмотрела на мисочку, стоявшую возле крыльца.

— Опять кошек кормишь?

— Да. Жалко их. Морозы такие.

— Добрая ты слишком, Агата.

— Разве в этом что-нибудь плохое?

Соседка ничего не ответила. Попрощавшись, она направилась дальше по улице.

Агата ещё немного постояла на крыльце.

Записку она всё-таки не выбросила.

Вернувшись в дом, положила её на кухонный стол, придавила сахарницей и долго смотрела в окно.

Кто мог оставить такое предупреждение?

И почему именно три раза?

За свою жизнь Агата научилась не пугаться пустяков. Слишком многое ей пришлось пережить, чтобы бояться каждого шороха.

Но почему-то именно эта записка поселила в душе неприятную тревогу.

Весь день она пыталась заниматься привычными делами. Приготовила обед, немного поработала за швейной машинкой, разобрала оставшиеся после последнего заказа лоскутки ткани.

Несколько раз выходила во двор, поправляла оставленные возле крыльца мисочки.

К вечеру снег прекратился.

Небо потемнело, и над городком опустилась ранняя зимняя ночь.

Агата закрыла ставни, проверила засов на двери и зажгла настольную лампу.

Из радиоприёмника доносилась негромкая музыка.

Старые часы в гостиной размеренно отсчитывали минуты.

Она сидела в кресле, заканчивая рукав новой вязаной кофточки, когда вдруг услышала шаги.

Кто-то прошёл по дорожке от калитки к крыльцу.

Агата подняла голову.

Шаги стихли.

Несколько мгновений ничего не происходило.

А потом раздался стук.

Тук.

Тук.

Тук.

Три отчётливых удара.

Агата замерла. Спицы неподвижно лежали у неё на коленях.

Она смотрела в сторону прихожей.

Снова наступила тишина.

Агата вспомнила утреннюю записку.

«Если сегодня кто-нибудь постучит три раза, не открывайте».

Несколько мгновений она сидела совершенно неподвижно.

Затем отложила вязание, поднялась и подошла к двери.

— Кто там?

С крыльца донёсся незнакомый мужской голос:

— Простите, здесь живёт Агата Ильинична Белова?

Голос был молодой, незнакомый.

Агата насторожилась.

— Да. А кто её спрашивает?

— Меня Михаил зовут. Я приехал из другого города. Мне очень нужно с вами поговорить.

— По какому вопросу?

За дверью наступило короткое молчание.

— Это касается вашей дочери.

Сердце Агаты болезненно сжалось.

— Что вы сказали?

— Вашей дочери. Ани.

Она обеими руками ухватилась за дверную ручку.

Двенадцать лет.

Двенадцать долгих лет она жила надеждой, которую не смогли уничтожить ни время, ни бесконечные разочарования, ни безрезультатные поиски.

Двенадцать лет она ждала, что однажды кто-нибудь придёт к ней и произнесёт имя её девочки.

И теперь, когда это наконец произошло, Агата вдруг испугалась.

Испугалась услышать ответ, который мог навсегда уничтожить её надежду.

— Вы что-нибудь знаете о ней? — спросила она дрожащим голосом.

— Да.

Агата больше не раздумывала.

Пальцы дрожали так сильно, что она не сразу сумела отодвинуть засов.

На пороге стоял высокий молодой человек. На плечах его куртки лежали снежинки, лицо казалось усталым, а глаза были полны тревоги.

Он смотрел на Агату с таким выражением, словно давно готовился к этой встрече и теперь не знал, с чего начать.

— Вы Агата Ильинична?

— Да. Это я.

— Простите… Я приехал к вам издалека.

— Молодой человек, пожалуйста, не мучайте меня. Что вы знаете о моей дочери?

Голос её дрожал.

Михаил посмотрел ей прямо в глаза.

И тогда он произнёс слова, после которых её жизнь уже никогда не могла остаться прежней:

— Ваша дочь жива, но ей грозит опасность.

ИСТОКИ

Глава первая. Дочь рода Вишневских

В конце девятнадцатого века, когда по европейским дорогам ещё неспешно катили конные экипажи, а в богатых домах по вечерам зажигали свечи в тяжёлых серебряных подсвечниках, в одной польской дворянской семье родилась девочка.

Её назвали Ядвигой.

Она появилась на свет ранним майским утром, когда в саду распускались яблони, а над лугами ещё лежал лёгкий туман.

Имение Вишневских находилось неподалёку от небольшого старинного городка. Белый двухэтажный дом с колоннами стоял среди лип и каштанов. За ним простирался большой сад, а дальше начинались поля, принадлежавшие семье уже не одно поколение.

В доме жили хозяин имения, пан Владислав Вишневский, его супруга Мария и двое детей — десятилетний Станислав и семилетняя Зофья.

Появление младшей дочери стало настоящим праздником.

Владислав, человек строгих правил и сдержанных чувств, впервые за долгое время не скрывал радости.

Он лично распорядился накрыть праздничный стол для всей прислуги и велел управляющему выдать каждому работнику небольшое денежное вознаграждение.

— Ещё одна красавица в нашем доме, — сказал он, осторожно принимая новорождённую на руки.

Мария улыбнулась.

— Ты даже не представляешь, какой характер у неё будет.

— Откуда тебе знать? Ей всего несколько часов.

— Материнское сердце подсказывает.

Владислав посмотрел на маленькое личико дочери.

— Что ж, надеюсь, она унаследует твою доброту и моё благоразумие.

Но судьба, как это нередко бывает, распорядилась иначе.

Детство Ядвиги проходило среди просторных комнат, старинных портретов и бесконечных наставлений гувернанток.

Девочек в семье воспитывали строго. Они должны были уметь вести беседу, играть на фортепиано, разбираться в литературе, знать иностранные языки и безупречно держаться в обществе.

Зофья принимала все эти требования как нечто естественное.

Ядвига же с ранних лет отличалась удивительным упрямством.

Она могла часами слушать музыку, с удовольствием читала книги, но терпеть не могла бесконечных уроков хороших манер.

Особенно её раздражало требование никогда не спорить со старшими.

— Почему я не могу сказать, что думаю? — однажды спросила она гувернантку.

— Потому что воспитанная барышня прежде всего должна быть сдержанной.

— А если взрослые ошибаются?

Гувернантка поджала губы.

— В таком случае барышне следует промолчать.

Ядвига задумалась.

— Значит, ошибка останется ошибкой только потому, что я маленькая?

После этого разговора гувернантка долго жаловалась Марии на непокорный нрав младшей воспитанницы.

Мать лишь вздохнула.

— Она ещё ребёнок. Со временем научится.

Но годы шли, а Ядвига не менялась.

Она выросла стройной девушкой с тёмно-каштановыми волосами, выразительными серыми глазами и гордой осанкой. В ней сочетались благородство, воспитанное с детства, и какая-то внутренняя независимость, которую невозможно было подчинить правилам.

Станислав, старший брат, рано стал помощником отца.

Он изучал управление имением, интересовался торговлей и хозяйством. Владислав видел в нём будущего главу семьи и был доволен его рассудительностью.

Зофья мечтала о спокойной семейной жизни. Она любила красивые платья, балы и с удовольствием обсуждала с матерью молодых людей из соседних дворянских семей.

А Ядвига мечтала о другом.

Она хотела увидеть мир.

Её завораживали рассказы о Париже, Вене, Праге, о больших театрах, концертных залах и знаменитых музыкантах.

Особенно она любила музыку.

В доме Вишневских стоял старинный рояль, за которым по вечерам нередко собиралась вся семья. Зофья играла аккуратно, стараясь не ошибиться ни в одной ноте. Ядвига же играла так, словно рассказывала кому-то свою собственную историю.

Иногда Мария останавливалась в дверях гостиной и долго слушала младшую дочь.

— Ты сегодня опять грустишь? — спрашивала она.

— Нет, мама.

— Тогда почему такая печальная музыка?

Ядвига пожимала плечами.

— Не знаю. Просто мне кажется, что она должна звучать именно так.

Мать смотрела на неё с нежностью и лёгкой тревогой.

Всё чаще ей казалось, что младшая дочь не сумеет довольствоваться той жизнью, которую родители считали для неё правильной.

Однажды зимним вечером, когда Ядвиге было около семнадцати лет, Владислав собрал семью в гостиной.

Он выглядел необычайно довольным.

— У меня для вас хорошая новость, — объявил он, устраиваясь в любимом кресле. — Весной мы отправимся в Вену.

Зофья радостно всплеснула руками.

— Папа! Неужели правда?

— Разумеется. У меня там деловые встречи, а вы сможете немного развлечься.

Мария улыбнулась.

— Девочкам полезно увидеть свет.

— Особенно Ядвиге, — добавил Станислав, усмехнувшись. — Может быть, после этого она перестанет мечтать о побеге из дома.

— Я не собираюсь убегать, — возразила сестра.

— Конечно. Ты просто каждый день говоришь, что тебе тесно в нашем имении.

— Я говорю, что мир гораздо больше нашего имения.

Станислав рассмеялся.

— Вот видите, отец? Опять философствует!

Владислав покачал головой.

— Мир действительно велик, Ядвига. Но человеку необходимо помнить, где его место.

Девушка опустила глаза.

Она уже знала, что спорить бесполезно.

Однако в ту ночь долго не могла уснуть.

Вена!

Город музыки, о котором она столько читала.

Она подошла к окну.

За стеклом медленно падал снег. Старые липы стояли неподвижно, а дорожки сада исчезали под белым покрывалом.

Ядвига прижала ладонь к холодному стеклу и улыбнулась.

Ей казалось, что впереди её ждёт что-то необыкновенное.

Она ещё не знала, что именно эта поездка однажды изменит всю её жизнь.

И что человек, которого ей предстояло встретить, заставит её выбирать между любовью и семьёй, между привычным благополучием и неизвестностью.

А далеко за пределами тихого польского имения молодой русский музыкант готовился к своему первому большому европейскому выступлению.

Их дороги ещё не пересеклись.

Но до встречи оставалось совсем немного времени.

Глава вторая. Мелодия первой встречи

Весна в Вене наступила раньше, чем в родном имении Вишневских.

Когда их экипаж въехал на одну из оживлённых городских улиц, Ядвига не могла оторваться от окна. Перед ней проплывали величественные здания, витрины магазинов, нарядные дамы под кружевными зонтиками. По мостовой стучали копыта лошадей, звенели колокольчики трамваев, а воздух был наполнен тем особенным шумом большого города, в котором каждый спешил по своим делам.

— Ядвига, дорогая, ты так высунешься из окна, что потеряешь шляпку, — с улыбкой заметила Мария.

Девушка послушно откинулась на сиденье.

— Мама, здесь всё такое красивое! Даже люди будто куда-то торопятся с удовольствием.

Станислав рассмеялся.

— Поверь, сестрёнка, большинство из них торопится на работу.

— Но ведь можно торопиться на работу с удовольствием!

— Можно, — согласился брат. — Только я пока таких счастливцев встречал нечасто.

Зофья поправила перчатки.

— А меня больше интересует, когда мы отправимся по магазинам.

— Завтра, — ответила мать. — А сегодня всем необходимо отдохнуть с дороги.

Но Ядвига уже заметила на одной из афиш объявление о концерте.

Её сердце радостно забилось.

Вечером следующего дня в одном из концертных залов должны были выступать молодые музыканты из разных европейских стран.

И среди них — русский скрипач.

Владислав не сразу согласился на посещение концерта.

— Мы приехали не только развлекаться, — напомнил он за ужином.

— Но ведь ты сам говорил, что мы увидим Вену! — возразила Ядвига.

— Увидеть Вену и проводить каждый вечер в театре — не одно и то же.

— Папа, я прошу всего один вечер.

Станислав, наблюдавший за сестрой с явным удовольствием, неожиданно вступился:

— Отец, я тоже хотел бы послушать этот концерт. Говорят, там выступают весьма талантливые исполнители.

Владислав посмотрел на сына.

— И ты туда же?

— Исключительно ради искусства.

Мария не удержалась от улыбки.

— Владислав, уступи детям. Мы ведь и сами давно не были на хорошем концерте.

Глава семьи вздохнул.

— Что ж, хорошо. Но завтра утром я не желаю слышать жалоб на усталость.

Ядвига вскочила из-за стола и поцеловала отца в щёку.

— Спасибо, папочка!

— Вот ведь хитрая лисица, — пробормотал он, но глаза его потеплели.

Концертный зал был залит мягким светом люстр.

Дамы в вечерних платьях переговаривались вполголоса, мужчины рассматривали программки, музыканты за кулисами готовились к выступлению.

Ядвига сидела рядом с матерью и внимательно следила за сценой.

Первые исполнители были хороши. Она искренне аплодировала пианисту, восхищалась певицей, но всё время ждала выступления скрипача.

Наконец ведущий объявил:

— Александр Воронцов. Россия.

На сцену вышел молодой человек лет двадцати пяти.

Высокий, стройный, с тёмными волосами и немного усталым лицом. Его концертный костюм был безупречно чист, но лишён той дорогой изысканности, к которой привыкла Ядвига.

Он поклонился публике, поднял скрипку к плечу.

И заиграл.

С первых звуков девушка забыла обо всём.

Музыка была нежной, почти печальной. Казалось, скрипка рассказывала о далёкой дороге, о тоске по родному дому, о чьей-то несбывшейся мечте.

Ядвига слушала, не шелохнувшись.

Она не знала, что именно пережил этот молодой человек, но почему-то ей казалось, будто она понимает каждую ноту.

Александр играл с закрытыми глазами.

Потом, на мгновение подняв взгляд, посмотрел в зал.

И увидел её.

Девушку в светло-голубом платье, с тёмными волосами, собранными на затылке, и необыкновенно внимательными серыми глазами.

Она смотрела не просто на музыканта.

Она словно слушала его самого.

На короткое мгновение их взгляды встретились.

Александр едва заметно улыбнулся.

И продолжил играть.

После концерта Ядвига долго не могла прийти в себя.

— Он был великолепен! — повторяла она, пока семья выходила из зала. — Вы слышали, как он исполнил последнюю часть?

— Прекрасный музыкант, — согласилась Мария.

— Несомненно талантливый, — заметил Владислав. — Хотя ему ещё предстоит сделать себе имя.

Ядвига хотела возразить, но промолчала.

У выхода их задержал знакомый Владислава, венский коммерсант, с которым тот собирался встретиться по делам.

Пока мужчины разговаривали, Ядвига отошла к большому окну.

За стеклом мерцали вечерние огни.

— Простите, сударыня…

Она обернулась.

Перед ней стоял тот самый скрипач.

Вблизи он оказался ещё моложе, чем выглядел на сцене. В его тёмных глазах было что-то одновременно серьёзное и немного смущённое.

— Мне показалось, что вам понравилось выступление, — сказал он по-французски.

Ядвига улыбнулась.

— Очень. Особенно последняя мелодия.

— Вы её знаете?

— Нет. Но мне показалось, что я уже когда-то её слышала.

Александр удивлённо посмотрел на неё.

— Странно. Я сам её написал.

— Тогда, наверное, вы сумели выразить то, что чувствуют многие люди, но не умеют сказать словами.

Он помолчал.

— Это самый необычный комплимент, который мне когда-либо делали.

Ядвига слегка покраснела.

— Простите, я не хотела показаться слишком смелой.

— Напротив. Я благодарен вам.

Он представился.

— Александр Воронцов.

— Ядвига Вишневская.

Услышав фамилию, молодой человек вежливо склонил голову.

— Очень приятно, панна Ядвига.

Они заговорили о музыке.

О любимых композиторах, о Вене, о том, как по-разному люди слышат одну и ту же мелодию.

Ядвига впервые встретила человека, с которым могла говорить о музыке не как об обязательном светском искусстве, а как о чём-то живом и необходимом.

Александр же с удивлением обнаружил, что эта юная дворянка не только прекрасно образованна, но и обладает собственным мнением, которое не боится высказывать.

Разговор прервал Станислав.

— Ядвига, отец нас ждёт.

Она обернулась.

— Уже иду.

Александр поклонился.

— Был счастлив познакомиться.

— И я.

Она сделала несколько шагов, потом остановилась.

— Господин Воронцов!

Он повернулся.

— Да?

— Вы ещё будете выступать в Вене?

— Через неделю. А потом уезжаю в Прагу.

— Желаю вам успеха.

— Благодарю.

Он хотел добавить что-то ещё, но Ядвига уже спешила к брату.

Всю дорогу до гостиницы она молчала.

Зофья несколько раз пыталась завести разговор о концерте, но младшая сестра отвечала рассеянно.

Мария заметила её задумчивость.

— Ты устала, дорогая?

— Немного, мама.

Это была неправда.

Ядвига совершенно не чувствовала усталости.

Она снова и снова вспоминала музыку, разговор у окна и тёмные глаза молодого скрипача.

Александр Воронцов.

Она мысленно повторила его имя.

И вдруг поймала себя на том, что улыбается.

На следующий день Александр тоже не мог забыть девушку в голубом платье.

Он пытался убедить себя, что это всего лишь приятное знакомство.

Подобные встречи нередко случались после концертов. Молодые дамы благодарили музыкантов, восхищались их игрой, иногда присылали цветы.

Но Ядвига отличалась от других.

Она не спрашивала, сколько концертов он дал и какие известные люди ему аплодировали.

Она спросила, почему его музыка такая печальная.

И этот вопрос почему-то не выходил у него из головы.

Через несколько дней судьба подарила им новую встречу.

Владислав Вишневский был приглашён на музыкальный вечер в дом одного из своих деловых знакомых. Хозяева собрали небольшой круг гостей, а среди приглашённых исполнителей оказался Александр.

Когда Ядвига увидела его возле рояля, сердце её радостно дрогнуло.

Он тоже заметил её почти сразу.

На этот раз они разговаривали дольше.

Александр рассказал о России, о своей семье, о первых уроках музыки. Его отец служил преподавателем, мать умерла, когда он был ещё ребёнком. Скрипка досталась ему от деда, и с тех пор он почти не расставался с ней.

— Значит, она для вас не просто инструмент? — спросила Ядвига.

— Нет. Иногда мне кажется, что это единственная вещь, которая всегда оставалась со мной.

— А люди?

Александр улыбнулся.

— Люди приходят и уходят.

— Не все, — тихо сказала девушка.

Он внимательно посмотрел на неё.

— Вы в этом уверены?

Ядвига не сразу ответила.

— Мне очень хочется в это верить.

Весенние дни летели быстро.

Вишневские готовились возвращаться домой.

Александр должен был отправиться в Прагу, затем в Берлин, где его ожидали новые выступления.

Накануне отъезда они встретились ещё раз — на небольшом дневном музыкальном приёме, куда были приглашены обе семьи.

Теперь между ними уже не было прежней неловкости.

Они говорили о книгах, путешествиях, детстве.

Ядвига рассказала о своём доме, о липовой аллее и старом рояле, за которым любила играть по вечерам.

— Я бы хотел однажды услышать вашу игру, — сказал Александр.

— Боюсь, после ваших концертов моя музыка покажется вам слишком простой.

— Простая музыка иногда бывает самой искренней.

Она улыбнулась.

Потом спросила:

— Вы надолго уезжаете?

— Не знаю. Возможно, на несколько месяцев.

— А потом?

— Потом вернусь в Россию. Но, может быть, ещё приеду в Европу.

Ядвига опустила глаза.

Впервые она почувствовала, как неприятно может звучать слово «возможно».

Александр помолчал.

— Панна Ядвига, позволите задать вам вопрос?

— Конечно.

— Могу ли я написать вам?

Она подняла голову.

— Написать?

— Да. Иногда. Если вы не сочтёте это неприличным.

Ядвига почувствовала, как вспыхнули щёки.

В их кругу переписка молодой незамужней девушки с мужчиной требовала осторожности. Особенно если знакомство было столь недавним. Но ей не хотелось прощаться навсегда.

— Вы можете писать, — наконец сказала она. — Только письма должны быть такими, чтобы я могла без смущения показать их матери.

Александр улыбнулся.

— Обещаю.

— И никаких пустых комплиментов.

— Даже если они будут совершенно искренними?

— Особенно тогда.

Они оба рассмеялись.

Но за этим смехом скрывалось нечто новое, ещё не названное.

Утром Вишневские покинули Вену.

Ядвига долго смотрела из окна экипажа на удаляющиеся улицы.

Ей казалось, что в этом городе осталось что-то очень важное.

Она ещё не называла своё чувство любовью.

Слишком мало они знали друг друга.

Но впервые в жизни ей хотелось, чтобы кто-то дал обещание и обязательно его исполнил.

Александр в тот же день отправился в Прагу.

В дорожном чемодане среди нот и концертных принадлежностей лежал небольшой лист бумаги.

На нём было написано:

«Дорогая панна Ядвига!

Сегодня я впервые за долгое время почувствовал, что мне трудно покидать город не из-за музыки и не из-за незавершённых дел.

В Вене остался человек, с которым мне хотелось бы продолжить разговор.

Вы сказали, что люди не всегда уходят навсегда. Мне хочется верить, что вы правы.

Ваш искренне преданный Александр Воронцов».

Он перечитал написанное, задумался и аккуратно сложил письмо.

Впереди его ждали новые города, концерты, незнакомые лица.

А где-то далеко, в польском имении, девушка с серыми глазами ещё не знала, что совсем скоро получит первое письмо, которое будет хранить всю жизнь.

Глава третья. Между строк

Письмо пришло в четверг.

Ядвига запомнила этот день на всю жизнь, хотя утром ничто не предвещало ничего необычного.

В имении Вишневских всё шло своим чередом. Владислав с утра уехал осматривать дальние поля, Мария занималась хозяйством, а Зофья готовилась к приезду гостей из соседнего имения.

Ядвига сидела у окна гостиной и пыталась читать французский роман.

За полчаса она перевернула всего две страницы.

С тех пор как семья вернулась из Вены, девушка с удивлением замечала, что привычная жизнь словно утратила часть своих красок.

Сад был всё таким же красивым. Рояль звучал так же чисто. За обеденным столом Станислав по-прежнему поддразнивал сестёр.

Но иногда, услышав случайную мелодию, Ядвига вдруг вспоминала концертный зал, молодого скрипача и его немного грустную улыбку.

Она сердилась на себя за эти воспоминания.

Ну что особенного произошло? Познакомилась с человеком. Поговорила. И только.

И всё-таки каждый раз, когда приносили почту, сердце её начинало биться чуть быстрее.

В тот четверг слуга вошёл в гостиную с небольшим подносом.

— Почта, пани Мария.

Мать отложила рукоделие и принялась просматривать конверты.

— Владиславу… Станиславу… Зофье…

Ядвига опустила глаза в книгу.

— А это, кажется, тебе, дорогая.

Она подняла голову.

На подносе лежал небольшой конверт с иностранными марками.

Из Праги.

Ядвига почувствовала, как вспыхнули щёки.

— Мне?

— Тебе. От какого-то Александра Воронцова.

Мария внимательно посмотрела на дочь.

— Это тот молодой музыкант, с которым ты познакомилась в Вене?

— Да, мама.

— Он обещал написать?

— Я разрешила ему.

Мать помолчала, затем протянула конверт.

— Что ж, прочти. Надеюсь, молодой человек помнит о приличиях.

— Конечно, мама.

Ядвига взяла письмо и постаралась не выдать волнения.

Но пальцы дрожали.

Она не стала читать письмо при матери.

Поднялась к себе, закрыла дверь и подошла к окну.

За стеклом цвели яблони.

Ядвига осторожно вскрыла конверт.

Почерк был ровным, немного наклонённым вправо. В нескольких местах буквы соединялись торопливо, словно автор боялся не успеть записать мысль.

Она прочла письмо один раз.

Потом второй.

А на третий уже знала его почти наизусть.

Особенно долго смотрела на слова:

«В Вене остался человек, с которым мне хотелось бы продолжить разговор».

Ядвига улыбнулась.

Он не писал о любви. Не обещал ничего невозможного. Даже не сделал ни одного комплимента её внешности.

И всё же в этих простых строках было столько искреннего тепла, что ей захотелось немедленно ответить.

Она села за письменный стол, достала чистый лист бумаги.

Написала:

«Уважаемый господин Воронцов!»

Посмотрела на обращение.

Слишком холодно.

Взяла другой лист.

«Дорогой Александр!»

Покраснела.

Слишком смело.

Она отложила перо, прошлась по комнате и рассмеялась над собой.

— Господи, Ядвига! Ты ведь умеешь писать письма!

Но прежде ей никогда не приходилось так тщательно выбирать каждое слово.

Наконец она вернулась к столу.

И начала снова.

«Дорогой господин Воронцов!

Ваше письмо стало для меня приятной неожиданностью. Признаюсь, я опасалась, что после стольких новых городов и встреч вы забудете наш разговор.

Вы спрашиваете, всегда ли люди уходят навсегда. Думаю, это зависит не от расстояния, а от того, хотят ли они помнить друг друга.

Я по-прежнему играю на нашем старом рояле. Иногда пытаюсь вспомнить мелодию, которую вы исполнили в Вене. Но, к сожалению, память не способна заменить ноты.

Если вы когда-нибудь запишете её, я буду счастлива попробовать сыграть.

Желаю вам успеха на концертах.

С искренним уважением, Ядвига Вишневская».

Она перечитала написанное.

Всё было прилично. Сдержанно. Никаких лишних чувств.

И только последняя фраза показалась ей слишком официальной.

Ядвига взяла перо и дописала:

«И ещё… Мне тоже хотелось бы продолжить наш разговор».

Вот теперь письмо стало настоящим.

Ответ Александра пришёл почти через три недели.

За это время Ядвига успела несколько раз пожалеть о своей последней фразе.

Зачем я это написала? Вдруг он решит, что я слишком настойчива?

Но когда она увидела знакомый почерк, все сомнения исчезли.

Александр писал из Берлина.

Он рассказывал о концертах, о старом городе, о музыкантах, с которыми познакомился, о трудностях бесконечных переездов.

А в конце добавил:

«Вы просили ноты моей мелодии. Я попытался записать её так, как исполнял в тот вечер. Но мне кажется, теперь она звучит немного иначе. Возможно, потому, что у неё появился слушатель, для которого мне особенно хочется её сыграть».

К письму были приложены несколько листов нотной бумаги.

Ядвига прижала их к груди.

В тот же вечер она села за рояль.

Мелодия оказалась сложнее, чем ей запомнилось. Некоторые переходы требовали особенной мягкости, а в середине произведения неожиданно появлялась светлая, почти радостная тема.

Ядвига играла снова и снова.

Наконец в гостиную вошла Мария.

— Какое красивое произведение! Я раньше его не слышала.

— Это сочинение Александра Воронцова.

Мать остановилась.

— Он прислал тебе ноты?

— Да.

Мария присела рядом.

Некоторое время слушала молча.

— Талантливый молодой человек, — наконец произнесла она.

Ядвига улыбнулась.

— Очень.

Мать посмотрела на дочь.

— Только помни, дорогая: музыка умеет говорить с сердцем. Но человека нужно узнавать не только по его музыке.

Ядвига перестала играть.

— Я знаю, мама.

— Надеюсь.

Мария погладила её по плечу и вышла.

А Ядвига ещё долго сидела перед клавишами.

Слова матери почему-то запомнились ей.

Лето сменилось осенью.

Письма продолжали приходить.

Иногда между ними проходили недели. Александр много путешествовал, выступал, репетировал, нередко возвращался в гостиницу глубокой ночью.

Ядвига рассказывала ему о жизни в имении.

О том, как Станислав поссорился с управляющим из-за неудачной закупки зерна. Как Зофья получила предложение руки и сердца от молодого дворянина из соседнего уезда. Как осенний ветер сорвал с крыши старой оранжереи несколько черепиц. Александр смеялся над её рассказами и однажды написал:

«Кажется, я уже знаю всех обитателей вашего дома, хотя ни разу там не был. Особенно вашего брата. Судя по письмам, он человек серьёзный, но любит подшучивать над вами. Передайте ему, что однажды я непременно отвечу ему тем же».

Ядвига прочла эти строки Станиславу.

Тот расхохотался.

— Вот как? Значит, ваш музыкант уже собирается со мной состязаться?

— Он не мой музыкант!

— Разумеется. Просто пишет тебе каждые две недели.

— Станислав!

— Всё, молчу!

Но, уходя, брат неожиданно остановился.

— Ядвига…

— Что?

Он посмотрел на неё уже без улыбки.

— Ты ведь понимаешь, что отец не одобрит слишком близкого знакомства?

Она опустила глаза.

— Мы только переписываемся.

— Пока.

Ядвига ничего не ответила.

Станислав подошёл и ласково коснулся её плеча.

— Я не хочу тебя огорчать. Просто будь осторожна.

С наступлением зимы письма стали откровеннее.

Не в признаниях — их по-прежнему не было.

Но Александр всё чаще рассказывал о себе.

О том, как трудно бывает выходить на сцену, когда болен или устал. О страхе не оправдать надежд. О постоянной необходимости доказывать своё право заниматься музыкой.

Однажды он написал:

«Вы, наверное, думаете, что жизнь музыканта состоит из аплодисментов и цветов. Но иногда после концерта возвращаешься в пустую комнату и понимаешь, что поговорить о прожитом дне совершенно не с кем.

Странно, но теперь в такие вечера я мысленно рассказываю обо всём вам.

А потом сажусь писать настоящее письмо».

Ядвига долго держала этот лист в руках.

Ей захотелось ответить немедленно.

Но впервые она не знала, как выразить то, что чувствовала.

Наконец написала:

«Дорогой Александр!

Мне грустно думать, что вы иногда чувствуете себя одиноким. Но разве расстояние обязательно делает людей чужими? Когда я получаю ваши письма, мне кажется, что мы только вчера сидели у окна в Вене и разговаривали о музыке.

А иногда я ловлю себя на том, что хочу рассказать вам какую-нибудь мелочь и лишь потом вспоминаю, как далеко вы находитесь.

Наверное, это и есть настоящая дружба.

Во всяком случае, мне очень хочется так думать».

Она поставила подпись.

А потом долго смотрела на слово «дружба».

Почему-то оно показалось ей слишком маленьким для того чувства, которое постепенно поселилось в её сердце.

Весной следующего года Александр неожиданно перестал писать.

Прошла неделя.

Другая.

Месяц.

Ядвига сначала пыталась не обращать внимания.

Наверное, гастроли. Наверное, занят.

Но письма не было.

Она всё чаще задерживалась возле окна, выходившего на подъездную аллею.

Каждый раз, когда в дом приносили почту, сердце её тревожно сжималось.

Однажды Зофья осторожно спросила:

— Ты ждёшь письма?

— Нет.

— Ядвига…

— Ну хорошо, жду.

Зофья обняла сестру.

— Может быть, он просто занят.

— Конечно.

Но в голосе Ядвиги не было уверенности.

Впервые за всё время их переписки она почувствовала, насколько беспомощным может быть человек, когда не знает, что происходит с тем, кто ему дорог.

Александр не обещал ей любви.

Она не давала ему никаких обещаний.

И всё-таки его молчание причиняло боль.

Письмо пришло в начале июня.

Конверт был помят, почерк неровен.

Ядвига вскрыла его прямо в прихожей.

«Дорогая Ядвига!

Простите меня за долгое молчание.

Я тяжело заболел во время поездки. Несколько недель провёл в постели и только недавно смог снова взять в руки скрипку.

Не хотел тревожить вас, пока сам не знал, чем всё закончится.

Теперь мне лучше. Врач обещает, что скоро я смогу вернуться к выступлениям.

Я много думал за это время.

Особенно о том, как странно устроена человеческая жизнь. Иногда человек, которого ты видел всего несколько раз, становится тебе ближе многих, кого знаешь годами.

Я очень скучал по нашим письмам.

И по вам.

Ваш Александр».

Ядвига перечитала последние строки.

Потом ещё раз.

И вдруг почувствовала, как по щекам покатились слёзы.

Не от обиды.

От облегчения.

Он жив.

Он помнит.

Он скучал.

Она прижала письмо к груди и впервые позволила себе произнести то, в чём боялась признаться даже самой себе:

— Я тоже скучала, Александр…

За окном шумел летний дождь.

А где-то далеко молодой музыкант, ещё не оправившийся после болезни, сидел возле открытого окна и ждал ответа.

Он не знал, что его письмо уже прочитано.

И что девушка, которую он встретил однажды весенним вечером в Вене, теперь боялась потерять его гораздо сильнее, чем могла признаться.

Глава четвёртая. Когда расстояние исчезает

В конце лета в имении Вишневских установилась необыкновенно тёплая погода.

Дни ещё были длинными, но по утрам над полями уже стелился лёгкий туман, а в саду всё чаще пахло спелыми яблоками.

Ядвига сидела на террасе и читала письмо Александра.

После болезни он постепенно вернулся к выступлениям. Поначалу играл немного, быстро уставал, но с каждым месяцем силы возвращались. Теперь его пригласили участвовать в нескольких концертах в Кракове.

«Дорогая Ядвига!

Мне предстоит провести в Кракове почти две недели. Если обстоятельства позволят вам приехать, я был бы счастлив снова увидеться.

За прошедший год мы написали друг другу столько писем, что иногда мне кажется, будто я знаю вас всю жизнь. Но я всё чаще вспоминаю, как звучит ваш голос. Возможно, мы сумеем наконец продолжить тот разговор, который начали в Вене.

Ваш Александр».

Ядвига перечитала последние строки и медленно сложила письмо.

Краков.

Всего несколько часов пути.

Он будет так близко!

Она поднялась и прошлась по террасе, стараясь успокоить волнение.

Попросить отца разрешить поездку? Но как объяснить её необходимость?

И вдруг вспомнила, что Зофья уже несколько недель говорила о желании навестить свою подругу, недавно вышедшую замуж и поселившуюся неподалёку от Кракова.

Ядвига улыбнулась.

Возможно, судьба снова решила ей помочь.

— В Краков? — переспросил Владислав за обедом.

Зофья кивнула.

— Да, папа. Я давно обещала Анеле приехать. Она несколько раз приглашала меня.

— И непременно сейчас?

— Почему бы и нет? Лето заканчивается, а потом начнутся осенние заботы.

Ядвига старательно смотрела в тарелку.

Станислав, сидевший напротив, заметил её необычную молчаливость.

— А ты что скажешь, сестрёнка? — спросил он.

— О чём?

— О поездке. Обычно ты первая собираешь чемоданы.

— Я с удовольствием составила бы Зофье компанию.

Станислав внимательно посмотрел на неё.

— Вот как…

В его голосе прозвучало что-то подозрительно весёлое.

Мария вмешалась:

— Думаю, девочкам будет полезно немного развеяться. Тем более Анеля приглашает их с мужем.

Владислав пожал плечами.

— Если Станислав сможет вас сопровождать, я не возражаю.

Ядвига едва удержалась, чтобы не улыбнуться.

Но брат, похоже, уже обо всём догадался.

Вечером Станислав застал сестру в саду.

Она стояла возле старой липы и рассматривала последние цветы на клумбе.

— Ну что, Ядвига, — начал он, — расскажешь мне, почему вдруг так полюбила Краков?

Она обернулась.

— Я всегда любила путешествовать.

— Несомненно. Особенно в города, где выступают русские скрипачи.

Ядвига покраснела.

— Станислав!

Брат рассмеялся.

— Не сердись. Я ведь не слепой.

Она помолчала.

— Ты расскажешь отцу?

Улыбка исчезла с его лица.

— А что именно я должен ему рассказать?

Ядвига опустила глаза.

— Что я хочу увидеть Александра.

Станислав некоторое время молчал.

— Ты уверена, что это хорошая идея?

— Я хочу с ним поговорить. Разве это плохо?

— Нет. Но ты понимаешь, что отец не одобрит такого знакомства.

— Я ничего дурного не делаю.

— Знаю.

Брат подошёл ближе.

— Послушай, Ядвига. Я не собираюсь мешать тебе. Но прошу об одном: не принимай никаких серьёзных решений, пока не узнаешь этого человека по-настоящему.

Она подняла на него глаза.

— Именно поэтому я и хочу его увидеть.

Станислав вздохнул.

— Ты стала очень рассудительной.

— У меня хороший старший брат.

— Вот теперь я окончательно убедился, что тебе от меня что-то нужно!

Они рассмеялись.

А потом Станислав неожиданно обнял сестру.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива, Ядвига. Только не позволяй сердцу совсем заглушить разум.

В Краков они приехали ясным сентябрьским утром.

Анеля встретила гостей радушно. Её муж, молодой адвокат, оказался большим любителем музыки и с удовольствием сообщил, что через два дня состоится концерт приезжих исполнителей.

— Говорят, среди них есть очень талантливый русский скрипач, — заметил он.

Зофья бросила на сестру быстрый взгляд.

Ядвига сделала вид, что рассматривает картину на стене.

Станислав едва заметно улыбнулся.

Вечером он отвёл Ядвигу в сторону.

— Я договорился с хозяином дома. После концерта нас представят музыкантам.

— Правда?

— Правда. Только прошу тебя, не смотри на меня так, будто я совершил подвиг.

Ядвига обняла брата.

— Ты самый лучший!

— Разумеется. Только почему-то вспоминаешь об этом исключительно перед поездками и концертами.

В день выступления Ядвига проснулась раньше всех.

Она долго выбирала платье.

Сначала достала светлое, потом решила, что оно слишком нарядное. Выбрала тёмно-зелёное, но оно показалось ей чересчур строгим.

Наконец остановилась на нежно-кремовом платье с тонкой вышивкой у воротника.

Зофья, наблюдавшая за приготовлениями, не выдержала:

— Ядвига, ты собираешься на концерт или на собственную свадьбу?

— Зофья!

— Что? Я всего лишь спросила.

Сестра подошла к ней и поправила выбившийся локон.

— Ты очень красивая. И если твой музыкант не заметит этого, значит, он совершенно ничего не понимает в прекрасном.

— Он не мой музыкант.

— Конечно, дорогая. Мы все это уже давно знаем.

Александр стоял за кулисами и настраивал скрипку.

После болезни он стал немного худее. Лицо приобрело более строгие черты, а в движениях появилась осторожность, которой прежде не было.

Он знал, что Ядвига приехала.

Она написала ему за несколько дней до концерта.

С тех пор он несколько раз ловил себя на том, что волнуется гораздо сильнее, чем перед самым ответственным выступлением.

А вдруг она изменилась?

А вдруг за этот год придумала себе совсем другого человека?

Он вспомнил их первую встречу.

Девушка в голубом платье. Серые глаза. Неожиданный вопрос о его музыке.

А потом — письма.

Столько писем, что он уже не представлял своей жизни без них.

— Александр, вы готовы? — спросил распорядитель.

— Да.

Он взял скрипку.

И вышел на сцену.

Ядвига увидела его сразу.

Сердце болезненно сжалось от радости.

Он изменился.

Стал серьёзнее, немного похудел. Но когда поднял скрипку к плечу, она узнала каждое движение.

Александр поклонился публике.

На мгновение его взгляд скользнул по залу.

И остановился на ней.

Ядвига улыбнулась.

Он едва заметно кивнул.

А потом заиграл.

Она слушала, почти не дыша.

Теперь его музыка звучала иначе.

В ней появилась какая-то новая глубина, словно пережитая болезнь и одиночество оставили след не только в душе, но и в каждом звуке.

И вдруг Ядвига услышала знакомую мелодию.

Ту самую.

Которую он прислал ей в нотах.

Она невольно прижала руку к груди.

Александр играл её медленно, бережно, словно боялся спугнуть что-то очень дорогое.

И Ядвига поняла: он помнит.

Помнит всё.

После концерта они встретились в небольшой гостиной, куда хозяева пригласили музыкантов и гостей.

Ядвига увидела Александра у окна.

Он разговаривал с пожилым господином, но, заметив её, сразу извинился и направился навстречу.

Они остановились друг перед другом.

И неожиданно оба смутились.

Столько писем.

Столько мыслей.

Столько невысказанного.

А теперь оказалось, что простое приветствие произнести труднее всего.

— Панна Ядвига…

— Александр…

Он улыбнулся.

— Вы совсем не изменились.

Она покачала головой.

— Неправда. Я стала старше на целый год.

— Тогда я, должно быть, состарился ещё сильнее.

Они рассмеялись.

И напряжение немного исчезло.

— Как ваше здоровье? — спросила Ядвига.

— Гораздо лучше.

— Вы уверены?

— Теперь совершенно. Особенно сегодня.

Она покраснела.

— Вы обещали не говорить пустых комплиментов.

— А я и не говорю пустых.

Некоторое время они молчали, улыбаясь друг другу.

Потом Александр тихо произнёс:

— Как же я рад вас видеть.

Ядвига подняла глаза.

— И я.

На следующий день они встретились снова.

Не наедине — вместе со Станиславом, Зофьей и несколькими знакомыми отправились гулять по городу.

Осеннее солнце освещало старые здания, на площадях торговали цветами, возле небольших кафе собирались посетители.

Ядвига и Александр шли немного позади остальных.

Сначала говорили о пустяках.

О погоде, концерте, дороге.

Потом разговор постепенно стал серьёзнее.

— Вы часто бываете дома? — спросила Ядвига.

— Реже, чем хотелось бы.

— А где ваш дом?

Александр задумался.

— Хороший вопрос.

Она удивлённо посмотрела на него.

— Разве у вас нет дома?

— Есть небольшая квартира в России. Но большую часть года я провожу в дороге. Иногда мне кажется, что мой настоящий дом — там, где стоит чемодан со скрипкой.

Ядвига помолчала.

— Наверное, это очень одинокая жизнь.

— Иногда.

— А вам никогда не хотелось всё изменить?

Он посмотрел на неё.

— Последнее время всё чаще.

Она почувствовала, как сердце забилось быстрее.

Но Александр продолжил:

— Только я пока не знаю, как это сделать. Музыка — моя работа. Если перестану выступать, не смогу себя содержать.

— Вы могли бы преподавать.

— Мог бы. Но тогда пришлось бы отказаться от многого, к чему я стремился годами.

Ядвига задумалась.

В письмах Александр рассказывал о трудностях, но сейчас впервые она ясно представила его жизнь.

Не только концерты и аплодисменты.

Постоянные переезды. Усталость. Неуверенность в завтрашнем дне.

И вдруг поняла, что прежде почти не задумывалась, насколько трудно было бы разделить с ним такую судьбу.

Вечером они снова разговаривали.

На этот раз в гостиной дома Анели, где Александр был приглашён к ужину вместе с другими гостями.

Когда разговор за столом перешёл к путешествиям, один из присутствующих заметил:

— Музыкантам, должно быть, завидуют все. Сегодня Вена, завтра Берлин, послезавтра Париж!

Александр улыбнулся.

— Иногда я и сам себе завидую. Особенно когда приходится ночевать в холодной гостинице или ехать всю ночь в переполненном вагоне.

Гости рассмеялись.

— Но ведь вы свободны! — воскликнула молодая дама.

— Свобода хороша, когда знаешь, куда возвращаться, — неожиданно ответил он.

Ядвига подняла глаза.

Их взгляды встретились.

Никто за столом не заметил этого короткого мгновения.

Кроме Станислава.

В последний день пребывания Александра в Кракове им удалось немного поговорить в саду.

Неподалёку, на террасе, сидели Зофья и Анеля. Их голоса доносились сквозь открытые окна.

Ядвига и Александр медленно шли по дорожке.

Листья тихо шуршали под ногами.

— Завтра вы уезжаете? — спросила она.

— Да. Сначала в Варшаву, потом, вероятно, в Россию.

— Надолго?

— Пока не знаю.

Ядвига остановилась возле старой скамьи.

— Как странно…

— Что именно?

— Когда мы встретились в Вене, мне казалось, что впереди целая вечность. А теперь снова приходится прощаться.

Александр долго смотрел на неё.

— Ядвига, можно я скажу вам кое-что?

— Конечно.

— За этот год вы стали очень важным человеком в моей жизни.

Она опустила глаза.

Он продолжил:

— Я не хочу говорить красивых слов, за которыми ничего не стоит. И не хочу обещать того, в чём пока не уверен.

— Я понимаю.

— Но я знаю одно: мне уже недостаточно только ваших писем.

Ядвига подняла голову.

— Мне тоже, Александр.

Он осторожно взял её руку.

Она не отняла.

Несколько мгновений они стояли молча.

Потом Александр тихо спросил:

— Вы могли бы когда-нибудь представить свою жизнь далеко от родного дома?

Ядвига вздрогнула.

Вопрос оказался неожиданным.

Она посмотрела на него.

— Я не знаю.

Это был честный ответ.

Александр медленно отпустил её руку.

— Простите. Я не должен был спрашивать.

— Нет, — возразила она. — Должны.

Он удивился.

Ядвига продолжила:

— Просто я никогда всерьёз об этом не думала. Я люблю свою семью. Свой дом. Но…

Она замолчала.

— Но? — тихо переспросил Александр.

— Последний год я всё чаще думаю о человеке, который живёт очень далеко.

Он улыбнулся.

Ядвига тоже.

— Мне нужно время, Александр.

— Я понимаю.

— И вам тоже.

Он кивнул.

— Да.

Они снова пошли по дорожке.

И впервые между ними возникло не только чувство, но и понимание того, что впереди может оказаться нелёгкий путь.

Наутро Александр уехал.

Ядвига проводила его вместе с братом.

На вокзале было шумно. Пассажиры торопились к вагонам, носильщики переносили чемоданы, над платформой поднимался пар.

Александр пожал руку Станиславу.

— Благодарю вас за гостеприимство.

— Надеюсь, мы ещё увидимся, — ответил тот.

Потом музыкант повернулся к Ядвиге.

Она старалась улыбаться.

— Берегите себя.

— Обещаю.

— И не работайте слишком много.

— Постараюсь.

Он помолчал.

— Я напишу, как только доберусь.

— Я буду ждать.

Раздался свисток.

Александр взял её руку и осторожно коснулся губами кончиков пальцев.

— До свидания, Ядвига.

— До свидания, Александр.

Он поднялся в вагон.

Поезд медленно тронулся.

Ядвига стояла на платформе, пока последний вагон не исчез за поворотом.

Только тогда она опустила руку.

Станислав подошёл ближе.

— Ну что, сестрёнка?

Она посмотрела на него.

— Что?

— Ты счастлива?

Ядвига задумалась.

— Да.

Брат улыбнулся.

— А почему у тебя тогда такие грустные глаза?

Она тихо ответила:

— Потому что счастье иногда приходится отпускать, чтобы однажды встретить снова.

Станислав ничего не сказал.

Только предложил ей руку.

И они медленно пошли к выходу.

Вечером Ядвига вернулась в отведённую ей комнату в доме Анели.

За окном медленно сгущались сумерки. Где-то внизу слышались голоса гостей, негромкий смех Зофьи, звон посуды.

Но Ядвиге хотелось побыть одной.

Она подошла к окну.

Ещё вчера Александр был здесь, в этом городе. Они гуляли по старым улицам, разговаривали, смеялись. А сегодня поезд увёз его далеко, и всё вокруг казалось немного опустевшим.

На столе лежали письма Александра, перевязанные тонкой голубой лентой. Ядвига всегда брала их с собой в поездки.

Она осторожно развязала ленту и достала самое первое письмо.

«В Вене остался человек, с которым мне хотелось бы продолжить разговор…»

Ядвига улыбнулась.

Теперь она знала, как звучит его голос, когда он волнуется. Как он смеётся. Как серьёзно смотрит, когда говорит о будущем.

И знала ещё кое-что.

Она любила его.

Но впервые понимала, что одной любви может оказаться недостаточно.

Ядвига сложила письмо и положила его обратно.

Потом села за стол, достала чистый лист бумаги и начала писать:

«Дорогой Александр!

Через несколько дней мы возвращаемся домой. Там всё будет по-прежнему: старые деревья за окном, наш рояль, знакомые с детства комнаты и голоса родных.

Но мне кажется, что я сама стала немного другой.

Вы спросили, смогла бы я жить далеко от родного дома.

Я пока не знаю ответа.

Но теперь я точно знаю, ради кого мне хочется его найти…»

Она остановилась.

Долго смотрела на последние слова.

Потом медленно сложила письмо.

На этот раз она не стала ничего зачёркивать.

Глава пятая. Испытание тишиной

В родовое имение Ядвига вернулась в начале осени.

Дорога показалась ей необыкновенно долгой. Зофья почти всё время рассказывала о встрече с Анелей, вспоминала гостей, смеялась над забавными историями её мужа. Станислав просматривал какие-то бумаги и лишь изредка вступал в разговор.

Ядвига сидела у окна вагона.

За стеклом проплывали поля, небольшие деревни, рощи, уже тронутые первыми осенними красками.

Она думала об Александре.

Теперь воспоминания о нём были совсем другими.

Прежде она представляла его на сцене — высокого, уверенного, окружённого светом и музыкой. Теперь вспоминала, как он осторожно спускался по лестнице после концерта, как иногда незаметно растирал уставшие пальцы, как задумывался перед ответом, если вопрос касался его будущего.

Она увидела не только талантливого музыканта.

Она увидела человека.

И от этого он стал ей ещё дороже.

— Ты совсем молчаливая, — заметила Зофья.

— Просто устала.

— Конечно, — улыбнулась сестра. — От путешествия.

Ядвига повернулась к ней.

— Зофья, ты когда-нибудь боялась собственного счастья?

Сестра перестала улыбаться.

— Почему ты спрашиваешь?

— Не знаю. Иногда кажется, что стоит только поверить в него, как оно непременно исчезнет.

Зофья некоторое время смотрела на неё.

— Я думаю, счастье исчезает не оттого, что мы в него поверили. А оттого, что иногда не умеем его беречь.

Ядвига задумалась.

— А как его беречь?

— Наверное, прежде всего не обманывать ни себя, ни того, кого любишь.

Она произнесла это спокойно, словно речь шла о чём-то давно понятном.

Но Ядвига запомнила её слова.

Дома всё действительно осталось прежним.

Владислав встретил детей на крыльце. Мария обняла дочерей, расспросила о дороге и сразу распорядилась подавать чай.

За ужином говорили о поездке.

Станислав рассказал о новых знакомых, Зофья — о доме Анели, её маленьком саде и замечательной кухарке.

— А тебе что больше всего понравилось в Кракове? — спросил отец Ядвигу.

Она на мгновение растерялась.

— Музыка, папа.

Владислав улыбнулся.

— Ну разумеется! Я мог бы и не спрашивать.

— Вы были на прекрасном концерте, — добавила Мария. — Зофья уже рассказала мне.

— Там выступал русский скрипач, — заметил Станислав.

Ядвига бросила на брата быстрый взгляд.

— Хороший музыкант? — спросил Владислав.

— Очень талантливый, — ответил Станислав. — И, насколько я мог судить, воспитанный молодой человек.

— Что ж, талант всегда достоин уважения, — сказал отец. — Особенно когда он подкреплён трудом.

Ядвига с облегчением опустила глаза.

Но Мария, сидевшая рядом, едва заметно коснулась её руки.

Мать всё понимала.

Первое письмо Александра пришло через десять дней.

Он благополучно добрался до Варшавы, провёл там два концерта и теперь собирался возвращаться в Россию.

«Дорогая Ядвига!

После нашего прощания я несколько раз ловил себя на странном желании повернуть назад. Разумеется, это было невозможно. У меня обязательства, концерты, люди, которые рассчитывают на моё участие.

И всё же впервые за много лет дорога показалась мне не началом нового приключения, а расставанием с чем-то очень дорогим.

Вы спрашивали, счастлив ли я своей жизнью. Раньше я ответил бы не задумываясь: да.

Теперь понимаю, что счастье бывает разным.

Я люблю музыку. Не могу представить себя без неё. Но всё чаще думаю, что однажды мне захочется возвращаться после концерта не в гостиничный номер, а в дом, где меня ждут.

Простите, если мои слова покажутся вам слишком откровенными.

Ваш Александр».

Ядвига долго сидела над письмом.

Потом достала бумагу.

«Дорогой Александр!

Вы написали о доме, куда хочется возвращаться.

Я всю жизнь прожила в таком доме. Здесь всегда кто-нибудь ждёт меня: мама, отец, брат, сестра. И до недавнего времени мне казалось, что так будет всегда.

Но теперь я начинаю понимать, что однажды у каждого человека появляется желание построить собственный дом.

Только я пока не знаю, какой он должен быть.

Наверное, не так уж важно, большой он или маленький. Главное, чтобы в нём никто не чувствовал себя одиноким.

И чтобы там звучала музыка.

Ваша Ядвига».

Она улыбнулась и поставила точку.

Впервые за долгое время будущее перестало казаться ей чем-то далёким и неопределённым.

У него постепенно появлялись очертания.

Зима наступила рано.

В имении выпал глубокий снег, дороги стали труднопроходимыми, а почта приходила с опозданием.

Александр писал из России.

Он вернулся в небольшой город, где когда-то учился музыке, и начал преподавать несколько дней в неделю. Концертов стало меньше, зато появилось время заниматься собственными сочинениями.

В одном из писем он рассказал о предложении, которое получил от знакомого дирижёра.

Ему предлагали место в оркестре при театре в крупном городе.

Работа обещала постоянный заработок, но требовала отказаться от большей части самостоятельных гастролей.

«Я долго размышляю, — писал Александр. — Ещё год назад не сомневался бы ни минуты и выбрал свободу путешествий. Теперь же постоянная работа кажется мне не уступкой обстоятельствам, а возможностью наконец обрести устойчивость.

Но иногда я боюсь, что, согласившись, потеряю ту часть себя, ради которой столько лет трудился.

Как бы вы поступили на моём месте?»

Ядвига задумалась.

Она могла бы написать, что ему непременно следует принять предложение. Ведь постоянная работа означала надёжность.

Но разве имела она право решать за него?

Несколько дней девушка не отвечала.

Наконец написала:

«Дорогой Александр!

Мне кажется, вы спрашиваете не о работе, а о том, кем хотите остаться.

Я не знаю, какой выбор будет правильным. Но мне бы не хотелось, чтобы однажды вы пожалели о нём и стали считать, будто пожертвовали своей мечтой ради кого-то другого.

Если вы примете предложение, пусть это будет ваше решение.

Если откажетесь, я тоже пойму.

Мне дорог человек, который умеет слышать музыку даже там, где другие слышат только шум.

И я очень не хочу, чтобы он когда-нибудь перестал её слышать».

Ответ пришёл быстрее обычного.

«Дорогая Ядвига!

Вы удивительный человек.

Я просил у вас совета, а вы заставили меня честно ответить самому себе.

Я принял предложение театра. Но договорился, что смогу время от времени выступать с сольными концертами.

Оказывается, иногда вовсе не обязательно выбирать между двумя дорогами. Можно попробовать найти третью.

Спасибо вам.

Ваш Александр».

Ядвига улыбнулась.

Ей было радостно не потому, что Александр выбрал более спокойную жизнь.

А потому, что он сумел принять решение самостоятельно.

Но весной между ними впервые возникло настоящее непонимание.

Началось всё с обычного письма.

Александр рассказывал о своей новой работе, о репетициях, о коллегах.

Среди прочего упомянул молодую певицу, с которой готовил музыкальный вечер.

«Елизавета обладает прекрасным голосом и редким умением чувствовать настроение произведения. Мы много репетируем вместе. Вчера она сказала, что моя новая мелодия звучит так, словно я написал её для кого-то очень дорогого.

Я не стал спорить».

Ядвига перечитала эти строки несколько раз.

Елизавета.

Молодая певица.

Много репетируют вместе.

Она неожиданно почувствовала неприятный укол ревности.

Сама испугалась этого чувства.

Какое я имею право ревновать? Александр ничего мне не обещал.

И всё-таки письмо осталось лежать на столе без ответа.

Прошло несколько дней.

Потом неделя.

Ядвига пыталась заниматься привычными делами, но мысли постоянно возвращались к незнакомой Елизавете.

Она представляла красивую молодую женщину, стоящую рядом с Александром у рояля.

Представляла, как они разговаривают о музыке, смеются, проводят вместе долгие часы.

И чем больше думала, тем сильнее огорчалась.

Наконец она написала короткое письмо.

«Дорогой Александр!

Рада, что ваша работа приносит вам удовлетворение и что рядом находятся люди, разделяющие вашу любовь к музыке.

У нас всё благополучно. Весна в этом году ранняя.

Желаю вам успеха в предстоящем концерте.

С уважением, Ядвига Вишневская».

Она перечитала написанное.

Письмо получилось холодным.

Но переделывать его не стала.

Александр сразу почувствовал перемену.

Он несколько раз перечитал письмо, пытаясь понять, чем мог обидеть Ядвигу.

Потом сел за стол.

«Дорогая Ядвига!

Ваше последнее письмо встревожило меня.

Не знаю, что произошло. Возможно, я невольно сказал что-то неприятное. Возможно, у вас появились заботы, о которых вы не хотите писать.

Но мне очень не хватает нашей прежней откровенности.

Если я чем-то обидел вас, прошу сказать об этом прямо.

Мне легче услышать неприятную правду, чем пытаться угадать причину вашего молчания.

Ваш Александр».

Ядвига получила письмо поздним вечером.

Прочла.

И почувствовала себя виноватой.

Он ничего не скрывал. Напротив, рассказывал ей о своей жизни так, словно она была рядом.

А она наказала его холодностью за собственные подозрения.

Но признаться в ревности оказалось невероятно трудно.

Она несколько раз начинала письмо.

Рвала листы.

Снова бралась за перо.

Наконец написала:

«Дорогой Александр!

Вы ни в чём не виноваты.

Я сама повела себя глупо.

Когда вы написали о молодой певице, с которой работаете, мне вдруг стало неприятно. Я начала придумывать то, чего, возможно, вовсе нет.

Мне стыдно в этом признаваться.

Но вы просили правды.

Вот она.

Я ревновала.

Наверное, это очень некрасивое чувство. Особенно когда человек не имеет права ничего требовать.

Простите меня.

Ваша Ядвига».

Она долго смотрела на письмо.

Потом запечатала конверт.

И впервые за всё время их переписки почувствовала настоящее облегчение ещё до того, как получила ответ.

Александр ответил почти сразу.

«Милая Ядвига!

Я прочитал ваше письмо несколько раз.

И должен признаться: сначала улыбнулся.

Не потому, что ваше огорчение показалось мне смешным. Просто я неожиданно понял, насколько вы мне дороги.

Елизавета — моя коллега. У неё есть жених, молодой врач, который терпеливо ждёт окончания каждой нашей репетиции, чтобы проводить её домой.

Но дело даже не в этом.

Я хочу, чтобы вы знали: за всё время, прошедшее после нашей первой встречи, ни одна женщина не занимала моих мыслей так, как вы.

И если когда-нибудь у вас появится причина сомневаться во мне, пожалуйста, спросите.

Не молчите.

Расстояние и без того отнимает у нас слишком многое. Не стоит помогать ему недоверием.

Ваш Александр».

Ядвига читала письмо, улыбаясь сквозь слёзы.

В тот вечер она долго сидела у рояля.

А потом впервые сыграла мелодию Александра совершенно иначе.

Без прежней робости.

Уверенно, свободно, словно наконец поняла то, чего раньше не могла выразить словами.

Летом Ядвига часто гуляла с отцом.

Владислав любил эти прогулки.

Младшая дочь всегда была его особенной радостью. С детства она задавала бесконечные вопросы, спорила, смеялась, иногда доводила его до отчаяния своей настойчивостью.

Теперь он замечал, что она изменилась.

Стала спокойнее.

Чаще задумывалась.

И иногда смотрела куда-то вдаль так, словно видела не поля и деревья, а совершенно другой мир.

Однажды они остановились возле пруда.

Владислав присел на скамью.

— Ядвига, ты счастлива?

Она удивлённо посмотрела на него.

— Конечно, папа.

— Тогда почему мне кажется, что ты всё время чего-то ждёшь?

Ядвига смутилась.

Отец улыбнулся.

— Я ведь тоже когда-то был молодым.

Она рассмеялась.

— Неужели?

— Представь себе. И даже умел волноваться из-за девушки.

— Из-за мамы?

— Разумеется. Хотя твоя мать долго делала вид, что совершенно ко мне равнодушна.

Ядвига села рядом.

— А ты сразу понял, что любишь её?

Владислав задумался.

— Нет. Сначала мне просто хотелось видеть её как можно чаще. Потом я заметил, что начинаю советоваться с ней даже тогда, когда вполне мог принять решение сам.

— Почему?

— Потому что мне стало важно не только то, что думаю я.

Он улыбнулся воспоминанию.

— А однажды понял, что хочу прожить с ней всю жизнь. Не только счастливые дни. Все.

Ядвига молчала.

Отец внимательно посмотрел на неё.

— Ты ведь спрашиваешь не просто так?

Она опустила глаза.

— Наверное.

Владислав не стал расспрашивать.

Лишь осторожно взял её за руку.

— Когда захочешь поговорить, приходи ко мне.

Ядвига прижалась к его плечу.

— Спасибо, папа.

Он поцеловал её в волосы.

И оба некоторое время молча смотрели на воду.

В конце августа Александр прислал необычное письмо.

В нём почти не было рассказов о концертах.

«Дорогая Ядвига!

Сегодня я получил предложение снова отправиться в большое концертное путешествие.

Ещё недавно я счёл бы его настоящим подарком судьбы.

Теперь же впервые задумался не о том, какие города увижу, а о том, сколько месяцев проведу вдали от человека, с которым хочу быть рядом.

Я не отказываюсь от музыки. И никогда не смогу отказаться.

Но мне всё яснее становится, что одной музыки недостаточно для счастья.

Вы однажды написали, что дом — это место, где никто не чувствует себя одиноким.

С тех пор я часто думаю об этих словах.

Я хотел бы построить такой дом.

И хотел бы, чтобы однажды вы вошли в него.

Я понимаю, насколько серьёзно то, что пишу. Поэтому не прошу немедленного ответа.

Мне важно лишь знать, не пугает ли вас сама мысль о таком будущем.

Ваш Александр».

Ядвига сидела у окна до позднего вечера.

Она понимала, что это ещё не предложение руки и сердца.

Но уже и не просто дружеское письмо.

Александр впервые открыто говорил о совместной жизни.

И теперь ей предстояло ответить не только ему.

Прежде всего самой себе.

Она думала о родителях.

О любимом доме.

О брате и сестре.

О музыке, которая сопровождала её с детства.

О том, что однажды придётся оставить всё привычное и уехать в далёкую Россию.

Ей было страшно.

Но ещё страшнее казалась мысль прожить жизнь, так и не решившись последовать за своим сердцем.

На следующий день Ядвига написала ответ.

«Дорогой Александр!

Вы спрашиваете, пугает ли меня мысль о будущем рядом с вами.

Да.

Я не стану притворяться храбрее, чем есть.

Меня пугает неизвестность. Далёкая страна, чужой дом, разлука с родными. Я боюсь однажды проснуться и понять, что мне не хватает всего, что окружало меня с детства.

Но есть и другая правда.

Я боюсь представить жизнь, в которой больше не будет ваших писем, ваших мелодий и наших разговоров.

Я не хочу, чтобы Вы отказывались от музыки ради меня. И не хочу, чтобы однажды Вы стали считать меня причиной несбывшихся надежд.

Если нам суждено построить общий дом, в нём должно найтись место и для Вашей скрипки, и для моих воспоминаний, и для всего, что делает нас самими собой.

Я не знаю, сумеем ли мы.

Но мне хочется попробовать.

Ваша Ядвига».

Она запечатала письмо.

А потом впервые за долгое время почувствовала удивительное спокойствие.

Решение ещё не было принято окончательно.

Но путь к нему уже начинался.

Несколько недель спустя Александр получил её ответ.

Он читал его в маленькой комнате, где жил неподалёку от театра.

За окном шумел дождь.

На столе лежали ноты нового произведения, а рядом — приглашение на очередные гастроли.

Александр дочитал письмо и долго сидел неподвижно.

Потом поднялся, подошёл к окну.

Он понимал, что Ядвига не дала ему обещания.

И всё же сказала гораздо больше.

Она была готова разделить с ним жизнь.

Не выдуманную, прекрасную, безоблачную.

Настоящую.

Со всеми её трудностями.

Он вернулся к столу и достал чистый лист бумаги.

«Милая Ядвига!

Ваше письмо стало для меня самым дорогим из всех, которые я когда-либо получал.

Вы правы. Мы не знаем, сумеем ли построить тот дом, о котором мечтаем.

Но я хочу попытаться.

И прежде чем просить Вас о чём-либо, должен сделать всё, чтобы однажды Вы не пожалели о своём решении.

Я намерен приехать к Вам.

Не тайно, не случайно, не под предлогом очередного концерта.

Я хочу познакомиться с Вашим отцом.

Но прежде мне необходимо поговорить с Вами.

И услышать Ваш ответ не на бумаге, а глядя вам в глаза.

Ваш Александр».

Он поставил подпись.

Потом отложил перо.

За окном всё ещё шёл дождь.

Но впервые за много месяцев Александр не чувствовал себя одиноким.

Он знал, куда хочет ехать.

И ради кого.

Глава шестая. Выбор сердца

Осень в тот год выдалась необыкновенно красивой.

В старом саду Вишневских деревья стояли в золотом убранстве, дорожки были усыпаны опавшими листьями, а по утрам над прудом поднимался лёгкий туман.

Ядвига любила это время года.

В детстве она собирала разноцветные листья, приносила их домой и раскладывала между страницами книг. Потом забывала о них, а спустя месяцы находила хрупкие, почти прозрачные воспоминания об ушедшей осени.

Теперь ей казалось, что и сама жизнь иногда похожа на такую книгу.

Одни страницы хочется переворачивать быстрее.

Другие — задержать навсегда.

Письмо Александра лежало на её письменном столе уже третий день.

«Я намерен приехать к вам. Не тайно, не случайно, не под предлогом очередного концерта…»

Ядвига знала эти строки наизусть.

Он собирался приехать.

Не в Вену, не в Краков, не в город, где они могли случайно встретиться среди множества незнакомых людей.

Сюда.

В её родной дом.

К её семье.

И от этой мысли она испытывала одновременно радость и страх.

В тот вечер Ядвига долго сидела у рояля.

Она играла мелодию Александра, которую за прошедшее время успела выучить настолько хорошо, что пальцы сами находили нужные клавиши.

Когда последние звуки затихли, она услышала за спиной голос матери:

— Ты сегодня играешь особенно задумчиво.

Ядвига обернулась.

Мария стояла у двери.

— Наверное, просто устала.

Мать подошла ближе и присела рядом.

Некоторое время они молчали.

Потом Мария осторожно спросила:

— Александр снова написал?

Ядвига опустила глаза.

— Да, мама.

— И что он пишет?

Она помедлила.

— Он хочет приехать.

Мария не удивилась.

Лишь внимательно посмотрела на дочь.

— К нам?

— Да.

— Отец знает?

— Пока нет.

Мать вздохнула.

— Ядвига…

— Мама, я ничего не скрываю от тебя. Просто сначала хочу сама с ним поговорить.

Мария взяла её руку.

— Ты любишь его?

Вопрос прозвучал так просто, что Ядвига растерялась.

Она могла бы уклониться от ответа. Сказать, что ещё не уверена, что ей просто нравится его общество.

Но почему-то именно сейчас ей не захотелось ничего скрывать.

— Да, мама.

Мария долго смотрела на неё.

— Ты уверена?

— Да.

— И давно?

Ядвига чуть улыбнулась.

— Наверное, гораздо дольше, чем сама себе признавалась.

Мать ласково провела рукой по её волосам.

— Ах, моя девочка…

В её голосе прозвучала нежность, смешанная с тревогой.

— Ты понимаешь, что отец будет против?

— Я понимаю, что ему будет трудно.

Мария кивнула.

— Это вернее.

Она помолчала.

— Владислав любит тебя. И ему будет нелегко представить, что его младшая дочь однажды уедет далеко от дома.

— Я не хочу причинять ему боль.

— Знаю, дорогая. Но иногда взрослая жизнь начинается именно с того, что приходится принимать решения, которые огорчают тех, кого мы любим.

Ядвига прижалась к матери.

— Мне страшно, мама.

— Конечно, страшно.

Мария обняла её.

— Если бы тебе совсем не было страшно, я бы забеспокоилась ещё сильнее.

Они обе тихо рассмеялись.

Потом мать сказала:

— Пусть Александр приезжает. Но всё должно быть достойно. Я поговорю с отцом о том, что у нас ожидается гость. А вы сможете побеседовать в саду. Думаю, Станислав не откажется сопровождать вас.

Ядвига подняла голову.

— Ты не против?

Мария улыбнулась.

— Я пока ничего не решила. Но я хочу увидеть человека, которому моя дочь готова доверить своё сердце.

Александр приехал через две недели.

Утром в имении поднялась небольшая суета.

Мария распорядилась приготовить гостевую комнату. Зофья с любопытством наблюдала за приготовлениями сестры, а Станислав с самого завтрака находился в необыкновенно хорошем настроении.

— Ядвига, ты уже третий раз меняешь ленту в волосах, — заметил он.

— Неправда!

— Тогда четвёртый.

Зофья рассмеялась.

— Оставь её в покое.

— Я всего лишь пытаюсь помочь. Если она продолжит в том же духе, к приезду гостя в доме не останется ни одной ленты.

Ядвига сердито посмотрела на брата.

Но не выдержала и тоже улыбнулась.

Владислав за завтраком был молчалив.

Мария сообщила ему, что к ним приезжает молодой музыкант, с которым дети познакомились в Кракове.

Отец не возражал против визита.

Однако Ядвига замечала, что он внимательно присматривается к ней.

И от этого волновалась ещё сильнее.

Экипаж подъехал к дому после полудня.

Ядвига стояла у окна гостиной, когда услышала стук колёс по гравию.

Сердце замерло.

Она увидела, как слуга открыл дверцу.

Сначала показался дорожный саквояж.

Потом из экипажа вышел Александр.

На нём было тёмное пальто, аккуратная шляпа, а в руке он держал футляр со скрипкой.

Он поднял голову.

И увидел её в окне.

На мгновение они оба замерли.

Потом Александр улыбнулся.

Ядвига ответила ему улыбкой.

И вдруг поняла, что всё её волнение последних дней было напрасным.

Он приехал.

Настоящий.

Близкий.

Не написанный чернилами на бумаге.

Встреча прошла с соблюдением всех приличий.

Александр поклонился Марии, представился Владиславу, пожал руку Станиславу и приветствовал Зофью.

Он держался спокойно, хотя Ядвига замечала, как внимательно он выбирает слова.

Владислав расспросил его о дороге, работе, последних выступлениях.

Александр отвечал просто и уважительно.

За обедом разговор шёл преимущественно о музыке и путешествиях.

Ядвига почти не участвовала в беседе. Ей было достаточно слышать голос Александра.

Иногда их взгляды встречались.

И тогда она чувствовала, как тепло разливается по всему телу.

После обеда Мария предложила гостю немного отдохнуть с дороги.

Но Александр вежливо отказался.

— Благодарю вас, пани Мария. Дорога была не слишком утомительной. Если позволите, я с удовольствием осмотрел бы ваш сад.

Станислав сразу поднялся.

— Прекрасная мысль. Я как раз собирался прогуляться.

Он посмотрел на сестру.

— Ядвига, составишь нам компанию?

Она едва удержалась от улыбки.

— С удовольствием.

Сад встретил их прохладой и запахом влажной земли.

Станислав некоторое время шёл рядом, рассказывая Александру об истории имения.

Потом остановился возле старой оранжереи.

— Кажется, управляющий хотел показать мне новые посадки. Я ненадолго вас оставлю. Только не уходите слишком далеко — дорожки после дождя скользкие.

Он улыбнулся сестре и направился к хозяйственным постройкам.

Ядвига и Александр остались вдвоём на открытой дорожке, откуда хорошо просматривались окна дома.

Некоторое время они молчали.

Потом Александр тихо произнёс:

— Я очень боялся этой встречи.

Ядвига удивлённо посмотрела на него.

— Вы?

— Представьте себе.

— Почему?

Он улыбнулся.

— Потому что письма можно перечитать, исправить, переписать заново. А произнесённые слова уже не вернёшь.

Ядвига рассмеялась.

— Значит, вы тоже иногда рвёте неудачные письма?

— Гораздо чаще, чем вам кажется.

Она покачала головой.

— А я думала, что вы всегда знаете, что сказать.

— Только на сцене. Там за меня говорит музыка.

Они медленно пошли по дорожке.

Ветер шевелил золотые листья над их головами.

— Александр, — начала Ядвига после долгого молчания, — вы написали, что хотите поговорить со мной прежде, чем обратитесь к отцу.

— Да.

— О чём?

Он остановился.

— О нашей жизни.

Она подняла на него глаза.

Александр некоторое время подбирал слова.

— Ядвига, я люблю вас.

Он произнёс это негромко.

Без торжественности.

Без красивых жестов.

И именно поэтому слова прозвучали особенно сильно.

Ядвига почувствовала, как перехватило дыхание.

Она столько раз представляла этот момент.

Но теперь, когда он наступил, не смогла сразу ответить.

Александр продолжил:

— Я долго не решался сказать это. Не потому, что сомневался в своих чувствах. Я боялся, что, произнеся эти слова, возьму на себя ответственность, к которой ещё не готов.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Теперь я готов.

Ядвига молчала.

Он осторожно взял её руку.

— Я не богат. У меня нет родового имения, большого состояния или высокого положения. Есть работа, скрипка и желание построить достойную жизнь.

Она чуть улыбнулась.

— Вы забыли о своей музыке.

— Музыка — часть моей работы.

— Нет, Александр. Музыка — часть вас.

Он замолчал.

Ядвига продолжила:

— Я никогда не хотела бы, чтобы вы отказались от неё ради меня.

— И я не хочу, чтобы вы отказались от себя ради меня.

Они долго смотрели друг на друга.

Потом Александр тихо спросил:

— Вы любите меня, Ядвига?

Она почувствовала, как дрогнули губы.

— Да.

Всего одно слово.

Но в нём оказалось столько пережитого за эти годы, что больше ничего не требовалось.

Александр медленно поднял её руку и поцеловал.

Они присели на старую скамью возле пруда.

Там, где Ядвига часто гуляла с отцом.

Вода была неподвижной, лишь изредка ветер пробегал по поверхности мелкой рябью.

— Я должен рассказать вам кое-что, — сказал Александр.

Ядвига насторожилась.

— Что именно?

— О своей жизни в России.

Он рассказал о квартире неподалёку от театра. О постоянной работе, которую сумел получить. О том, что теперь у него есть пусть небольшой, но надёжный заработок.

Рассказал и о долгах, оставшихся после болезни.

Ядвига удивлённо посмотрела на него.

— Долгах?

— Да. Лечение оказалось дорогим. Мне пришлось занять деньги у нескольких знакомых.

— Почему вы раньше не говорили?

— Сначала не хотел тревожить вас. Потом стыдился.

Она нахмурилась.

— Александр…

— Я уже почти всё выплатил. Через несколько месяцев буду совершенно свободен от обязательств.

Ядвига некоторое время молчала.

— Вы думаете, меня испугают долги?

— Не знаю.

— Меня пугает другое.

Он посмотрел на неё.

— Что?

— Если мы однажды станем семьёй, а вы будете скрывать от меня трудности, считая, что должны справляться с ними в одиночку.

Александр опустил голову.

— Вы правы.

Она осторожно коснулась его руки.

— Я не хочу быть только той, кому вы рассказываете о победах. Мне хочется знать и о неудачах.

Он улыбнулся.

— Боюсь, тогда вам придётся выслушивать очень много историй.

— Ничего. Я терпеливая.

— Не уверен, — рассмеялся Александр.

— Почему?

— Потому что ваши письма иногда приходили с такими настойчивыми вопросами, что я чувствовал себя школьником перед строгим учителем.

Ядвига рассмеялась.

И напряжение исчезло.

Потом разговор коснулся самого трудного.

— Вы понимаете, что после свадьбы нам придётся жить в России? — спросил Александр.

Ядвига кивнула.

— Понимаю.

— Возможно, вы не сразу привыкнете. У нас другие обычаи, другой уклад жизни. И климат бывает суровым.

— Вы так говорите, словно приглашаете меня на край света.

Он улыбнулся.

— Иногда зимой мне самому так кажется.

Ядвига тоже улыбнулась, но быстро стала серьёзной.

— Я буду скучать по родителям.

— Знаю.

— Очень.

— Я никогда не стану препятствовать вашим встречам с ними.

Она посмотрела на него.

— Обещаете?

— Да. Но не могу обещать, что мы сможем приезжать так часто, как вам захочется. Дорога долгая, и расходы немалые.

Ядвига задумалась.

Это была правда.

Не красивая, не романтическая.

Обыкновенная жизненная правда.

И почему-то именно она придала словам Александра особенную ценность.

— Тогда будем писать письма, — сказала она.

— Много писем.

— И обязательно приезжать, когда сможем.

— Обязательно.

Она посмотрела на пруд.

— Знаете, Александр, я всегда думала, что любовь должна делать человека счастливым.

— А теперь?

— Теперь мне кажется, что она ещё должна делать его смелее.

Он долго смотрел на неё.

— Вы гораздо смелее меня, Ядвига.

Она покачала головой.

— Нет. Просто я боюсь потерять вас сильнее, чем боюсь перемен.

Некоторое время они сидели молча.

Потом Александр поднялся.

— Ядвига, мне нужно задать вам один вопрос.

Она тоже встала.

Он взял обе её руки.

— Вы согласились бы стать моей женой?

Сердце Ядвиги забилось так сильно, что ей показалось, будто он непременно услышит его.

Она смотрела на Александра.

Перед ней стоял человек, которого она полюбила не за богатство, не за положение, не за обещания безоблачного счастья.

Она полюбила его за искренность.

За музыку.

За способность сомневаться и признавать свои ошибки.

За то, что рядом с ним ей хотелось становиться лучше.

— Да, Александр.

Он выдохнул, словно всё это время не позволял себе дышать.

— Вы уверены?

Ядвига улыбнулась сквозь слёзы.

— Если вы спросите ещё раз, я могу передумать.
Он рассмеялся.
И осторожно привлёк её к себе.
Их объятие было коротким, почти робким.
Но для обоих стало началом совершенно новой жизни.

Когда они вернулись к дому, Станислав уже ждал их возле террасы.
Он посмотрел на сияющее лицо сестры.
Потом на Александра.
И всё понял.
— Ну что ж, — произнёс он, — кажется, прогулка оказалась полезной.
Ядвига покраснела.
Александр выпрямился.
— Станислав, я хотел бы поговорить с вашим отцом.
Брат перестал улыбаться.
Он внимательно посмотрел на молодого человека.
— Вы хорошо подумали?
— Да.
— Оба?
Ядвига подошла ближе.
— Оба, Станислав.
Тот некоторое время молчал.
Потом протянул Александру руку.
— Тогда желаю вам удачи.
Он крепко пожал её.
— Только предупреждаю: отец любит Ядвигу больше, чем собственное спокойствие.
Александр улыбнулся.
— Я уже начинаю это понимать.

Вечером Ядвига снова встретилась с матерью.
Мария сидела у окна и вышивала.
Увидев дочь, она сразу отложила работу.
— Ну, дорогая?
Ядвига подошла и опустилась рядом.
Некоторое время молчала.
Потом тихо сказала:
— Мама, Александр попросил меня стать его женой.
Мария закрыла глаза.
Она ожидала этих слов.
И всё-таки услышать их оказалось неожиданно трудно.
— И что ты ответила?
— Я согласилась.
Мать посмотрела на неё.
— Ты счастлива?
Ядвига улыбнулась.
— Очень.
Мария обняла дочь.
Долго держала её возле себя.
Потом тихо произнесла:

— Значит, моя маленькая девочка выросла.
Ядвига прижалась к ней.
— Я всё равно останусь твоей дочерью.
— Конечно, останешься.
Мария поцеловала её в лоб.
— Только теперь твоё сердце принадлежит не одному нашему дому.
Они обе заплакали.
Не от горя.
От того особенного чувства, в котором радость всегда немного смешана с печалью.

Поздно вечером Александр остался один в гостевой комнате.
Он снял дорожный сюртук, подошёл к окну.
За стеклом темнел сад.
Где-то вдали лаяла собака, ветер шевелил ветви деревьев.
На столе лежал футляр со скрипкой.
Александр открыл его, осторожно достал инструмент.
Провёл пальцами по гладкому дереву.
Сколько дорог он прошёл с этой скрипкой.
Сколько городов увидел.
Сколько раз выходил на сцену, не зная, что ждёт его завтра.
И вот теперь впервые будущее перестало быть бесконечной дорогой.
У него появилось лицо.
Серые глаза.
Тихий смех.
Имя.
Ядвига.
Он приложил скрипку к плечу и негромко заиграл.
Мелодия была той самой, что когда-то прозвучала в Вене.
Но теперь в ней не осталось прежней печали.
Она звучала светло.
Спокойно.
Словно наконец нашла своё продолжение.

А в другом крыле дома Владислав сидел в кабинете.
Перед ним лежали хозяйственные бумаги, но он давно перестал их читать.
Мария вошла тихо.
Он поднял голову.
— Что-то случилось?
Она подошла к нему.
— Владислав, нам нужно поговорить.
Он внимательно посмотрел на жену.
— О Ядвиге?
Мария кивнула.
Владислав медленно отложил бумаги.
Некоторое время молчал.
Потом произнёс:
— Я так и думал.
Он поднялся, подошёл к окну.
За стеклом виднелись тёмные силуэты деревьев.

— Она ещё совсем девочка, Мария.

— Ей уже девятнадцать.

— Для меня она всегда останется маленькой.

Мария подошла и положила руку ему на плечо.

— Я знаю.

Владислав тяжело вздохнул.

— И этот молодой человек хочет увезти её в Россию?

— Полагаю, да.

Он резко обернулся.

— Так далеко?

— Владислав…

— Ты понимаешь, что мы можем не видеть её годами?

Мария молчала.

Потом тихо сказала:

— Понимаю.

Он провёл рукой по лицу.

— Я не для того растил дочь, чтобы отдать её первому встречному музыканту!

— Он не первый встречный.

— Для меня — почти первый!

Мария не стала спорить.

Она знала мужа слишком хорошо.

Ему нужно было время.

Наконец Владислав опустился в кресло.

— Она любит его?

Мария кивнула.

— Да.

Он закрыл глаза.

И долго сидел молча.

Потом спросил:

— А он?

— Думаю, тоже.

Владислав посмотрел на жену.

— Ты ему веришь?

Мария задумалась.

— Я хочу с ним поговорить ещё раз. Но пока он не дал мне повода усомниться в его честности.

Владислав медленно кивнул.

— Хорошо.

Он помолчал.

— Завтра я поговорю с ним.

Мария осторожно взяла его руку.

— Только выслушай, прежде чем принимать решение.

Он грустно улыбнулся.

— Ты всегда просишь меня о самом трудном.

— Потому что знаю: ты способен на это.

Владислав поцеловал руку жены.

Потом снова посмотрел в окно.

Где-то в глубине дома едва слышно звучала скрипка.

Он прислушался.

Мелодия была красивой.

Очень красивой.

Но Владиславу вдруг показалось, что каждый её звук понемногу уводит от него любимую дочь.

Он отвернулся.

— Завтра, Мария, — тихо повторил он. — Завтра.

А Ядвига в своей комнате ещё не спала.

Она сидела у окна, смотрела на звёзды и улыбалась.

Сегодня Александр впервые сказал ей, что любит её.

Сегодня она ответила ему теми же словами.

Сегодня они решили связать свои жизни.

Она знала, что впереди будет непростой разговор.

Знала, что отец может не согласиться.

И всё-таки в этот вечер ей хотелось верить, что любовь способна преодолеть любые препятствия.

Ядвига осторожно открыла шкатулку, где хранила письма Александра.

Достала первое.

Провела пальцами по знакомым строчкам.

И тихо прошептала:

— Мы всё-таки продолжили наш разговор…

За окном шелестели листья.

Дом постепенно погружался в сон.

И только двое мужчин ещё долго не могли уснуть.

Один думал о том, как построить счастье с любимой женщиной.

Другой — о том, как найти в себе силы отпустить любимую дочь.

А утром им предстояло встретиться лицом к лицу.

Глава седьмая. Разговор двух мужчин

Утро выдалось прохладным.

Ночью прошёл дождь, и теперь на дорожках старого сада лежали мокрые листья. Солнце то появлялось из-за облаков, то снова пряталось, оставляя на стенах дома причудливые тени.

Владислав Вишневский проснулся раньше обычного.

Он долго лежал, глядя в потолок, прислушивался к дыханию жены и думал о предстоящем разговоре.

Вчера вечером Мария рассказала ему о решении дочери.

Ядвига согласилась стать женой Александра Воронцова.

Эти слова до сих пор казались ему невероятными.

Ещё совсем недавно младшая дочь бегала по саду с растрёпанными косами, прятала в карманах найденные камешки и приносила в дом раненых птиц. А теперь какой-то молодой человек приехал из далёкой России и собирался увезти её с собой.

Как быстро всё произошло…

Владислав повернул голову.

Мария уже не спала.

— Ты всю ночь ворочался, — тихо сказала она.

— Не мог уснуть.

— Знаю.

Он сел на край кровати.

— Скажи мне, Мария, когда она успела вырасти?

Жена грустно улыбнулась.

— Пока мы занимались своими делами, дорогой.

Владислав вздохнул.

— Мне казалось, впереди ещё столько времени.

— Время всегда кажется бесконечным, пока однажды не обнаружишь, что дети уже взрослые.

Он посмотрел на жену.

— Ты спокойна?

— Нет.

— А выглядишь спокойной.

— Кто-то из нас должен.

Владислав невольно улыбнулся.

Мария подошла к нему и положила руки на плечи.

— Только прошу тебя, не начинай разговор с отказа.

— Я ещё ничего не решил.

— Вот именно. Сначала узнай человека.

Он накрыл её руку своей.

— Ты ведь понимаешь, что дело не только в деньгах?

— Конечно.

— Россия далеко. Очень далеко. Если с ней что-нибудь случится…

Он не договорил.

Мария обняла мужа.

— А если она останется здесь и всю жизнь будет несчастна?

Владислав закрыл глаза.

На этот вопрос у него не было ответа.

За завтраком царила необычная тишина.

Зофья несколько раз пыталась завести разговор о предстоящих осенних праздниках, но никто особенно не поддерживал её.

Станислав сосредоточенно намазывал масло на хлеб.

Ядвига почти не притронулась к еде.

Александр держался спокойно, хотя ночь тоже провёл без сна.

Владислав внимательно наблюдал за гостем.

Молодой человек был хорошо воспитан. Говорил негромко, отвечал уважительно, не пытался понравиться чрезмерной любезностью.

Но Владислав знал: хорошие манеры ещё не делают человека хорошим мужем.

Когда завтрак закончился, он отложил салфетку.

— Господин Воронцов, не могли бы вы уделить мне немного времени?

Александр поднялся.

— Разумеется, пан Вишневский.

— Пройдёмте в кабинет.

Ядвига побледнела.

Отец заметил это.

— Не волнуйся, дорогая. Мы всего лишь поговорим.

Он произнёс эти слова мягко, но девушка понимала, насколько важным будет этот разговор.

Кабинет Владислава находился в западном крыле дома.

Здесь пахло кожаными переплётами, старой бумагой и табаком. Вдоль стен стояли высокие книжные шкафы, над камином висел портрет отца Владислава, а возле окна располагался большой письменный стол.

Владислав предложил гостю кресло.

Сам сел напротив.

Некоторое время оба молчали.

Наконец хозяин дома произнёс:

— Полагаю, вы понимаете, почему я пригласил вас.

— Да, пан Вишневский.

— Тогда не станем ходить вокруг да около. Вы намерены жениться на моей дочери?

— Да.

— И она согласилась?

— Да.

Владислав медленно кивнул.

— Что ж. По крайней мере, вы отвечаете прямо.

Александр молчал.

— Скажите, господин Воронцов, что вы можете предложить моей дочери?

Вопрос прозвучал сухо.

Александр ожидал его.

— Прежде всего своё уважение, верность и желание заботиться о ней.

Владислав чуть приподнял брови.

— Прекрасные слова. Но, к сожалению, ими нельзя оплатить жильё, купить продукты или пригласить врача.

— Я понимаю.

— Тогда поговорим о более земных вещах.

Александр выпрямился.

— У меня есть постоянное место в театральном оркестре. Кроме того, я даю частные уроки и иногда выступаю с сольными концертами. Мой заработок пока невелик, но позволяет содержать себя без посторонней помощи.

— Пока?

— Я надеюсь со временем улучшить своё положение.

— Надеетесь?

— Да.

Владислав откинулся в кресле.

— Молодой человек, я не привык строить жизнь на надеждах.

Александр спокойно выдержал его взгляд.

— Я тоже. Поэтому и принял постоянную работу, хотя раньше предпочитал гастролировать.

— А если потеряете её?

— Буду искать другую.

— А если заболеете?

Александр на мгновение замолчал.

Владислав заметил это.

— Вы уже болели, не так ли?

— Да.

— Мне рассказывали.

— Болезнь была тяжёлой. Но я выздоровел и вернулся к работе.

— И остались долги?

Александр удивился.

— Я рассказал об этом Ядвиге.

— Значит, это правда.

— Да. Остаток долга невелик. Я рассчитываю погасить его до конца года.

Владислав долго смотрел на него.

— Почему вы решили рассказать моей дочери о своих затруднениях?

— Потому что она спросила о моей жизни. И потому что я не хочу начинать семью с обмана.

Ответ прозвучал настолько просто, что Владислав невольно задумался.

Но уступать он не собирался.

— Вы знаете, как выросла Ядвига? — спросил он.

— Лишь по её рассказам.

— Она никогда не испытывала нужды. Получила хорошее образование, занималась музыкой, путешествовала. У неё было всё необходимое.

— Я знаю.

— Нет, молодой человек. Боюсь, не знаете.

Голос Владислава стал жёстче.

— Вы предлагаете ей оставить дом, семью, привычную жизнь и уехать в чужую страну. Ради чего? Ради маленькой квартиры и неопределённого будущего?

Александр почувствовал, как внутри поднимается обида.

Но заставил себя говорить спокойно.

— Я не обещаю Ядвиге богатства. И не прошу её забыть свою семью.

— Однако именно этого вы от неё требуете!

— Нет. Я прошу её разделить мою жизнь. И готов разделить её жизнь настолько, насколько это возможно.

— Красиво сказано.

— Я говорю искренне.

Владислав поднялся и подошёл к окну.

За стеклом виднелся сад.

— Вы любите её?

— Да.

— А знаете, что такое любовь, господин Воронцов?

Александр тоже поднялся.

— Я только учусь понимать это.

Владислав обернулся.

Ответ удивил его.

— Вот как?

— Раньше мне казалось, что любовь — это когда не можешь перестать думать о человеке. Когда ждёшь его писем, мечтаешь о встрече.

Он помолчал.

— Теперь понимаю, что этого мало.

— Продолжайте.

— Любовь — это ещё и ответственность. Умение не прятать трудности, не принимать решения за другого человека, не требовать, чтобы он отказался от всего дорогого ради тебя.

Владислав слушал молча.

— Я не хочу отнимать у вас дочь, — продолжил Александр. — Я хочу, чтобы она стала моей женой. Но она навсегда останется вашей дочерью. И я никогда не стану препятствовать этому.

— Никогда — слишком громкое слово.

— Тогда скажу иначе. Я приложу все силы, чтобы она не потеряла свою семью.

Владислав снова отвернулся к окну.

Некоторое время в кабинете было тихо.

— Вы понимаете, что я могу отказать вам? — наконец спросил он.

— Да.

— И что тогда?

Александр помедлил.

— Я не стану просить Ядвигу тайно покинуть дом.

Владислав резко обернулся.

— Не станете?

— Нет. Я знаю, как она любит вас. Если я заставлю её выбирать между мной и родителями, то причиню ей боль, которую она не заслужила.

— Значит, откажетесь от неё?

— Нет.

Владислав нахмурился.

— Не понимаю.

— Я буду ждать. И постараюсь заслужить ваше доверие.

— А если не заслужите?

Александр посмотрел ему прямо в глаза.

— Тогда однажды Ядвиге самой придётся решить, как поступить. Ей двадцать лет. Я не стану распоряжаться её судьбой. Но и притворяться, будто могу разлюбить её по вашему желанию, не буду.

Владислав медленно опустился в кресло.

Он ожидал чего угодно.

Горячих клятв.

Упрёков.

Может быть, даже дерзости.

Но молодой человек не унижался и не спорил ради спора.

Он просто стоял перед ним и говорил то, во что верил.

Это раздражало Владислава гораздо меньше, чем он предполагал.

И одновременно заставляло задуматься.

— У меня есть ещё один вопрос, — сказал он.

— Я слушаю.

— Почему именно Ядвига?

Александр удивился.

— Простите?

— Вы молоды, талантливы, много путешествуете. Наверняка встречали немало красивых и образованных женщин. Почему моя дочь?

Александр впервые за всё время разговора улыбнулся.

— Потому что с ней я могу быть самим собой.

Владислав молчал.

— Когда мы познакомились, она не стала расспрашивать меня об успехах или знакомых. Она спросила, почему в моей музыке столько печали.

Он ненадолго замолчал.

— Потом мы переписывались. Она не всегда соглашалась со мной. Иногда спорила. Иногда заставляла задуматься о вещах, которых я прежде избегал.

— Это на неё похоже, — невольно заметил Владислав.

Александр улыбнулся шире.

— Да. Она очень настойчива.

Оба неожиданно рассмеялись.

Но Александр быстро стал серьёзным.

— Я люблю её не потому, что она красива, хотя для меня она прекраснее всех. И не потому, что она дочь состоятельного человека.

Он посмотрел на Владислава.

— Я люблю её за то, что рядом с ней мне хочется быть честнее, добрее и смелее. Мне хочется прожить жизнь так, чтобы однажды она могла сказать, что не ошиблась во мне.

Владислав долго молчал.

Потом произнёс:

— Вы умеете говорить, господин Воронцов.

— На самом деле я гораздо лучше играю на скрипке.

Владислав едва заметно улыбнулся.

— Это я уже слышал.

Когда Александр вышел из кабинета, Ядвига ждала его в коридоре.

Она стояла возле окна, сжимая в руках платок.

Увидев его, сделала шаг навстречу.

— Ну?

Он улыбнулся.

— Мы поговорили.

— И что сказал отец?

— Пока ничего окончательного.

Она побледнела.

— Он отказал?

— Нет.

— Но и не согласился?

— Нет.

Ядвига опустила глаза.

Александр осторожно коснулся её руки.

— Ему нужно время.

— Ты не представляешь, каким упрямым он бывает.

— Представляю.

Она подняла голову.

— Откуда?

— Кажется, я знаю его дочь.

Ядвига невольно рассмеялась.

И впервые за всё утро смогла свободно вздохнуть.

Владислав остался в кабинете один.

На столе лежали бумаги, которые он собирался просмотреть ещё утром.

Но теперь они казались совершенно неважными.

Он подошёл к книжному шкафу, достал старый альбом.

На первых страницах были семейные фотографии.

Мария в молодости.

Маленький Станислав.

Зофья с огромным бантом в волосах.

И Ядвига.

Совсем крошечная, в светлом платьице, сидящая у него на коленях.

Владислав долго смотрел на снимок.

Потом осторожно провёл пальцем по изображению дочери.

— Как же быстро ты выросла, моя девочка…

Он закрыл альбом.

И вдруг понял, что больше всего боится не бедности, не далёкой России и даже не неизвестного будущего.

Он боится однажды войти в гостиную и не услышать её смеха.

Не увидеть её за роялем.

Не услышать, как она зовёт его из сада.

Дом останется прежним.

Но без Ядвиги он уже никогда не будет таким, как раньше.

Вечером Владислав пригласил к себе Станислава.

— Ты сопровождал сестёр в Краков?

— Да, отец.

— И виделся там с Воронцовым?

— Несколько раз.

— Что скажешь о нём?

Станислав задумался.

— Он производит хорошее впечатление.

— Этого недостаточно.

— Знаю.

— Ты доверил бы ему свою сестру?

Станислав помолчал.

— Я бы сначала убедился, что он способен обеспечить ей достойную жизнь.

Владислав кивнул.

— Вот именно.

— Но, отец…

— Что?

— Ядвига уже выбрала его.

Владислав нахмурился.

— Ты тоже собираешься меня убеждать?

— Нет. Просто хочу, чтобы ты понимал: если запретишь ей эту свадьбу, она, возможно, останется дома. Но прежней Ядвиги мы уже не увидим.

Отец резко поднялся.

— Значит, я должен согласиться только потому, что она влюблена?

— Нет. Ты должен решить, достоин ли Александр её любви.

Станислав посмотрел на отца.

— Это не одно и то же.

Владислав остановился.

Слова сына заставили его задуматься.

Поздно вечером Ядвига постучала в кабинет.

— Можно, папа?

Владислав поднял голову.

— Входи, дорогая.

Она подошла к столу.

— Я не помешаю?

— Никогда.

Ядвига села напротив.

Некоторое время они молчали.

Потом она тихо спросила:

— Ты сердишься на меня?

Владислав удивлённо посмотрел на дочь.

— За что?

— За то, что я люблю Александра.

Он тяжело вздохнул.

— Разве можно сердиться за любовь?

— Тогда почему ты такой грустный?

Владислав встал, подошёл к ней.

— Потому что я эгоист, моя девочка.

Она покачала головой.

— Нет, папа.

— Ещё какой.

Он улыбнулся, но глаза оставались печальными.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива. И одновременно хочу, чтобы ты всегда оставалась здесь, рядом со мной.

Ядвига обняла его.

— Я никогда не перестану быть твоей дочерью.

— Знаю.

— И буду приезжать.

— Знаю.

— И писать.

— Конечно.

Она подняла голову.

— Тогда почему тебе так трудно?

Владислав посмотрел на неё.

— Потому что письма нельзя обнять, Ядвига.

У девушки задрожали губы.

Она прижалась к отцу ещё крепче.

И некоторое время они стояли молча.

Когда Ядвига ушла, Владислав долго сидел один.

Потом позвал слугу и попросил передать Александру, что завтра утром хотел бы ещё раз с ним поговорить.

Он пока не знал, какое решение примет.

Но впервые за эти дни понял одну простую вещь.

Дочь нельзя сохранить возле себя, запретив ей любить.

Можно лишь сделать так, чтобы она всегда хотела возвращаться.

И от этой мысли ему стало одновременно легче и больнее.

Глава восьмая. Благословение

На следующее утро Ядвига проснулась от тихого стука в дверь.

— Войдите.

В комнату заглянула Зофья.

— Ты уже не спишь?

— Теперь нет.

Сестра подошла к кровати и присела рядом.

— Отец снова пригласил Александра к себе.

Ядвига резко села.

— Когда?

— После завтрака.

— Откуда ты знаешь?

— Станислав сказал.

Ядвига опустила ноги на пол.

— Господи, Зофья, я не выдержу ещё одного такого дня!

Сестра рассмеялась.

— Выдержишь. Ты ведь у нас самая храбрая.

— Совсем нет.

— Тогда самая упрямая.

— Это ближе к истине.

Они улыбнулись друг другу.

Потом Зофья вдруг стала серьёзной.

— Ядвига, можно я тебя кое о чём спрошу?

— Конечно.

— Ты действительно готова уехать?

Ядвига задумалась.

— Не знаю, можно ли к этому подготовиться.

— Но ты ведь понимаешь, что всё будет иначе?

— Понимаю.

— У тебя не будет нашего сада, большой гостиной, привычных праздников. Не будет мамы, которая всегда знает, когда ты грустишь.

Ядвига опустила глаза.

— Знаю.

— И всё равно хочешь?

Она посмотрела на сестру.

— Да.

Зофья долго молчала.

Потом обняла её.

— Тогда я очень надеюсь, что Александр сумеет сделать тебя счастливой.

— И я.

Сестра отстранилась.

— Ты сомневаешься?

— Нет. Но ведь счастье не появляется само собой только потому, что люди поженились.

Зофья улыбнулась.

— Вот теперь я вижу, что ты действительно повзрослела.

Александр вошёл в кабинет Владислава без прежнего волнения.

Не потому, что был уверен в благополучном исходе.

Просто вчерашний разговор многое расставил по местам.

Он понял, чего боится отец Ядвиги.

И не мог осуждать его за эти страхи.

Владислав встретил гостя стоя.

— Доброе утро, господин Воронцов.

— Доброе утро, пан Вишневский.

— Прошу, садитесь.

На этот раз хозяин дома не стал сразу задавать вопросы.

Он подошёл к окну, некоторое время смотрел на сад.

Потом повернулся.

— Я много думал о нашем вчерашнем разговоре.

Александр молчал.

— Вы произвели на меня хорошее впечатление.

— Благодарю вас.

— Но хорошего впечатления недостаточно, чтобы доверить человеку будущее дочери.

— Я понимаю.

Владислав вернулся к столу.

— Я хочу предложить вам нечто другое.

Александр насторожился.

— Я слушаю.

— Вы сказали, что через несколько месяцев полностью рассчитаетесь с долгами.

— Да.

— И что ваша работа позволяет рассчитывать на постоянный заработок.

— Совершенно верно.

— Тогда я хотел бы, чтобы вы не торопились со свадьбой.

Александр медленно выдохнул.

Владислав продолжил:

— Вернитесь к работе. Закончите свои дела. Подготовьте жильё, в котором сможете принять жену. А через несколько месяцев мы снова поговорим.

Александр задумался.

— Вы предлагаете отложить решение?

— Я предлагаю проверить его временем.

— Наши чувства уже прошли такую проверку.

— Чувства — да. Но семейная жизнь состоит не только из чувств.

Александр кивнул.

— С этим я согласен.

Владислав внимательно посмотрел на него.

— Значит, вы принимаете моё предложение?

— При одном условии.

Хозяин дома удивлённо поднял брови.

— Условии?

— Я не хочу, чтобы Ядвига считала, будто мы решаем её судьбу без неё.

Владислав помолчал.

Потом медленно улыбнулся.

— Вы правы.

Он протянул руку.

— Тогда поговорим втроём.

Когда Ядвигу пригласили в кабинет, она почувствовала, как сердце забилось быстрее.

Отец сидел за столом.

Александр стоял возле окна.

Оба выглядели серьёзными.

Неужели отказал?

— Подойди, дорогая, — сказал Владислав.

Она приблизилась.

Отец взял её за руку.

— Мы с Александром поговорили.

Ядвига молчала.

— Я не стану скрывать: мне трудно согласиться с вашим решением.

Она опустила глаза.

— Папа…

— Подожди. Дай мне закончить.

Он вздохнул.

— Я вижу, что вы любите друг друга. И не хочу становиться причиной вашего несчастья.

Ядвига подняла голову.

— Значит?..

— Значит, я не запрещаю вам думать о свадьбе.

Она едва сдержала радостный возглас.

Но отец продолжил:

— Однако прошу не торопиться.

Он объяснил своё предложение.

Александр должен вернуться в Россию, завершить финансовые дела и подготовить жильё. Ядвига останется дома, и у обоих будет ещё несколько месяцев, чтобы спокойно обдумать будущее.

Когда Владислав закончил, девушка некоторое время молчала.

Потом спросила:

— Папа, а если за эти месяцы ничего не изменится?

— Тогда я буду знать, что вы приняли решение не под влиянием одной счастливой встречи.

Ядвига посмотрела на Александра.

Тот едва заметно кивнул.

Она снова повернулась к отцу.

— Я согласна.

Владислав удивился.

— Так просто?

Ядвига улыбнулась.

— Ты ведь не просишь меня отказаться от Александра. Ты просишь нас подготовиться к свадьбе.

— Именно.

— Тогда почему я должна спорить?

Отец рассмеялся.

— Боже мой! Кажется, моя дочь окончательно стала взрослой!

Она обняла его.

— Я стараюсь, папа.

В тот же день семья собралась в гостиной.

Мария уже знала о решении мужа.

Станислав выслушал новости с явным облегчением, а Зофья сразу принялась расспрашивать сестру о будущей свадьбе.

— Только не говорите мне, что собираетесь венчаться зимой! — воскликнула она.

— Мы ещё ничего не решили, — засмеялась Ядвига.

— Тогда решайте скорее. Мне необходимо знать, какое платье готовить!

Станислав покачал головой.

— Зофья, кажется, тебя больше всего волнует собственный наряд.

— Разумеется. Кто-то ведь должен думать о важных вещах!

Все рассмеялись.

Даже Владислав улыбнулся.

И впервые за последние дни в доме стало по-настоящему легко.

Но вечером Мария попросила Александра поговорить с ней наедине.

Они устроились в небольшой гостиной возле библиотеки.

На столике горела лампа.

Мария некоторое время рассматривала молодого человека.

— Александр, вы не обидитесь, если я задам вам несколько вопросов?

— Конечно нет, пани Мария.

— Вы любите Ядвигу?

— Да.

— Тогда скажите мне, что вы будете делать, когда она начнёт скучать по дому?

Он задумался.

— Постараюсь быть рядом.

— А если этого окажется недостаточно?

Александр помолчал.

— Тогда мы будем искать возможность приехать сюда.

— А если она будет плакать?

Он опустил глаза.

— Наверное, мне будет очень тяжело видеть её слёзы.

Мария кивнула.

— А если однажды она рассердится на вас за то, что оставила всё ради вашей любви?

Александр поднял голову.

— Тогда я постараюсь её понять.

Мария долго смотрела на него.

— Хороший ответ.

Она вздохнула.

— Ядвига сильная девушка. Но иногда именно сильные люди дольше других скрывают свою боль.

— Я знаю.

— Не уверена, что знаете. Пока она влюблена, ей кажется, что она справится со всем. Но однажды наступит обычный день. Вы уйдёте на работу, а она останется одна в незнакомом городе.

Александр слушал очень внимательно.

— И тогда ей понадобится не столько ваша любовь, сколько ваше терпение, — продолжила Мария. — Умение выслушать, даже если вы устали. Умение заметить её грусть, даже если она улыбается.

Он кивнул.

— Я постараюсь помнить об этом.

Мария улыбнулась.

— Не обещайте мне невозможного. Просто берегите её.

Александр поднялся.

— Я сделаю всё, что смогу.

Она тоже встала.

Некоторое время они смотрели друг на друга.

Потом Мария протянула ему руку.

— Тогда добро пожаловать в нашу семью, Александр.

Он осторожно поцеловал её руку.

— Благодарю вас.

И впервые за всё время пребывания в имении почувствовал, что его действительно приняли.

До отъезда Александра оставалось три дня.

Ядвига старалась проводить с ним как можно больше времени.

Они гуляли по саду, играли вместе на рояле и скрипке, разговаривали о будущем.

Однажды вечером Александр достал небольшой блокнот.

— Я хочу кое-что тебе показать.

Ядвига с любопытством посмотрела на него.

— Что это?

— Мои расчёты.

Она рассмеялась.

— Расчёты?

— Да. Представь себе, я тоже умею считать деньги.

Он раскрыл блокнот.

На страницах аккуратно были записаны расходы: плата за квартиру, продукты, отопление, одежда, дорожные траты.

Ядвига внимательно изучила записи.

— И это всё?

— Почти.

— А где расходы на книги?

Александр удивился.

— На книги?

— Разумеется. Ты ведь не думаешь, что я смогу жить без книг?

Он улыбнулся и достал карандаш.

— Хорошо. Добавим книги.

— И ноты.

— Ноты у меня уже есть.

— А мои?

Александр рассмеялся.

— Ты намерена разорить меня ещё до свадьбы!

Ядвига весело покачала головой.

— Нет. Просто хочу, чтобы ты заранее знал, на ком собираешься жениться.

Он посмотрел на неё с нежностью.

— Кажется, я начинаю понимать.

Потом Ядвига вдруг стала серьёзной.

— Александр, а если нам будет трудно?

— Наверняка будет.

Она удивлённо подняла брови.

— Ты даже не собираешься меня успокаивать?

— А зачем обманывать?

Он взял её руку.

— Я не могу обещать, что мы никогда не поссоримся или не будем тревожиться о деньгах. Но могу обещать, что не стану убегать от наших трудностей.

Ядвига задумалась.

— Тогда и я обещаю.

— Что?

— Не убегать.

Они улыбнулись друг другу.

И в тот вечер впервые почувствовали себя не просто влюблёнными, а людьми, которые начинают строить общую жизнь.

Накануне отъезда Владислав пригласил Александра прогуляться по имению.

Они шли вдоль полей, где уже закончилась уборка урожая.

Вдалеке работали крестьяне, над дорогой кружили птицы.

Некоторое время мужчины молчали.

Потом Владислав спросил:

— Вам нравится здесь?

— Очень.

— Это земля моей семьи. Здесь родился мой отец. Здесь выросли мои дети.

Александр кивнул.

— Я понимаю, почему вам трудно отпускать Ядвигу.

Владислав остановился.

— Нет, молодой человек. Пока не понимаете.

Он посмотрел вдаль.

— Когда у вас появятся собственные дети, тогда поймёте.

Александр не стал спорить.

Владислав продолжил:

— Я всю жизнь старался дать детям всё необходимое. Хорошее образование, достойное положение, уверенность в завтрашнем дне.

Он усмехнулся.

— А теперь моя младшая дочь выбирает человека, который не может предложить ей даже половины того, что имеет здесь.

Александр опустил глаза.

Но Владислав неожиданно положил руку ему на плечо.

— И всё же она выбирает вас.

Он помолчал.

— Значит, вы дали ей что-то такое, чего я не могу дать.

Александр поднял голову.

— Я никогда не хотел соперничать с вами.

— Знаю.

Владислав вздохнул.

— Любовь отца и любовь мужа — разные вещи. Мне понадобилось время, чтобы вспомнить об этом.

Они снова пошли по дороге.

Наконец Владислав остановился.

— Александр, я хочу сказать вам кое-что.

— Я слушаю.

— Если однажды вам станет трудно, не считайте обращение к семье Ядвиги унижением. Она наша дочь. И её благополучие всегда будет для нас важным.

Александр почувствовал, как к горлу подступил ком.

— Благодарю вас.

Владислав протянул руку.

— Берегите её.

Александр крепко пожал её.

— Обещаю.

И на этот раз Владислав поверил.
Не потому, что перестал тревожиться.
А потому, что увидел перед собой человека, который понимал цену своего обещания.

Вечером перед отъездом семья собралась в большой гостиной.
Ядвига села за рояль.
Александр достал скрипку.
Они исполнили ту самую мелодию, с которой когда-то началась их история.
Мария слушала, сложив руки на коленях.
Зофья улыбалась.
Станислав стоял возле камина.
А Владислав сидел в своём любимом кресле и смотрел на дочь.
Он вдруг вспомнил, как много лет назад маленькая Ядвига впервые попыталась сыграть простенькую пьесу.
Пальцы её путались, она сердилась, начинала сначала.
А он стоял рядом и говорил:
— Не торопись, моя девочка. Всё получится.
Теперь она играла прекрасно.
Рядом с ней стоял молодой человек, которого она любила.
И Владислав понял, что больше не может вести её за руку.
Но может пожелать ей счастливой дороги.
Когда музыка закончилась, он первым поднялся и зааплодировал.
Ядвига удивлённо посмотрела на отца.
Тот улыбнулся.
— Прекрасно, дети мои. Просто прекрасно.

Утром Александр собрался в дорогу.
Экипаж уже ждал у крыльца.
Мария передала ему небольшой свёрток с едой.
Зофья пожелала счастливого пути.
Станислав крепко пожал руку.
Владислав стоял немного в стороне.
Когда Александр подошёл к нему, хозяин дома произнёс:
— Я буду ждать от вас известий.
— Обязательно.
— И надеюсь, что весной мы сможем снова встретиться.
Александр улыбнулся.
— Я тоже на это надеюсь.
Владислав помолчал.
Потом неожиданно обнял молодого человека.
Совсем коротко.
Но искренне.
— Счастливого пути, сынок.
Александр замер.
Это слово прозвучало так неожиданно, что он не сразу нашёлся с ответом.
— Благодарю вас… отец.
Владислав отвернулся, пряча волнение.
А Мария тихо вытерла глаза.

Ядвига проводила Александра до экипажа.
Они стояли рядом, держась за руки.
— Ты напишешь? — спросила она.
— Как только доберусь.
— И расскажешь обо всём?
— Даже о самых скучных вещах.
Она улыбнулась.
— Особенно о них.
Александр осторожно коснулся её щеки.
— Теперь нам осталось совсем немного ждать.
— Несколько месяцев.
— Они пройдут быстро.
Ядвига покачала головой.
— Ты всегда так говоришь.
— А ты всегда мне не веришь.
Они рассмеялись.
Потом он стал серьёзным.
— Я люблю тебя.
— И я тебя.
Александр поцеловал её руку.
Поднялся в экипаж.
Лошади тронулись.
Ядвига стояла на крыльце, пока экипаж не скрылся за деревьями.
Потом почувствовала, как кто-то подошёл сзади.
Это был отец.
Он молча обнял её за плечи.
Она прижалась к нему.
— Папа…
— Что, моя девочка?
— Спасибо.
Владислав поцеловал её в волосы.
— Только будь счастлива.
Ядвига улыбнулась сквозь слёзы.
— Я постараюсь.

Вечером Владислав снова вошёл в гостиную.
Ядвига сидела за роялем.
Он остановился в дверях.
Некоторое время слушал.
Потом подошёл и сел рядом.
— Что играешь?
— Новую мелодию Александра.
— Красивую.
— Да.
Владислав посмотрел на дочь.
— Знаешь, Ядвига, я сегодня понял одну вещь.
— Какую?
Он улыбнулся.
— Я всё время боялся, что потеряю тебя.

Она перестала играть.

— Папа…

— А теперь думаю, что, возможно, наша семья просто станет немного больше.

Ядвига обняла его.

И в этот момент Владислав впервые почувствовал, что способен отпустить дочь без ощущения окончательной потери.

Он всё ещё будет скучать.

Будет ждать её писем.

Будет тревожиться.

Но теперь рядом с его тревогой появилась надежда.

Поздно вечером Мария нашла мужа в кабинете.

Он сидел у стола и рассматривал семейный альбом.

— Опять вспоминаешь? — спросила она.

Владислав улыбнулся.

— Немного.

Мария подошла ближе.

На открытой странице была фотография их свадьбы.

Молодой Владислав стоял рядом с Марией, счастливый и немного растерянный.

Она рассмеялась.

— Боже мой, какие мы были молодые!

— И какие самоуверенные.

— Ты особенно.

Владислав взял жену за руку.

— Помнишь, как твой отец говорил, что я совершенно не подхожу тебе?

Мария улыбнулась.

— Ещё бы.

— А теперь я сам едва не повторил его ошибку.

Она присела рядом.

— Ты просто любишь дочь.

— Да.

Он закрыл альбом.

— Но, кажется, пришло время позволить ей жить собственной жизнью.

Мария положила голову ему на плечо.

За окнами шумел ветер.

Старый дом постепенно погружался в сон.

А где-то далеко по осенней дороге ехал молодой музыкант.

В его дорожном саквояже лежали ноты, несколько книг и аккуратно перевязанные письма.

Он возвращался в Россию.

Впереди его ждали работа, заботы и долгие месяцы разлуки.

Но теперь он знал, что эта дорога однажды приведёт его обратно.

К девушке, которая ждёт.

К семье, которая постепенно становится его семьёй.

К новой жизни, которую им ещё только предстояло построить.

И впервые за много лет Александр думал не о том, какой концерт будет следующим.

Он думал о весне.

О белом платье.

И о том дне, когда сможет назвать Ядвигу своей женой.

Глава девятая. В ожидании весны

Первый снег выпал неожиданно.

Ещё накануне в саду лежали последние жёлтые листья, а утром Ядвига проснулась и увидела за окном совершенно другой мир.

Деревья стояли белые, дорожки исчезли под тонким снежным покровом, а на каменной балюстраде террасы сидела маленькая птица, нахохлившись от холода.

Ядвига подошла к окну и улыбнулась.

Она всегда любила первый снег.

В детстве непременно выбегала во двор раньше всех, оставляя на нетронутой белизне следы. Теперь же долго стояла у окна, думая о человеке, который находился далеко от неё. Александр уехал почти два месяца назад.

Письма приходили регулярно. Иногда дважды в неделю, иногда реже, когда работа задерживала его допоздна.

Он рассказывал о репетициях, новых учениках, оркестровых концертах и о квартире, которую собирался снять для них обоих.

Но особенно Ядвига любила те строки, где он писал о самых обыкновенных вещах.

О том, как однажды купил на рынке яблоки и вспомнил их прогулку по саду.

Как увидел в книжной лавке сборник стихов, который она любила.

Как по привычке повернулся к пустому креслу, собираясь поделиться смешной историей, и только потом вспомнил, что её нет рядом. Такие признания трогали её сильнее самых красивых слов о любви.

Она достала из ящика последнее письмо и перечитала знакомые строки.

«Сегодня я впервые посмотрел на квартиру не как на место, где мне предстоит жить, а как на наш будущий дом. Представил, где будет стоять твой рояль, куда мы поставим книги и в каком кресле ты станешь читать по вечерам. И понял, что никогда прежде не думал о доме так серьёзно. Мне всегда казалось, что дом — это место, куда возвращаешься после концерта. Теперь я знаю: дом — это место, где тебя ждут».

Ядвига прижала письмо к груди.

— Скорее бы весна, — прошептала она.

В России Александр действительно занимался устройством будущей жизни.

Он нашёл квартиру на втором этаже небольшого каменного дома, неподалёку от театра.

Комнаты были скромными, но светлыми. Окна гостиной выходили на тихую улицу, а из спальни открывался вид на небольшой двор с липой посередине.

Хозяйка дома, пожилая вдова по имени Анна Сергеевна, внимательно осмотрела молодого музыканта, когда тот впервые пришёл договариваться об аренде.

— Значит, жениться собираетесь?

— Да.

— И невесту из Польши привезёте?

— Да.

Она покачала головой.

— Далеко же девушку увозите.

Александр улыбнулся.

— Знаю.

— А хозяйство вести умеете?

Он растерялся.

— В каком смысле?

— В самом обыкновенном. Печи топить, продукты покупать, деньги считать.

— Деньги считать умею.

— Уже хорошо. Остальному научитесь.

Старушка показала ему комнаты.

В гостиной стоял старый шкаф, несколько стульев и круглый стол. В спальне — широкая кровать с деревянным изголовьем.

Александр прошёлся по комнатам.

Он представлял Ядвигу у окна, её книги на полках, цветы на столе.

— Я возьму квартиру, — сказал он.

Анна Сергеевна одобрительно кивнула.

— Только смотрите, молодой человек, чтобы ваша жена не плакала здесь от тоски.

Александр серьёзно ответил:

— Я очень постараюсь, чтобы этого не случилось.

В имении Вишневских тем временем начались приготовления к свадьбе.

Мария не любила суеты, но прекрасно понимала, сколько хлопот ожидает семью.

Прежде всего следовало договориться о дате венчания, пригласить родственников, подготовить праздничный обед и позаботиться о приданом.

Зофья с удовольствием взяла на себя обсуждение платьев и украшений.

— Ядвига, ты должна непременно заказать новое платье!

— Разумеется, Зофья. Неужели ты думала, что я выйду замуж в дорожном костюме?

— С тобой никогда нельзя быть уверенной.

Обе рассмеялись.

Но когда речь зашла о свадебном платье, Ядвига неожиданно стала серьёзной.

— Я не хочу ничего слишком пышного.

Зофья удивилась.

— Почему?

— Мне хочется, чтобы Александр увидел меня, а не гору кружев.

Мария, сидевшая рядом с рукоделием, улыбнулась.

— Очень разумное желание.

— Мама, только не говори, что ты согласна с ней! — воскликнула Зофья.

— Я согласна с тем, что невеста должна чувствовать себя счастливой в своём платье.

В конце концов решили заказать наряд из светлого шёлка, с тонким кружевом у горловины и на рукавах.

Фата должна была быть длинной, но лёгкой.

А вместо тяжёлых украшений Ядвига выбрала небольшую жемчужную подвеску, которую когда-то получила от бабушки.

— Она всегда говорила, что жемчуг нужно носить в счастливые дни, — объяснила девушка.

Мария ласково погладила её по руке.

— Значит, для него настал самый подходящий день.

Зима шла своим чередом.

Владислав занимался хозяйством, Станислав помогал отцу с делами, Зофья готовилась к праздничным приёмам.

Но в доме появилась новая привычка.

Каждый раз, когда приносили почту, кто-нибудь непременно спрашивал:

— Есть письмо от Александра?

Сначала Ядвига смущалась.

Потом привыкла.

Однажды Владислав сам передал ей конверт.

— Твой музыкант пишет.

Она улыбнулась.

— Он не только мой музыкант, папа. Он ещё и твой будущий зять.

Владислав сделал вид, что задумался.

— Надо же. И когда я успел на это согласиться?

— Осенью.

— Ах да. Совсем забыл.

Ядвига рассмеялась и поцеловала отца в щёку.

Но Владислав задержал её за руку.

— Он пишет о работе?

— Да. И о квартире.

— Хорошо.

— Ты хочешь что-нибудь узнать?

Отец помолчал.

— Спроси, достаточно ли там места для рояля.

Ядвига удивилась.

— Для моего рояля?

— Разумеется. Ты ведь не собираешься оставлять музыку здесь.

Она обняла его.

— Спасибо, папа!

Владислав ласково похлопал её по плечу.

— Не благодари раньше времени. Перевезти такую махину в Россию будет непросто.

Но Ядвига уже знала: отец найдёт способ.

В конце января пришло письмо, которое заставило её поволноваться.

Александр писал, что из-за болезни одного из музыкантов ему пришлось взять дополнительные выступления. Работа стала напряжённее, он поздно возвращался домой и почти не отдыхал.

«Не тревожься, дорогая. Я здоров. Просто сейчас нужно немного больше работать. Хочу закончить все дела до весны, чтобы приехать к тебе свободным от прежних обязательств».

Ядвига прочитала письмо несколько раз.

Потом села за стол.

«Мой дорогой Александр!

Я очень рада, что ты так серьёзно относишься к нашему будущему. Но прошу тебя об одном: не превращай подготовку к счастью в бесконечную усталость. Мне не нужен роскошный дом. Не нужны дорогие подарки. И уж тем более не нужен жених, который к свадьбе будет настолько измучен, что едва сможет стоять у алтаря.

Мне нужен ты. Здоровый, живой, иногда упрямый и непременно со своей скрипкой.

Если чего-то не хватит, мы приобретём это позже. Вместе.

А пока, пожалуйста, отдыхай. Это не просьба. Считай, что я впервые пользуюсь правом будущей жены немного тобой командовать».

Отправив письмо, Ядвига почувствовала облегчение.

Через неделю пришёл ответ.

«Дорогая моя будущая повелительница! Ваше распоряжение принято к исполнению. Вчера я лёг спать раньше полуночи, сегодня отказался от одного дополнительного урока, а завтра намерен совершить совершенно невероятный поступок — прогуляться без всякой цели.

Но предупреждаю: когда мы поженимся, я тоже оставляю за собой право заботиться о твоём здоровье.

И если ты будешь слишком долго сидеть за роялем, я непременно начну командовать».

Ядвига смеялась так громко, что Зофья прибежала из соседней комнаты.

— Что случилось?

— Ничего!

— Тогда почему ты смеёшься?

— Потому что собираюсь выйти замуж за совершенно невозможного человека!

Зофья заглянула в письмо.

— Покажи!

— Ни за что!

И сёстры, словно в детстве, устроили весёлую возню, пытаясь отнять друг у друга конверт.

В феврале (в один из февральских дней!??) Мария пригласила дочь к себе.

На столе лежала небольшая деревянная шкатулка.

— Я хочу кое-что тебе подарить, — сказала она.

Ядвига села рядом.

Мария открыла шкатулку.

Внутри лежал тонкий золотой браслет с маленькой застёжкой.

— Его подарил мне твой отец перед нашей свадьбой.

Ядвига удивлённо посмотрела на мать.

— Но ты ведь никогда его не снимаешь!

— Снимаю. Иногда.

Мария улыбнулась.

— И теперь хочу, чтобы он был у тебя.

— Мама, я не могу…

— Можешь.

Она взяла руку дочери и осторожно застегнула браслет.

— Когда я выходила замуж, моя мать сказала мне одну вещь. Тогда я не совсем поняла её слова.

— Какие?

Мария посмотрела дочери в глаза.

— Она сказала: «Не старайся прожить семейную жизнь без ошибок. Старайся не забывать, ради чего вы решили быть вместе».

Ядвига задумалась.

— А ты ошибалась, мама?

Мария тихо рассмеялась.

— Много раз.

— И папа?

— Особенно папа.

Обе улыбнулись.

Потом Мария стала серьёзной.

— Мы с ним спорили, обижались друг на друга, иногда говорили лишнее. Но всегда старались помнить, что мы не враги. Мы два человека, которые однажды выбрали общую дорогу.

Ядвига посмотрела на браслет.

— Я постараюсь это запомнить.

Мария обняла её.

— Вот и хорошо, моя девочка.

Весна пришла рано.

Сначала растаял снег на южной стороне сада.

Потом появились первые подснежники.

На деревьях набухли почки, птицы стали возвращаться к своим гнёздам, а воздух наполнился запахом влажной земли.

В начале марта Александр сообщил, что полностью рассчитался с долгами.

Через несколько дней прислал ещё одно письмо.

«Ядвига, всё готово.

Квартира ждёт нас. Работа позволяет мне взять отпуск. Я договорился обо всём, что зависело от меня.

Если твой отец по-прежнему согласен, я приеду в апреле.

И на этот раз не уеду без тебя».

Ядвига перечитала последние слова.

Сердце забилось так сильно, что она невольно прижала ладонь к груди.

Потом побежала искать родителей.

Владислав внимательно прочитал письмо.

— Значит, в апреле?

— Да, папа.

— И всё подготовлено?

— Александр пишет, что да.

Отец кивнул.

— Хорошо. Тогда пора окончательно назначить день.

Мария посмотрела на дочь.

— Ты готова, Ядвига?

Та улыбнулась.

— Очень.

Владислав вздохнул.

— Что ж, значит, в нашем доме скоро будет свадьба.

Он произнёс это спокойно.

Но Мария заметила, как крепко он сжал край письма.

С этого дня имение словно ожило.

В доме обсуждали гостей, меню, музыку, цветы.

Портниха несколько раз приезжала на примерки.

Ядвига подолгу стояла перед зеркалом, пока Зофья придирчиво осматривала каждый шов.

— Здесь нужно немного убрать, — говорила она.

— Зофья, если ты уберёшь ещё хоть немного, я не смогу дышать!

— Невеста должна быть красивой.

— Но желательно живой!

Сёстры смеялись.

Мария наблюдала за ними с улыбкой.

Иногда ей хотелось остановить время.

Запомнить эти голоса.

Эти споры.

Этот весёлый беспорядок в комнате.

Потому что совсем скоро всё изменится.

В середине апреля Александр приехал.

На этот раз Ядвига не стала ждать, пока он войдёт в дом.

Услышав стук колёс, она выбежала на крыльцо.

Александр только успел спуститься с экипажа, когда увидел её.

— Ядвига!

Она остановилась в нескольких шагах.

Они смотрели друг на друга, улыбаясь, словно не верили, что разлука наконец закончилась.

Потом Александр подошёл и взял её за руки.

— Здравствуй, моя дорогая.

— Здравствуй.

— Ты изменилась.

— Правда?

— Стала ещё красивее.

Она рассмеялась.

— А ты стал ещё худее!

— Это потому, что ты слишком поздно начала мной командовать.

Они засмеялись.

И только потом заметили, что на крыльце уже стоят Мария, Владислав, Зофья и Станислав.

— Ну что ж, — громко произнёс Владислав, — кажется, наш жених благополучно добрался!

Александр повернулся к нему.

— Добрый день, пан Вишневский.

— Добрый день, Александр.

Владислав подошёл и крепко пожал ему руку.

— С возвращением.

Вечером вся семья собралась за столом.

Александр подробно рассказал о работе, квартире и приготовлениях.

Владислав внимательно слушал.

Задавал вопросы.

Иногда уточнял детали.

Но теперь в его голосе не было прежнего недоверия.

Наконец он отложил салфетку.

— Что ж, Александр. Вы выполнили всё, о чём мы договаривались.

— Я старался.

— Вижу.

Владислав посмотрел на дочь.

Потом на жену.

— Думаю, больше нет причин откладывать свадьбу.

Ядвига замерла.

Александр осторожно взял её за руку под столом.

Мария улыбнулась.

— Тогда назначим венчание на май.

Зофья радостно всплеснула руками.

— Наконец-то!

Станислав рассмеялся.

— Вот теперь начнутся настоящие хлопоты!

А Владислав, глядя на счастливое лицо младшей дочери, вдруг почувствовал удивительное спокойствие.

Он сделал всё, что мог.

Теперь оставалось довериться её выбору.

Поздно вечером Ядвига и Александр вышли на террасу.

В саду пахло молодой листвой.

Где-то далеко пела ночная птица.

Они стояли рядом, держась за руки.

— Ты счастлива? — спросил Александр.

Ядвига улыбнулась.

— Очень.

— Не боишься?

Она задумалась.

— Немного.

— Чего?

— Всего нового.

Он кивнул.

— Я тоже.

Она удивлённо посмотрела на него.

— Ты?

— Конечно.

— Но ты всегда такой спокойный.

Александр улыбнулся.

— Это только снаружи.

Ядвига прислонилась к его плечу.

— Значит, будем бояться вместе?

— Вместе.

Он осторожно поцеловал её в волосы.

Они долго стояли молча.

Впереди был май.

И день, после которого их жизнь уже никогда не станет прежней.

Глава десятая. День, который останется навсегда

Майское утро началось с солнечного света.

Он проникал сквозь тонкие занавески, ложился золотистыми полосами на пол, скользил по спинке кресла, на котором с вечера было приготовлено свадебное платье.

Ядвига проснулась раньше обычного.

Несколько мгновений она лежала неподвижно, прислушиваясь к знакомым звукам родного дома.

Где-то внизу открывали двери.

На дворе переговаривались работники.

В саду пели птицы.

Всё было как всегда.

И всё-таки этот день был совсем другим.

Сегодня она выходила замуж.

Ядвига повернула голову и посмотрела на платье.

Белый шёлк мягко поблёскивал в утреннем свете. На спинке кресла лежала длинная фата, рядом стояли светлые туфельки.

Она вдруг почувствовала странное волнение.

Столько месяцев ждала этого дня, представляла его, мечтала о нём.

А теперь, когда он наступил, ей захотелось хоть ненадолго задержать утро.

Просто посидеть у окна.

Посмотреть на сад.

Запомнить свою комнату такой, какой она была все эти годы.

Раздался тихий стук.

— Ядвига, ты проснулась?

Это была Мария.

— Да, мама. Входи.

Мать вошла с небольшой вазочкой, в которой стояли веточки цветущей яблони.

— Посмотри, что я принесла.

Ядвига улыбнулась.

— Из нашего сада?

— Конечно.

Мария поставила цветы на столик.

Потом подошла к дочери.

Некоторое время они просто смотрели друг на друга.

— Ну вот, — тихо сказала мать. — И наступил твой день.

Ядвига неожиданно обняла её.

— Мама, мне почему-то хочется плакать.

Мария погладила дочь по волосам.

— Поплачь, если хочется.

— Но ведь я счастлива!

— Разве от счастья не плачут?

Ядвига улыбнулась сквозь слёзы.

— Ты только не начинай, мама. А то мы обе испортим себе лица ещё до венчания.

Мария рассмеялась.

— Хорошо. Сегодня будем очень благоразумными женщинами.

И обе прекрасно понимали, что вряд ли сумеют сдержать это обещание.

К полудню дом наполнился голосами.

Приехали родственники, близкие друзья семьи, соседи.

В большой гостиной расставляли цветы. На террасе готовили столы для праздничного обеда. Из кухни доносились запахи свежей выпечки и горячих блюд.

Зофья распоряжалась приготовлениями с таким усердием, словно именно ей предстояло выйти замуж.

— Осторожнее с этими вазами! — говорила она слугам. — И пожалуйста, не ставьте белые цветы рядом с красными. Мы ведь обо всём договорились!

Станислав, проходивший мимо, остановился.

— Зофья, по-моему, ты скоро начнёшь командовать даже птицами в саду.

— Если они станут мешать церемонии, непременно!

Он рассмеялся.

— Бедные птицы.

— Лучше иди проверь, приехали ли музыканты.

— Уже приехали.

— А экипажи?

— Готовы.

— А жених?

Станислав сделал серьёзное лицо.

— Вот его мы, кажется, потеряли.

Зофья побледнела.

— Что?!

Брат расхохотался.

— Успокойся. Он у себя в комнате.

Она сердито стукнула его по плечу.

— Станислав! Сегодня не день для подобных шуток!

— Напротив, сестрица. Сегодня самый подходящий день.

Александр действительно находился в своей комнате.

Он уже несколько раз проверил часы, поправил воротник и снова подошёл к зеркалу.

На столе лежал небольшой футляр.

Внутри — обручальное кольцо.

Александр открыл футляр, посмотрел на кольцо и осторожно закрыл.

Ему казалось невероятным, что через несколько часов Ядвига станет его женой.

Он вспомнил их первую встречу в Вене.

Молодую девушку, которая после концерта подошла к нему и заговорила о музыке.

Тогда он даже не мог представить, что эта встреча изменит всю его жизнь. В дверь постучали.

— Входите.

Появился Станислав.

— Ну что, жених, готов?

— Кажется, да.

Станислав внимательно посмотрел на него.

— Ты бледный.

— Правда?

— Совсем немного.

Александр усмехнулся.

— Прекрасно. Очень ободряюще.

Станислав подошёл ближе и поправил ему воротник.

— Не волнуйся. Ядвига тоже сегодня не похожа на себя.

— Она волнуется?

— Ещё как.

Александр улыбнулся.

— Тогда мы хотя бы в одинаковом положении.

Станислав на мгновение стал серьёзным.

— Александр, я хотел тебе кое-что сказать.

— Слушаю.

— У меня две сестры. Обе мне дороги. Но Ядвига всегда была особенной.

Александр кивнул.

— Знаю.

— Она с детства умела настоять на своём. Иногда доводила отца до отчаяния, мать — до смеха, а меня — до желания спрятаться где-нибудь подальше.

Оба улыбнулись.

— Но если она кого-то любит, то всем сердцем, — продолжил Станислав. — И я очень хочу, чтобы ты это ценил.

Александр посмотрел на него.
— Буду стараться всю жизнь.
Станислав протянул руку.
— Тогда добро пожаловать в семью, брат.
Александр крепко пожал её.
И впервые за всё утро почувствовал себя немного спокойнее.

В комнате Ядвиги тем временем происходило настоящее маленькое сражение.
— Не двигайся! — воскликнула Зофья.
— Я и не двигаюсь!
— Ты повернула голову!
— Потому что ты уже десять минут прикалываешь фату!
— Красота требует терпения.
— А я скоро потребую свободы!
Мария, сидевшая у окна, рассмеялась.
— Девочки, если вы продолжите спорить, мы опоздаем.
— Вот видишь! — торжествующе сказала Ядвига.
Зофья отступила на шаг.
— Всё. Готово.
Ядвига повернулась к зеркалу.
И замерла.
Из зеркала на неё смотрела молодая женщина в белом шёлковом платье.
Тонкое кружево обрамляло горловину и рукава. Длинная фата мягко спускалась на плечи. На шее сияла бабушкина жемчужная подвеска, а на запястье — золотой браслет матери.
Она осторожно коснулась ткани.
— Неужели это я?
Зофья улыбнулась.
— Ты.
Мария поднялась.
Подошла к дочери.
Поправила крошечную складку на плече, хотя поправлять было совершенно нечего.
Потом обняла Ядвигу.
— Какая же ты красивая, моя девочка.
Ядвига почувствовала, как снова подступают слёзы.
— Мама…
— Нет-нет, — поспешно сказала Мария. — Мы ведь договорились не плакать.
— Это ты первая начала!
Зофья отвернулась к окну.
Но Ядвига успела заметить, как сестра украдкой вытирает глаза.

Владислав стоял внизу, возле лестницы.
На нём был тёмный праздничный костюм.
Он несколько раз доставал часы, хотя прекрасно знал, что ещё рано.
Мария спустилась первой.
Муж посмотрел на неё.
— Ну что?
Она улыбнулась.
— Приготовься.
— К чему?

— Увидеть нашу дочь.

Владислав хотел что-то ответить, но в этот момент наверху послышались шаги. Он поднял голову.

Ядвига медленно спускалась по лестнице.

Одной рукой она придерживала платье, другой — перила.

Белая фата мягко колыхалась при каждом шаге.

Владислав смотрел на неё, не произнося ни слова.

Он видел перед собой прекрасную молодую женщину.

Но одновременно — маленькую девочку, которую когда-то учил ходить по этой самой лестнице.

Она тогда боялась высоких ступенек и крепко держалась за его руку.

Теперь спускалась сама.

Ядвига остановилась перед отцом.

— Ну как, папа?

Владислав открыл рот, но не сразу сумел ответить.

Потом тихо произнёс:

— Ты прекрасна, моя девочка.

Она улыбнулась.

— Правда?

Он кивнул.

И вдруг осторожно взял её руку.

— Помнишь, как ты боялась спускаться по этой лестнице?

Ядвига удивлённо рассмеялась.

— Помню. Ты всегда говорил: «Не смотри вниз, смотри на меня».

Владислав улыбнулся.

— А сегодня я снова поведу тебя за руку.

У Ядвиги задрожали губы.

Она обняла отца.

— Спасибо тебе за всё, папа.

Он прижал её к себе.

— Будь счастлива, доченька.

И больше ничего не смог сказать.

Венчание было назначено в старом костёле неподалёку от имения.

Его каменные стены помнили не одно поколение семьи Вишневских. Здесь когда-то венчались Владислав и Мария, здесь крестили их детей.

Теперь под высокими сводами собрались родные и друзья Ядвиги и Александра.

В воздухе пахло цветами и воском.

Солнечный свет проникал сквозь цветные стёкла окон и ложился на каменный пол.

Александр стоял впереди.

Рядом с ним находился Станислав.

Жених старался сохранять спокойствие.

Но когда за его спиной послышалось движение, он невольно обернулся.

Владислав вёл Ядвигу.

Она шла медленно, немного волнуясь, но с такой счастливой улыбкой, что Александр на мгновение забыл обо всём вокруг.

О музыке.

О гостях.

О торжественности церемонии.

Он видел только её.

Когда Ядвига подошла, Владислав остановился.

Несколько мгновений держал дочь за руку.

Потом передал её Александру.

— Береги её, — тихо произнёс он.

— Буду, — ответил Александр.

Владислав посмотрел на них обоих.

И отошёл к Марии.

Слова священника звучали под высокими сводами торжественно и спокойно.

Ядвига слушала их, ощущая, как Александр держит её руку.

Когда пришло время произнести согласие, она вдруг почувствовала необыкновенную ясность.

Всё, что прежде казалось таким сложным, — расстояние, тревоги, разговоры, ожидание, — словно отступило.

Осталось только одно.

Она любила этого человека.

И хотела пройти с ним всю жизнь.

— Да, — произнесла Ядвига.

Голос её прозвучал тихо, но уверенно.

Александр посмотрел ей в глаза.

— Да.

Когда они обменялись кольцами, его пальцы слегка дрожали.

Ядвига заметила это и едва заметно улыбнулась.

Он ответил ей такой же улыбкой.

И в этот короткий миг между ними было больше нежности, чем в любых торжественных речах.

Они стали мужем и женой.

После венчания гости вышли на залитую солнцем площадь.

Зазвучали поздравления.

Кто-то обнимал молодых, кто-то желал счастья, кто-то уже обсуждал предстоящий праздник.

Мария поцеловала дочь.

— Ну вот, моя дорогая. Теперь ты замужняя женщина.

Ядвига рассмеялась.

— Мама, я пока совершенно не чувствую себя другой!

— И не нужно. Оставайся собой.

Зофья обняла сестру так крепко, что едва не помяла фату.

— Ядвига, ты была прекрасна!

— Спасибо.

— А Александр так волновался!

— Я заметила.

Станислав подошёл к молодожёнам.

— Ну что, господин Воронцов, теперь отступать поздно.

Александр улыбнулся.

— Я и не собирался.

— Прекрасно. Тогда поздравляю вас обоих!

В имении гостей встречали музыка и празднично накрытые столы.

На террасе стояли большие вазы с весенними цветами. Белые скатерти колыхались от лёгкого ветра.

За обедом произносили тосты.

Вспоминали детство Ядвиги.

Рассказывали забавные истории.

Зофья несколько раз смеялась до слёз, когда Станислав вспоминал, как маленькая сестра однажды решила устроить концерт для всей домашней прислуги, но рассердилась, потому что никто не догадался принести ей цветы.

— Мне тогда было шесть лет! — возмущалась Ядвига.

— И ты уже прекрасно знала, чего хочешь от публики! — отвечал брат.

Александр смеялся вместе со всеми.

Он с удивлением обнаруживал, сколько ещё не знает о детстве своей жены.

В какой-то момент Владислав поднялся.

Гости постепенно затихли.

— Дорогие друзья, — начал он. — Сегодня в нашем доме большой праздник.

Он посмотрел на Ядвигу.

— Когда у человека рождается дочь, он думает, что впереди у него целая вечность, чтобы научить её всему необходимому.

В зале стало тихо.

— Он учит её ходить, говорить, отличать добро от зла. Радуется её первым успехам. Иногда сердится на её упрямство…

Гости улыбнулись.

— А потом однажды обнаруживает, что она выросла. И что теперь уже сама может научить его кое-чему важному.

Ядвига смотрела на отца, не отрывая глаз.

Владислав перевёл взгляд на Александра.

— Моя дочь научила меня тому, что любовь нельзя удержать возле себя. Ей нужно позволить жить.

Он ненадолго замолчал.

— Сегодня я не теряю дочь. Сегодня у меня появляется сын.

Александр опустил голову.

Мария осторожно взяла мужа за руку.

— Я желаю вам, дети мои, не жизни без трудностей, а сил преодолевать их вместе. И пусть в вашем доме всегда найдётся место для любви, уважения и прощения.

Он поднял бокал.

— За Ядвигу и Александра!

Гости дружно поддержали его.

А Ядвига, уже не скрывая слёз, поднялась и обняла отца.

Когда наступил вечер, музыканты приготовились к танцам.

В большой гостиной зажгли свечи.

Распахнули двери на террасу.

В саду ещё светлело небо, а в комнатах уже мягко сияли огни.

Александр подошёл к Ядвиге.

— Позволишь пригласить тебя на танец, госпожа Воронцова?

Она улыбнулась.

— С удовольствием, господин Воронцов.

Он взял её за руку.

Зазвучал вальс.

И они закружились по залу.

Ядвига чувствовала его руку на своей талии, слышала музыку и видела счастливые лица родных.

— Ты знаешь, — тихо сказала она, — я до сих пор не могу поверить.

— Во что?

— Что мы поженились.

Александр улыбнулся.

— Могу показать кольцо, если тебе нужны доказательства.

Она рассмеялась.

— Нет, пожалуй, я поверю тебе на слово.

Он чуть крепче прижал её к себе.

— Я люблю тебя, Ядвига.

— И я тебя.

Они продолжали танцевать.

И на несколько мгновений весь мир словно перестал существовать.

После первого танца Александр неожиданно попросил музыкантов сделать небольшой перерыв.

Ядвига удивилась.

— Что случилось?

Он улыбнулся.

— У меня для тебя подарок.

— Ещё один?

— Этот особенный.

Александр подошёл к футляру, стоявшему возле рояля.

Открыл его.

Достал скрипку.

Ядвига замерла.

— Александр…

— Помнишь нашу первую встречу?

Она кивнула.

— Конечно.

— Тогда ты спросила, почему в моей музыке столько печали.

Он посмотрел на неё.

— Я долго не знал, что ответить. А потом встретил тебя и понял, что музыка может рассказывать не только о том, что человек потерял, но и о том, что он обрёл.

В гостиной стало тихо.

Александр поднял скрипку.

— Я написал эту мелодию для тебя. Она называется «Дом, где меня ждут».

Он начал играть.

Первые звуки были тихими, почти осторожными.

Мелодия постепенно раскрывалась, становилась светлее, теплее, наполнялась радостью.

В ней словно звучали и далёкая Вена, и долгие письма, и осенний сад, и все месяцы ожидания.

А потом появилась новая тема.

Простая.

Нежная.

Такая, будто кто-то открывал дверь и наконец возвращался домой.

Ядвига слушала, не двигаясь.

Слёзы медленно катились по её щекам.
Когда последние звуки стихли, она подошла к Александру.
— Это самое прекрасное, что мне когда-либо дарили.
Он улыбнулся.
— Тогда я счастлив.
Она обняла его.
И гости, забыв о всякой торжественности, зааплодировали.

Позднее Владислав пригласил дочь на танец.
— Позволишь, моя девочка?
— Конечно, папа.
Они медленно двигались под музыку.
Владислав некоторое время молчал.
Потом спросил:
— Счастлива?
Ядвига улыбнулась.
— Очень.
Он кивнул.
— Вот и хорошо.
Она посмотрела на отца.
— Ты сегодня был замечательный.
— Правда?
— Особенно когда говорил о том, что у тебя появился сын.
Владислав улыбнулся.
— Я ведь действительно так думаю.
Некоторое время они танцевали молча.
Потом Ядвига тихо произнесла:
— Я буду очень скучать.
Отец вздохнул.
— И я.
— Но я обязательно приеду.
— Знаю.
— И буду писать.
— Только не забывай рассказывать обо всём. Даже о самых обыкновенных вещах.
Ядвига улыбнулась.
— Обещаю.
Владислав посмотрел на неё.
— Знаешь, чего мне будет не хватать больше всего?
— Чего?
— Твоей музыки по вечерам.
Она обняла его за плечи.
— Тогда, когда я приеду, буду играть тебе целыми днями.
Он рассмеялся.
— Вот уж этого я, пожалуй, не выдержу!
Они оба засмеялись.
И Владислав подумал, что именно такой хочет запомнить свою дочь.
Счастливой.
Смеющейся.
Любимой.

Праздник продолжался до позднего вечера.

Гости танцевали, разговаривали, выходили в сад подышать прохладным воздухом.

Мария несколько раз наблюдала за молодожёнами издалека.

Она видела, как Александр заботливо поправляет на плечах Ядвиги лёгкую накидку.

Как наклоняется к ней, чтобы что-то сказать.

Как дочь смеётся, глядя ему в глаза.

И чувствовала спокойствие.

Не потому, что была уверена в безоблачном будущем.

А потому, что видела: эти двое действительно хотят беречь друг друга. Когда музыка ненадолго стихла, Мария подошла к мужу.

— Устал?

— Немного.

— Счастлив?

Владислав посмотрел на танцующих.

— Да.

Он взял жену за руку.

— И немного грущу.

— Я тоже.

Она прислонилась к его плечу.

— Но ведь это хорошая грусть, Владислав.

Он кивнул.

— Очень хорошая.

Ближе к полуночи Ядвига ненадолго поднялась в свою комнату.

Ей хотелось снять фату и немного отдохнуть от шума.

Она подошла к окну.

Сад лежал в мягком лунном свете.

Внизу ещё звучали голоса гостей.

На столике стояли утренние веточки яблони.

Ядвига осторожно коснулась одного цветка.

Завтра начнутся приготовления к отъезду.

Скоро она покинет этот дом.

Будет жить в другой стране.

Учиться вести хозяйство.

Привыкать к новым людям, новым улицам, новому укладу.

Наверняка будут трудности.

Возможно, слёзы.

Но сегодня ей не хотелось думать о них.

Сегодня она была счастлива.

В дверь тихо постучали.

— Ядвига?

Она улыбнулась.

— Входи, Александр.

Он остановился на пороге.

— Я тебя потерял.

— Всего на несколько минут.

— Мне уже показалось, что ты решила сбежать.

Она рассмеялась.

— Слишком поздно, господин Воронцов. Мы уже обвенчаны.

Он подошёл ближе.

— И ты не жалеешь?

Ядвига посмотрела ему в глаза.

— Ни одной минуты.

Александр осторожно взял её руки.

— Знаешь, о чём я сейчас думаю?

— О чём?

— О том, что ещё недавно мы могли только писать друг другу письма. А теперь я могу просто войти в комнату и увидеть тебя.

Она улыбнулась.

— И тебе больше не придётся ждать ответа неделями.

— Это самое прекрасное.

Они тихо рассмеялись.

Потом Александр обнял её.

Ядвига положила голову ему на плечо.

За окном шелестели деревья.

Издалека доносилась музыка.

А в старом доме, где прошло её детство, начиналась новая история.

История семьи Воронцовых.

Поздно ночью, когда гости наконец разъехались и дом погрузился в тишину, Владислав ещё раз прошёл по опустевшей гостиной.

На столах остались цветы.

Несколько свечей догорали.

У рояля лежала забытая нотная тетрадь.

Он открыл её.

На первой странице аккуратным почерком Александра было написано:

«Ядвиге. В день нашей свадьбы».

Владислав долго смотрел на эти слова.

Потом осторожно закрыл тетрадь.

Мария появилась в дверях.

— Ты ещё здесь?

— Да.

— О чём задумался?

Он посмотрел на жену.

— О том, как странно устроена жизнь.

— Почему?

— Мы растим детей, думая, что учим их жить. А потом они вырастают и учат нас отпускать.

Мария подошла и взяла его под руку.

— Пойдём отдыхать, дорогой.

Владислав ещё раз оглянулся на гостиную.

— Знаешь, Мария, сегодня был прекрасный день.

Она улыбнулась.

— Да.

Они погасили последние свечи.

И старый дом уснул.

А весна за его окнами продолжала цвести, словно не подозревая, что стала свидетельницей одного из самых счастливых дней в жизни семьи Вишневских.

Глава одиннадцатая. Дорога к новому дому

Наутро после свадьбы старое имение просыпалось медленно.

Вчерашний праздник ещё напоминал о себе повсюду. На террасе стояли вазы с цветами, в гостиной оставались сдвинутые после танцев кресла, а в воздухе едва уловимо пахло воском и весенними розами.

Ядвига проснулась рядом с Александром.

Несколько мгновений она лежала неподвижно, прислушиваясь к его ровному дыханию.

Мой муж.

Эти два слова казались ей одновременно привычными и совершенно невероятными.

Она осторожно повернулась к нему.

Александр открыл глаза.

— Доброе утро, госпожа Воронцова.

Ядвига улыбнулась.

— Доброе утро, господин Воронцов.

— Хорошо спала?

— Очень.

Он посмотрел на неё с нежностью.

— А я всё утро думаю, что теперь мне больше не нужно прощаться с тобой после каждой встречи.

— Совсем никогда?

— Ну, разве что когда отправлюсь на репетицию.

Она рассмеялась.

— Тогда я, пожалуй, позволю тебе иногда уходить.

Александр притянул её к себе.

— Какая великодушная жена мне досталась!

Ядвига положила голову ему на плечо.

За окном пели птицы.

Впереди их ждала дорога.

Но это утро принадлежало только им.

Отъезд назначили через несколько дней.

Владислав настоял на том, чтобы молодые не торопились.

— Свадьба и без того утомительное событие, — говорил он. — Не хватало ещё отправляться в дорогу на следующий день.

Мария поддержала мужа.

Ядвига была благодарна родителям за эти несколько дополнительных дней.

Она гуляла по саду, подолгу разговаривала с матерью, сидела с отцом в кабинете, перебирала книги и ноты.

Всё хотелось запомнить.

Не потому, что она боялась забыть родной дом. Просто теперь каждый знакомый уголок казался особенно дорогим.

Однажды утром она застала Марию в своей комнате.

Мать стояла перед открытым шкафом и внимательно рассматривала сложенные вещи.

— Мама, что ты делаешь?

— Проверяю, всё ли приготовлено.

— Мы уже три раза проверяли.

— Значит, проверим четвёртый.

Ядвига рассмеялась.

Мария достала аккуратно сложенную скатерть с тонкой вышивкой.

— Эту возьми обязательно.

— Но она твоя!

— Теперь будет твоей.

— Мама…

— Я вышивала её ещё до твоего рождения. Всё думала, кому она однажды достанется.

Ядвига осторожно провела пальцами по узору.

— Она очень красивая.

— Пусть лежит на вашем столе в праздники.

Мария положила скатерть в дорожный сундук.

Потом достала небольшую коробочку.

Внутри лежали серебряные ложки.

— И это тоже.

Ядвига покачала головой.

— Ты собираешься отправить со мной половину дома!

— Только самое необходимое.

— Серебряные ложки совершенно необходимы?

Мария улыбнулась.

— Для молодой хозяйки — непременно.

Они рассмеялись.

Но когда Ядвига обняла мать, обе надолго замолчали.

Владислав готовился к отъезду дочери по-своему.

Он проверил дорожные документы, распорядился о багаже, договорился о доставке тяжёлых сундуков и музыкальных инструментов.

Особенно много хлопот доставил рояль.

Александр пытался возразить.

— Пан Вишневский, перевозка обойдётся слишком дорого. Мы могли бы приобрести инструмент позже.

Владислав посмотрел на него с удивлением.

— Молодой человек, вы женились на моей дочери, прекрасно зная, что она пианистка.

— Разумеется.

— Тогда должны понимать, что оставить её без инструмента — всё равно что оставить вас без скрипки.

Александр улыбнулся.

— С этим трудно спорить.

— Вот и не спорьте.

Владислав удовлетворённо кивнул.

— Я уже договорился о перевозке. Инструмент прибудет позднее, отдельно от вашего багажа.

Ядвига, слышавшая разговор, подошла к отцу.

— Папа, спасибо!

Он обнял её.

— Только пообещай, что будешь играть.

— Каждый день.

— Тогда я спокоен.

За семейным ужином разговор неожиданно зашёл о Станиславе.

Зофья, улыбаясь, спросила:

— Братец, а почему ты сегодня так долго выбирал галстук?

Станислав поднял голову.

— Не понимаю, о чём ты.

— Конечно, не понимаешь.

Мария с любопытством посмотрела на сына.

— Ты куда-то собирался?

— Навещал знакомых.

— Каких? — немедленно спросила Зофья.

— Семью графа Лещинского.

Владислав кивнул.

— Достойные люди. Мы давно знакомы.

Зофья улыбнулась ещё шире.

— Особенно достойна их старшая дочь, не правда ли, Станислав?

Брат бросил на неё предупреждающий взгляд.

— Зофья!

Ядвига рассмеялась.

— Так вот почему ты в последнее время так часто бываешь у Лещинских!

— Ничего подобного.

— Конечно, — невинно сказала Зофья. — Просто графиня Анна прекрасно играет на фортепиано.

Станислав покраснел.

Мария едва заметно улыбнулась.

Владислав сделал вид, что ничего не заметил.

Но позже, когда сын вышел из столовой, тихо сказал жене:

— Кажется, у нас скоро появятся новые заботы.

Мария улыбнулась.

— Дети растут, Владислав.

Он вздохнул.

— Не напоминай.

На следующий день Ядвига застала Зофью за письмом.

Сестра быстро прикрыла лист рукой.

— Что ты пишешь? — с любопытством спросила Ядвига.

— Ничего особенного.

— Кому?

— Знакомому.

— Какому знакомому?

Зофья вздохнула.

— Ядвига, ты ведь только что вышла замуж. Неужели тебе больше нечем заняться?

— Разумеется, есть. Но мне очень интересно.

Сестра некоторое время смотрела на неё. Потом сдалась.

— Его зовут Генрих фон Берг.

— Немец?

— Из австрийской семьи, которая давно живёт в Вене. Его отец занимается банковским делом.

Ядвига удивлённо подняла брови.

— И давно вы знакомы?

— С зимнего музыкального вечера.
— А ты молчала!
— Потому что пока нечего рассказывать.
Ядвига села рядом.
— Он тебе нравится?
Зофья посмотрела в окно.
— Он очень интересный собеседник.
— Ах, вот как!
— И прекрасно разбирается в музыке.
— Ну конечно!
Обе рассмеялись.
Потом Ядвига обняла сестру.
— Я буду ждать твоих писем.
Зофья улыбнулась.
— А я твоих. Только, пожалуйста, не превращай каждое письмо в расспросы о Генрихе.
— Ничего не обещаю.

Накануне отъезда Владислав пригласил Ядвигу и Александра в кабинет.
На столе лежал небольшой кожаный портфель.
— Дети мои, — начал он, — я хотел поговорить с вами о приданом.
Александр слегка напрягся.
Владислав заметил это.
— Не беспокойтесь, Александр. Я не собираюсь вмешиваться в ваши семейные дела.
Он открыл портфель.
Внутри лежали документы и банковские бумаги.
— Я выделил Ядвиге определённые средства. Часть предназначена для её личных нужд, часть — на устройство семейной жизни.
Ядвига растерянно посмотрела на отца.
— Папа, но ты уже столько для нас сделал…
— Это мой долг перед дочерью.
— Мы ведь справимся, — осторожно сказал Александр.
Владислав кивнул.
— Не сомневаюсь.
Он посмотрел на зятя.
— Именно поэтому я и спокоен. Вы не просили у меня денег и не рассчитывали на них. Но это не причина лишать Ядвигу того, что я приготовил для неё.
Александр молчал.
Владислав продолжил:
— Средства будут храниться отдельно. Вы сами решите, когда и на что их использовать. Я лишь прошу не торопиться с крупными покупками.
Ядвига взяла отца за руку.
— Спасибо.
Он улыбнулся.
— Мне хочется знать, что у тебя всегда будет собственная опора.
Александр поднялся.
— Пан Вишневский, я благодарен вам за доверие. И обещаю, что мы будем распоряжаться этими средствами разумно.
Владислав протянул ему руку.
— Я на это рассчитываю.

Последний вечер в родном доме оказался неожиданно тихим.

После ужина все собрались в гостиной.

Ядвига села за рояль.

Она долго перебирала знакомые мелодии.

Потом сыграла небольшую пьесу, которую когда-то разучивала ещё ребёнком.

Владислав сидел в кресле и слушал.

Мария занималась рукоделием, хотя уже давно перестала следить за стежками.

Станислав стоял возле окна.

Зофья устроилась на диване.

Александр сидел рядом с Ядвигой и иногда тихо подсказывал ей забытые ноты. Когда музыка закончилась, никто не заговорил сразу.

Потом Владислав произнёс:

— Знаешь, Ядвига, я вдруг вспомнил твой первый концерт.

Она улыбнулась.

— Когда мне было шесть?

— Да. Ты ужасно рассердилась, потому что никто не принёс цветов.

Все рассмеялись.

— Папа, неужели ты будешь вспоминать это до конца жизни?

— Разумеется.

Он поднялся, подошёл к небольшому столику и взял приготовленный букет белых цветов.

— На этот раз я исправляю старую ошибку.

Ядвига удивлённо посмотрела на него.

— Папа…

Он протянул ей цветы.

— Спасибо тебе за все наши домашние концерты, моя девочка.

Она поднялась и обняла отца.

И на этот раз никто не пытался скрыть слёз.

Утром перед домом стояли экипажи.

Слуги выносили последние вещи.

Лошади нетерпеливо переступали копытами.

Ядвига вышла на крыльцо и остановилась.

Перед ней был знакомый двор.

Старые деревья.

Каменная дорожка.

Окна родного дома.

Она вдруг поняла, что больше никогда не будет смотреть на всё это так, как прежде.

Теперь она станет приезжать сюда в гости.

Любимой дочерью. Но уже хозяйкой другого дома.

Мария подошла первой.

Она обняла дочь и долго не отпускала.

— Пиши, моя хорошая.

— Обязательно, мама.

— И не скрывай, если будет трудно.

— Не буду.

Мария поцеловала её.

— Береги себя.

Зофья обняла сестру следом.

— Только не забывай обо мне!
Ядвига рассмеялась сквозь слёзы.
— Как я могу?
— И обязательно рассказывай обо всём.
— Даже о самых скучных вещах?
— Особенно о них!
Станислав подошёл последним из детей.
Он крепко обнял сестру.
— Ну что, маленькая, теперь ты совсем взрослая.
— Не называй меня маленькой!
— Никогда не перестану.
Она улыбнулась.
— Береги родителей.
— Обязательно.
— И Зофью.
— Постараюсь, хотя это гораздо труднее.
Зофья возмущённо воскликнула:
— Я всё слышу!
Все рассмеялись.

Владислав стоял немного в стороне.
Когда Ядвига подошла к нему, он долго смотрел на дочь.
— Ну вот, моя девочка.
Она взяла его руки.
— Папа…
— Не плачь. А то я тоже начну.
Она улыбнулась сквозь слёзы.
— Ты ведь уже плачешь.
Владислав тихо рассмеялся.
— Значит, старею.
— Нет. Просто любишь меня.
Он обнял её. Крепко. Так, словно хотел сохранить в памяти это мгновение.
Потом отстранился и посмотрел на Александра.
— Берегите друг друга.
— Обязательно, — ответил тот.
Владислав кивнул.
— И помните: здесь у вас всегда есть дом.
Ядвига ещё раз оглянулась на родных.
Потом Александр помог ей сесть в экипаж.
Лошади тронулись.
Сначала медленно.
Потом быстрее. Ядвига смотрела назад, пока дом не скрылся за деревьями. Она плакала.
Александр молча держал её руку.
Он не пытался утешать словами.
Понимал, что сейчас ей нужно просто попрощаться.
Лишь когда имение осталось далеко позади, он тихо спросил:
— Хочешь остановиться?
Ядвига покачала головой.
— Нет.

Она вытерла слёзы. Посмотрела на мужа.

— Поедем домой.

Александр улыбнулся.

— Домой.

Дорога заняла несколько дней.

Они пересаживались на поезда, останавливались на ночлег, знакомились с новыми городами и пейзажами.

Ядвига с любопытством смотрела в окна вагонов.

Польские деревни постепенно сменялись другими селениями, менялась речь людей на станциях, названия городов становились непривычными.

Александр рассказывал ей о России.

О театре, где работал.

О знакомых музыкантах.

О старых улицах, по которым они будут гулять. Иногда Ядвига задавала столько вопросов, что он начинал смеяться.

— Ты собираешься узнать обо всей стране за одну поездку?

— Разумеется. У меня ведь такой прекрасный проводник!

Но вечерами, когда они оставались одни, она иногда грустила.

Тогда Александр доставал скрипку.

Играл тихо, почти шёпотом.

И знакомые мелодии помогали ей почувствовать, что даже далеко от родного дома рядом остаётся что-то неизменное.

Когда они наконец прибыли в город, где Александру предстояло работать, уже смеркалось.

Улицы были оживлёнными.

По мостовой стучали колёса экипажей, прохожие торопились по своим делам, в окнах магазинов зажигались огни.

Ядвига смотрела вокруг с волнением.

Всё было незнакомым.

Даже воздух пах иначе.

Александр помог ей сесть в извозчичий экипаж.

— Ну что, готова познакомиться с нашим домом?

Она улыбнулась.

— Очень.

Они проехали несколько улиц и остановились возле двухэтажного каменного здания.

Александр расплатился с извозчиком.

Потом взял Ядвигу за руку.

— Вот мы и приехали.

Она подняла голову.

Дом был совсем не похож на родовое имение Вишневских.

Небольшой.

Скромный.

С узкими окнами и аккуратным крыльцом.

Но Ядвига вдруг почувствовала радость.

Здесь начнётся наша жизнь.

Анна Сергеевна встретила молодых у двери.

— А вот и наши путешественники!

Александр улыбнулся.

— Добрый вечер, Анна Сергеевна.

— Добрый, добрый! Значит, привезли жену?

— Как видите.

Старушка внимательно посмотрела на Ядвигу.

— Ну что ж, красавица. Добро пожаловать.

Ядвига немного смутилась.

— Благодарю вас.

— Небось устали с дороги?

— Немного.

— Тогда сначала поднимайтесь, устраивайтесь. А уж завтра будем знакомиться как следует.

Она вручила Александру ключи.

— И не забудьте, молодой человек, что теперь вам придётся думать не только о своей скрипке!

Александр рассмеялся.

— Обещаю.

Квартира встретила их тишиной.

Александр открыл дверь и пропустил жену вперёд.

Ядвига остановилась на пороге.

Перед ней была небольшая гостиная.

Круглый стол у окна.

Несколько стульев.

Книжный шкаф.

На подоконнике стоял горшок с цветущей геранью.

Она медленно прошлась по комнате.

Коснулась рукой спинки кресла.

Посмотрела в окно.

Во дворе росла старая липа.

— Александр…

Он насторожился.

— Тебе не нравится?

Ядвига повернулась.

— Мне очень нравится.

— Правда?

— Конечно.

Она улыбнулась.

— Здесь так светло.

Александр облегчённо вздохнул.

— Я надеялся, что тебе понравится.

Она подошла к нему.

— Знаешь, чего здесь не хватает?

Он оглядел комнату.

— Чего?

— Нас.

Александр рассмеялся.

— Но мы ведь уже здесь!

— Вот именно. Значит, теперь всё будет хорошо.

Она обняла мужа.
И в тот вечер маленькая съёмная квартира впервые стала настоящим домом.

Поздно ночью Ядвига проснулась от незнакомого звука.
Где-то во дворе скрипнула калитка.
По улице проехал экипаж.
Она открыла глаза и несколько мгновений не могла понять, где находится.
Потом увидела рядом Александра.
И вспомнила.
Россия.
Наш дом.
Она осторожно поднялась и подошла к окну.
Над крышами домов светила луна.
Внизу темнела старая липа.
Ядвига смотрела на незнакомую улицу.
Ей вдруг стало немного грустно.
В родном имении сейчас, наверное, тоже спали.
Мама закрыла окна.
Отец убрал бумаги со стола.
Зофья читала перед сном.
Станислав, возможно, ещё не вернулся из гостей.
От этих мыслей защемило сердце.
— Ядвига?
Она обернулась.
Александр проснулся.
— Почему не спишь?
Она подошла к кровати.
— Просто задумалась.
Он протянул руку.
— Иди ко мне.
Ядвига легла рядом.
Александр обнял её.
— Скучаешь?
Она кивнула.
— Немного.
Он поцеловал её в волосы.
— Это естественно.
— Ты не обижаешься?
— За что?
— За то, что я думаю о доме.
Александр улыбнулся.
— Я ведь тоже думаю о доме.
Она подняла голову.
— О каком?
Он посмотрел ей в глаза.
— О том, который мы только начинаем создавать.
Ядвига улыбнулась.
Положила голову ему на плечо.
И впервые за этот долгий день почувствовала, что может спокойно уснуть.

Потому что прошлое осталось с ней.

А будущее лежало рядом.

И тихо дышало во сне.

Глава двенадцатая. Учиться быть дома

В первое утро Ядвига проснулась от незнакомых звуков.

За окном кто-то громко разговаривал. По мостовой прогрохотала телега, потом послышался звон колокольчика. Где-то неподалёку женщина окликнула ребёнка, и тот ответил ей так быстро, что Ядвига не разобрала ни слова.

Она открыла глаза.

Комната была залита солнечным светом. На стене лежала неровная тень от ветвей липы, а рядом на подушке ещё виднелась вмятина от головы Александра.

Самого Александра не было.

Ядвига приподнялась на локте.

— Саша?

Из соседней комнаты донёсся шум, затем что-то звякнуло.

— Я здесь! — отозвался муж. — Только не вставай!

Разумеется, после такого предупреждения она немедленно встала.

Накинув халат, Ядвига вышла в гостиную.

Александр стоял возле стола. Перед ним находились чайник, хлеб, масло, тарелка с нарезанным сыром и две чашки. На полу лежала ложка.

— Что здесь происходит? — с улыбкой спросила она.

Он обернулся.

— Я готовлю завтрак.

— Вижу. А ложка тоже участвует?

Александр посмотрел вниз.

— Она решила покинуть нас.

Ядвига рассмеялась, подняла ложку и положила её на стол.

— Почему ты меня не разбудил?

— Хотел сделать тебе приятное.

— И сделал.

Она поцеловала мужа в щёку.

— Но в следующий раз давай готовить вместе.

Александр обнял её за талию.

— Договорились.

Они сели завтракать у окна.

Солнце освещало старенькую скатерть, которую Александр купил ещё до свадьбы. Чашки были разные: одна с тонкой синей полоской, другая — с маленькой трещинкой у ручки.

Ядвига заметила это и улыбнулась.

В родительском доме на стол всегда подавали одинаковую посуду из больших сервизов. Здесь же каждая вещь словно имела собственную историю.

— Нам нужно купить ещё чашки, — сказала она.

— И тарелки, — добавил Александр.

— И хорошую кастрюлю.

— А ещё, пожалуй, новый чайник. Этот свистит так, будто хочет поступить в оркестр. Ядвига рассмеялась.

— Может, его стоит прослушать?

— Боюсь, дирижёр не оценит.

Они принялись составлять список необходимых покупок.

Список быстро вырос.

Александр посмотрел на него с некоторым удивлением.

— Никогда не думал, что для семейного счастья требуется столько кастрюль.

— А я никогда не думала, что у семейного счастья бывает такая подробная смета.Они снова рассмеялись.

И Ядвига вдруг почувствовала, что ей нравится это утро.

Не праздничное, не торжественное.

Совершенно обыкновенное.

Но их собственное.

После завтрака Александр начал собираться в театр.

У него была репетиция, затем встреча с дирижёром.

Ядвига помогла ему найти ноты, которые почему-то оказались под стопкой книг.

— Ты всегда так хранишь свои вещи? — спросила она.

— Нет. Иногда ещё хуже.

— Прекрасно. Значит, мне предстоит многое узнать о собственном муже.

Он улыбнулся.

— А мне — о жене.

У двери Александр задержался.

— Ты не будешь скучать?

— Конечно, буду. Но у меня много дел.

— Каких?

— Для начала я собираюсь разобраться, где у нас что лежит.

— Смелое предприятие.

— Затем напишу родителям.

— Очень хорошая мысль.

— А потом, возможно, выйду прогуляться.

Александр немного задумался.

— Только не уходи далеко. Ты ещё плохо знаешь город.

Ядвига посмотрела на него с лёгким удивлением.

— Я ведь не ребёнок, Саша.

— Знаю.

— И в других городах бывала.

— Конечно.

Он помолчал.

— Просто мне хочется, чтобы ты чувствовала себя здесь спокойно.

Ядвига смягчилась.

— Я буду осторожна.

Он поцеловал её.

— До вечера, любимая.

Когда дверь закрылась, квартира неожиданно показалась большой и тихой.

Ядвига постояла посреди гостиной.

Вчера рядом всё время был Александр. Они вместе разбирали вещи, разговаривали, смеялись.

Теперь она осталась одна. Она подошла к окну. Внизу шли незнакомые люди.

И каждый из них знал, куда направляется.

А ей пока предстояло это выяснить.

Первым делом Ядвига открыла дорожный сундук.

Она аккуратно разложила платья, бельё и книги.

На дне лежала вышитая скатерть Марии.

Ядвига достала её и развернула.

Тонкий узор из цветов тянулся по краям белого полотна.

Она провела пальцами по вышивке.

Перед глазами на мгновение возникла мать. Та самая комната.

Открытый шкаф.

Её слова: «Пусть лежит на вашем столе в праздники».

Ядвига прижала скатерть к груди.

Потом осторожно сложила и убрала в ящик. Праздник ещё будет.

А сегодня ей хотелось самой сделать дом уютным.

Она переставила книги, вытерла пыль, поставила цветы в небольшую вазу.

И тут Ядвига вспомнила, что молоко, которое заботливая Анна Сергеевна оставила им к приезду, почти закончилось. Хлеб тоже подходил к концу. Значит, пора было впервые самостоятельно отправляться за покупками.

Это было первое настоящее затруднение её самостоятельной жизни.

В родительском доме она никогда не задумывалась, откуда каждое утро появляется хлеб.

Теперь вопрос оказался неожиданно важным.

Ядвига надела шляпку, взяла небольшую сумочку и вышла на лестницу.

У двери первого этажа она встретила Анну Сергеевну.

— А, молодая хозяйка! — обрадовалась старушка. — Куда собрались?

Ядвига поняла слово «хозяйка», но остальная фраза прозвучала слишком быстро.

— Простите?

Анна Сергеевна повторила медленнее:

— Куда идёте, голубушка?

— За хлебом, — осторожно ответила Ядвига по-русски.

— За хлебушком? Правильно! А молоко нужно?

Ядвига оживилась.

— Да! Очень нужно.

— Тогда пойдёмте, покажу вам лавку. Тут недалеко.

Старушка уже взяла шаль.

Ядвига смутилась.

— Но я не хочу вас беспокоить.

Анна Сергеевна махнула рукой.

— Какое беспокойство! Мне самой надо кое-что купить.

Она посмотрела на молодую женщину.

— Только говорите со мной попроще, милая. А то вы слова так старательно выговариваете, будто экзамен сдаёте.

Ядвига не всё поняла, но улыбнулась.

И они вместе вышли на улицу.

Город при дневном свете выглядел совсем иначе.

Вчера Ядвига видела его из экипажа, уставшая после дороги.

Сегодня она замечала вывески, окна магазинов, цветы на подоконниках и детей, игравших возле ворот.

Анна Сергеевна рассказывала обо всём сразу.

Где продают лучший хлеб.

У какого торговца не стоит покупать яйца.

Почему булочник на соседней улице всегда сердится по понедельникам.

И какая портниха шьёт красиво, но никогда не выполняет заказ вовремя.

Ядвига старалась слушать внимательно. Однако русская речь старушки текла так быстро, что отдельные слова сливались.

— Вы понимаете меня, голубушка?

— Не всё, — честно призналась Ядвига.

Анна Сергеевна остановилась.

— Ах ты, Господи! А я тараторю!

Она рассмеялась.

— Ничего, привыкнете.

В лавке Ядвига попыталась самостоятельно купить хлеб.

— Мне, пожалуйста, один… — Она замялась, вспоминая нужное слово. — Один хлеб.

Продавец улыбнулся.

— Батон или каравай?

Ядвига растерялась.

— Простите?

— Какой хлеб желаете?

Она посмотрела на полки.

— Вот этот.

Продавец подал ей большой круглый каравай.

Ядвига поблагодарила его.

Но когда попросила молоко, продавец что-то быстро спросил в ответ.

Она снова не поняла.

Анна Сергеевна вмешалась:

— Ей молока налейте, — сказала Анна Сергеевна, протягивая продавцу небольшой глиняный кувшин. — И не торопите, она у нас недавно приехала.

Продавец наполнил кувшин, осторожно поставил его на прилавок и добродушно улыбнулся.

— Ничего, скоро освоится и заговорит не хуже нас!

Ядвига улыбнулась.

На улице она вздохнула.

— Я думала, что знаю русский лучше.

Анна Сергеевна посмотрела на неё.

— Вы говорите хорошо. Просто у нас каждый второй слова глотает.

— Глотает?

— Ну, быстро говорит.

Ядвига рассмеялась.

— Теперь понимаю.

Старушка довольно кивнула.

— Вот видите! Уже учитесь.

По дороге домой Анна Сергеевна неожиданно спросила:

— А вы ведь из Польши?

— Да.

— Далеко от родных уехали.

Ядвига кивнула.

— Очень далеко.

Старушка некоторое время молчала.

Потом сказала:

— Я тоже когда-то переехала сюда. Правда, не из другой страны. Из деревни.
— И вам было трудно?
— Ещё как!
Анна Сергеевна усмехнулась.
— Всё чужое. Люди чужие. Даже вода на вкус другая.
Ядвига удивлённо посмотрела на неё.
Именно это она заметила утром, когда пила чай.
Вода действительно казалась другой.
— Да, — тихо сказала она. — Даже вода.
Старушка посмотрела на неё с пониманием.
— А потом ничего. Обжилась. И теперь, когда куда-нибудь уезжаю, домой тянет.
Ядвига задумалась.
Домой.
Как просто Анна Сергеевна произнесла это слово.
Словно оно всегда принадлежало ей.

К вечеру Александр вернулся уставший, но довольный.
Он застал жену за столом.
Перед ней лежала тетрадь.
— Что это? — спросил он.
Ядвига подняла голову.
— Мой первый русский словарь.
Он заглянул через её плечо.
На странице были аккуратно записаны слова:
Лавка.
Каравай.
Сдача.
Хозяйка.
Голубушка.
Александр улыбнулся.
— Последнее слово тебе особенно пригодится.
— Почему?
— Потому что Анна Сергеевна будет называть тебя так каждый день.
Ядвига рассмеялась.
— Она очень добрая.
— Я же говорил.
— Сегодня она показала мне лавку.
— Значит, вы уже подружились.
— Думаю, да.
Александр сел рядом.
— А как прошёл день?
Ядвига начала рассказывать.
О покупках.
О продавце.
О незнакомых словах.
О том, как Анна Сергеевна объясняла ей дорогу.
Александр слушал, иногда улыбаясь.
Потом сказал:
— Ты молодец.

Ядвига посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что не испугалась.

Она задумалась.

— Я немного испугалась.

— И всё равно пошла.

Он взял её руку.

— Это гораздо важнее.

Через несколько дней Ядвига написала первое длинное письмо домой.

Она устроилась у окна, положила перед собой чистые листы и долго не знала, с чего начать.

Наконец вывела:

«Мои дорогие мама и папа!»

Дальше слова полились сами.

Она рассказала о дороге, о маленькой квартире, о старой липе за окном.

О том, как Александр пытался приготовить завтрак.

О доброй Анне Сергеевне.

О своих первых покупках.

О том, как непросто понимать русскую речь, когда люди говорят быстро. Она старалась писать весело.

Не хотела, чтобы родители волновались.

Но в конце всё же добавила:

«Я счастлива, дорогие мои. Александр очень заботлив, и мы хорошо живём. Только иногда мне так хочется услышать ваши голоса, что я готова закрыть глаза и представить, будто сейчас откроется дверь и мама позовёт меня к чаю.

Не беспокойтесь обо мне. Я знаю, что привыкну. Просто для этого нужно немного времени.

Я очень вас люблю».

Она перечитала письмо.

Потом добавила несколько строк для Станислава и Зофьи.

Брату пожелала не забывать сестру.

А Зофье написала:

«И непременно расскажи, как поживает твой венский знакомый. Я ничего не забыла!»

Ядвига улыбнулась и запечатала конверт.

Постепенно дни начали приобретать привычный порядок.

Александр уходил в театр.

Ядвига занималась хозяйством, читала, писала письма и разучивала новые музыкальные произведения на небольшом инструменте, который ей временно предоставил знакомый Александра.

Родительский рояль ещё находился в пути.

Иногда она ходила на репетиции мужа.

Там познакомилась с несколькими музыкантами и их жёнами.

Одна из них, молодая женщина по имени Екатерина Павловна, сразу расположилась к Ядвиге.

— Александр столько о вас рассказывал, — сказала она при первой встрече, — что мне кажется, будто мы давно знакомы.

Ядвига смутилась.

— Надеюсь, он говорил только хорошее.

Екатерина рассмеялась.

— Разумеется. Хотя иногда мы просили его хотя бы ненадолго перестать рассказывать о своей невесте.

Александр, стоявший рядом, покраснел.

— Катя!

— Что? Я ведь правду говорю!

Ядвига рассмеялась.

Впервые за время приезда она почувствовала себя не чужой гостьей, а частью небольшого дружеского круга.

Однажды вечером между супругами произошло первое маленькое недоразумение.

Александр задержался на репетиции.

Он обещал вернуться к семи, но пришёл почти в девять.

Ядвига уже дважды подогревала ужин.

Когда он вошёл, она встретила его молча.

— Прости, — сразу сказал Александр. — Репетиция затянулась.

— Я волновалась.

— Понимаю.

Он снял пальто.

— Дирижёр решил повторить всю последнюю часть.

— Ты мог передать записку.

Александр остановился.

— Я не подумал.

Ядвига посмотрела на него.

— Я ведь здесь никого толком не знаю, Саша. Когда ты не приходишь вовремя, я даже не понимаю, у кого спросить, всё ли с тобой хорошо.

Он подошёл к ней.

— Ты права.

— Я не сержусь из-за репетиции.

— Знаю.

— Просто мне было страшно.

Александр взял её руки.

— Больше так не будет. Если задержусь, обязательно передам весточку.

Ядвига кивнула.

Он обнял её.

— Прости меня.

Она прижалась к нему.

— И ты меня прости. Я, наверное, слишком разволновалась.

— Нет. Ты просто ждала меня дома.

Он произнёс это так тихо, что Ядвига подняла голову.

— Дома…

Александр улыбнулся.

— Да. Дома.

Они стояли посреди маленькой гостиной.

И обоим вдруг стало ясно, что семейная жизнь складывается не только из красивых признаний.

Иногда она начинается с простого обещания: предупредить, если задерживаешься.

Первое письмо из Польши пришло через две недели.

Ядвига узнала почерк матери ещё до того, как вскрыла конверт.

Она села у окна и начала читать.

Мария подробно рассказывала о доме.

О том, что розы в саду наконец распустились.

Что Владислав снова проводит слишком много времени за бумагами.

Что Станислав стал чаще ездить в гости к Лещинским.

И что Зофья неожиданно получила приглашение провести несколько недель в Вене у знакомой семьи.

«Кажется, наши дети решили окончательно убедить нас, что жизнь не стоит на месте», — писала Мария.

Ядвига улыбнулась.

Дальше шли строки от отца.

«Моя дорогая девочка!

Мама уверяет, что я слишком часто спрашиваю, пришло ли от тебя письмо. Возможно, она права.

Очень рад, что вы благополучно добрались. Береги себя и Александра. И не забывай играть.

Твой любящий отец».

Ядвига перечитала эти слова несколько раз.

Потом аккуратно сложила письмо.

Она не плакала.

Но долго сидела неподвижно.

Ей казалось, что вместе с письмом в комнату вошёл запах родного сада.

Время шло.

Ядвига уже уверенно покупала продукты, знала несколько соседей и перестала теряться на ближайших улицах.

Она научилась различать голоса торговцев.

Запомнила, в какой лавке продают хороший чай.

И даже однажды самостоятельно объяснила извозчику, куда ей нужно ехать.

Это событие она вечером торжественно объявила Александру.

— Сегодня я совершила настоящий подвиг!

Он поднял голову от нот.

— Какой?

— Доехала до книжной лавки и обратно. И ни разу не попросила помощи!

Александр рассмеялся.

— Поздравляю!

— Ты смеёшься?

— Нет, я совершенно серьёзен.

Он поднялся и церемонно поклонился.

— Позвольте выразить восхищение, сударыня.

Ядвига сделала реверанс.

— Благодарю вас, сударь.

Потом они оба рассмеялись.

В один из тёплых вечеров Александр предложил прогуляться.

Они долго шли по тихим улицам.

Город постепенно погружался в сумерки.

В окнах зажигались огни.
Где-то играла музыка.
Ядвига держала мужа под руку.
— Знаешь, — сказала она, — я сегодня вдруг вспомнила нашу первую встречу.
— В Вене?
— Да.
— И что вспомнила?
— Как ты играл. Мне тогда показалось, что твоя музыка очень грустная.
Александр улыбнулся.
— А теперь?
Она задумалась.
— Теперь мне кажется, что в ней всегда была надежда. Просто я не сразу её услышала.
Он остановился.
— А я помню, как ты подошла ко мне после концерта.
— Я была ужасно смелая.
— Ещё какая!
— И что ты подумал?
Александр посмотрел на неё.
— Что эта девушка совершенно не похожа на остальных.
Ядвига улыбнулась.
— Хорошо это или плохо?
— Тогда я ещё не знал.
— А теперь?
Он поцеловал её руку.
— Теперь знаю.
Они пошли дальше.

Когда супруги возвращались, уже стемнело.
На перекрёстке Ядвига вдруг ускорила шаг.
— Пойдём скорее.
Александр удивился.
— Куда торопишься?
— Домой.
Она произнесла это совершенно естественно.
И только через несколько шагов остановилась.
Александр посмотрел на неё.
— Что случилось?
Ядвига улыбнулась.
— Ничего.
— Тогда почему ты остановилась?
Она немного помолчала.
— Я только сейчас поняла, что назвала нашу квартиру домом.
Александр взял её за руку.
— А разве это не так?
Ядвига посмотрела на освещённые окна знакомого двухэтажного здания.
На старую липу во дворе.
На маленькое крыльцо.
— Так, — тихо ответила она. — Теперь так.
И в тот вечер, поднимаясь по лестнице, она впервые не чувствовала себя приезжей.

Она возвращалась туда, где её ждали.

Позднее, когда Александр уже уснул, Ядвига ещё немного посидела у окна.

На столе лежало письмо матери.

Рядом — её тетрадь с русскими словами.

Она открыла её и на чистой странице написала:

Дом.

Потом подумала и добавила:

Там, где тебя любят.

Она долго смотрела на эти слова.

В Польше остался дом её детства.

Здесь рождался дом её будущего.

И ей больше не казалось, что нужно выбирать между ними.

Оба принадлежали её сердцу.

Ядвига закрыла тетрадь, погасила лампу и легла рядом с Александром.

За окном тихо шелестела липа.

А маленькая квартира на втором этаже уже хранила первые воспоминания молодой семьи.

Глава тринадцатая. Музыка родного дома

В то утро Ядвига проснулась раньше Александра.

За окном только начинало светать. Старая липа стояла неподвижно, и на её листьях поблёскивали капли ночного дождя.

Ядвига некоторое время лежала, прислушиваясь к тишине.

Потом осторожно поднялась, накинула халат и вышла в гостиную.

В углу возле окна стоял небольшой инструмент, который знакомый Александра любезно предоставил ей на время. Он был старым, с потёртой крышкой и несколькими тугими клавишами.

Ядвига подошла к нему и провела пальцами по дереву.

Играть она не стала.

Александр ещё спал, да и раннее утро не располагало к музыке.

Она просто села на стул и задумалась.

Прошло уже несколько недель с тех пор, как они приехали в Россию.

За это время квартира успела измениться.

На окнах появились лёгкие занавески. На столе стояла ваза, купленная Ядвигой на рынке. Книги Александра больше не лежали беспорядочными стопками, а заняли полки.

В спальне возле кровати появился маленький коврик.

И даже старая герань на подоконнике, казалось, стала цвести пышнее.

Но больше всего Ядвига радовалась тому, что постепенно привыкала к окружающему миру.

Она уже знала дорогу до театра, могла самостоятельно отправиться за покупками и всё чаще понимала разговоры соседей.

Хотя иногда русский язык по-прежнему преподносил ей сюрпризы.

Особенно когда Анна Сергеевна начинала рассказывать о своих знакомых.

Тогда Ядвига могла понять каждое третье слово, но всё равно слушала с большим интересом.

Александр появился в дверях гостиной сонный и растрёпанный.

— Ты почему так рано встала?

Ядвига обернулась.

— Не спится.

Он подошёл и поцеловал её в макушку.

— Что-то случилось?

— Нет. Просто думаю.

— О чём?

Она посмотрела на инструмент.

— Мне не хватает моего рояля.

Александр сел рядом.

— Я знаю.

— Этот тоже хороший. И я очень благодарна твоему знакомому. Но…

— Но он чужой.

Ядвига кивнула.

— Да.

Александр некоторое время молчал.

— Владислав писал мне, что перевозка уже организована. Осталось дождаться доставки.

— Ты думаешь, скоро?

— Надеюсь.

Ядвига улыбнулась.

— Тогда у нас будет настоящий праздник.

Александр посмотрел на неё с нежностью.

— У нас и без рояля каждый день праздник.

Она рассмеялась.

— Особенно когда ты оставляешь ноты на кухонном столе!

— Это творческий беспорядок.

— Это беспорядок, который мешает готовить ужин.

— Какая суровая у меня жена!

— И с каждым днём всё суровее.

Они рассмеялись.

В тот день Ядвига отправилась на рынок вместе с Анной Сергеевной.

Старушка уже привыкла к тому, что молодая соседка иногда просит её объяснить какое-нибудь выражение.

— А что значит «зарубить себе на носу»? — спросила Ядвига по дороге.

Анна Сергеевна остановилась.

— Где ты такое услышала?

— Вчера в лавке. Один мужчина сказал другому.

Старушка рассмеялась.

— Это значит хорошенько запомнить.

Ядвига нахмурилась.

— Но при чём здесь нос?

— А вот этого, голубушка, я тебе не скажу.

— Странный у вас язык.

— Зато весёлый!

Они обе рассмеялись.

На рынке было шумно.

Торговцы расхваливали товар, покупатели спорили о ценах, дети бегали между прилавками.

Ядвига уже не чувствовала себя такой растерянной, как в первые дни.

Она сама выбрала овощи, купила свежий хлеб и немного яблок.

Анна Сергеевна одобрительно кивнула.

— Вот теперь настоящая хозяйка!

Ядвига улыбнулась.

— Я стараюсь.

— И правильно. Только не вздумай всё на себя взваливать.

Ядвига удивилась.

— Почему?

— Потому что дом — это не только кастрюли да тряпки. Молодой женщине и для себя время нужно.

Ядвига задумалась.

— Для себя?

— Ну конечно! Ты ведь музыку любишь?

— Очень.

— Вот и занимайся. А обед никуда не убежит.

Эти слова неожиданно запомнились Ядвиге.

Через несколько дней Екатерина Павловна пригласила её на небольшой музыкальный вечер.

Собирались несколько семей музыкантов, знакомых Александра.

Ядвига немного волновалась.

До сих пор она присутствовала в основном на репетициях мужа, где могла оставаться наблюдательницей.

Теперь же ей предстояло знакомиться с людьми самостоятельно.

Александр заметил её беспокойство.

— Не хочешь идти?

— Хочу. Просто боюсь, что не всё пойму.

— Катя прекрасно знает французский. И некоторые гости тоже.

— Но я ведь приехала жить в Россию, а не во Францию.

Александр улыбнулся.

— Тогда это будет хорошая возможность попрактиковаться.

Ядвига кивнула.

— Ты прав.

Вечер оказался гораздо приятнее, чем она ожидала.

Гости разговаривали о музыке, литературе, театре.

Кто-то играл на скрипке, кто-то пел.

Когда Екатерина Павловна предложила Ядвиге сесть за рояль, та сначала отказалась.

— Я давно не играла перед незнакомыми людьми.

— Тем более пора начинать, — улыбнулась хозяйка.

Ядвига посмотрела на Александра.

Он едва заметно кивнул.

И она согласилась.

Первые аккорды прозвучали осторожно.

Ядвига выбрала произведение, которое когда-то часто исполняла в родительском доме.

Постепенно волнение исчезло.

Пальцы обрели привычную уверенность.

Она перестала замечать присутствующих.

Перед глазами возникла большая гостиная имения Вишневских.

Отец в кресле.

Мать возле окна.

Зофья, перелистывающая книгу.

Станислав, который делает вид, что не слушает музыку.

Ядвига играла всё свободнее.

И когда последние звуки растворились в тишине, некоторое время никто не двигался.

Потом раздались аплодисменты.

Екатерина Павловна подошла первой.

— Дорогая, вы должны играть чаще!

Ядвига смутилась.

— Благодарю вас.

Один из гостей, пожилой преподаватель музыки, заинтересованно спросил:

— Вы серьёзно занимались фортепиано?

— С детства.

— Это заметно. У вас прекрасная школа.

Он немного помолчал.

— Вы не думали давать уроки?

Ядвига удивилась.

— Уроки?

— Почему бы нет? У нас есть несколько семей, которые ищут хорошего преподавателя для детей.

Она растерянно посмотрела на Александра.

Тот улыбнулся.

— Решать тебе.

Ядвига задумалась.

В родительском доме она никогда не рассматривала музыку как способ заработка.

Музыка была частью её жизни.

Но теперь предложение показалось ей неожиданно интересным.

Не из-за денег.

А потому, что она могла заниматься любимым делом и быть кому-то полезной.

— Я подумаю, — ответила она.

Дома Ядвига долго рассказывала Александру о вечере.

— Представляешь, мне предложили давать уроки!

Он улыбнулся.

— Я слышал.

— И что ты думаешь?

— Что тебе стоит попробовать.

Она села рядом.

— Но я никогда не преподавала.

— Зато ты умеешь играть и любишь музыку.

— Это не одно и то же.

Александр кивнул.

— Верно. Но ты умеешь объяснять. Помнишь, как помогала Зофье разучивать сложные произведения?

Ядвига рассмеялась.

— Зофья утверждала, что я слишком требовательная.

— Значит, ученикам повезёт.

Она задумалась.

— Мне хочется попробовать.

Александр взял её руку.

— Тогда попробуй.

— Ты не против?

Он удивлённо посмотрел на неё.

— Почему я должен быть против?

— Не знаю. Может быть, тебе хотелось бы, чтобы я больше занималась домом.

Александр некоторое время молчал.

Потом сказал:

— Я женился на девушке, которая однажды подошла ко мне после концерта и начала спорить о музыке. Было бы странно, если бы теперь я захотел превратить её жизнь в бесконечное приготовление обедов.

Ядвига улыбнулась.

— Как хорошо ты это сказал.

— Я иногда умею.

Она рассмеялась и обняла мужа.

Через неделю Ядвига познакомилась со своей первой ученицей.

Девочку звали Лиза.

Ей было девять лет.

Она происходила из обеспеченной купеческой семьи и совершенно не любила заниматься музыкой.

Об этом девочка сообщила Ядвиге почти сразу.

— Меня мама заставляет, — честно сказала Лиза.

Ядвига едва удержалась от улыбки.

— А что ты любишь?

— Рисовать.

— Это прекрасно.

— А ещё кататься на лошади.

— Тоже замечательно.

Лиза посмотрела на неё с подозрением.

— Вы не будете ругать меня за ошибки?

— Постараюсь не ругать.

— А если я совсем плохо сыграю?

Ядвига задумалась.

— Тогда мы попробуем понять, почему не получилось.

Девочка немного успокоилась.

Урок начался.

Первые двадцать минут оказались нелёгкими.

Лиза путала ноты, отвлекалась и постоянно смотрела в окно.

Тогда Ядвига неожиданно предложила:

— Давай представим, что эта мелодия — маленькая история.

Лиза оживилась.

— Какая?

— Например, о девочке, которая отправилась гулять по лесу.

— А там был волк?

— Возможно.

— И медведь?

— Если ты сыграешь следующую часть, мы узнаем.

Лиза немедленно повернулась к клавишам.

К концу урока она уже сама придумывала продолжение истории.

Когда за ней пришла мать, девочка неожиданно сказала:

— Я хочу ещё!

Ядвига улыбнулась.

И впервые почувствовала радость не от собственного исполнения, а от того, что помогла кому-то полюбить музыку.

Вечером она рассказала Александру обо всём.

Он слушал с неподдельным интересом.

— Значит, у тебя появилась первая ученица?

— Да.

— И как она?

— Очень способная. Только упрямая.

Александр рассмеялся.

— Напоминает мне кое-кого.

Ядвига прищурилась.

— Кого же?

— Одну польскую девушку, которая однажды решила познакомиться с русским скрипачом.

Она бросила в него диванной подушкой.

Александр ловко поймал её.

— Вот видишь! Я был прав.

Они рассмеялись.

Вскоре пришло ещё одно письмо из Польши.

На этот раз писал Станислав.

Его письмо оказалось неожиданно длинным.

Он рассказывал о делах имения, о весенних работах, о новых лошадях.

А потом почти между прочим упомянул:

«Недавно мы снова гостили у Лещинских. Их дочь Анна оказалась весьма приятной собеседницей. Она прекрасно разбирается в хозяйстве и, представь себе, спорила со мной о том, как лучше устроить новый сад.

Я, разумеется, отстаивал своё мнение. Но вынужден признать, что некоторые её предложения были весьма разумными».

Ядвига улыбнулась.

Она прекрасно знала брата.

Если Станислав признавал чужое мнение разумным, да ещё и писал об этом сестре, дело было серьёзное.

В конце письма он добавил:

«Зофья действительно собирается в Вену. Мама делает вид, что не замечает её волнения, а отец уже трижды спрашивал, кто такой Генрих фон Берг. Думаю, скоро нам всем предстоят интересные времена».

Ядвига рассмеялась.

— Саша, послушай!

Она прочитала письмо мужу.

Александр улыбнулся.

— Кажется, в вашей семье скоро снова будут свадьбы.

— Возможно.
— Ты рада?
— Очень.
Ядвига задумалась.
— Только немного грустно, что я теперь так далеко.
Александр обнял её.
— Мы обязательно будем ездить в гости.
Она кивнула.
— Знаю.

А ещё через несколько дней произошло событие, которого Ядвига ждала с особенным нетерпением.
Утром в дверь постучали.
Александр открыл.
На пороге стоял посыльный с документами.
— Господин Воронцов?
— Да.
— Вам уведомление о прибытии груза.
Александр взял бумаги.
Быстро прочитал.
И улыбнулся.
— Ядвига!
Она вышла из спальни.
— Что случилось?
Он поднял лист.
— Кажется, к нам приехал один очень важный гость.
Ядвига замерла.
— Неужели?..
— Твой рояль.
Она вскрикнула от радости.
— Саша!
И бросилась ему на шею.

Доставка инструмента оказалась целым событием.
Несколько крепких рабочих осторожно поднимали тяжёлый рояль по лестнице.
Анна Сергеевна стояла внизу и командовала так громко, словно руководила военной операцией.
— Осторожнее, голубчики! Не зацепите перила!
Ядвига нервно следила за каждым движением.
Александр пытался её успокоить.
— Всё будет хорошо.
— А если уронят?
— Не уронят.
— А если поцарапают?
— Ядвига…
— Саша, это же мой рояль!
Он рассмеялся.
— Я уже понял.
Наконец инструмент оказался в гостиной.

Рабочие установили его у стены, подальше от окна и печи.
Ядвига подошла к нему.
Провела рукой по знакомой полированной поверхности.
На крышке виднелась маленькая царапина.
Она появилась много лет назад, когда Станислав, ещё мальчишка, случайно задел инструмент игрушечной саблей.
Ядвига улыбнулась.
Эта царапина вдруг показалась ей дороже любого украшения.
Она открыла крышку.
Осторожно коснулась клавиш.
Прозвучало несколько неровных нот.
— Его придётся настроить, — заметил Александр.
Ядвига кивнула.
— Конечно.
Она села на стул.
Положила руки на клавиатуру.
И вдруг заплакала.
Александр подошёл.
— Ядвига…
Она покачала головой.
— Всё хорошо.
Он обнял её за плечи.
— Я знаю.
Она посмотрела на него сквозь слёзы.
— Просто мне кажется, будто кусочек родного дома приехал ко мне.
Александр поцеловал её в висок.
— Значит, теперь наш дом стал ещё богаче.

Через несколько дней настройщик привёл инструмент в порядок.
И вечером Ядвига впервые сыграла на своём рояле в маленькой русской квартире.
Александр сидел рядом со скрипкой.
Они начали с простой мелодии.
Потом перешли к произведению, которое когда-то исполняли вместе в Польше.
Музыка заполнила комнату.
Вышла в открытое окно.
Поплыла над тихим двором.
Анна Сергеевна, услышав знакомые звуки, остановилась на лестнице.
Она немного послушала.
Потом улыбнулась и тихо пошла вниз.
А в квартире Ядвига и Александр продолжали играть.
Им не нужны были зрители.
Не нужны были аплодисменты.
В этот вечер музыка принадлежала только им.

Позднее они сидели у окна.
На столе горела лампа.
Ядвига держала в руках чашку чая.
— Знаешь, Саша, — сказала она, — я сегодня вдруг поняла одну вещь.
— Какую?

— Когда мы приехали, мне казалось, что я должна привыкнуть к совершенно чужой жизни.

— А теперь?

Она посмотрела на рояль.

На книги.

На занавески.

На мужа.

— А теперь понимаю, что мы не просто привыкаем. Мы создаём что-то своё.

Александр улыбнулся.

— Нашу жизнь.

— Да.

Она немного помолчала.

— И мне хочется, чтобы однажды у нас был дом, где всегда звучит музыка.

Александр посмотрел на неё.

— У нас уже есть такой дом.

Ядвига улыбнулась.

— Есть.

Потом добавила:

— Но, может быть, когда-нибудь он станет немного больше.

Александр рассмеялся.

— Ты уже мечтаешь о новом жилье?

— Совсем чуть-чуть.

Она положила голову ему на плечо.

— Просто я иногда представляю сад. Большие деревья. Окна, выходящие на зелень.

Он задумался.

— А я представляю комнату, где мы сможем играть и никому не мешать.

— И библиотеку.

— Непременно.

— И маленькую террасу.

— Разумеется.

Ядвига рассмеялась.

— Кажется, наш будущий дом становится всё больше.

Александр обнял её.

— Значит, нам придётся хорошенько потрудиться.

Они ещё долго сидели у окна.

За стеклом шелестела старая липа.

Город постепенно засыпал.

А где-то далеко, в польском имении, Мария и Владислав, возможно, тоже сидели рядом и говорили о своих детях.

Жизнь продолжалась.

Менялись города.

Появлялись новые семьи.

Но невидимые нити любви по-прежнему соединяли их всех.

И никто ещё не знал, сколько радостей, испытаний и удивительных встреч ждёт впереди род Вишневских.

Глава четырнадцатая. Время строить планы

Осень пришла незаметно.

Сначала пожелтели листья на старой липе, росшей во дворе. Потом утренний воздух стал прохладнее, а вечерами Ядвига всё чаще закрывала окна, чтобы сохранить тепло маленькой квартиры.

За несколько месяцев она так привыкла к новому дому, что теперь могла с закрытыми глазами найти любую вещь.

Знала, какая ступенька скрипит на лестнице.

Помнила, в какое время солнце заглядывает в гостиную.

И даже научилась по звуку шагов определять, кто поднимается на второй этаж.

Если шаги были быстрыми и неровными — возвращался Александр.

Если неторопливыми, с небольшими остановками, — Анна Сергеевна.

А если кто-то осторожно ступал по лестнице и долго не решался постучать, значит, пришла маленькая Лиза, которая по-прежнему не слишком любила гаммы, но уже с удовольствием играла небольшие пьесы.

Ядвига улыбалась, замечая эти перемены.

Когда-то всё здесь было чужим.

Теперь каждая мелочь стала знакомой.

Однажды утром Александр застал жену за необычным занятием.

На столе лежала тетрадь, а рядом — несколько аккуратно сложенных листков.

Ядвига что-то подсчитывала.

— Что это у нас? — спросил он, заглядывая ей через плечо.

Она подняла голову.

— Наши расходы.

Александр улыбнулся.

— Неужели всё настолько серьёзно?

— Очень серьёзно.

— Тогда мне, пожалуй, стоит присесть.

Он устроился напротив.

Ядвига развернула тетрадь.

— Смотри. Здесь плата за квартиру. Здесь продукты. Здесь дрова, свечи и прочие мелочи.

— А здесь? — спросил Александр, указывая на отдельную строку.

— Твои новые струны.

Он виновато улыбнулся.

— Ах, вот оно что.

— И ещё покупка нот.

— Без них мне никак.

— Знаю. Поэтому они и записаны отдельно.

Александр посмотрел на жену с интересом.

— Ты решила стать нашим семейным казначеем?

— А почему бы и нет?

— Я не возражаю. Только предупреждаю: иногда музыканты совершенно неразумно тратят деньги.

— Я уже заметила.

Он рассмеялся.

Ядвига улыбнулась и показала ему другую страницу.

— А вот здесь то, что мы смогли отложить.

Александр внимательно посмотрел на цифры.

— Больше, чем я думал.

— Мои уроки тоже приносят доход.

— Я знаю.

— И мне приятно, что я могу участвовать в наших общих делах.

Александр протянул руку через стол.

— Ядвига, ты участвуешь в них с первого дня.

Она сжала его пальцы.

— Но теперь ещё и зарабатываю.

Он улыбнулся.

— Тогда, пожалуй, мне придётся относиться к тебе с особым почтением.

— Непременно, сударь.

Они рассмеялись.

Уроков у Ядвиги становилось всё больше.

После Лизы появилась ещё одна ученица — двенадцатилетняя Варвара, дочь врача. Затем Екатерина Павловна познакомила её с семьёй, где двое мальчиков готовились поступать в музыкальное училище.

Ядвига не соглашалась на все предложения.

Она хотела оставлять время для собственных занятий и для дома.

Но преподавание неожиданно увлекло её.

Каждый ребёнок требовал особого подхода.

Лиза любила истории.

Варвара была старательной, но очень боялась ошибок.

А мальчики постоянно пытались играть быстрее, чем позволяли их умения.

Иногда Ядвига возвращалась после уроков совершенно уставшей.

Зато вечерами могла долго рассказывать Александру о маленьких победах своих учеников.

— Сегодня Варвара впервые сыграла всю пьесу без остановки!

— И что ты ей сказала?

— Что она молодец.

— А она?

— Заплакала.

Александр удивился.

— Почему?

— Потому что дома её часто ругают за ошибки. А сегодня она впервые услышала, что у неё получилось хорошо.

Александр некоторое время молчал.

Потом сказал:

— Значит, ты учишь её не только музыке.

Ядвига задумалась.

— Наверное.

Он улыбнулся.

— И это очень важно.

В один из воскресных дней молодые отправились за город.

Александр давно обещал показать жене окрестности.

Они наняли экипаж и выехали ранним утром, когда улицы ещё были почти пустыми.

За городской чертой начинались поля, небольшие рощи и деревни.

Осень раскрасила деревья золотом и багрянцем.

Ядвига смотрела по сторонам с восторгом.

— Как красиво!

Александр улыбнулся.

— Я знал, что тебе понравится.

Они остановились возле небольшой реки.

Вода была прозрачной и холодной.

На другом берегу стояли берёзы.

Ядвига долго смотрела на отражение деревьев.

— Знаешь, — сказала она, — мне иногда кажется, что в каждой стране осень немного другая.

— Разве листья здесь желтеют иначе?

Она рассмеялась.

— Нет. Но воздух другой. Запахи. Даже тишина.

Александр задумался.

— Наверное, ты права.

Они пошли вдоль берега.

Под ногами шуршали листья.

В какой-то момент Ядвига остановилась возле старой усадебной ограды.

За ней виднелась широкая аллея, ведущая к большому дому.

Здание стояло далеко от дороги, почти скрытое деревьями.

— Посмотри, Саша.

Александр подошёл.

— Красивое место.

Ядвига некоторое время молчала.

— Интересно, кто там живёт?

— Не знаю.

— Наверное, большая семья.

Она улыбнулась.

— Мне всегда нравились дома, где много людей.

Александр посмотрел на неё.

— Потому что ты выросла в таком доме?

— Наверное.

Они постояли у ограды.

Потом Ядвига взяла мужа под руку.

— Пойдём. А то мы совсем замёрзнем.

Они продолжили прогулку.

И разговор об усадьбе вскоре забылся.

Но образ старой аллеи ещё долго оставался в памяти Ядвиги.

Вечером их ожидало письмо из Польши.

На этот раз конверт был особенно толстым.

Ядвига узнала почерк матери и поспешила вскрыть его.

Мария писала подробно.

Сначала о здоровье Владислава.

Потом о делах имения.

О том, что осенние работы почти закончены, а садовник обещает на будущий год особенно хороший урожай яблок.

Но главные новости касались детей.

«Станислав всё чаще бывает у Лещинских. Его знакомство с Анной, кажется, становится серьёзным. Она приезжала к нам вместе с родителями. Очень воспитанная, умная девушка. И, что особенно приятно, совершенно не боится спорить с твоим братом.

Отец её, граф Лещинский, владеет несколькими имениями и давно ведёт дела с нашим семейством. Мы хорошо знаем этих людей, и я рада, что между семьями складываются такие тёплые отношения».

Ядвига улыбнулась.

— Саша, кажется, мой брат действительно влюбился!

Александр поднял голову от нот.

— Что пишет Мария?

Ядвига прочитала ему несколько строк.

Он рассмеялся.

— Если девушка умеет спорить со Станиславом, у неё прекрасные шансы стать его женой.

— Вот именно!

Она продолжила читать.

«А Зофья вернулась из Вены совсем другой. Нет, она по-прежнему наша Зофья — весёлая, немного насмешливая и очень самостоятельная. Но теперь часто задумывается и иногда улыбается своим мыслям.

Генрих фон Берг несколько раз бывал у нас. Его семья известна в Вене. Отец занимается банковским делом, а сам Генрих помогает управлять семейными предприятиями. Молодой человек прекрасно образован, свободно говорит на нескольких языках и, кажется, искренне увлечён нашей дочерью.

Пока мы ни о чём не говорим вслух. Но, думаю, ты меня понимаешь».

Ядвига отложила письмо.

— Как быстро всё меняется.

Александр сел рядом.

— Ты рада?

— Конечно.

Она немного помолчала.

— Просто ещё недавно мы все жили под одной крышей. А теперь у каждого начинается своя жизнь.

Александр обнял её.

— Так и должно быть.

Ядвига кивнула.

— Знаю.

Потом улыбнулась.

— Но если они оба соберутся жениться, нам придётся ехать в Польшу.

— Разумеется.

— Даже если у тебя будут концерты?

— Постараюсь всё устроить.

Она довольно кивнула.

— Тогда договорились.

В конце письма Мария сообщала ещё одну новость.

Владислав собирался весной приехать в Россию.

«Мы с отцом давно хотим увидеть, как вы устроились. Он уже несколько раз говорил, что хорошо бы приехать к вашей первой годовщине свадьбы. Пока ничего не обещаем, но очень надеемся, что это получится».

Ядвига перечитала эти строки дважды.

— Саша!

— Что ещё?

— Мама с папой хотят приехать!

Александр улыбнулся.
— Вот это действительно прекрасная новость.
— Представляешь? Они увидят нашу квартиру!
— И познакомятся с Анной Сергеевной.
— И с Екатериной Павловной.
— И услышат, как ты играешь на своём рояле.
Ядвига вскочила.
— Нам нужно будет всё приготовить!
Александр рассмеялся.
— Ядвига, до весны ещё несколько месяцев.
— Знаю. Но ведь столько всего нужно сделать!
Она оглядела комнату.
— Например, купить ещё один хороший стул.
— Один?
— Возможно, два.
— А потом ещё один шкаф?
— Не смейся!
Александр обнял её.
— Я не смеюсь. Просто представляю, как Владислав войдёт и начнёт проверять, достаточно ли крепкие у нас стулья.
Ядвига рассмеялась.
— Он непременно это сделает.

С наступлением холодов жизнь немного изменилась.
Александр всё чаще возвращался поздно.
Театральный сезон набирал силу.
Репетиции становились длиннее, концерты следовали один за другим.
Ядвига старалась не жаловаться.
Она понимала, насколько важна для мужа работа.
Но иногда ей не хватало их прежних долгих вечеров.
Однажды Александр вернулся домой и застал её возле рояля.
Она играла тихую мелодию.
Он остановился у двери.
Не стал мешать.
Когда музыка закончилась, Ядвига обернулась.
— Ты уже дома?
— Уже.
Он подошёл и поцеловал её.
— Что играла?
— Просто вспоминала одну мелодию.
Александр сел рядом.
— Грустную.
Ядвига улыбнулась.
— Немного.
Он внимательно посмотрел на неё.
— Ты скучаешь?
Она задумалась.
— Не по Польше сейчас. По тебе.
Александр опустил глаза.

— Я слишком много работаю.
— Я знаю, что у тебя нет выбора.
— Иногда есть.
Он помолчал.
— Просто мне хочется, чтобы у нас всё было хорошо. Чтобы мы могли позволить себе больше.
Ядвига взяла его руку.
— Саша, у нас уже всё хорошо.
Он посмотрел на неё.
— Правда?
— Конечно.
Она улыбнулась.
— Мне не нужен большой дом, если в нём никогда не будет тебя.
Александр долго молчал.
Потом обнял жену.
— Кажется, я иногда забываю самое главное.
— Тогда я буду напоминать.
Он улыбнулся.
— Договорились.

На следующий день Александр неожиданно вернулся раньше обычного.
Ядвига удивилась.
— Что случилось?
— Ничего.
— Репетицию отменили?
— Нет. Просто сегодня я решил не оставаться после неё.
Он снял пальто.
— И приглашаю тебя на прогулку.
Ядвига рассмеялась.
— Прямо сейчас?
— Прямо сейчас.
— Но ужин…
— Подождёт.
Она посмотрела на мужа.
Потом улыбнулась.
— Хорошо.
Они вышли на улицу.
Воздух был прохладным, но ясным.
По мостовой ехали экипажи, из окон магазинов лился тёплый свет.
Александр купил Ядвиге небольшой букет осенних цветов.
Она удивилась.
— За что?
— Просто так.
— Без повода?
— Разве для цветов нужен повод?
Ядвига рассмеялась.
— Нет.
Они долго гуляли, разговаривали о пустяках, вспоминали Вену и первые письма.

И в тот вечер оба снова почувствовали ту лёгкость, с которой когда-то начиналась их любовь.

Позднее, уже дома, Ядвига достала свою тетрадь.

Ту самую, в которой когда-то записывала русские слова.

Теперь страниц с новыми выражениями стало гораздо больше.

Но на последнем листе она начала записывать совсем другое.

Свои мечты.

Она вывела:

«Когда-нибудь у нас будет собственный дом».

Немного подумала.

Добавила:

«С садом».

Потом:

«С большой комнатой для музыки».

И ещё:

«С местом для гостей».

Она улыбнулась.

Хотела закрыть тетрадь, но неожиданно написала последнюю строчку:

«И с детской».

Ядвига долго смотрела на эти слова.

Потом осторожно закрыла тетрадь.

Александр, сидевший возле лампы, поднял голову.

— Что ты там пишешь?

Она улыбнулась.

— Наше будущее.

— И какое оно?

Ядвига подошла к нему.

Села рядом.

— Очень хорошее.

Александр обнял её.

— Тогда я тебе верю.

За окном шумел осенний ветер.

На старой липе оставалось всё меньше листьев.

В маленькой квартире горела лампа.

И двое молодых людей, ещё не знавших всех испытаний, которые приготовила им жизнь, строили планы.

Не торопясь.

С надеждой.

С любовью.

Потому что теперь у них было главное — друг друга.

Глава пятнадцатая. Две мелодии одного сердца

Первый снег выпал ночью.

Утром Ядвига подошла к окну и замерла от неожиданности.

Старая липа стояла совершенно белая. На её ветвях лежали пушистые снежные шапки, двор словно стал шире и светлее, а крыши соседних домов исчезли под ровным снежным покрывалом.

Ядвига улыбнулась.

— Саша! Иди скорее!

Александр появился в дверях спальни.

— Что случилось?

— Посмотри!

Он подошёл к окну.

— Снег.

— Я вижу, что снег!

Александр рассмеялся.

— Тогда чему ты так удивляешься?

— Он совсем другой.

— Чем же?

Ядвига задумалась.

— Не знаю. Может быть, потому что здесь всё другое.

Она прижалась к мужу.

— В Польше у нас тоже бывают красивые зимы. Но там я знаю каждое дерево, каждую дорожку. А здесь словно впервые вижу, как приходит зима.

Александр обнял её.

— Тогда сегодня вечером обязательно пойдём гулять.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Однако вечером прогулка не состоялась.

Александр вернулся из театра позже обычного.

Он вошёл в квартиру, снял пальто и некоторое время стоял возле двери, словно собираясь с мыслями.

Ядвига сразу заметила его необычное настроение.

— Саша, что случилось?

Он посмотрел на неё.

— Мне предложили выступить с сольной партией.

Ядвига удивлённо подняла брови.

— На концерте?

— Да. Через несколько недель.

— Но это же замечательно!

Она подошла и обняла его.

Александр улыбнулся, однако радость в его глазах смешивалась с тревогой.

— Это важный концерт, Ядвига. Будут приглашённые гости, музыкальные критики, представители нескольких театров.

— Тем более!

Он покачал головой.

— Я давно не выступал как солист. В оркестре всё иначе.

Ядвига внимательно посмотрела на мужа.

— Ты боишься?

Александр немного помолчал.

— Наверное.

Она улыбнулась.

— Тогда будем бояться вместе.

Он рассмеялся.

— Очень утешительно!

— Зато честно.

Ядвига взяла его за руку.
— А теперь расскажи, что ты будешь играть.

С этого дня жизнь молодых изменилась.
Александр много репетировал.
Иногда возвращался домой уставший и молчаливый.
По вечерам он доставал скрипку и снова проигрывал сложные места.
Ядвига слушала.
Поначалу она старалась не вмешиваться.
Но однажды, когда Александр в третий раз остановился на одном и том же фрагменте, осторожно сказала:
— Саша, можно я кое-что предложу?
Он опустил смычок.
— Конечно.
— Мне кажется, ты слишком
торопишься в этой части.
Александр нахмурился.
— Там такой темп.
— Я понимаю. Но ты словно пытаешься скорее пройти трудное место.
Он задумался.
— Возможно.
Ядвига подошла к роялю.
— Давай попробуем вместе.
Она сыграла несколько тактов.
Александр прислушался.
Потом поднял скрипку.
Они повторили фрагмент.
На этот раз музыка прозвучала иначе.
Спокойнее.
Увереннее.
Александр остановился.
— Вот!
Ядвига улыбнулась.
— Что?
— Именно этого мне не хватало.
Он подошёл к жене.
— Ты замечательно слышишь музыку.
Она рассмеялась.
— Я ведь тоже немного музыкант.
— Немного?
Александр покачал головой.
— Кажется, я недооценивал собственную жену.
Ядвига сделала вид, что обиделась.
— Надеюсь, это больше не повторится.
Он поцеловал её руку.
— Обещаю.

Репетиции продолжались.
Иногда они спорили.

Александр настаивал на одном исполнении, Ядвига предлагала другое.

Однажды спор оказался настолько горячим, что оба замолчали.

Александр положил скрипку.

— Ты хочешь, чтобы я играл так, как нравится тебе.

Ядвига удивлённо посмотрела на него.

— Нет. Я хочу, чтобы ты услышал, что можно сыграть иначе.

— Но это моя партия.

Она помолчала.

— Конечно.

В комнате стало тихо.

Александр посмотрел на жену.

И вдруг понял, что сказал лишнее.

— Ядвига…

Она покачала головой.

— Всё хорошо. Ты прав. Решать тебе.

Он подошёл.

— Нет, я не прав.

Она подняла глаза.

— Я просто устал, — продолжил он. — И испугался, что не справлюсь.

Ядвига улыбнулась.

— А я слишком увлеклась советами.

Александр взял её за руку.

— Давай договоримся. Ты говоришь всё, что слышишь. А я не обижаюсь, если мне это не нравится.

Она рассмеялась.

— Очень смелое обещание.

— Постараюсь его выполнить.

За несколько дней до концерта Александр почти перестал говорить о предстоящем выступлении.

Он занимался, проверял ноты, ухаживал за инструментом.

Но Ядвига замечала, что волнуется он всё сильнее.

Однажды ночью она проснулась и обнаружила, что мужа нет рядом.

В гостиной горела лампа.

Александр сидел за столом и смотрел на раскрытые ноты.

— Саша?

Он обернулся.

— Я тебя разбудил?

— Нет. Просто проснулась.

Она подошла и села рядом.

— Не можешь уснуть?

Он покачал головой.

— Всё думаю о концерте.

Ядвига некоторое время молчала.

Потом спросила:

— А помнишь нашу первую встречу?

Александр улыбнулся.

— Разумеется.

— Ты тогда играл так, что я забыла обо всём вокруг.

— Ты мне об этом уже говорила.
— И скажу ещё раз.
Она взяла его руку.
— Тогда ты ведь не знал, что я сижу в зале.
— Нет.
— И всё равно играл прекрасно.
Александр посмотрел на неё.
— К чему ты ведёшь?
— К тому, что тебе не нужно доказывать всему миру, какой ты замечательный музыкант. Просто сыграй так, как умеешь.
Он задумался.
— А если ошибусь?
Ядвига улыбнулась.
— Значит, ты человек, а не музыкальная шкатулка.
Александр рассмеялся.
И напряжение немного отпустило его.

Вечер концерта наступил неожиданно быстро.
Ядвига долго выбирала платье.
Наконец остановилась на тёмно-синем, с тонкой серебристой отделкой.
Александр, уже одетый, стоял у окна.
— Ты готова? — спросил он.
— Почти.
Она подошла.
Поправила ему воротник.
— Волнуешься?
— Очень.
— Тогда всё идёт как положено.
Он улыбнулся.
— Ты сегодня удивительно спокойная.
Ядвига рассмеялась.
— Это только снаружи.
Она взяла его руку.
— Пойдём, Саша. Нас ждёт музыка.

Концертный зал был полон.
Ядвига сидела рядом с Екатериной Павловной.
Вокруг звучали разговоры, шелестели платья, зрители занимали места.
Когда Александр вышел на сцену, Ядвига почувствовала, как сильно забилось сердце.
Он выглядел сосредоточенным.
Поклонился.
Поднял скрипку.
И зазвучала музыка.
Первые минуты Ядвига почти не дышала.
Она знала каждую фразу.
Каждый сложный переход.
Каждое место, над которым они столько работали дома.
Но постепенно волнение уступило место восхищению.
Александр играл свободно.

Уверенно.
С той глубиной чувства, которая когда-то привлекла её в Вене.
В одном из сложных фрагментов он на мгновение изменил привычную фразировку.
Ядвига сразу узнала её.
Это было то самое решение, которое они нашли вместе у домашнего рояля.
Она улыбнулась.
И вдруг почувствовала такую радость, словно сама стояла рядом с ним на сцене.
Когда прозвучали последние ноты, зал на мгновение замер.
Потом раздались аплодисменты.
Сначала сдержанные.
Затем всё громче.
Александр поклонился.
Ядвига аплодировала вместе со всеми.
И не пыталась скрыть слёз.

После концерта за кулисами было шумно.
Музыканты поздравляли Александра.
Кто-то хлопал его по плечу.
Кто-то обсуждал исполнение.
Ядвига стояла немного в стороне.
Когда Александр наконец увидел её, он сразу подошёл.
— Ну как?
Она посмотрела на него.
— Ты ещё спрашиваешь?
Он улыбнулся.
— Значит, понравилось?
— Очень.
Ядвига обняла мужа.
— Я так тобой горжусь!
Александр тихо сказал:
— Без тебя я бы не справился.
Она покачала головой.
— Справился бы. Но мне очень приятно, что мы готовились вместе.

Вскоре к ним подошёл пожилой господин с седыми усами.
Екатерина Павловна представила его:
— Пётр Андреевич Соколов, попечитель музыкального общества.
Он поздравил Александра.
Потом повернулся к Ядвиге.
— А мне говорили, что ваша супруга тоже прекрасно играет.
Ядвига смутилась.
— Я занимаюсь музыкой с детства.
— И преподаёте, насколько я слышал?
— Немного.
Пётр Андреевич улыбнулся.
— Мы готовим благотворительный музыкальный вечер. Собранные средства пойдут на помощь детям из малообеспеченных семей. Возможно, вы согласились бы выступить?
Ядвига удивлённо посмотрела на него.
— Я?

— Разумеется.

Она растерялась.

— Это большая честь.

— Тогда подумайте. Мы были бы рады видеть вас среди участников.

Когда он отошёл, Александр улыбнулся.

— Ну вот. Кажется, теперь волноваться предстоит тебе.

Ядвига рассмеялась.

— И ты будешь меня поддерживать?

— Обязательно.

— Даже если я стану спорить с тобой о музыке?

Он сделал вид, что задумался.

— Придётся потерпеть.

Декабрь принёс новые заботы.

Ядвига готовилась к своему выступлению.

Александр продолжал работать в театре.

Но вечерами они старались находить время друг для друга.

В квартире пахло свежим чаем, яблоками и воском.

Ядвига купила несколько свечей и небольшие украшения для рождественских праздников.

Она хотела сохранить польские семейные традиции.

Однажды за ужином спросила:

— Саша, а как вы праздновали Рождество в твоей семье?

Он задумался.

— Обычно собирались вместе. Мама готовила праздничный ужин. Потом мы ходили в церковь.

Ядвига кивнула.

— У нас тоже собиралась вся семья. Но были свои обычаи.

Она рассказала о польском сочельнике, о белой скатерти, о дополнительных приборах на столе, о том, как родные делились рождественской облаткой и желали друг другу счастья.

Александр слушал с интересом.

— Красиво.

— Очень.

Ядвига немного помолчала.

— Мне бы хотелось сохранить эти традиции.

Он улыбнулся.

— Конечно.

— Но я не хочу, чтобы ты отказывался от своих.

Александр взял её руку.

— Тогда будем праздновать дважды.

Ядвига рассмеялась.

— Дважды?

— Почему бы и нет? Сначала по твоему календарю, потом по моему.

Она посмотрела на него с нежностью.

— Ты замечательный.

— Особенно когда речь идёт о праздничном ужине.

Они рассмеялись.

Первое Рождество вдали от родного дома оказалось для Ядвиги особенно трогательным.

Она накрыла стол белой скатертью, которую подарила Мария.

Поставила свечи.

Приготовила несколько блюд, стараясь вспомнить семейные рецепты.

Анна Сергеевна помогла ей найти нужные продукты и с интересом расспрашивала о польских обычаях.

Когда наступил вечер, Ядвига зажгла свечи.

Александр стоял рядом.

Она достала облатку, присланную матерью вместе с письмом.

Они разделили её.

Ядвига тихо пожелала мужу здоровья, счастья и долгих лет вместе.

Александр поцеловал её руку.

— А я желаю тебе никогда не чувствовать себя одинокой.

Ядвига улыбнулась сквозь слёзы.

Они сели за стол.

Впервые за много лет Ядвига встречала Рождество без родителей, брата и сестры.

Но рядом был человек, который любил её.

И это делало вечер светлым.

Через некоторое время они отметили и Рождество по привычному Александру календарю.

Анна Сергеевна пригласила их к себе на чай.

На столе стояли пироги, варенье и большой самовар.

Старушка с удовольствием рассказывала о том, как праздновала Рождество в молодости.

Ядвига слушала и улыбалась.

Теперь она уже почти всё понимала.

Когда они вернулись домой, Александр сказал:

— Ну что, понравилось тебе наше русское Рождество?

— Очень.

— А какое лучше?

Ядвига задумалась.

— Знаешь, Саша, я не хочу выбирать.

Он улыбнулся.

— И не нужно.

Она обняла его.

— Теперь у нас будет два Рождества.

— И вдвое больше подарков?

Ядвига рассмеялась.

— Посмотрим, как ты себя будешь вести.

Благотворительный вечер состоялся вскоре после зимних праздников.

На этот раз волновалась Ядвига.

Она долго репетировала.

Перебирала произведения.

Сомневалась.

Александр терпеливо слушал.

Иногда давал советы.

Иногда просто сидел рядом.

Перед выступлением Ядвига призналась:

— Теперь я понимаю, что ты чувствовал.

Александр улыбнулся.
— Страшно?
— Очень.
— Тогда будем бояться вместе.
Она рассмеялась.
— Ты украл мои слова!
— Я их бережно сохранил.
Он поцеловал её.
— Иди. У тебя всё получится.

Ядвига вышла к роялю.
Зал был меньше, чем на концерте Александра.
Но от этого волнение не становилось слабее.
Она села.
Положила руки на клавиши.
И вдруг вспомнила родительский дом.
Те самые вечера, когда Владислав сидел в кресле, Мария слушала у окна, а Станислав с Зофьей иногда шептались во время музыки.
Ядвига улыбнулась.
Потом начала играть.
Музыка звучала свободно.
Нежно.
Уверенно.
Она не старалась никого удивить.
Просто делилась тем, что любила.
Когда произведение закончилось, зрители тепло аплодировали.
Ядвига поклонилась.
И впервые почувствовала, что может выступать здесь не как гостья из далёкой страны, а как музыкант, которого знают и ждут.

После вечера Пётр Андреевич подошёл к супругам.
— Прекрасное выступление, сударыня.
Ядвига поблагодарила его.
— Надеюсь, вечер поможет детям.
— Несомненно.
Он улыбнулся.
— И я надеюсь, что это не последнее ваше выступление у нас.
Ядвига посмотрела на Александра.
Тот едва заметно кивнул.
— Буду рада, — ответила она.

Домой они возвращались поздно.
Шёл мягкий снег.
Фонари освещали улицу.
Александр держал Ядвигу под руку.
— Ну что, госпожа Воронцова, каково это — быть знаменитой пианисткой?
Она рассмеялась.
— Не преувеличивай.
— Я совершенно серьёзен.

— Тогда скажу тебе по секрету: знаменитые пианистки очень хотят домой и горячего чая.
— В таком случае поспешим.
Они ускорили шаг.
Когда впереди показался знакомый дом, Ядвига вдруг остановилась.
— Саша…
— Что?
Она посмотрела на него.
— Сегодня я была счастлива.
Он улыбнулся.
— Я тоже.
— Не только из-за концерта.
— А из-за чего?
Ядвига немного помолчала.
— Потому что у нас получается.
— Что?
— Жить вместе. Поддерживать друг друга. Радоваться друг за друга.
Александр обнял её.
— Конечно получается.
Она улыбнулась.
— И знаешь, мне кажется, мы стали немного взрослее.
Он рассмеялся.
— После двух концертов?
— После всего, что было за эти месяцы.
Александр посмотрел на жену.
— Тогда, наверное, ты права.
Они пошли дальше.

В конце зимы пришло письмо от Марии.
На этот раз Ядвига вскрыла конверт прямо в прихожей.
«Моя дорогая девочка!
Мы с отцом окончательно решили приехать к вам весной. Если всё сложится благополучно, будем у вас как раз к первой годовщине свадьбы.
Владислав уже строит планы и делает вид, что это исключительно деловая поездка. Но я-то знаю, как сильно он соскучился.
Очень ждём встречи.
Обнимаем вас обоих».
Ядвига прижала письмо к груди.
— Саша!
Он выглянул из гостиной.
— Что случилось?
— Они приедут!
Александр улыбнулся.
— Значит, пора готовиться.
Ядвига рассмеялась.
— Теперь ты понимаешь, почему нам нужны дополнительные стулья?
Он поднял руки.
— Сдаюсь! Покупаем стулья.
Она подбежала к нему и обняла.
За окном ещё лежал снег.

Но весна уже приближалась.
А вместе с ней — встреча, которую молодые так долго ждали.

В тот вечер Александр достал скрипку.
Ядвига села за рояль.
Они сыграли ту самую мелодию, которую Александр когда-то подарил ей на свадьбу.
«Дом, где меня ждут».
Теперь она звучала иначе.
В ней уже не было только надежды на будущее.
В ней появились прожитые вместе дни.
Радость.
Усталость.
Небольшие ссоры.
Примирения.
Общие победы.
И тихая уверенность в том, что впереди у них ещё много счастливых лет.
Когда музыка закончилась, Александр посмотрел на жену.
— Знаешь, Ядвига, мне кажется, я написал эту мелодию слишком рано.
Она удивилась.
— Почему?
— Потому что тогда я ещё не знал, как звучит настоящий дом.
Ядвига улыбнулась.
— А теперь знаешь?
Он взял её руку.
— Теперь да.
Она наклонилась и поцеловала мужа.
За окном тихо падал снег.
А в маленькой квартире на втором этаже звучали две мелодии.
Мелодия скрипки.
И мелодия рояля.
Два голоса.
Два характера.
Две судьбы.
И одно сердце на двоих.

Глава шестнадцатая. Долгожданная встреча

Весна в этом году не торопилась.

Ещё в начале апреля по утрам случались заморозки. В затенённых уголках дворов лежал потемневший снег, а холодный ветер заставлял прохожих плотнее запахивать пальто.

Но постепенно всё изменилось.

На старой липе под окнами квартиры появились первые почки. Двор наполнился птичьими голосами, и по утрам Ядвига всё чаще распахивала окно, впуская в комнату свежий воздух.

До приезда родителей оставалось меньше двух недель.

Она знала это совершенно точно.

На листке календаря, прикреплённом возле письменного стола, были отмечены дни. Каждый вечер Ядвига зачёркивала ещё один.

Александр наблюдал за этим с улыбкой.

— Мне кажется, ты скоро начнёшь считать часы.

— Не исключено.
— А потом минуты?
— Если потребуется.
Он рассмеялся и обнял жену.
— Я начинаю немного ревновать.
Ядвига обернулась.
— К кому?
— К твоим родителям. Ты ждёшь их так, словно мы с тобой целый год не виделись.
Она улыбнулась.
— Глупый. Тебя я вижу каждый день.
— Именно поэтому мне и обидно.
— Ну, знаешь ли!
Она шутливо толкнула его в плечо.
Александр поймал её руку и поцеловал.
— Я тоже очень рад, что они приедут.
Ядвига прислонилась к нему.
— Я знаю.
Некоторое время они молчали.
Потом она тихо добавила:
— Мне иногда кажется, что прошла целая вечность с того дня, когда мы уехали.
Александр погладил её по волосам.
— А мне кажется, будто это было вчера.
— Правда?
— Конечно. Я до сих пор помню, как ты стояла возле экипажа и старалась не плакать.
Ядвига улыбнулась.
— А ты делал вид, что совсем не волнуешься.
— Я был женихом, который только что увёз любимую девушку из родительского дома. У меня не было права показывать, насколько я напуган.
Она удивлённо посмотрела на него.
— Ты был напуган?
— Ещё как.
— Почему же ты мне ничего не говорил?
Александр улыбнулся.
— Боялся, что ты передумаешь и вернёшься к отцу.
Ядвига рассмеялась.
— Поздно признаёшься, господин Воронцов!
— К счастью, да.

Подготовка к приезду родителей постепенно захватила весь дом.
Ядвига составила список необходимых покупок.
Потом второй.
А на следующий день обнаружила, что половину вещей забыла, и начала третий.
Александр старательно выполнял поручения.
Однажды он вернулся с двумя новыми стульями.
Они были добротными, с тёмными деревянными спинками и мягкими сиденьями.
Ядвига встретила мужа у порога.
— Саша! Какие красивые!
— Надеюсь, достаточно крепкие?
Она засмеялась.

— Ты всё ещё помнишь наш разговор?

— Разумеется. Я ведь должен выдержать проверку твоего отца.

Александр поставил один стул посреди комнаты и с серьёзным видом сел.

Потом немного покачался.

— Кажется, выдержит.

— Немедленно прекрати! — рассмеялась Ядвига. — Ты его сломаешь ещё до приезда папы!

— Тогда придётся покупать третий.

Смеясь, они расставили стулья возле стола.

Квартира вдруг показалась Ядвиге ещё уютнее.

— Вот теперь совсем хорошо, — сказала она.

Александр оглядел комнату.

— По-моему, она и раньше была хорошей.

— Конечно. Но теперь здесь будет удобнее принимать гостей.

Не меньшие хлопоты доставил вопрос о том, где разместятся родители.

Ядвига сначала предложила отдать им спальню, а самим на несколько дней устроиться в гостиной.

Александр не возражал, но Владислав в письме решительно отказался от подобного устройства.

«Мы приедем к вам в гости, а не для того, чтобы нарушать привычный уклад вашей жизни. Нам будет вполне удобно остановиться в гостинице. Тем более что мы хотим пробыть некоторое время и не намерены стеснять вас».

Ядвига перечитала эти строки несколько раз.

— Ну вот. Папа даже на расстоянии умеет всё решить.

Александр улыбнулся.

— Он прав. Мы найдём им хорошую гостиницу неподалёку.

— Но мне хотелось, чтобы они были с нами.

— Они и будут с нами. С утра до вечера, если захотят. А ночевать станут там, где им удобно.

Ядвига задумалась.

— Наверное, ты прав.

А потом добавила:

— Только гостиницу выбираем вместе.

— Разумеется.

Анна Сергеевна принимала в приготовлениях самое деятельное участие.

Узнав, что приезжают родители молодой хозяйки, она немедленно решила, что квартире необходима генеральная уборка.

— Нечего тебе одной надрываться, — заявила она. — Я здесь всё знаю. И окна поможем вымыть, и занавески приведём в порядок.

— Анна Сергеевна, да ведь у нас чисто!

— Чисто, — согласилась старушка. — Но перед гостями всегда хочется, чтобы было ещё чище.

Ядвига не нашла что возразить.

В течение двух дней они протирали полки, перебирали посуду, переставляли небольшие вещи.

Александр, вернувшись однажды с репетиции, обнаружил, что его любимое кресло переместилось к противоположной стене.

Он остановился посреди комнаты.

— Ядвига, а где моё кресло?

— Вот оно.

— Вижу. Но почему оно здесь?

— Так комната кажется просторнее.

Александр задумчиво посмотрел на кресло.

Потом на жену.

— А если я скажу, что мне больше нравилось там?

Ядвига улыбнулась.

— Тогда после отъезда родителей переставим обратно.

Он рассмеялся.

— Значит, ближайшие недели мне придётся жить по новым правилам.

Из кухни выглянула Анна Сергеевна.

— Молодой человек, лучше сразу привыкайте. Когда хозяйка готовится встречать мать, мужу остаётся только не мешать.

Александр поднял руки.

— Сдаюсь, Анна Сергеевна!

Накануне приезда пришла телеграмма.

Владислав сообщал, что они с Марией благополучно продолжают путь и прибудут следующим днём.

Ядвига долго держала листок в руках.

Завтра.

Наконец-то завтра.

Вечером она никак не могла найти себе места.

То подходила к окну, то проверяла, всё ли готово, то снова перечитывала телеграмму.

Александр некоторое время наблюдал за ней, а потом сказал:

— Иди сюда.

— Зачем?

— Просто иди.

Она подошла.

Он усадил её рядом с собой.

— Ты ведь понимаешь, что твои родители едут не проверять, насколько хорошо ты вымыла окна?

Ядвига смутилась.

— Конечно понимаю.

— И не оценивать наши стулья?

Она улыбнулась.

— Надеюсь.

— Они едут увидеть тебя.

Ядвига опустила глаза.

— Знаю, Саша.

Она помолчала.

— Просто мне хочется, чтобы они увидели, как мне здесь хорошо.

Александр взял её за руку.

— Они увидят.

— А если мама заметит, что я скучала?

— Наверняка заметит.

— И что тогда?

Он улыбнулся.
— Тогда она поймёт, как сильно ты их любишь. Разве это плохо?
Ядвига тихо рассмеялась.
— Нет.
— Вот и не волнуйся.
Она положила голову ему на плечо.
— Легко тебе говорить.
— Совсем нелегко. Я тоже немного волнуюсь.
— Ты?
— Конечно. Мне предстоит показать Владиславу, что я сумел позаботиться о его дочери.
Ядвига подняла голову.
— Саша, ты ведь уже всё ему доказал.
Александр улыбнулся.
— Очень надеюсь.

Утро выдалось солнечным.
Ядвига проснулась раньше обычного и сразу посмотрела на часы.
До прибытия поезда оставалось ещё несколько часов.
Она поднялась, подошла к окну.
Старая липа уже покрылась нежной зеленью.
Во дворе пели птицы.
Ядвига улыбнулась.
Ей вдруг вспомнилось совсем другое утро.
Польская усадьба.
Светлая комната.
Мамин голос за дверью.
Шаги прислуги в коридоре.
И ощущение, что впереди целая жизнь.
Теперь эта жизнь уже началась.
И сегодня две её части должны были встретиться.

На вокзал молодые приехали заранее.
Александр отправился узнать, вовремя ли прибывает поезд, а Ядвига осталась возле платформы.
Вокруг царила привычная вокзальная суета.
Носильщики перевозили багаж.
Пассажиры торопились к вагонам.
Где-то плакал ребёнок.
Пахло угольным дымом, мокрым деревом и горячим чаем.
Ядвига почти ничего не замечала.
Она всматривалась туда, откуда должен был появиться поезд.
Александр вернулся.
— Всё в порядке. Опоздание небольшое.
— Насколько?
— Минут на десять.
Ядвига вздохнула.
— Целых десять минут!
Он рассмеялся.
— Ядвига, после стольких месяцев ожидания десять минут ничего не изменят.

— Для тебя, может быть, и не изменят.
Александр обнял её за плечи.
— Хорошо. Тогда я тоже буду нетерпеливым.

Когда вдали показался паровоз, Ядвига почувствовала, как у неё перехватило дыхание.
Поезд медленно подошёл к платформе.
Раздались свистки.
Загрохотали колёса.
Пассажиры начали выходить из вагонов.
Ядвига подалась вперёд.
Сначала она увидела незнакомую пожилую даму.
Потом мужчину с дорожным саквояжем.
За ним ещё нескольких пассажиров.
И вдруг…
— Мама!
Мария стояла возле вагона, придерживая рукой шляпу.
Она что-то говорила носильщику, но, услышав голос дочери, резко обернулась.
На мгновение обе замерли.
Потом Ядвига бросилась к ней.
— Мамочка!
Мария обняла дочь так крепко, словно боялась снова потерять.
— Девочка моя… Ядвиженька…
Она целовала её лицо, волосы, щеки.
— Дай мне посмотреть на тебя!
Ядвига смеялась и плакала одновременно.
— Мамочка, ну что ты!
— Совсем взрослая стала…
Мария провела ладонями по её плечам.
— Такая красивая…
— Мама!
— А что? Разве я не могу полюбоваться собственной дочерью?
Они снова обнялись.
И только тогда Ядвига заметила стоявшего рядом отца.
Владислав держался несколько в стороне.
Высокий, аккуратно одетый, с привычной прямой осанкой.
Он смотрел на дочь.
И Ядвига вдруг увидела, что за этот год в его волосах словно прибавилось седины.
— Папа…
Она шагнула к нему.
Владислав раскрыл объятия.
— Ну здравствуй, моя девочка.
Ядвига прижалась к отцу.
Он крепко обнял её.
Несколько мгновений ничего не говорил.
Потом тихо произнёс:
— Вот мы и встретились.
Ядвига подняла голову.
— Я так соскучилась!
Владислав улыбнулся.

— Мы тоже.
Он осторожно поправил выбившуюся из-под шляпки прядь её волос.
Так же, как делал много лет назад, когда она была ребёнком.
— Ну-ка, дай посмотреть.
Он немного отстранился.
Внимательно посмотрел на дочь.
— Похорошела.
Ядвига рассмеялась.
— Вы с мамой сговорились!
— Нисколько. Просто говорим правду.
И вдруг отец добавил:
— И глаза у тебя счастливые.
Ядвига почувствовала, как снова подступают слёзы.
— Папа…
Владислав мягко сжал её руку.
— Вот это для меня самое главное.

Александр подошёл к родителям жены.
— Мария, Владислав, как я рад вас видеть!
Мария протянула ему обе руки.
— Александр! Здравствуй, дорогой!
Она обняла зятя с такой теплотой, что тот на мгновение растерялся.
— Спасибо тебе, что встретили нас.
— Разве могло быть иначе?
Владислав пожал ему руку.
Крепко.
По-мужски.
— Здравствуй, Александр.
— Рад вашему приезду.
— Взаимно.
Владислав внимательно посмотрел на него.
И улыбнулся.
— Хорошо выглядишь.
Александр рассмеялся.
— Спасибо. Работа не даёт скучать.
— Вот это правильно.
Несколько минут они разговаривали о дороге, багаже и предстоящем размещении.
Но Ядвига почти не слушала.
Она стояла между родителями.
Держала мать под руку.
Иногда оборачивалась к отцу.
И не могла поверить, что они действительно здесь.

После дороги Мария и Владислав решили сначала заехать в гостиницу, привести себя в порядок и немного отдохнуть.

Александр заранее договорился о комнатах в хорошем небольшом заведении неподалёку от театра.

Владислав одобрительно оглядел помещение.

— Разумно выбрано. И до вас недалеко?

— Можно дойти пешком, если погода хорошая, — ответил Александр.

— Прекрасно.

Ядвига уже собиралась возразить, что родителям вовсе не обязательно куда-то ходить пешком после долгого путешествия, но Мария опередила её.

— Дорогая моя, не беспокойся. Мы прекрасно устроимся. А вечером придём к вам.

— Обязательно?

Мария рассмеялась.

— Разве ты сомневаешься?

— Нет. Просто…

Она улыбнулась.

— Я столько всего хочу вам показать.

Владислав поцеловал дочь в лоб.

— Покажешь. У нас впереди достаточно времени.

К вечеру Ядвига совсем измучилась от ожидания.

На столе стояли чашки, чайник, несколько приготовленных ею угощений.

В вазе красовались весенние цветы.

Александр в последний раз поправил скатерть.

Ту самую, которую Мария подарила дочери перед отъездом.

— Всё готово?

— Кажется, да.

— Тогда садись.

— Не могу.

— Почему?

— Они скоро придут.

Александр усмехнулся.

— Именно поэтому и предлагаю тебе присесть.

Но Ядвига уже услышала шаги на лестнице.

Она обернулась к двери.

Раздался стук.

— Это они!

Мария вошла первой.

Она остановилась на пороге и с любопытством огляделась.

— Вот, значит, где живёт моя девочка.

Ядвига вдруг смутилась.

Ещё утром ей казалось, что квартира прекрасна.

А теперь она неожиданно увидела её глазами матери.

Небольшая прихожая.

Скромная гостиная.

Старомодный шкаф.

Не слишком просторная кухня.

Совсем не те комнаты, к которым Мария привыкла в Польше.

— У нас, конечно, тесновато… — начала Ядвига.

Но мать повернулась к ней.

— Почему ты оправдываешься?

Ядвига растерялась.

— Я не…

Мария улыбнулась.

— Здесь очень уютно.
Она подошла к столу.
Провела рукой по вышитой скатерти.
— А это я узнаю.
Ядвига улыбнулась.
— Я берегу её.
— Вижу.
Мария посмотрела на дочь.
— И очень рада, что ты ею пользуешься.
Владислав вошёл вслед за женой.
Снял пальто, оглядел гостиную.
— Хорошая квартира.
Александр улыбнулся.
— Небольшая, зато удобная. До театра недалеко.
— Это важно.
Владислав подошёл к окну.
Посмотрел во двор.
— А дерево какое замечательное!
— Это липа, — сказала Ядвига. — Летом она так пахнет, что хочется целый день держать окна открытыми.
Отец кивнул.
— Хорошее место.
И вдруг его взгляд остановился на новых стульях.
— А это недавно купили?
Александр и Ядвига переглянулись.
Она едва сдержала смех.
— Недавно, папа.
Владислав подошёл к одному из них.
Осмотрел деревянную спинку.
Провёл ладонью по сиденью.
— Добротная работа.
Александр опустил голову, скрывая улыбку.
Ядвига не выдержала и рассмеялась.
Отец удивлённо посмотрел на неё.
— Что смешного?
— Ничего, папочка! Совсем ничего!
Александр отвернулся к окну.
Теперь смеялся и он.

За чаем разговор никак не мог остановиться.
Мария рассказывала о доме.
О саде, где уже распускались первые цветы.
О старом садовнике, который передавал Ядвиге поклон.
О том, как Зофья теперь часто ездит в гости и получает письма из Вены.
При упоминании сестры Ядвига сразу оживилась.
— Значит, с Генрихом всё серьёзно?
Мария улыбнулась.
— Я бы сказала, что становится серьёзно.
— А папа что думает?

Владислав отложил чашку.

— Думаю, что молодой человек должен сначала разобраться в собственных намерениях.

Ядвига посмотрела на Александра.

Тот улыбнулся.

— Очень знакомая мысль.

Владислав невольно рассмеялся.

— Да, Александр. Ты уже слышал от меня нечто подобное.

— И не однажды.

— Зато теперь понимаешь, что я не так уж был неправ.

— Совершенно понимаю.

Мария покачала головой.

— Мужчины! Не успели встретиться, а уже вспомнили старые испытания.

Все рассмеялись.

Потом заговорили о Станиславе.

— Он всё чаще бывает у Лещинских, — сообщила Мария.

— Я так и знала! — воскликнула Ядвига.

Владислав улыбнулся.

— Только не торопись устраивать свадьбу за брата.

— Я ничего не устраиваю!

— Пока, — заметил Александр.

Ядвига бросила на мужа шутливо-сердитый взгляд.

Постепенно разговор перешёл к жизни молодых.

Мария расспрашивала обо всём.

Как устроено хозяйство.

Хватает ли времени на отдых.

Удобно ли добираться до учеников.

Довольна ли Ядвига своим преподаванием.

Та рассказывала охотно.

Про Лизу, которая наконец полюбила музыку.

Про Варвару, научившуюся не бояться ошибок.

Про Екатерину Павловну.

Про свой первый благотворительный вечер.

Мария слушала с нескрываемой гордостью.

— Значит, ты теперь не только играешь, но и учишь других?

— Да, мама.

— И тебе нравится?

— Очень.

Ядвига немного подумала.

— Знаешь, раньше мне казалось, что главное для музыканта — хорошо играть самому. А теперь я поняла, какое это счастье, когда у тебя на глазах что-то начинает получаться у другого человека.

Мария улыбнулась.

— Ты всегда умела радоваться чужим успехам.

Александр кивнул.

— Это правда.

Ядвига посмотрела на мужа.

— Только не начинайте меня хвалить вдвоём!

Владислав рассмеялся.

— Боюсь, сегодня тебе не удастся этого избежать.

После чая Ядвига подвела родителей к роялю.

Мария сразу узнала инструмент.

Она осторожно коснулась крышки.

— Доехал благополучно?

— Почти. Пришлось немного подождать, пока его настроят.

— А теперь?

— Теперь звучит замечательно.

Владислав подошёл ближе.

— Помню, как ты впервые пыталась дотянуться до педалей.

Ядвига улыбнулась.

— Папа, мне тогда было совсем мало лет.

— Именно поэтому я и помню.

Он провёл рукой по полированной поверхности.

— Столько музыки слышал этот инструмент.

Мария тихо сказала:

— И ещё столько услышит.

Ядвига села за рояль.

— Хотите, я что-нибудь сыграю?

— Конечно, — ответил отец.

Она немного подумала.

И начала знакомую мелодию.

Ту, которую часто исполняла дома в Польше.

Мария присела возле окна.

Владислав устроился в кресле.

Александр остался стоять рядом с роялем.

И на несколько минут маленькая русская квартира наполнилась звуками, которые словно перенесли всех в далёкую польскую усадьбу.

Мария слушала с закрытыми глазами.

Когда Ядвига закончила, мать долго молчала.

Потом произнесла:

— Теперь я понимаю, чего нам так не хватало дома.

Ядвига обернулась.

— Мамочка…

— Твоей музыки.

Александр тихо подал жене скрипку взглядом, словно спрашивая разрешения присоединиться.

Она улыбнулась.

И вскоре зазвучал их дуэт.

Владислав слушал особенно внимательно.

Он уже слышал Александра прежде.

Знал, что молодой человек талантлив.

Но сейчас перед ним было не просто выступление двух музыкантов.

Перед ним были муж и жена.

Они не соревновались друг с другом.

Не пытались выделиться.

Один подхватывал мелодию другого, уступал, поддерживал, отвечал.

И музыка становилась богаче оттого, что их было двое.

Владислав перевёл взгляд на Марию.

Она тоже смотрела на молодых.

И он понял, что жена думает о том же.

Позже Мария попросила дочь показать ей кухню.

На самом деле ей просто хотелось немного побыть с Ядвигой наедине.

Они вошли в небольшую комнату.

Мария оглядела полки, аккуратно расставленную посуду, полотенца у окна.

— Всё у тебя на своих местах.

Ядвига улыбнулась.

— Не всегда. Саша иногда пытается переставлять вещи.

— А ты?

— Переставляю обратно.

Мария рассмеялась.

Потом подошла к дочери.

— Ну расскажи мне, девочка моя. Как тебе здесь живётся?

Ядвига сразу ответила:

— Хорошо, мама.

Но Мария не торопилась.

— Я вижу, что хорошо. А трудно было?

Ядвига задумалась.

— Было.

Она посмотрела в окно.

— Особенно сначала. Я скучала. Иногда очень сильно. И почти ничего не понимала, когда люди начинали быстро говорить по-русски.

Мария мягко кивнула.

— Представляю.

— Бывало, я возвращалась домой после какой-нибудь простой покупки и чувствовала себя совершенно беспомощной.

— Почему ты нам не писала?

Ядвига улыбнулась.

— Писала. Просто не обо всём.

Мария вздохнула.

— Дети всегда думают, что родителей нужно беречь от волнений.

— А разве не нужно?

— Нужно. Только иногда от недосказанности мы волнуемся ещё сильнее.

Ядвига обняла мать.

— Мамочка, теперь всё хорошо.

— Я вижу.

Мария погладила дочь по щеке.

— Ты изменилась.

— Состарилась?

— Глупенькая!

Они рассмеялись.

Потом мать стала серьёзнее.

— Ты стала увереннее. Спокойнее. Раньше ты всё время спрашивала нас, правильно ли поступаешь. А теперь сама принимаешь решения.

Ядвига улыбнулась.

— Не всегда правильные.

— Никто не принимает только правильные решения.

Мария немного помолчала.

— А Александр? Хороший он тебе муж?

Ядвига посмотрела на мать.

— Очень хороший.

— Не ссоритесь?

Она засмеялась.

— Ссоримся, конечно.

Мария подняла брови.

— Вот как?

— Иногда. Из-за пустяков. Из-за того, что он поздно возвращается. Или я слишком упрямлюсь.

— И что потом?

— Разговариваем.

Мария улыбнулась.

— Это хорошо.

Она взяла дочь за руки.

— Главное, Ядвиженька, не копите обиды. Даже самые маленькие.

— Я знаю, мама.

— Любить человека — это не значит никогда на него не сердиться. Это значит помнить, что он тебе дорог, даже когда ты сердишься.

Ядвига задумалась.

— Наверное, мы этому как раз и учимся.

Мария обняла её.

— Значит, всё у вас будет хорошо.

Тем временем в гостиной Владислав и Александр остались вдвоём.

Некоторое время они разговаривали о театре.

Владислав подробно расспросил зятя о выступлениях, оркестре, новых знакомствах.

Александр рассказал о недавнем сольном концерте.

О том, как много репетировал.

О поддержке Ядвиги.

Владислав слушал с интересом.

— Выходит, она и здесь не оставляет тебя без советов?

Александр улыбнулся.

— К счастью, нет.

— Упрямая она у нас.

— Очень.

— С детства такая.

Оба рассмеялись.

Потом Владислав немного помолчал.

— Александр…

— Да?

— Я хотел сказать тебе одну вещь.

Молодой человек внимательно посмотрел на тестя.

Владислав медленно сложил руки на коленях.

— Когда ты впервые приехал к нам, я относился к тебе с большим недоверием.

Александр улыбнулся.

— Я это заметил.

— И у меня были причины.

— Я понимаю.

Владислав посмотрел в сторону кухни, откуда доносились голоса Марии и Ядвиги.

— Мне было непросто отпустить дочь. Особенно так далеко.

Александр молчал.

— Не из-за твоего происхождения, не из-за того, что ты русский, — продолжил Владислав. — Просто я привык знать, что она рядом. Что, если ей понадобится помощь, я смогу прийти.

Он вздохнул.

— А теперь между нами огромное расстояние.

Александр тихо сказал:

— Я знаю.

Владислав повернулся к нему.

— Но сегодня я увидел, как она живёт. Как смотрит на тебя. Как вы разговариваете.

Он немного помолчал.

— И мне стало спокойнее.

Александр почувствовал, что эти слова значат гораздо больше любой похвалы.

— Спасибо, Владислав.

Тот протянул руку.

— Я рад, что тогда не ошибся в тебе.

Они обменялись крепким рукопожатием.

И на этот раз между ними уже не было ни настороженности, ни необходимости что-либо доказывать.

Когда женщины вернулись, Ядвига сразу почувствовала, что разговор между мужчинами был серьёзным.

Она посмотрела сначала на отца.

Потом на мужа.

— Что вы тут обсуждали?

Александр улыбнулся.

— Мужские дела.

— Какие именно?

— Очень важные.

Владислав кивнул.

— Исключительно важные.

Ядвига прищурилась.

— Не верю ни одному из вас.

Мария рассмеялась.

— Дорогая, оставь мужчин. Пусть думают, что у них есть свои тайны.

Теперь рассмеялись все.

Вечер пролетел незаметно.

Когда пришло время провожать гостей, Ядвига с сожалением посмотрела на часы.

— Уже так поздно…

Мария надела шаль.

— Мы ведь завтра снова увидимся.

— Обязательно.

— И послезавтра.

— Конечно.

Владислав улыбнулся.

— И, если позволишь, ещё много дней подряд.

Ядвига рассмеялась.

— Папа, я бы вообще вас никуда не отпускала.

Он обнял дочь.

— Знаю, моя девочка.

На лестнице они встретили Анну Сергеевну.

Старушка как раз вышла из своей квартиры.

Ядвига поспешила представить её родителям.

— Мамочка, папа, познакомьтесь. Это Анна Сергеевна. Она столько раз нам помогала!

Мария сразу протянула руку.

— Я очень рада с вами познакомиться. Ядвига много о вас писала.

Анна Сергеевна немного смутилась.

— Да что же она могла написать?

Живём рядом, вот и помогаем друг другу.

— Для меня очень важно знать, что рядом с дочерью есть добрые люди, — сказала Мария.

Старушка внимательно посмотрела на неё.

Потом улыбнулась.

— Хорошая у вас дочь. И зять тоже хороший. Не беспокойтесь за них.

Владислав слегка поклонился.

— Благодарю вас.

Анна Сергеевна махнула рукой.

— Было бы за что!

А когда гости спустились по лестнице, она повернулась к Ядвиге.

— Ну вот. Теперь понятно, в кого ты такая.

— Какая?

— Сердечная.

Ядвига улыбнулась.

— Спасибо, Анна Сергеевна.

На следующий день родители пришли после завтрака.

Владислав захотел посмотреть город.

Мария — познакомиться с Екатериной Павловной.

А Ядвига никак не могла решить, с чего начать.

Александр предложил:

— Давайте сегодня просто погуляем. Покажем вам театр, ближайшие улицы, парк. А знакомства оставим на следующие дни.

Владислав одобрительно кивнул.

— Разумное предложение.

Ядвига взяла мать под руку.

— Тогда пойдёмте!

День оказался тёплым.

Город просыпался после долгой зимы.

На деревьях распускались листья.

У торговых рядов стояли экипажи.

Возле цветочной лавки женщины выбирали первые весенние букеты.

Ядвига рассказывала родителям обо всём.

Вот здесь она покупает бумагу для нот.

Там находится лавка, где однажды никак не могла объяснить продавцу, что ей нужно.

На этой улице живёт одна из её учениц.

А за поворотом начинается дорога к театру.

Мария слушала с улыбкой.

А Владислав иногда задавал неожиданные вопросы.

— А зимой здесь расчищают дорогу?

— Да, папа.

— И освещение по вечерам хорошее?

— На главных улицах вполне.

— А от театра до дома сколько идти?

Александр ответил:

— Недолго. Поэтому я и выбрал эту часть города.

Владислав кивнул.

— Правильно сделал.

Ядвига посмотрела на мать.

Та едва заметно улыбнулась.

Обе прекрасно понимали: Владислав уже не мог перестать заботиться о дочери, даже убедившись, что она вполне способна позаботиться о себе сама.

Возле театра Александр остановился.

— Здесь я провожу большую часть дня.

Владислав внимательно посмотрел на здание.

— Значит, это твоё второе место жительства.

— Иногда почти первое, — рассмеялся Александр.

Ядвига шутливо вздохнула.

— Вот именно.

Мария посмотрела на зятя.

— А ты, Александр, всё-таки старайся иногда возвращаться к жене пораньше.

— Обещаю.

Владислав улыбнулся.

— Смотри, молодой человек. Теперь вас двое против одного.

— Уже трое, — поправила Ядвига. — Анна Сергеевна тоже на моей стороне.

Все рассмеялись.

Позже они зашли в небольшой ресторан пообедать.

За столом Мария вдруг сказала:

— Я всё думаю, как же нам повезло приехать именно весной.

Ядвига удивилась.

— Почему?

— Потому что весной всегда кажется, будто впереди начинается что-то новое.

Владислав посмотрел на жену.

— А разве у нас мало нового за этот год?

Мария улыбнулась.

— Мало? У нас дочь стала замужней женщиной. Сын, похоже, собирается обзавестись семьёй. Зофья тоже не перестаёт нас удивлять.

Ядвига рассмеялась.

— Скоро вы останетесь вдвоём в большом доме.

Мария на мгновение замолчала.

Потом сказала:

— Возможно.

В её голосе прозвучала лёгкая грусть.

Ядвига сразу пожалела о своих словах.

Но Владислав накрыл ладонь жены своей.

— Не останемся. Просто у нашей семьи станет больше домов.

Мария посмотрела на него.

И улыбнулась.

— Ты прав.

Ядвига задумалась над словами отца.

Больше домов.

Больше дорог, по которым можно приехать друг к другу.

Больше людей, которых будут ждать за семейным столом.

Ей вдруг стало спокойно.

Может быть, взросление и состояло в этом: родной дом не исчезал, когда дети уезжали. Просто семья становилась больше, а расстояния между её членами приходилось преодолевать.

Вечером родители снова пришли в квартиру молодых.

На этот раз без торжественности.

Мария сама попросила Ядвигу разрешить ей помочь с ужином.

— Мамочка, ты же гостья!

— А я разве перестала быть твоей матерью?

Ядвига рассмеялась и уступила.

Вдвоём они приготовили простое блюдо, которое Ядвига любила в детстве.

На кухне пахло поджаренным луком и свежей зеленью.

Мария рассказывала что-то смешное о Зофье.

Ядвига отвечала историями о своих учениках.

И вдруг обе замолчали.

Потому что на мгновение всё стало совсем как прежде.

Словно не было долгой разлуки.

Словно они снова стояли на большой кухне в польской усадьбе.

Мария посмотрела на дочь.

— Вот видишь, как хорошо.

— Что именно?

— Что мы приехали.

Ядвига обняла её.

— Очень хорошо, мамочка.

После ужина Александр предложил сыграть что-нибудь для гостей.

Но Владислав покачал головой.

— Сегодня давайте просто посидим.

Молодые удивились.

— Без музыки? — спросила Ядвига.

— Без музыки, — улыбнулся отец. — Я хочу послушать вас самих.

Они устроились в гостиной.

За окном медленно темнело.

Анна Сергеевна принесла свежеиспечённый пирог и, несмотря на уговоры, отказалась остаться надолго.

Чай остывал в чашках.

Разговор переходил с одной темы на другую.

Вспоминали детские проделки Станислава.

Смеялись над тем, как маленькая Зофья однажды решила устроить домашний концерт и потребовала плату за вход.

Ядвига рассказывала о первом снеге, о русских обычаях, о том, как постепенно полюбила этот город.

Александр вспоминал их первые недели вместе.

Мария слушала.

Владислав иногда улыбался.

И никто не замечал времени.

Когда родители наконец собрались уходить, Владислав задержался возле двери.

Он оглянулся на гостиную.

На рояль.

На небольшой стол со светлой скатертью.

На книги, лежавшие возле окна.

Потом посмотрел на дочь и зятя.

— Хороший у вас дом, — сказал он.

Александр улыбнулся.

— Спасибо.

— Я не о стенах, — уточнил Владислав.

Ядвига подняла на отца глаза.

Тот продолжил:

— Можно жить в большом дворце и не чувствовать себя дома. А можно иметь всего несколько комнат, но в них будет тепло.

Он немного помолчал.

— У вас тепло.

Мария тихо взяла мужа под руку.

А Ядвига вдруг почувствовала, что сейчас снова расплачется.

Но отец улыбнулся и добавил:

— Только, Александр, не забывай, что обещал иногда возвращаться из театра пораньше.

Все рассмеялись.

Когда за родителями закрылась дверь, Ядвига ещё некоторое время стояла в прихожей.

Александр подошёл к ней.

— Ну что?

Она повернулась.

— Что?

— Твои впечатления?

Ядвига улыбнулась.

— Мне кажется, я сегодня самая счастливая женщина на свете.

Он обнял её.

— Значит, всё удалось.

— Да.

Она немного помолчала.

— Знаешь, чего я боялась?

— Чего?

— Что мама с папой увидят нашу маленькую квартиру и им станет меня жалко.

Александр удивлённо посмотрел на неё.

— Почему?

— Не знаю. Наверное, потому, что у нас дома всё было большим. Комнаты, сад, столовая…

Она огляделась.

— А здесь всё такое скромное.

Александр хотел что-то сказать, но Ядвига остановила его.

— Подожди. Теперь я поняла, что боялась напрасно.

Она улыбнулась.

— Папа увидел совсем не то, чего я опасалась.

— А что он увидел?

Ядвига обняла мужа.

— Что я счастлива.

Александр прижал её к себе.

— Тогда мы с ним увидели одно и то же.

Перед сном Ядвига открыла тетрадь, куда записывала свои мечты.

На последней странице по-прежнему стояли строки о будущем доме.

О саде.

О большой музыкальной комнате.

О месте для гостей.

Она перечитала их и улыбнулась.

Потом взяла перо и на следующей странице написала:

«Сегодня у нас были мама и папа. Они увидели нашу жизнь и, кажется, полюбили её так же, как мы».

Ядвига задумалась.

И добавила:

«До нашей первой годовщины осталось совсем немного».

Она закрыла тетрадь.

Погасила лампу.

За окном тихо шелестела молодая листва.

В соседней комнате Александр убирал скрипку в футляр.

Всё было привычным.

Спокойным.

Родным.

Но теперь Ядвига знала: где-то совсем рядом, в нескольких улицах от них, спят её родители.

Не за сотни вёрст.

Не за границей.

А здесь.

В одном городе.

И завтра она снова увидит их.

С этой счастливой мыслью Ядвига уснула.

А впереди их ждали весенние дни, семейные прогулки, первая годовщина свадьбы и разговоры о будущем, которые пока ещё никто не торопился начинать.

Потому что иногда самая большая радость заключается не в том, что должно случиться завтра.

А в том, что дорогие люди наконец снова рядом.

Глава семнадцатая. Счастье обыкновенных дней

Весна окончательно вступила в свои права.

После долгой зимы город словно проснулся. На улицах стало многолюднее, у домов появились кадки с цветами, а по утрам в открытые окна доносились голоса торговцев и весёлый стук колёс по мостовой.

Для Ядвиги эти дни были наполнены особенной радостью.

Родители находились рядом.

Она могла увидеть их в любой день, услышать мамин смех, почувствовать крепкое отцовское объятие. Не нужно было ждать писем, считать недели и представлять, как там, далеко в Польше, живут самые дорогие люди.

Теперь они вместе гуляли, обедали, разговаривали.

И Ядвига всё чаще ловила себя на мысли, что счастье иногда бывает удивительно простым.

В одно из утр Мария пришла к дочери раньше обычного.

Александр уже отправился на репетицию, и Ядвига собиралась заниматься с ученицей.

— Мамочка! Как хорошо, что ты пришла!

Мария улыбнулась.

— Я не помешаю?

— Конечно нет. Урок только через час.

— Тогда у меня есть предложение.

— Какое?

— Давай сегодня после твоих занятий прогуляемся вдвоём.

Ядвига удивилась.

— А папа?

— У твоего отца появились собственные планы.

— Какие же?

Мария рассмеялась.

— Он договорился с Александром побывать в театре. Хочет посмотреть, как устроена его работа.

Ядвига широко улыбнулась.

— Бедный Саша!

— Почему бедный?

— Потому что папа непременно задаст ему сто вопросов.

— Возможно, даже двести.

Обе рассмеялись.

После уроков они вышли на улицу.

Мария предложила пройтись по торговым рядам, посмотреть ткани и другие товары, а затем посидеть где-нибудь за чашкой чая.

Ядвига согласилась с удовольствием.

Она давно заметила, что в России даже самые обычные покупки превращаются для неё в маленькое открытие.

В лавках продавали вещи, которых она прежде не видела, а знакомые товары порой назывались совершенно иначе.

Мария рассматривала витрины с любопытством.

— А вот эта ткань очень хороша, — заметила она, остановившись возле лавки.

Ядвига подошла ближе.

На прилавке лежал тонкий светлый материал с нежным голубоватым оттенком.

— Красивый.

— Тебе бы подошёл.

— Мамочка, у меня достаточно платьев.

Мария посмотрела на дочь.

— А разве я сказала, что тебе нечего надеть?

— Нет, но…

— Тогда давай хотя бы посмотрим.

Через некоторое время они уже выбирали ткань.

Мария предлагала один оттенок.

Ядвига предпочитала другой.

Продавец терпеливо разворачивал свёртки, а затем с улыбкой заметил, что обе дамы обладают превосходным вкусом, но совершенно разными представлениями о прекрасном.

— Вот видишь, — рассмеялась Ядвига. — Даже здесь мы с тобой спорим.

Мария улыбнулась.

— И прекрасно. Иначе было бы скучно жить.

В конце концов они остановились на мягком кремовом оттенке с едва заметным узором.

Мария попросила отмерить ткань.

— Мама, я сама заплачу.

— Знаю, дорогая.

— Тогда почему ты достаёшь деньги?

Мария посмотрела на неё с ласковой укоризной.

— Потому что хочу сделать тебе подарок.

Ядвига замолчала.

— Ты теперь взрослая, самостоятельная женщина, — продолжила мать. — И я очень этим горжусь. Но позволь мне иногда оставаться твоей мамой.

Ядвига улыбнулась.

— Хорошо.

Мария взяла её под руку.

— Вот и договорились.

В это же время Владислав впервые оказался за кулисами театра, где работал Александр.

Он с интересом рассматривал помещения, в которых музыканты готовились к выступлениям, большие шкафы с нотами и пюпитрами, инструменты, аккуратно разложенные по местам.

Александр провёл его в оркестровое помещение.

— Здесь мы репетируем, когда сцена занята.

Владислав огляделся.

— И сколько часов в день у тебя уходит на работу?

— По-разному. Всё зависит от репертуара.

— А кроме репетиций?

— Домашние занятия. Иногда подготовка к отдельным концертам.

Владислав покачал головой.

— Значит, свободного времени у тебя немного.

— Бывает, что почти нет.

— Я заметил.

Александр посмотрел на него.

В голосе тестя не было упрёка. Скорее размышление.

— Ядвига рассказывала?

— Немного. Но мне достаточно посмотреть, как ты живёшь.

Александр улыбнулся.

— Я стараюсь не забывать о доме.

— И правильно делаешь.

Они прошли к сцене.

Там рабочие устанавливали декорации к вечернему представлению.

Владислав некоторое время наблюдал за их слаженной работой.

— Любопытно, — сказал он. — Зритель видит только готовый спектакль. А сколько людей трудится, прежде чем поднимется занавес!

— Именно так.

— Пожалуй, это похоже на любое большое хозяйство, — заметил Владислав. — Пока всё работает исправно, никто не задумывается, сколько труда за этим стоит.

Александр кивнул.

— Мне никогда не приходило в голову сравнивать театр с управлением имением.

— А зря.

Владислав улыбнулся.

— Люди всюду остаются людьми. Их нужно уметь слышать, уважать и иногда мириться с их характером.

— Особенно с характером музыкантов?

— Особенно с характером тех, кто уверен, что без него всё немедленно развалится.

Александр рассмеялся.

— Таких у нас хватает.

После осмотра театра они отправились обедать.

Разговор постепенно перешёл от музыки к устройству жизни.

Владислав расспрашивал о городе, о заработках музыкантов, о возможности давать дополнительные концерты.

Александр отвечал спокойно и обстоятельно.

Он уже не чувствовал того напряжения, которое когда-то сопровождало каждую беседу с отцом Ядвиги.

Теперь они разговаривали почти как старые знакомые.

— Скажи, Александр, — спросил Владислав, — ты доволен своей работой?

Молодой человек задумался.

— Да. Мне нравится оркестр. Нравится город. Здесь есть возможности для роста.

— А чего тебе не хватает?

Александр некоторое время молчал.

— Наверное, времени.

Владислав улыбнулся.

— Времени всем не хватает.

— Я хотел бы больше заниматься собственными произведениями. Иногда в голове появляется мелодия, а записать её некогда.

— Значит, нужно учиться распределять силы.

Александр кивнул.

— Вы правы.

Владислав посмотрел на него внимательно.

— Знаешь, в молодости я тоже думал, что чем больше работаю, тем лучше исполняю свои обязанности.

— А потом?

— Потом понял, что можно прекрасно управлять имением и однажды обнаружить, что собственные дети выросли без тебя.

Александр удивился такой откровенности.

— С вами такое случилось?

— Почти.

Владислав улыбнулся, но в глазах его появилась задумчивость.

— К счастью, Мария вовремя напомнила мне, что никакое хозяйство не стоит того, чтобы пропустить всю жизнь.

Тем временем Мария и Ядвига сидели за небольшим столиком у окна кондитерской.

Перед ними стояли чашки чая и тарелочка с пирожными.

Мария расспрашивала о Екатерине Павловне, об учениках Ядвиги и о предстоящих музыкальных вечерах.

Потом разговор незаметно перешёл к Польше.

— Станислав в последнее время почти не бывает дома по воскресеньям, — заметила Мария.

Ядвига улыбнулась.

— Опять у Лещинских?

— Чаще всего.

— А Анна?

— Очень приятная девушка.

Мария задумчиво помешала чай.

— И удивительно самостоятельная. Ты знаешь, она прекрасно разбирается в хозяйственных делах.

— Станиславу это должно понравиться.

— Кажется, уже понравилось.

Ядвига рассмеялась.

— Мамочка, да ты сама всё понимаешь!

— Понимаю. Но предпочитаю не торопить события.

— А Зофья?

Мария улыбнулась.

— С Зофьей сложнее.

— Почему?

— Потому что она делает вид, будто Генрих фон Берг — просто хороший знакомый.

— И ты ей веришь?

— Разумеется, нет.

Обе расхохотались.

— Он пишет ей? — спросила Ядвига.

— Регулярно. И теперь твой отец всякий раз интересуется, от кого пришло письмо.

— Бедная Зофья!

— Она прекрасно умеет с ним справляться.

Ядвига помолчала.

— Мамочка, как странно. Ещё недавно мы втроём делились секретами в моей комнате.

— А теперь у каждой своя дорога.

— Да.

Мария накрыла ладонь дочери своей.

— Но это не значит, что вы станете друг другу чужими.

— Знаю.

— Просто научитесь встречаться реже, а ценить встречи ещё больше.

Вечером они снова собрались в квартире молодых.

Мария с улыбкой показала Александру свёрток ткани.

— Смотри, что мы сегодня выбрали.

Он добросовестно рассмотрел покупку.
— Очень красиво.
Ядвига подозрительно посмотрела на мужа.
— Ты даже не спросил, на что именно мы её купили.
— А разве это важно?
— Конечно!
Александр задумался.
— На платье?
— Угадал.
— Тогда тем более красиво.
Все рассмеялись.
Владислав тем временем устроился в кресле возле окна.
— Ну что, Мария, как прошёл ваш день?
— Прекрасно. А ваш?
— Не менее интересно. Я наконец увидел, где трудится наш Александр.
Мария улыбнулась.
— И что скажешь?
— Теперь понимаю, почему он иногда так поздно возвращается домой.
Александр благодарно взглянул на тестя.
— Видишь, Ядвига? У меня появился защитник.
Но Владислав тут же добавил:
— Это не отменяет необходимости чаще бывать дома.
— Вот и вся защита! — рассмеялся Александр.

За ужином Мария вдруг заметила, что в комнате стоит небольшой букет свежих цветов.
— Какие красивые.
Ядвига улыбнулась.
— Саша принёс.
Мария посмотрела на зятя.
— Просто так?
— Просто так, — ответил Александр.
Владислав хмыкнул.
— Опасный пример.
Мария повернулась к мужу.
— Почему же опасный?
— Теперь мне тоже придётся чаще покупать цветы.
— А разве тебе кто-нибудь запрещал?
Все рассмеялись.
Ядвига посмотрела на родителей.
— Мамочка, а папа часто дарил тебе цветы, когда вы были молодыми?
Мария улыбнулась.
— Чаще, чем сейчас.
Владислав удивлённо поднял брови.
— Вот как?
— Конечно.
— Не припомню, чтобы ты жаловалась.
— А я и не жалуюсь. Просто отвечаю на вопрос дочери.
Ядвига рассмеялась.
— Тогда расскажите нам, как вы познакомились.

Владислав посмотрел на жену.

— Мария, ты уверена, что они хотят слушать эту древнюю историю?

— Очень хотим! — воскликнула Ядвига.

Александр придвинул своё кресло.

— Я тоже с удовольствием послушаю.

Мария улыбнулась.

— Ну что ж. Только предупреждаю: твой отец в молодости был совершенно не таким серьёзным человеком, каким старается казаться теперь.

— Это клевета, — заметил Владислав.

— Сейчас узнаем, — засмеялась Ядвига.

Мария устроилась поудобнее.

— Мне тогда было девятнадцать лет. А вашему отцу — двадцать пять.

Владислав кивнул.

— Прекрасный возраст.

— Особенно для человека, который был совершенно уверен, что знает всё на свете.

Александр рассмеялся.

Владислав сделал вид, что не услышал.

— Мой отец устраивал приём в нашем загородном доме, — продолжила Мария. — Приглашённых было много. Среди них оказался и Владислав.

— Я приехал по приглашению твоего отца, — уточнил он.

— Именно. И был чрезвычайно доволен собой.

— Мария!

— А разве нет?

Владислав улыбнулся.

— Продолжай. Мне уже интересно, чем закончится этот рассказ.

Мария повернулась к молодым.

— Представьте себе высокого, очень красивого молодого человека, который умел превосходно танцевать, держался с большим достоинством и считал, что все девушки непременно обратят на него внимание.

Ядвига рассмеялась.

— Папа!

— Я протестую, — сказал Владислав. — Последнее утверждение ничем не доказано.

— Зато всё остальное правда, — улыбнулась Мария.

Она помолчала.

— Мы встретились в саду. Я как раз пыталась уговорить садовника сохранить старую яблоню.

— Очень старую, — заметил Владислав.

— Совершенно верно. Она уже плохо плодоносила, и отец собирался её убрать.

— И ты решила устроить настоящий семейный совет из-за одного дерева.

— Потому что эта яблоня росла там с моего детства.

Ядвига улыбнулась.

— И что произошло?

Мария посмотрела на мужа.

— А ваш отец, который ещё даже не был мне представлен, подошёл и заявил, что дерево действительно следует спилить.

Александр рассмеялся.

— Смелое начало знакомства!

— Очень смелое, — согласилась Мария. — Я разозлилась.

Владислав улыбнулся.

— Я заметил.

— И сказала ему, что человек, который так легко распоряжается чужими воспоминаниями, едва ли способен понять чужую привязанность.

Ядвига широко раскрыла глаза.

— Мамочка! Ты действительно так сказала?

— Почти слово в слово.

Владислав кивнул.

— И очень выразительно.

— А потом? — нетерпеливо спросила Ядвига.

— Потом он извинился.

— Разумеется, — сказал Владислав. — Я ведь не хотел обидеть незнакомую девушку.

Мария улыбнулась.

— Но самое интересное случилось через несколько дней.

Она посмотрела на мужа.

— Расскажешь сам?

Владислав помолчал.

Потом произнёс:

— Я приехал снова. Узнал у садовника, в чём именно заключалась беда старой яблони. Он объяснил, что дерево можно попробовать сохранить, если убрать повреждённые ветви и укрепить один из стволов.

Ядвига слушала не отрываясь.

— И что ты сделал?

— Предложил помощь.

Мария тихо рассмеялась.

— На следующий день он явился с человеком, который действительно разбирался в уходе за старыми деревьями.

— Я не хотел, чтобы твой отец тратил деньги напрасно, — заметил Владислав.

— Конечно, дорогой. Исключительно из хозяйственных соображений.

Александр улыбнулся.

— И яблоню удалось спасти?

— Удалось, — ответила Мария. — Она прожила ещё много лет.

— А потом?

Мария посмотрела на мужа.

— Потом Владислав стал приезжать к нам всё чаще.

— Меня приглашал твой отец.

— Разумеется.

— Мы обсуждали хозяйственные дела.

— Не сомневаюсь.

— И иногда гуляли по саду.

Мария улыбнулась.

— Особенно возле яблони.

За столом раздался дружный смех.

Когда веселье утихло, Ядвига спросила:

— А когда ты поняла, что любишь папу?

Мария не ответила сразу.

Она задумчиво посмотрела на мужа.

— Не знаю, можно ли назвать один определённый день.

Владислав тоже притих.

— Наверное, это произошло постепенно, — продолжила Мария. — Сначала мне просто нравилось с ним разговаривать. Он был упрямым, иногда самоуверенным, но никогда не давал обещаний, которых не собирался выполнять.

Она улыбнулась.

— А однажды я заболела. Ничего опасного, обычная простуда. Но несколько дней не выходила из комнаты.

Ядвига слушала внимательно.

— И папа?

— А он каждый день присылал мне короткую записку.

Владислав немного смутился.

— Не каждый.

Мария посмотрела на него.

— Почти каждый.

Он уступил:

— Почти каждый.

— В одной из них он написал, что сад без меня стал удивительно скучным.

Ядвига улыбнулась.

— Как красиво.

— А я вдруг поняла, что очень хочу снова увидеть этого упрямого молодого человека.

Мария взяла мужа за руку.

— Наверное, тогда всё и началось.

Владислав нежно сжал её пальцы.

— У меня началось раньше.

Мария удивлённо посмотрела на него.

— Раньше?

— В тот самый день возле яблони.

Она рассмеялась.

— После того как я тебя отчитала?

— Именно тогда.

— Почему же?

Владислав улыбнулся.

— Потому что впервые встретил девушку, которой было совершенно безразлично, какое впечатление она на меня производит.

За столом стало тихо.

Мария посмотрела на мужа с такой нежностью, что Ядвига невольно отвела глаза.

Ей вдруг показалось, будто она присутствует при чём-то очень личном.

При маленьком признании, которое родители сохранили для себя через многие годы совместной жизни.

Позднее, когда мужчины вышли на балкончик лестничной площадки подышать свежим воздухом, Ядвига осталась с матерью.

— Мамочка, какая красивая история.

Мария улыбнулась.

— В жизни всё было гораздо проще.

— Разве?

— Конечно. Мы спорили, иногда обижались, не всегда понимали друг друга.

— Но вы ведь очень любили друг друга?

— Любим, — мягко поправила Мария.

Ядвига смутилась.

— Конечно.

Мать немного помолчала.

— Знаешь, девочка моя, когда люди молоды, им кажется, что любовь обязательно должна сопровождаться чем-то необыкновенным. Красивыми признаниями, неожиданными поступками, сильными переживаниями.

Она улыбнулась.

— Всё это прекрасно. Но спустя годы начинаешь ценить другое.

— Что именно?

— То, что человек помнит, какой чай ты любишь. Что заметит твою усталость. Что укроет тебя пледом, когда ты уснёшь в кресле. Что помирится первым, хотя вы оба упрямы.

Ядвига задумалась.

Мария погладила её руку.

— В этом и заключается большая часть счастливой семейной жизни. В самых обыкновенных днях.

Ядвига тихо сказала:

— Кажется, я начинаю это понимать.

В последующие дни они много гуляли.

Однажды отправились за город и устроили небольшой пикник на берегу реки.

Владислав с Александром выбрали место под деревьями, Мария разложила на покрывале приготовленную еду, а Ядвига долго ходила вдоль воды, собирая первые весенние цветы.

Воздух пах молодой травой.

Река блестела на солнце.

Вдали слышались голоса детей.

После обеда Владислав устроился в тени, положив шляпу рядом.

Мария смотрела на воду.

Александр и Ядвига отошли немного дальше.

Они шли по узкой дорожке, держась за руки.

— Тебе нравится, что родители приехали? — спросила Ядвига.

Александр улыбнулся.

— Очень.

— Правда?

— Конечно. Теперь я лучше понимаю, какой была твоя жизнь до нашей встречи.

Она задумалась.

— А мне кажется, что мама с папой тоже лучше узнали тебя.

— Надеюсь.

Ядвига остановилась.

— Знаешь, Саша, папа стал с тобой совсем другим.— Я заметил.

— Вы даже шутите друг с другом.

— Это потому, что он наконец понял: я не собираюсь увозить его дочь на край света и заставлять жить в несчастье.

Ядвига рассмеялась.

— Хотя увёз ты меня довольно далеко.

— Это правда.

Он посмотрел на неё.

— Не жалеешь?

Она обняла мужа.

— Ни одного дня.

Александр поцеловал её.

И они ещё долго стояли у реки, слушая шум воды.

Когда молодые вернулись к родителям, Владислав как раз рассказывал Марии о предстоящих делах в имении.

— Станислав вполне справляется без меня, — говорил он. — Но всё же нужно будет проверить несколько документов после возвращения.

Мария улыбнулась.

— Ты только что сам сказал, что сын справляется.

— Справляется. Но проверить не помешает.

— Владислав, мы ведь приехали отдыхать.

— Я отдыхаю.

— Очень деятельно.

Ядвига рассмеялась.

— Папочка, а ты вообще умеешь ничего не делать?

Владислав задумался.

— Умею.

— И когда же ты этим занимался?

Он посмотрел на жену.

— Кажется, сразу после нашей свадьбы.

Мария рассмеялась.

— Даже тогда ты составлял какие-то планы!

— Планы — это не работа.

— Вот как?

— Разумеется.

Александр покачал головой.

— Теперь я понимаю, почему Ядвига так любит составлять списки.

— Это семейное, — с достоинством ответил Владислав.

В один из вечеров родители познакомились с Екатериной Павловной.

Встреча состоялась после небольшого музыкального вечера, на котором Ядвига выступала вместе с другими участниками общества.

Мария была счастлива услышать, как тепло встречают дочь новые знакомые.

Екатерина Павловна сразу расположила её к себе.

— Ваша Ядвига удивительная, — сказала она. — Не только талантливая пианистка, но и прекрасный педагог.

— Она с детства любила музыку, — ответила Мария.

— Это слышно. Но знаете, что мне особенно нравится? Она умеет слушать людей.

Мария улыбнулась.

— Это очень приятно слышать.

Позже, возвращаясь домой, она сказала дочери:

— Я теперь спокойна за тебя гораздо больше, чем прежде.

Ядвига удивилась.

— Почему именно сегодня?

— Потому что увидела людей, среди которых ты живёшь.

Она немного помолчала.

— Ты здесь не одна, девочка моя. У тебя есть друзья, занятия, люди, которые тебя ценят.

Ядвига взяла мать под руку.

— Да, мамочка. Мне действительно повезло.

Время шло незаметно.

Каждый день приносил какую-нибудь маленькую радость.

Иногда все вместе обедали в городе.

Иногда оставались дома, играли в карты или подолгу разговаривали.

Мария научила Ядвигу готовить несколько блюд, которые та прежде только любила есть, но никогда не пыталась приготовить сама.

Владислав однажды помог Александру починить расшатавшуюся полку.

Правда, работа заняла гораздо больше времени, чем предполагалось, потому что оба мужчины имели собственное представление о том, как именно следует её укрепить.

Когда полка наконец заняла своё место, Ядвига торжественно поставила на неё вазочку.

И та немедленно накренилась.

— Папа!

— Александр!

Оба мужчины одновременно бросились поддерживать полку.

Мария так рассмеялась, что вынуждена была присесть.

В конце концов оказалось, что один из крепежей не был затянут до конца.

— Теперь всё исправлено, — объявил Владислав.

Александр осторожно поставил вазочку обратно.

Она осталась стоять ровно.

— Победа, — произнёс он.

— Общая, — добавил Владислав.

И оба рассмеялись.

Однажды вечером Мария заметила на столе календарь.

Несколько дней были аккуратно отмечены карандашом.

Она подошла ближе.

— Ядвиженька, что это ты отмечаешь?

Дочь улыбнулась.

— Считаю дни.

— До чего?

Ядвига немного смутилась.

— До нашей годовщины.

Мария посмотрела на календарь.

Потом на дочь.

— Уже почти год…

— Да.

Мать задумчиво улыбнулась.

— А мне кажется, будто совсем недавно я помогала тебе надевать свадебное платье.

Ядвига обняла её.

— Мне тоже.

Мария погладила дочь по волосам.

— Счастливый был день.

— Очень.

— И этот год у тебя был счастливым?

Ядвига не ответила сразу.

Она вспомнила дорогу в Россию.

Первые дни в незнакомой квартире.

Одиночество, которое иногда накатывало неожиданно.

Смешные ошибки в русских словах.

Маленькие размолвки с Александром.

Первые уроки.

Свой концерт.

И бесчисленное множество вечеров, когда они просто сидели вдвоём, счастливые тем, что находятся рядом.

— Да, мамочка, — сказала она наконец. — Очень счастливым.

Мария улыбнулась.

— Тогда это главное.

В ту ночь Ядвига долго не могла уснуть.

Рядом спокойно дышал Александр.

За окном шелестели листья старой липы.

В комнате стояла тишина.

Она думала о родителях.

О том, как по-новому увидела их за эти дни.

О том, что отец, всегда казавшийся таким строгим и уверенным, когда-то был молодым человеком, который не знал, как понравиться девушке возле старой яблони.

А мама, мудрая и спокойная, тоже когда-то смущалась, ждала записок и радовалась каждой встрече.

Ядвига улыбнулась.

Теперь ей хотелось ещё больше беречь собственное счастье.

Не ждать особенных дней.

Не откладывать добрые слова на потом.

Не считать заботу друг о друге чем-то само собой разумеющимся.

Она осторожно повернулась к мужу.

Александр открыл глаза.

— Не спишь?

— Нет.

— О чём думаешь?

Ядвига улыбнулась.

— О нас.

Он протянул руку и обнял её.

— Что-то случилось?

— Ничего.

Она положила голову ему на плечо.

— Просто я очень тебя люблю.

Александр тихо рассмеялся.

— Тогда случилось самое прекрасное, что только могло случиться.

Она закрыла глаза.

И вскоре уснула.

Утром Владислав стоял возле окна своего гостиничного номера.

Мария собиралась спускаться к завтраку.

— О чём задумался? — спросила она.

Он обернулся.

— О наших детях.

— Что именно?

Владислав подошёл ближе.

— Странное чувство. Мы так долго заботились о них, учили, воспитывали, старались уберечь от ошибок…

Он улыбнулся.

— А теперь они начинают жить своей жизнью.

Мария взяла его за руку.

— Так и должно быть.

— Я знаю.

Он помолчал.

— Ядвига счастлива.

— Да.

— Александр хороший человек.

— Я всегда это знала.

Владислав усмехнулся.

— Не всегда.

— Раньше тебя, во всяком случае.

Он рассмеялся.

Потом снова посмотрел в окно.

— Мне хотелось бы, чтобы у них было всё необходимое. Чтобы они могли спокойно строить свою жизнь.

Мария внимательно посмотрела на мужа.

— Владислав…

— Что?

— Только не начинай принимать за них решения.

Он повернулся к ней.

— Я и не собираюсь.

Мария улыбнулась.

— Хорошо.

Владислав некоторое время молчал.

Потом сказал:

— Но если мы сможем им в чём-то помочь, разве это плохо?

— Конечно нет. Только помощь должна оставлять человеку свободу выбора.

Он посмотрел на жену с уважением.

— Ты права.

Мария поправила ему воротник.

— Как и тогда, много лет назад, возле яблони.

Владислав рассмеялся.

— Неужели ты всю жизнь будешь мне это напоминать?

— Непременно.

Он обнял её.

— Вот ведь досталась мне жена.

— И, насколько я помню, ты совершенно не жаловался.

— Ни одного дня.

Они улыбнулись друг другу.

А за окном начиналось новое весеннее утро.

До первой годовщины свадьбы Ядвиги и Александра оставалось совсем немного времени.

Но никто не торопил его.

Ведь впереди были ещё прогулки, разговоры, семейные ужины и множество обыкновенных дней.

Тех самых, из которых незаметно складывается настоящее счастье.

Глава восемнадцатая. Год спустя

В то утро Ядвига проснулась от непривычной тишины.

Обычно Александр вставал раньше неё. Она слышала, как он осторожно ходит по комнате, стараясь не разбудить жену, как негромко открывает дверцу шкафа, а потом на кухне звякает посуда.

Сегодня ничего этого не было.

Ядвига открыла глаза.

Рядом никого.

Она приподнялась на локте и посмотрела на часы.

Было ещё довольно рано.

Сквозь неплотно задёрнутые занавески проникал солнечный свет. За окном пели птицы, а ветви старой липы, уже покрытые молодой листвой, тихо покачивались от ветра.

Ядвига улыбнулась.

Сегодня был особенный день.

Ровно год назад она стояла перед зеркалом в родительском доме, а Мария поправляла ей свадебную фату.

Ровно год назад Владислав вёл её к алтарю.

И ровно год назад Александр, волнуясь, надевал ей на палец обручальное кольцо.

Она посмотрела на свою руку.

Кольцо было на месте.

За этот год оно стало настолько привычным, что Ядвига почти перестала его замечать.

Но сегодня осторожно коснулась его пальцами.

— Целый год, — прошептала она.

Дверь тихо открылась.

На пороге стоял Александр.

В руках он держал небольшой букет белых цветов.

— С добрым утром, госпожа Воронцова.

Ядвига рассмеялась.

— Саша! Где ты их взял в такую рань?

— Это военная тайна.

— Какая ещё военная тайна?

— Супружеская.

Он подошёл к кровати и протянул цветы.

— С первой годовщиной нашей свадьбы, любимая.

Ядвига обняла мужа.

— И тебя, дорогой.

Александр поцеловал её.

— Ну что, не пожалела за этот год, что вышла за меня?

Она сделала вид, будто серьёзно задумалась.

— Сейчас припомню…

Он поднял брови.

— Неужели есть что вспоминать?

— Конечно. Ты разбрасываешь ноты, иногда забываешь обедать, слишком поздно возвращаешься из театра и считаешь, что любая полка в доме существует исключительно для твоих музыкальных принадлежностей.

Александр вздохнул.

— Список внушительный.

— И это ещё не всё.

— Боюсь спрашивать.

Ядвига обняла его крепче.

— А ещё ты самый добрый, внимательный и любимый человек на свете.

Он улыбнулся.

— Так что же перевешивает?

— Пока последнее.

— Пока?

— Посмотрим, как ты будешь вести себя во второй год нашей семейной жизни.

Александр рассмеялся.

— Постараюсь заслужить продление брачного договора.

На кухне Ядвигу ожидал ещё один сюрприз.

Стол был накрыт к завтраку.

Ничего необыкновенного: свежий хлеб, масло, варенье, чай.

Но возле её чашки лежал небольшой конверт.

— Это что? — спросила она.

— Открой.

Ядвига осторожно вынула сложенный листок.

На нём было написано:

«Год назад я обещал тебе любовь и верность.

Сегодня хочу добавить ещё одно обещание: никогда не переставать узнавать тебя. Даже если мы проживём вместе пятьдесят лет.

Твой Александр».

Ядвига перечитала записку.

Потом ещё раз.

— Саша…

Он смутился.

— Не слишком торжественно?

Она покачала головой.

— Нет.

И вдруг рассмеялась сквозь слёзы.

— Только теперь мне придётся искать место, где я смогу хранить все твои письма.

— Разве их так много?

— Пока нет. Но у нас впереди пятьдесят лет.

Александр улыбнулся.

— Тогда, пожалуй, понадобится большой сундук.

У Ядвиги тоже был приготовлен подарок.

Она достала из шкафа небольшой свёрток, перевязанный лентой.

— А теперь твоя очередь.

Александр удивился.

— Я ничего не заметил!

— Потому что иногда полезно уходить на репетиции.

Он развязал ленту.

Внутри лежала красивая кожаная папка для нот, сделанная местным мастером по заказу Ядвиги.

На обложке были аккуратно вытиснены инициалы Александра.

Он провёл рукой по коже.

— Ядвига…

— Твоя старая папка совсем износилась. Помнишь, как однажды ноты рассыпались прямо возле театра?

Александр рассмеялся.

— Ещё бы!

— Вот я и решила, что пора обзавестись новой.

Он открыл папку.

Внутри было несколько отделений для нотных листов и писем.

— Очень удобная.

— Я долго выбирала.

Александр посмотрел на жену.

— Ты потратила на неё свои деньги?

— Конечно.

— Ядвига…

Она сразу поняла, что он хочет сказать.

— Только не начинай.

Он улыбнулся.

— Я ещё ничего не сказал.

— А я уже знаю. Ты скажешь, что не нужно было тратиться.

Александр рассмеялся.

— Именно это и собирался сказать.

— Тогда я отвечу заранее: мне очень хотелось сделать тебе подарок на деньги, которые я заработала сама.

Он некоторое время смотрел на неё.

Потом бережно закрыл папку.

— В таком случае она для меня вдвойне дорога.

Он обнял жену.

— Спасибо тебе.

В гостинице Владислав и Мария тоже готовились к празднику.

Мария стояла возле стола, на котором лежала небольшая коробка, перевязанная светлой лентой.

Владислав проверял содержимое дорожного портфеля.

— Ты опять смотришь документы? — спросила жена.

— Нет.

— Владислав…

Он поднял голову.

— На этот раз действительно нет.

Мария улыбнулась.

— Тогда что ты там ищешь?

— Одну вещь.

Он достал из портфеля плоский свёрток.

— Вот.

Мария подошла ближе.

— Ах, фотографии!

— Именно.

В свёртке лежали два снимка, сделанные после свадебной церемонии в Польше.

На одном Ядвига и Александр стояли рядом, ещё немного смущённые, торжественные и счастливые.

На другом была вся семья.

Мария долго смотрела на изображения.

— Как быстро прошёл год…

Владислав встал рядом.

— Да.

Он указал на снимок.

— Посмотри, какой серьёзный здесь Александр.

— А ты разве был веселее?

— Я был отцом невесты.

Мария улыбнулась.

— Именно поэтому выглядел так, будто собирался подписывать важнейший договор в своей жизни.

Владислав рассмеялся.

— Возможно, так оно и было.

Он осторожно завернул фотографии.

— Думаю, молодым будет приятно получить их в подарок.

— Несомненно.

Мария немного помолчала.

— А ты больше ничего сегодня не задумал?

Муж посмотрел на неё с невинным видом.

— А что я мог задумать?

— Владислав, я знаю тебя больше тридцати лет.

Он улыбнулся.

— И до сих пор не перестаёшь удивляться?

— Иногда.

Она взяла его под руку.

— Давай договоримся: сегодня никаких серьёзных разговоров о деньгах и будущем устройстве молодых. Это их праздник.

Владислав задумался.

— Я и не собирался.

— Хорошо.

— Но ведь мы ещё успеем поговорить…

Мария покачала головой.

— Успеем. Когда придёт подходящее время.

Владислав улыбнулся.

— Ты всегда умела меня останавливать.

— Не всегда. Но я очень старалась.

Праздничный день решили провести всей семьёй.

Александр заранее освободился от репетиций.

Утром молодые отправились за родителями в гостиницу, а затем все вместе поехали за город.

Май стоял удивительно красивый.

Поля зеленели.

В садах распускались цветы.

Деревья были покрыты нежной молодой листвой, ещё не успевшей потемнеть от летнего солнца.

Мария с удовольствием смотрела по сторонам.

— Какая чудесная погода!

Ядвига улыбнулась.

— Почти как в день нашей свадьбы.
— Тогда тоже было солнечно, — заметил Владислав.
— А вечером пошёл дождь, — добавила Мария.
Александр рассмеялся.
— Помню. Мы как раз собирались выходить в сад.
Ядвига повернулась к мужу.
— А ты сказал, что небольшой дождь не может испортить хороший день.
— И был прав.
— Ты тогда чуть не промок насквозь!
— Но зато успел принести тебе цветы.
Мария улыбнулась.
— Как приятно, что у каждого из вас сохранились свои воспоминания.
Владислав посмотрел на дочь.
— А что ты запомнила больше всего?
Ядвига задумалась.
Потом тихо ответила:
— Как ты вёл меня к алтарю.
Отец повернулся к ней.
Она улыбнулась.
— Я тогда очень волновалась. И ты крепко держал меня за руку.
Владислав некоторое время молчал.
— Боялся отпустить, — признался он.
Мария ласково коснулась его плеча.
— Но ведь отпустил.
— Да.
Он посмотрел на Александра.
— И теперь вижу, что правильно сделал.

Для прогулки выбрали небольшое место возле реки, где начиналась старая липовая аллея.
Здесь было тихо, а по обе стороны дорожки уже цвели кусты сирени.
Ядвига остановилась возле одного из них.
— Ах, какой аромат!
Она наклонилась к тяжёлой сиреневой кисти.
Александр смотрел на неё с улыбкой.
— Сейчас ты скажешь, что нам обязательно нужен такой куст возле собственного дома.
— Обязательно!
Он рассмеялся.
— Я так и знал.
Владислав, шедший немного позади, услышал последние слова.
— А вы уже думаете о собственном доме?
Ядвига обернулась.
— Иногда мечтаем.
— И каким ты его представляешь?
Она улыбнулась.
— С садом. С большой комнатой для музыки. И чтобы можно было принимать гостей.
— Очень разумные пожелания, — заметила Мария.
Александр добавил:
— И желательно, чтобы до театра можно было добраться без долгого путешествия.

Ядвига рассмеялась.

— Вот видите? У каждого свои требования.

Владислав улыбнулся.

— Так обычно и бывает.

Он посмотрел на дочь и зятя.

— Когда-нибудь вам придётся соединить эти пожелания.

— Когда-нибудь, — согласился Александр.

На этом разговор закончился.

Никто не стал обсуждать цены, участки или возможные покупки.

Весенний день был слишком хорош, чтобы превращать его в деловое совещание.

После прогулки семья отправилась обедать в небольшой загородный ресторан.

Столик заранее заказал Александр.

Из окон открывался вид на реку.

На столе стояли цветы, а солнечные лучи играли на белой скатерти.

Мария с удовольствием огляделась.

— Какое приятное место.

Александр улыбнулся.

— Нам его посоветовала Екатерина Павловна.

— У вашей Екатерины Павловны, кажется, есть знакомые повсюду, — заметил Владислав.

— Почти, — рассмеялась Ядвига.

Когда все расселись, Мария подняла бокал.

— Дорогие мои, я хочу сказать несколько слов.

Ядвига и Александр переглянулись.

— Год назад мы провожали вас в новую жизнь, — начала Мария. — Я помню, как волновалась. Мне хотелось верить, что вы будете счастливы, но ведь материнское сердце всегда немного тревожится.

Она улыбнулась.

— А теперь мы приехали и увидели вашу жизнь своими глазами. Ваш дом. Ваших друзей. Вашу заботу друг о друге.

Мария на мгновение замолчала.

— И мне хочется пожелать вам одного: чтобы через много лет вы по-прежнему умели радоваться тому, что просыпаетесь рядом.

Ядвига крепко сжала руку Александра.

— Спасибо, мамочка.

Мария подняла бокал.

— За вас, дорогие наши!

Все присоединились к поздравлению.

Затем слово взял Владислав.

Он поднялся из-за стола.

Ядвига улыбнулась.

— Папочка, только не устраивай длинную речь!

Владислав посмотрел на дочь.

— Разве я когда-нибудь говорил слишком много?

Мария кашлянула, скрывая улыбку.

Александр предусмотрительно опустил глаза.

— Вижу, поддержки мне сегодня не дождаться, — заметил Владислав.

Все рассмеялись.

Он немного помолчал.

— На самом деле я хочу сказать совсем немного.

Владислав посмотрел на молодых.

— Год назад я передал руку своей дочери человеку, которого ещё только учился понимать. За это время я убедился, что Александр достоин моего доверия.

Он повернулся к зятю.

— Благодарю тебя за то, что бережёшь её.

Александр поднялся.

— Я люблю Ядвигу.

— Знаю.

Владислав улыбнулся.

— А теперь у меня есть ещё одно пожелание.

Ядвига насторожилась.

— Какое?

— Не забывайте, что семейная жизнь состоит не только из больших праздников. Будут и обычные дни. Иногда трудные. Иногда скучные. Иногда такие, когда всё идёт совсем не по вашему желанию.

Он взглянул на Марию.

— И именно в эти дни особенно важно оставаться рядом.

Мария тихо улыбнулась.

Владислав поднял бокал.

— За вашу семью. Пусть она будет крепкой.

После обеда родители преподнесли молодым подарки.

Мария вручила Ядвиге небольшую коробочку.

Внутри лежал тонкий золотой медальон.

— Мамочка…

— Он принадлежал моей матери, — сказала Мария. — Она подарила его мне, когда я вышла замуж.

Ядвига осторожно взяла украшение.

Медальон был небольшим, без лишней роскоши, с тонким цветочным узором.

— Я помню его, — прошептала она.

Мария улыбнулась.

— Теперь пусть будет у тебя.

— Но ты ведь всегда его берегла.

— Поэтому и хочу передать тебе.

Ядвига обняла мать.

— Спасибо.

Владислав достал свёрток с фотографиями.

— А это от меня.

Александр осторожно развернул бумагу.

Они увидели свадебные снимки.

Ядвига сразу прижала ладонь к губам.

— Папа…

— Подумал, что вам будет приятно иметь их здесь.

Она долго рассматривала знакомые лица.

Маму.

Отца.

Станислава.
Зофью.
Себя рядом с Александром.
Все стояли вместе.
Все улыбались.
— Как хорошо, что ты их привёз, — тихо сказала Ядвига.
Владислав кивнул.
— Пусть у вас тоже будут семейные воспоминания, к которым можно прикоснуться.
Александр протянул ему руку.
— Спасибо. Мы обязательно найдём для них хорошее место.
— Только не на той полке, которую мы с таким трудом чинили, — заметил Владислав.
Ядвига расхохоталась.
— Папа!
— А что? Я беспокоюсь за семейные реликвии.

После обеда начался небольшой дождь.
Совсем лёгкий.
Мелкие капли застучали по оконным стёклам, и река за окном потемнела.
Ядвига посмотрела на небо.
— Вот и дождь. Совсем как год назад.
Мария улыбнулась.
— Значит, это добрая примета.
Владислав поднял брови.
— С каких пор ты веришь в приметы?
— С тех пор, как они напоминают мне о счастливых днях.
Он рассмеялся.
Александр посмотрел на жену.
— Кажется, у нас появляется семейная традиция.
— Какая?
— Каждый год в день свадьбы попадать под дождь.
Ядвига улыбнулась.
— Тогда придётся заранее покупать зонты.

Когда дождь закончился, молодые решили ещё немного прогуляться.
Мария и Владислав остались в ресторане допить чай.
Ядвига и Александр пошли по дорожке вдоль реки.
После дождя воздух стал удивительно свежим.
На листьях блестели капли.
Где-то за деревьями пела птица.
Они шли молча, держась за руки.
Наконец Александр спросил:
— Ну что, Ядвига, каким тебе запомнился наш первый год?
Она задумалась.
— Разным.
— Неожиданный ответ.
— А разве не так?
Александр улыбнулся.
— Так.
Ядвига остановилась у перил небольшого мостика.

— Помнишь, как я впервые пошла за покупками с Анной Сергеевной?

— Конечно.

— Я тогда так боялась сказать что-нибудь неправильно.

— А теперь?

Она рассмеялась.

— Теперь иногда говорю так быстро, что продавцы едва успевают меня слушать.

Александр улыбнулся.

— Это правда.

Ядвига посмотрела на воду.

— А ещё я помню, как скучала по дому. Как ждала письма. Как радовалась, когда приехал рояль.

Она повернулась к мужу.

— И как мы впервые поссорились по-настоящему.

Александр смутился.

— Я тогда задержался в театре.

— И забыл предупредить.

— Знаю.

— А я весь вечер волновалась.

Он взял её руку.

— Зато теперь стараюсь сообщать, если задерживаюсь.

— Именно.

Ядвига улыбнулась.

— Видишь, мы многому научились.

Александр задумался.

— Наверное, самое удивительное в том, что раньше я отвечал только за себя. Мог не обедать, работать до поздней ночи, забыть о времени.

— А теперь?

Он посмотрел на жену.

— Теперь я знаю, что дома меня ждут.

Ядвига прижалась к нему.

— А я знаю, что мне есть кого ждать.

Некоторое время они стояли молча.

Потом Александр тихо сказал:

— Мне хочется, чтобы ты всегда была счастлива.

Ядвига улыбнулась.

— Саша, нельзя быть счастливой каждую минуту.

Он задумался.

— Наверное.

— Но можно знать, что рядом с тобой человек, с которым ты справишься даже с трудным днём.

Александр крепче обнял её.

— Тогда я обещаю стараться.

— А я обещаю помогать.

Когда они вернулись, родители уже собирались домой.

Владислав взглянул на часы.

— Хорошо погуляли?

— Замечательно, — ответила Ядвига.

Мария улыбнулась.

— Вы оба какие-то особенно довольные.

Александр взял жену под руку.

— У нас сегодня уважительная причина.

— Вот как? — спросил Владислав.

— Первая годовщина семейной жизни.

— И каковы результаты? — поинтересовался отец с серьёзным видом.

Александр посмотрел на Ядвигу.

— Полагаю, меня пока оставляют в должности мужа.

Ядвига рассмеялась.

— С испытательным сроком ещё на один год!

Владислав одобрительно кивнул.

— Разумно.

Мария покачала головой.

— Бедные мужчины. Не дают им спокойно жить.

— Именно! — воскликнул Александр.

И все снова рассмеялись.

Вечером они собрались в квартире молодых.

На этот раз без торжественного ужина.

Просто пили чай, рассматривали свадебные фотографии и вспоминали прошлогодний май.

Мария рассказала, как рано проснулась в день свадьбы и долго не решалась войти в комнату дочери.

Владислав признался, что несколько раз проверял часы, опасаясь опоздать к церемонии.

Александр вспомнил, что едва не забыл перчатки.

Ядвига рассмеялась.

— Вот об этом я ничего не знала!

— И правильно, — ответил муж. — У тебя и без того хватало волнений.

За разговорами время прошло незаметно.

Потом Мария попросила дочь сыграть что-нибудь.

Ядвига села за рояль.

Александр достал скрипку.

— Сегодня я приготовил ещё один маленький подарок, — сказал он.

Ядвига удивилась.

— Ещё один?

Он улыбнулся.

— Помнишь мелодию, которую я написал для тебя перед свадьбой?

— «Дом, где меня ждут»?

— Конечно.

— Разве я могу её забыть?

Александр положил на пюпитр несколько нотных листов.

— За этот год она немного изменилась.

Ядвига посмотрела на него.

— Как?

— Я написал новую часть. И теперь в ней есть партия для рояля.

Он протянул ей ноты.

— Для тебя.

Ядвига начала читать.

Первые такты были знакомыми.

Потом появилась новая мелодическая линия.

Нежная.

Светлая.

Она словно отвечала на музыку скрипки.

— Саша…

Он улыбнулся.

— Попробуем?

Ядвига кивнула.

Они начали играть.

Сначала осторожно, прислушиваясь друг к другу.

Потом всё свободнее.

Знакомая свадебная мелодия наполнила комнату.

Но теперь в ней действительно появилось что-то новое.

Скрипка начинала фразу.

Рояль подхватывал.

Иногда голоса расходились, словно каждый рассказывал свою историю.

А потом вновь встречались.

Мария сидела совершенно неподвижно.

Владислав смотрел на дочь и зятя.

И ему вспомнился день, когда Александр впервые рассказал о своих намерениях жениться на Ядвиге.

Тогда молодой человек говорил о любви.

О музыке.

О том, что готов сделать всё ради её счастья.

Владислав слушал и сомневался.

Слова казались слишком красивыми.

Обещания — слишком смелыми.

Но теперь, спустя год, перед ним было то, чего нельзя доказать словами.

Два человека действительно научились жить вместе.

Их музыка говорила об этом лучше любых объяснений.

Когда прозвучал последний аккорд, Мария вытерла глаза.

— Дорогие мои…

Ядвига поднялась из-за рояля.

Александр осторожно положил скрипку.

— Ну как? — спросил он.

Мария улыбнулась сквозь слёзы.

— Прекрасно.

Владислав подошёл к молодым.

— Александр, ты ведь подарил эту мелодию Ядвиге ещё до свадьбы?

— Да.

— А теперь дописал её?

— Именно.

Владислав задумался.

— Значит, она росла вместе с вашей семьёй.

Александр улыбнулся.

— Можно сказать и так.

Отец посмотрел на дочь.

— Пусть у неё будет много продолжений.

Когда родители ушли, Ядвига ещё долго сидела у рояля.
Перед ней лежали новые ноты.
Она осторожно провела пальцами по бумаге.
Александр подошёл сзади.
— Устала?
— Немного.
— День был долгим.
— И прекрасным.
Он наклонился и поцеловал её в висок.
Ядвига посмотрела на мужа.
— Знаешь, что мне больше всего понравилось?
— Что?
— Не подарки. Хотя они чудесные.
Она улыбнулась.
— Мне понравилось, что сегодня мы все были вместе.
Александр сел рядом.
— Да.
— Год назад мы ещё не знали, какой будет наша жизнь здесь.
— Не знали.
— А теперь у нас есть дом, работа, друзья. И мама с папой смогли увидеть всё это.
Он взял её руку.
— А чего тебе хочется на следующий год?
Ядвига задумалась.
— Чтобы мы были здоровы. Чтобы у тебя всё хорошо складывалось в театре. Чтобы мои ученики продолжали радовать меня.
Она немного помолчала.
— И чтобы мы чаще виделись с родными.
Александр кивнул.
— Хорошие желания.
— А у тебя какие?
Он улыбнулся.
— Почти такие же.
— Почти?
— Я ещё хотел бы, чтобы нам удалось когда-нибудь найти собственный дом.
Ядвига посмотрела на него.
— С садом?
— С садом.
— И с музыкальной комнатой?
— Обязательно.
— И чтобы до театра было удобно добираться?
Александр рассмеялся.
— Вот видишь, ты уже прекрасно знаешь мои желания.
Ядвига положила голову ему на плечо.
— Когда-нибудь найдём.
— Найдём, — согласился он.
И больше в тот вечер они об этом не говорили.

Позже, уже в гостинице, Мария сидела возле окна и снимала украшения.
Владислав стоял у стола, задумчиво перебирая какие-то бумаги.

Жена посмотрела на него.

— Ты опять за своё?

Он поднял голову.

— За что?

— Думаешь о делах.

Владислав улыбнулся.

— Не совсем.

— Тогда о чём?

Он подошёл к жене.

— О молодых.

Мария вздохнула.

— Владислав…

— Я ничего не собираюсь решать за них.

Она внимательно посмотрела на мужа.

— Правда?

— Правда.

Он сел напротив.

— Но сегодня они говорили о собственном доме.

— Я слышала.

— И мне подумалось, что когда-нибудь им понадобится наша помощь.

Мария кивнула.

— Возможно.

— У Ядвиги есть средства, которые мы выделили ей перед свадьбой. Они ими почти не пользовались.

— Я знаю.

— Мы могли бы добавить к ним ещё некоторую сумму. Не сейчас. Когда они сами определятся, чего хотят.

Мария некоторое время молчала.

Потом улыбнулась.

— Вот теперь ты говоришь разумно.

Владислав рассмеялся.

— Неужели это случается так редко?

— Гораздо чаще, чем ты думаешь.

Она взяла его руку.

— Только помни: Александр гордится тем, что сам обеспечивает семью. И он имеет на это право.

Владислав кивнул.

— Я понимаю.

— Значит, когда-нибудь мы просто предложим помощь. Без условий и указаний.

— Именно так я и хотел.

Мария улыбнулась.

— Тогда мне нечего возразить.

Владислав немного помолчал.

— Знаешь, сегодня, когда они играли вместе, я вдруг вспомнил нас в молодости.

— Нас?

— Да. Тогда нам тоже казалось, что впереди бесконечно много времени.

Мария посмотрела на мужа.

— А разве мы ошибались?

Он улыбнулся.

— Нет. Просто не знали, как быстро оно проходит.

Мария положила голову ему на плечо.

— Зато сколько хорошего успело случиться.

— Это правда.

За окном шумел майский город.

А в небольшом гостиничном номере сидели два человека, прожившие вместе долгую жизнь и всё ещё умевшие радоваться счастью друг друга.

На следующее утро Ядвига открыла свою тетрадь.

На одной из последних страниц по-прежнему стояли записи о будущем доме.

Сад.

Комната для музыки.

Место для гостей.

Детская.

Она перечитала их с улыбкой.

Но сегодня ничего не стала добавлять.

Вместо этого открыла новую страницу и написала:

«Прошёл первый год нашей семейной жизни.

Я думала, что счастье — это день, когда исполняется самое большое желание.

А оказалось, что оно состоит из множества маленьких дней, которые хочется прожить ещё раз».

Ядвига закрыла тетрадь.

Из соседней комнаты донёсся голос Александра:

— Ядвига! Ты не видела мою новую папку?

Она рассмеялась.

— На столе, Саша!

— А ноты?

— В папке!

— Нашёл!

Ядвига покачала головой.

Вот она, семейная жизнь.

Без торжественных речей.

Без праздничных цветов.

С потерянными нотами, утренним чаем и голосом любимого человека за стеной.

Она встала и пошла к мужу.

А за окном начинался новый майский день.

Первый день второго года их общей жизни.

И впереди было ещё столько всего.

Глава девятнадцатая. Родительское благословение

Май подходил к концу.

Дни становились всё длиннее, и по вечерам солнце ещё долго заглядывало в окна маленькой квартиры. Старая липа во дворе покрылась густой зеленью, а её молодые листья так близко подступали к подоконнику, что Ядвиге иногда казалось: стоит протянуть руку — и можно коснуться ветвей.

После первой годовщины свадьбы жизнь вновь вошла в привычное русло.

Александр отправлялся в театр, Ядвига занималась с учениками, а Мария и Владислав продолжали знакомиться с городом.

Они уже знали дорогу от гостиницы до квартиры молодых, полюбили небольшой парк возле реки и даже обзавелись несколькими знакомыми.

Однажды Мария с удивлением обнаружила, что продавщица цветочной лавки приветствует её как постоянную покупательницу.

— Представляешь, Ядвиженька, она уже спрашивает, когда я снова приду!

— Значит, мамочка, тебе придётся остаться у нас ещё на месяц.

Мария рассмеялась.

— Боюсь, твой отец не выдержит столь долгого отсутствия в имении.

— Станислав прекрасно справляется!

— Я знаю. Но попробуй объяснить это Владиславу.

Ядвига улыбнулась.

Она понимала, что родители скоро уедут.

И старалась не думать об этом.

Однажды за завтраком Александр заметил, что жена необычно молчалива.

Она разливала чай, смотрела в окно и, казалось, совершенно не замечала, что он уже несколько раз пытался привлечь её внимание.

— Ядвига.

— Да?

— Ты мне налила чай?

Она посмотрела на его чашку.

— Конечно.

— Тогда почему у меня в чашке горячая вода?

Ядвига опустила глаза.

Действительно, она забыла положить заварку.

— Ах, Саша!

Он рассмеялся.

— Ничего страшного. Я просто решил уточнить, не придумала ли ты новый способ приготовления чая.

Она тоже улыбнулась, но почти сразу снова стала серьёзной.

Александр накрыл её руку своей.

— Что тебя тревожит?

Ядвига вздохнула.

— Родители скоро уедут.

— Знаю.

— Я так ждала их приезда. А теперь кажется, что они побыли здесь совсем недолго.

— Когда хорошо вместе, времени всегда мало.

Она кивнула.

— Не хочется снова провожать их на вокзале.

Александр немного помолчал.

— Ты ведь понимаешь, что они не могут остаться навсегда?

— Конечно понимаю.

Ядвига улыбнулась.

— Мне просто нужно немного погрустить.

— Тогда грусти. Я не стану мешать.

Он подвинул к ней свою чашку.

— Только сначала сделай мне настоящий чай.

Она рассмеялась.

И тревога немного отступила.

В тот день Владислав пригласил Александра на прогулку.

Они отправились к реке, где недавно гуляли всей семьёй.

Утро было тёплым, но возле воды чувствовалась прохлада.

Некоторое время мужчины шли молча.

Владислав остановился у ограды набережной и посмотрел на противоположный берег.

— Хороший у вас город.

— Мне тоже нравится, — ответил Александр.

— И люди здесь, кажется, приветливые.

— По-разному бывает. Но нам повезло с соседями и знакомыми.

Владислав кивнул.

— Я заметил.

Он повернулся к зятю.

— Александр, мне хотелось бы поговорить с тобой об одном деле.

Молодой человек насторожился.

— Я слушаю.

— Только прошу, не воспринимай мои слова как вмешательство в вашу жизнь.

Александр внимательно посмотрел на него.

— Хорошо.

Владислав немного помолчал.

— Мы с Марией видим, как вы стараетесь. Ты работаешь, Ядвига преподаёт. У вас хороший дом, хотя квартира и небольшая.

— Нам здесь удобно.

— Я знаю.

Он улыбнулся.

— Но на прогулке в день годовщины вы оба заговорили о собственном доме.

Александр кивнул.

— Мы иногда об этом мечтаем.

— А задумывались, каким он должен быть?

— Пока больше представляли, чем рассчитывали.

— Это естественно.

Они прошли ещё несколько шагов.

— Знаешь, когда я был молодым, — продолжил Владислав, — мне хотелось получить всё сразу. Землю, хороший дом, налаженное хозяйство. И желательно без единой ошибки.

Александр улыбнулся.

— Полагаю, так не получилось?

— Разумеется, нет.

Владислав усмехнулся.

— Я переплатил за один участок, слишком доверился управляющему в другом деле и однажды приобрёл лошадь, которая больше нравилась мне своим видом, чем способностью работать.

Александр рассмеялся.

— Трудно представить, что вы когда-нибудь поступали необдуманно.

— Молодость — прекрасное время для ошибок. Главное, чтобы они не стоили человеку всего состояния.

Он остановился.

— Поэтому я хочу дать тебе совет.

— Какой?

— Когда решите искать дом, сначала определите, сколько сможете тратить на его содержание. Купить красивое здание иногда легче, чем потом держать его в порядке.

Александр задумался.

— Об этом я как раз говорил Ядвиге. Большой дом потребует прислуги, отопления, ремонта.

— Вот именно.

Владислав одобрительно кивнул.

— А ещё нужно учитывать расстояние до твоей работы.

— И возможность для Ядвиги продолжать уроки.

— Совершенно верно.

Они некоторое время молчали.

Потом Владислав произнёс:

— И ещё одно, Александр. Перед свадьбой мы выделили Ядвиге определённые средства. Часть для её собственных нужд, часть на будущее вашей семьи.

— Да. Она рассказывала мне.

— Насколько я понял, вы почти не пользовались этими деньгами.

— Мы стараемся жить на заработанное.

Владислав посмотрел на него.

— И я это уважаю.

Александр ничего не ответил.

— Но приданое ведь не наказание, — продолжил Владислав с лёгкой улыбкой. — Не нужно хранить его нетронутым только для того, чтобы доказать свою независимость.

— Я и не считаю его наказанием.

— Тогда хорошо.

Владислав повернулся к реке.

— Мы с Марией подумали, что, когда вы решите приобрести собственный дом, могли бы добавить к уже имеющимся средствам некоторую сумму.

Александр нахмурился.

— Владислав, я благодарен вам, но…

Тот остановил его движением руки.

— Подожди. Я ещё не закончил.

Александр замолчал.

— Это не предложение купить вам дом. И не попытка указать, где и как вам жить. Мы просто хотим помочь дочери и зятю сделать хороший первый шаг.

Он посмотрел Александру прямо в глаза.

— Я не собираюсь становиться хозяином вашего будущего дома. Им будете ты и Ядвига.

Молодой человек долго молчал.

Потом тихо произнёс:

— Мне важно, чтобы Ядвига могла гордиться нашей жизнью.

Владислав улыбнулся.

— Она уже гордится.

Александр поднял голову.

— Вы так думаете?

— Я это знаю.

Владислав положил руку ему на плечо.

— Не путай достоинство с необходимостью всё делать одному. Семья существует ещё и для того, чтобы помогать друг другу.

Эти слова Александр запомнил.

В то же утро Мария пришла к Ядвиге.

Они собирались перебрать несколько семейных рецептов, которые мать обещала записать для дочери.

На кухонном столе лежали листки бумаги, а рядом стояла корзинка со свежими ягодами.

— Мамочка, ты опять столько всего принесла!

— Немного ягод. И кое-что к чаю.

— У нас и так всего хватает.

— Я знаю.

Мария улыбнулась.

— Но мне приятно.

Они занялись записями.

Мария терпеливо объясняла пропорции, а Ядвига тщательно записывала каждую подробность.

— А сколько нужно масла?

— Столько, чтобы тесто стало мягким.

— Мамочка, это не рецепт!

— Очень даже рецепт.

— Но я хочу знать точно!

Мария рассмеялась.

— Ты стала совсем как отец.

Ядвига подняла голову.

— Это хорошо или плохо?

— Зависит от обстоятельств.

Обе улыбнулись.

Наконец Мария отложила ложку.

— Ядвиженька, мы с отцом хотели бы поговорить с вами о будущем.

Дочь насторожилась.

— О каком будущем?

— О вашем доме.

Ядвига удивилась.

— Мама, мы ведь пока ничего не решили.

— И правильно делаете. Торопиться не нужно.

Она взяла дочь за руку.

— Но когда вы начнёте искать, помни: вы не одни.

Ядвига немного помолчала.

— Папа собирается нам помочь?

— Мы оба хотели бы.

— Мамочка…

— Подожди, дорогая. Я знаю, как вы с Александром относитесь к самостоятельности. И очень уважаю это.

Мария улыбнулась.

— Но любовь родителей не заканчивается в день свадьбы детей.

Ядвига опустила глаза.

— Я понимаю.

— Мы не хотим ничего решать за вас. Просто, если появится дом, который действительно вам подойдёт, мы сможем облегчить покупку.

Ядвига обняла мать.

— Спасибо.

— Только сначала всё обсудите с Александром.

— Конечно.

Мария погладила дочь по волосам.

— И обязательно помни: красивый дом ещё не означает счастливую жизнь.

Ядвига улыбнулась.

— Я знаю. Счастливая жизнь у нас уже есть.

Мать посмотрела на неё с нежностью.

— Вот её и берегите.

Вечером молодые остались вдвоём.

Александр сидел за столом и просматривал ноты.

Ядвига некоторое время стояла у окна, а потом подошла к нему.

— Саша, мама сегодня разговаривала со мной.

Он поднял голову.

— О доме?

Она удивилась.

— Ты уже знаешь?

— Твой отец говорил со мной.

Ядвига присела рядом.

— И что ты думаешь?

Александр отложил ноты.

— Думаю, нам нужно хорошенько всё обдумать.

— Ты не обиделся?

Он посмотрел на неё.

— Сначала немного растерялся.

— Почему?

— Не хочу, чтобы твои родители решили, будто я не могу обеспечить семью.

Ядвига взяла его руку.

— Они так не думают.

— Я знаю. Владислав очень ясно это объяснил.

Александр улыбнулся.

— Представляешь, он даже рассказал мне о собственных неудачных покупках в молодости.

Ядвига широко раскрыла глаза.

— Папа?

— Именно.

Она рассмеялась.

— Вот уж не думала, что он когда-нибудь признается в чём-то подобном!

— Видимо, решил меня предупредить.

Некоторое время они молчали.

Потом Ядвига спросила:

— Значит, ты не против?

— Против чего?

— Чтобы мы когда-нибудь воспользовались этой помощью.

Александр задумался.

— Я не против, если решение о покупке будет нашим. И если мы будем понимать, что сможем содержать дом без постоянной помощи твоих родителей.

Ядвига улыбнулась.

— Вот и я так думаю.

Он взял лист бумаги.

— Тогда когда-нибудь нам понадобится серьёзный список.

— Какой?

— Твоих желаний, моих желаний и наших возможностей.

Ядвига рассмеялась.

— Ты начинаешь разговаривать как мой папа!

— Значит, наше общение пошло мне на пользу.

Через несколько дней подошло время отъезда родителей.

В гостинице снова появились дорожные сундуки.

Мария укладывала вещи, старательно заворачивая небольшие покупки, сделанные в России.

Владислав проверял билеты и необходимые документы.

Ядвига помогала матери, хотя гораздо охотнее просто сидела бы рядом с ней.

— Мамочка, может, вы всё-таки останетесь ещё на неделю?

Мария улыбнулась.

— Если я соглашусь, через неделю ты попросишь ещё одну.

— Конечно.

— А потом ещё.

— Разумеется.

Мария обняла дочь.

— Мы обязательно приедем снова.

— Обещаешь?

— Обещаю, если здоровье и обстоятельства позволят.

Она немного помолчала.

— И вы тоже приезжайте. Не забывайте дорогу домой.

— Никогда не забудем.

На вокзале было многолюдно.

Ядвига старалась держаться спокойно.

Мария то и дело поправляла ей шляпку, словно дочь снова была маленькой.

Владислав разговаривал с Александром возле багажа.

Наконец объявили посадку.

Мария крепко обняла дочь.

— Береги себя.

— Ты тоже, мамочка.

— Не забывай отдыхать.

— Не забуду.

— И пиши чаще.

Ядвига рассмеялась сквозь слёзы.

— Мамочка, я и так пишу каждую неделю!

— Значит, продолжай.

Они обнялись снова.

Потом Ядвига подошла к отцу.

Владислав раскрыл руки.

— Ну что, моя девочка?

Она прижалась к нему.

— Уже скучаю.

Он погладил её по голове.

— А мы ещё даже не уехали.

— Вот именно.

Владислав улыбнулся.

— Всё у вас будет хорошо.

Он немного отстранился.

— И помни: когда будете что-нибудь серьёзно решать, не торопитесь.

Ядвига кивнула.

— Помню, папа.

Он посмотрел на Александра.

— И ты не забывай.

— Не забуду.

Мужчины крепко пожали друг другу руки.

Поезд тронулся.

Ядвига стояла рядом с Александром, пока последний вагон не скрылся вдали.

Тогда она тихо сказала:

— Как быстро всё закончилось…

Александр обнял её.

— Не закончилось. Просто теперь мы снова будем писать письма.

Она улыбнулась.

— И ждать следующей встречи.

— Обязательно.

Вечером квартира показалась непривычно тихой.

Ядвига разложила на столе фотографии, подаренные отцом, и долго рассматривала знакомые лица.

Александр принёс чай.

Поставил рядом с ней чашку.

И сел напротив.

— Ну что, хозяйка, как будем жить дальше?

Ядвига подняла голову.

— Счастливо.

Он улыбнулся.

— Хороший план.

Она немного помолчала.

— И, наверное, когда-нибудь нам действительно понадобится дом побольше.

Александр посмотрел на неё.

— Наверное.

— Только не сейчас же покупать?

Он рассмеялся.

— Нет, Ядвига. Я не собираюсь завтра приобретать первую попавшуюся усадьбу.

Она облегчённо вздохнула.

— Вот и хорошо.

Александр протянул ей лист бумаги.

— Но начать разбираться мы можем уже сейчас.

— С чего?

— С самого простого. Чего мы хотим. Что нам нужно. И сколько мы можем себе позволить.

Ядвига взяла перо.

Некоторое время думала.

А потом написала вверху страницы:

«Наш будущий дом».

Она посмотрела на мужа.

— Ну что, Саша, начинаем мечтать всерьёз?

Он улыбнулся.

— Начинаем.

А за окном тихо шумела липа.

И маленькая квартира, ставшая их первым общим домом, словно прислушивалась к разговору о другом доме, которого они ещё даже не видели.

Глава двадцатая. Цена мечты

На следующее утро Ядвига обнаружила, что их вчерашний разговор о будущем доме не был простой вечерней мечтой.

Александр сидел за столом с карандашом в руке.

Перед ним лежала та самая страница, на которой жена написала: «Наш будущий дом».

Но теперь под красивым заголовком появилась целая колонка цифр.

— Саша, что это?

Он поднял голову.

— Наше будущее, выраженное в рублях.

Ядвига подошла ближе.

— Как романтично!

— Чрезвычайно.

Александр улыбнулся и подвинул ей стул.

— Садись. Будем считать.

Она заглянула в записи.

Здесь были расходы на квартиру, продукты, одежду, отопление, жалованье Александра, её доход от уроков.

Отдельно он записал деньги, которые им удалось отложить за год.

— А почему мой заработок ты посчитал так осторожно? — удивилась Ядвига.

— Потому что летом у тебя будет меньше уроков. Дети разъедутся на каникулы.

Она задумалась.

— Верно.

— И мои дополнительные концерты бывают не каждый месяц.

Ядвига посмотрела на мужа с уважением.

— Ты всё предусмотрел.

— Далеко не всё. Я ещё совершенно не представляю, сколько стоит содержать усадьбу.

— Наверное, много.

— Вот это единственное, в чём я почти уверен.

Они рассмеялись.

Постепенно у них сложился первый список пожеланий.

Ядвига хотела сад, несколько светлых комнат, просторную гостиную для музыки и возможность принимать родных.

Александру нужны были отдельный кабинет, место для нот и книг, хорошая дорога в город.

Оба согласились, что дом не должен требовать немедленного дорогостоящего ремонта.

— А ещё, — добавила Ядвига, — мне очень хочется, чтобы возле дома росли деревья.

Александр поднял голову.

— Сколько?

— Что сколько?

— Деревьев.

Она засмеялась.

— Не знаю. Много!

— Прекрасно. Значит, в списке будет написано: «Деревьев желательно много».

Ядвига шутливо толкнула мужа в плечо.

— Не смейся!

— Я совершенно серьёзен.

Он записал её пожелание.

Потом немного подумал и добавил своё:

«Хорошая крыша».

Ядвига заглянула через плечо.

— Саша, а это обязательно писать?

— Непременно. Под красивым потолком очень неприятно ставить вёдра во время дождя.

Она рассмеялась.

— Ладно, пусть будет хорошая крыша.

Через несколько дней Александр принёс домой газетный лист.

На последней странице помещались объявления о продаже домов и земельных участков.

Он разложил газету на столе.

— Посмотри.

Ядвига склонилась над объявлениями.

Часть предложений находилась слишком далеко от города.

Другие были явно им не по средствам.

Одно показалось особенно привлекательным.

«Продаётся благоустроенный дом с садом. Удобный подъезд. Недалеко от городского центра».

Ядвига прочитала объявление вслух.

— Как хорошо звучит!

Александр усмехнулся.

— Именно поэтому сначала нужно узнать цену.

— А вдруг она вполне подходящая?

— Тогда посмотрим дом.

— Саша, ты неисправимый скептик.

— Нет. Просто я музыкант, который знает цену хорошему инструменту и плохому ремонту.

Первый дом они отправились смотреть в воскресенье.

Он стоял на тихой улице недалеко от центра.

За высоким забором виднелись аккуратный сад и небольшой двухэтажный особняк.

Ядвига сразу пришла в восторг.

— Саша, какая красота!

Александр тоже был приятно удивлён.

Дом действительно выглядел ухоженным.

Хозяин, пожилой господин в строгом костюме, встретил их у ворот.

— Прошу, господа. Всё покажу.

В прихожей пахло полированным деревом.

Комнаты были светлыми, с высокими потолками.

В гостиной стоял красивый камин.

Ядвига почти сразу представила, где можно поставить рояль.

— Саша, посмотри, как здесь просторно!

Он улыбнулся.

— Вижу.

В кабинете имелись книжные шкафы, которые хозяин соглашался оставить вместе с домом.

Из окон спальни открывался вид на цветник.

Даже кухня была вполне удобной.

Но когда осмотр закончился, Александр задал вопрос, которого Ядвига немного опасалась.

— Какова окончательная цена?

Хозяин назвал сумму.

Александр не изменился в лице.

Только чуть заметно поднял брови.

Ядвига посмотрела на него.

Он вежливо поблагодарил продавца и попросил время на размышление.

На улице они некоторое время шли молча.

Наконец Ядвига спросила:

— Дорого?

Александр посмотрел на неё.

— Очень.

Она вздохнула.

— А дом такой красивый…

— Красивый.

— И до театра недалеко.

— Совсем недалеко.

Ядвига остановилась.

— Саша, неужели совсем никак?

Он взял её под руку.

— Давай рассуждать. Если мы потратим на покупку почти все средства, что останется на содержание дома?

Она задумалась.

— Немного.

— А если понадобится ремонт?

— Придётся откладывать.

— А если я заболею и не смогу какое-то время выступать?

Ядвига посмотрела на мужа.

— Не говори так.

— Я не собираюсь болеть. Но мы должны понимать, что никто не застрахован от неприятностей.

Она опустила глаза.

— Ты прав.

Александр немного помолчал.

— Я тоже хотел бы такой дом. Но мне гораздо больше нравится мысль о том, что мы сможем спокойно в нём жить, а не каждый месяц тревожиться о деньгах.

Ядвига улыбнулась.

— Значит, не наш?

Он мягко сжал её руку.

— Пока не наш.

Она кивнула.

И они пошли дальше.

Второй дом оказался полной противоположностью первому.

Он находился за городской чертой, возле небольшой деревни.

По описанию продавца, это была старинная усадьба с большим садом и хозяйственными строениями.

Цена выглядела значительно привлекательнее.

Но уже по дороге Ядвига начала сомневаться.

После недавнего дождя колёса экипажа то и дело попадали в глубокие колеи.

Лошади шли осторожно.

Александр посмотрел на дорогу.

— Представляешь, каково здесь будет зимой?

— Может быть, есть другая дорога?

Кучер покачал головой.

— Есть объезд, господа. Только ещё длиннее.

Ядвига вздохнула.

Когда они наконец добрались до усадьбы, перед ними открылся большой старый дом.

Некогда он, вероятно, был очень красив.

Но теперь штукатурка местами осыпалась, деревянные ступени крыльца требовали замены, а в саду давно не проводили обрезку деревьев.

Хозяин бодро уверял их, что всё можно привести в порядок за небольшие деньги.

Александр не спорил.

Он попросил показать комнаты.

Внутри оказалось сыро.

В двух помещениях стоял затхлый запах.

Возле окна одной из комнат Ядвига заметила тёмное пятно на потолке.

— Здесь протекала крыша? — спросила она.

Хозяин замялся.

— Было дело. Но совершенно пустяковое.

Александр внимательно посмотрел наверх.

— А перекрытия осматривали?

— Да что им сделается? Дом крепкий!

Ядвига перевела взгляд на мужа.

Она уже знала, что означает его молчание.

В соседней комнате обнаружилось окно, которое почти невозможно было открыть.

Печи тоже давно требовали внимания.

А на кухне пол заметно прогибался возле стены.

Когда они вышли во двор, хозяин продолжал уверять их, что усадьба — редкая удача.

— Земли много! Сад! Пруд неподалёку!

Александр поблагодарил его за показ.

И только когда экипаж выехал за ворота, повернулся к жене.

— Ну что скажешь?

Ядвига задумалась.

— Сад большой.

— Очень.

— И дом когда-то был красивым.

— Несомненно.

Она посмотрела на мужа.

— Но мы ведь не хотим несколько лет заниматься только ремонтом?

Он улыбнулся.

— Именно.

Ядвига вздохнула.

— Значит, тоже не наш.

— Похоже, что так.

Домой они вернулись усталые.

Анна Сергеевна встретила их возле лестницы.

— Ну что, нашли себе дворец?

Ядвига рассмеялась.

— Пока нет.

— И слава богу!

Молодые удивлённо посмотрели на неё.

Старушка пояснила:

— Нехорошо торопиться с домом. Дом ведь не перчатки. Не понравились — другие купил.

Александр улыбнулся.

— Вы совершенно правы.

Анна Сергеевна внимательно посмотрела на их усталые лица.

— Идите-ка наверх. Я вам пирог принесла. Небось с утра толком не ели.

Ядвига обняла старушку.

— Что бы мы без вас делали!

Та смутилась.

— Вот ещё выдумала. Идите, пока пирог тёплый.

За ужином Ядвига вдруг рассмеялась.

Александр поднял голову.

— Что случилось?

— Вспомнила первый дом.

— И что в нём смешного?

— Помнишь гостиную?

— Конечно.

— Я уже успела мысленно поставить туда рояль, выбрать занавески и даже представить, где будет стоять рождественская ёлка.

Александр засмеялся.

— А я в это время пытался понять, сколько придётся платить за отопление.

— Вот видишь, какие мы разные!

— Зато прекрасно дополняем друг друга.

Ядвига улыбнулась.

— Я выбираю занавески, а ты считаешь дрова.

— Примерно так.

Они рассмеялись.

Потом Александр стал серьёзнее.

— Ядвига, только не думай, что мне не нравится твоя мечта.

Она посмотрела на него.

— Я знаю.

— Мне тоже хочется красивый дом. Просто я хочу, чтобы он стал нашей радостью, а не постоянной заботой.

Ядвига взяла его руку.

— Тогда будем искать столько, сколько понадобится.

— Договорились.

Через несколько дней к Александру зашёл знакомый музыкант — Сергей Николаевич, который уже много лет жил в городе.

Они разговорились о концертах, репетициях и планах на лето.

Узнав, что молодые присматривают дом, гость оживился.

— Усадьбу ищете?

— Пока только смотрим, — ответил Александр.

— Тогда вам стоит познакомиться с Павлом Михайловичем Орловым.

— Кто это?

— Он занимается земельными и имущественными делами. Человек обстоятельный. Не скажу, что все его предложения хороши, зато знает почти каждое имение в округе.

Ядвига заинтересовалась.

— А он сможет показать нам дома, которые сейчас продаются?

— Разумеется. Только заранее скажите ему, чего хотите. И какую сумму готовы потратить. Иначе будет возить вас по таким дворцам, что потом всю жизнь придётся выплачивать долги.

Александр рассмеялся.

— Мы как раз пытаемся этого избежать.

Через несколько дней они познакомились с Павлом Михайловичем.

Это был полный мужчина средних лет с аккуратными усами и неизменной записной книжкой.

Он внимательно выслушал их пожелания.

— Значит, небольшой господский дом, сад, удобная дорога в город, приемлемое состояние строений и разумная цена?

Александр кивнул.

— Именно.

— А земли сколько хотите?

Ядвига задумалась.

— Чтобы хватило для сада, прогулок и небольшого хозяйства.

Павел Михайлович улыбнулся.

— Это понятие весьма растяжимое.

— Нам не нужно огромное имение, — уточнил Александр. — Я не собираюсь становиться помещиком вместо музыканта.

Посредник рассмеялся.

— Очень разумно.

Он перелистал несколько страниц.

— Есть у меня одно предложение.

Ядвига подняла голову.

— Какое?

— Старинная усадьба, но не слишком большая. Дом хороший, хотя кое-что потребует внимания. Земли достаточно. От города расстояние вполне терпимое, особенно летом.

Александр насторожился.

— А зимой?

Павел Михайлович улыбнулся.

— Вот это правильный вопрос. Дорогу вам непременно нужно посмотреть самим.

Он нашёл нужную запись.

— Владельцы собираются продавать имение по семейным обстоятельствам. Не спешат, но покупателя ищут серьёзного.

— И какова цена? — спросил Александр.

Посредник назвал сумму.

Молодые переглянулись.

Она была заметно выше стоимости запущенного дома, но гораздо ниже цены первого особняка.

Александр задумался.

— А состояние строений?

— В общем хорошее. Однако я советовал бы пригласить знающего человека для осмотра. У старых домов бывают недостатки, которых не увидишь с первого взгляда.

Ядвига удивлённо посмотрела на него.

— Вы сами советуете искать недостатки?

Павел Михайлович улыбнулся.

— Сударыня, мне выгоднее, чтобы покупатель остался доволен, чем чтобы через месяц он проклинал меня за неудачную сделку.

Александр одобрительно кивнул.

— Это мне нравится.

Посредник закрыл записную книжку.

— Если пожелаете, в воскресенье можем съездить.

Ядвига посмотрела на мужа.

В его глазах она увидела знакомую осторожность.

Но на этот раз и явный интерес.

— Съездим? — спросила она.

Александр улыбнулся.

— Съездим.

Вечером Ядвига получила письмо из Польши.

Мария сообщала, что они с Владиславом благополучно вернулись домой.

Станислав встретил их на станции и по дороге подробно расспрашивал о жизни сестры.

А Зофья уже успела рассердиться, что ей не привезли достаточно подробного рассказа о российской музыкальной жизни.

Ядвига читала письмо вслух.

«Отец очень доволен поездкой. Он часто вспоминает ваши прогулки и разговоры с Александром. Думаю, теперь он окончательно успокоился за тебя.

Но только не рассказывай ему, что я написала эти слова. Он непременно возразит, что всегда был спокоен».

Ядвига рассмеялась.

— Это точно про папу!

Александр улыбнулся.

— Передай Марии, что я благодарен ему за советы.

— Обязательно.

Она снова посмотрела в письмо.

В конце мать написала:

«И помните: хорошие решения не любят суеты. Если задумаете что-нибудь важное, дайте себе время. Мы всегда готовы вас выслушать».

Ядвига задумалась.

Потом сложила письмо.

— Как будто мама знает, чем мы занимаемся.

Александр посмотрел на неё.

— Думаю, она просто хорошо нас знает.

В воскресенье они должны были увидеть третью усадьбу.

И на этот раз Ядвига решила не строить никаких предположений.

Не представлять занавески.

Не выбирать место для рояля.

И уж тем более не воображать, как будет выглядеть рождественская ёлка.

Она торжественно сообщила об этом Александру.

Он выслушал жену с самым серьёзным видом.

— Прекрасное решение.

— Ты мне не веришь?

— Верю.

— Совсем не веришь!

Александр рассмеялся.

— Я только подозреваю, что при виде первой красивой комнаты ты обо всём забудешь.

Ядвига улыбнулась.

— Возможно.

Потом посмотрела в окно.

За ним шумела старая липа.

Её первый русский дом.

Маленькая квартира, в которой они научились жить вместе.

И вдруг Ядвига поняла, что искать новый дом ей уже не так просто, как представлялось раньше.

Ведь вместе с мечтой о будущем появилась привязанность к настоящему.

Она тихо сказала:

— Саша, а ведь мне будет жаль уезжать отсюда.

Александр подошёл.

— Мне тоже.

— И Анну Сергеевну оставлять…

— Мы ведь не собираемся уезжать на другой конец света.

Он обнял жену.

— И даже если найдём дом, переезжать станем только тогда, когда всё подготовим.

Ядвига улыбнулась.

— Ты прав.

Александр поцеловал её в висок.

— Кроме того, пока мы ещё ничего не нашли.

Она рассмеялась.

— Верно. А я уже переживаю из-за переезда!

И оба поняли, что поиски собственного дома только начинаются.

Глава двадцать первая. Дом, который помнит

Воскресное утро выдалось ясным.

Ещё накануне вечером прошёл небольшой дождь, и теперь воздух был наполнен запахом влажной земли, травы и распускающихся цветов.

Ядвига проснулась раньше Александра.

Она некоторое время лежала неподвижно, прислушиваясь к птичьим голосам за окном.

Потом вспомнила, что сегодня они едут смотреть усадьбу.

И сразу почувствовала волнение.

Она осторожно поднялась, чтобы не разбудить мужа.

Но Александр открыл глаза.

— Куда это ты собралась в такую рань?

— Готовиться.

— К чему?

Ядвига посмотрела на него с укоризной.

— Саша!

Он рассмеялся.

— Ах да. Сегодня мы едем искать наше будущее счастье.

— Не смейся.

— Я совершенно серьёзен.

Александр протянул руку и притянул жену к себе.

— Только пообещай мне одну вещь.

— Какую?

— Если дом тебе очень понравится, не соглашайся сразу его покупать.

Ядвига рассмеялась.

— Хорошо.

— Даже если там будет прекрасный сад.

— Хорошо.

— И большая комната для рояля.

— Саша!

— И место для рождественской ёлки.

Она схватила подушку и шутливо замахнулась на мужа.

— Ты просто невыносим!

Он рассмеялся, поймал её руку и поцеловал.

— Вот теперь я спокоен. Поехали.

Павел Михайлович встретил их возле условленного места.

Он был в хорошем настроении, держал под мышкой свою неизменную записную книжку и с удовольствием сообщил, что погода идеально подходит для загородной поездки.

— Вот увидите, господа, дорога вам понравится.

Александр улыбнулся.

— Надеюсь, не только дорога.

— И усадьба тоже!

Экипаж выехал за город.

Сначала тянулись знакомые улицы.

Потом начались небольшие дома с огородами, сады и поля.

Постепенно город остался позади.

По обе стороны дороги зеленели луга. Вдалеке виднелись рощи, а над полями кружили птицы.

Ядвига с удовольствием смотрела по сторонам.

— Как красиво!

Александр улыбнулся.

— Вот теперь я узнаю свою жену.

— Почему?

— Ты ещё не видела дома, а уже счастлива.

Она рассмеялась.

— Разве нельзя радоваться красивому утру?

— Можно. И даже нужно.

Павел Михайлович повернулся к ним.

— Усадьба расположена возле небольшого селения. Место тихое, но не глухое. Поблизости есть почтовая дорога, и до города можно добраться без особенных затруднений.

Александр внимательно посмотрел на него.

— В хорошую погоду?

Посредник улыбнулся.

— В хорошую — безусловно. Зимой, разумеется, всё зависит от снегопадов.

— А осенью?

— Если дожди сильные, отдельные участки дороги становятся тяжёлыми.

Александр кивнул.

— Благодарю за откровенность.

Ядвига молчала.

Она уже понимала: дорога для мужа была не менее важна, чем комнаты и сад для неё.

Примерно через час впереди показалась длинная каменная ограда.

За ней возвышались старые деревья.

Экипаж свернул с основной дороги и по широкой аллее направился к воротам.

Ядвига невольно выпрямилась.

Аллея была удивительно красивой.

По обеим сторонам росли высокие липы и клёны.

Между ними пробивались солнечные лучи.

Дорога плавно поворачивала, и только за поворотом открывался вид на главный дом.

Он оказался двухэтажным, с широким крыльцом, колоннами у входа и просторной террасой, обращённой к саду.

Не дворец.

Но и не маленький загородный домик.

В его облике было что-то спокойное, основательное.

Ядвига долго смотрела на фасад.

— Какой красивый…

Александр тоже внимательно рассматривал здание.

— Да. И кажется, за ним хорошо ухаживали.

Павел Михайлович довольно улыбнулся.

— Я ведь говорил!

Но Александр уже вышел из экипажа и смотрел на кровлю.

— Водосточные трубы не новые, — заметил он.

Посредник кашлянул.

— Разумеется, не новые. Усадьбе много лет.

— Это не беда, если всё исправно.

Ядвига улыбнулась.

— Саша, мы ещё даже внутрь не вошли.

— Вот именно. Поэтому не будем торопиться.

На крыльце их встретил пожилой господин.

Высокий, худощавый, с аккуратно подстриженной седой бородой.

Павел Михайлович представил хозяина:

— Алексей Петрович Белозёров.

Тот приветливо поклонился.

— Добро пожаловать. Надеюсь, дорога не слишком утомила вас.

— Совсем нет, — ответила Ядвига. — Здесь очень красивые места.

Хозяин улыбнулся.

— Благодарю. Мы всегда любили эту землю.

В его голосе прозвучала такая искренняя теплота, что Ядвига сразу почувствовала к нему расположение.

Они вошли в дом.

Внутри пахло деревом, воском и едва заметно — старой бумагой.

В просторном холле стояли часы в высоком деревянном корпусе.

На стенах висели несколько портретов.

Широкая лестница вела на второй этаж.

Из окон падал мягкий солнечный свет.

Алексей Петрович неторопливо показывал комнаты.

На первом этаже находились столовая, библиотека, гостиная и несколько небольших помещений.

На втором — спальни и комнаты для гостей.

Ядвига старалась рассматривать всё спокойно.

Но когда они вошли в большую гостиную, она невольно остановилась.

Комната была светлой, с высокими окнами и прекрасным видом на сад.

Возле одной из стен стоял старый рояль.

— Здесь занималась музыкой моя покойная супруга, — тихо сказал хозяин.

Ядвига посмотрела на него.

— Она была музыкантом?

— Любила играть. Особенно по вечерам.

Он улыбнулся.

— Когда дети были маленькими, они собирались здесь, а она играла им разные пьесы.

Александр подошёл к инструменту.

— Хороший рояль.

— Прежде был очень хорош. Сейчас, вероятно, требует настройки.

Ядвига осторожно провела пальцами по клавишам.

Звук оказался немного глуховатым.

Но инструмент сохранил красивый тембр.

Александр взглянул на жену.

Она улыбнулась.

— Саша, здесь прекрасно звучала бы твоя скрипка.

— Возможно.

Он посмотрел на высокий потолок.

— Акустика действительно хорошая.

Хозяин с удовольствием наблюдал за ними.

— Значит, вы тоже музыканты?

— Оба, — ответила Ядвига.

И рассказала, что преподаёт игру на рояле, а Александр служит в театральном оркестре.

Алексей Петрович заметно оживился.

— Как приятно! Я боялся, что после продажи дома эта комната потеряет своё назначение.

Он немного помолчал.

— Моя жена говорила, что дом без музыки становится слишком тихим.

Ядвига улыбнулась.

— Мне кажется, она была права.

Осмотр продолжался.

Александр внимательно спрашивал о состоянии печей, кровли, колодца и хозяйственных построек.

Выяснилось, что несколько лет назад ремонтировали часть крыши, а две печи на втором этаже требовали осмотра мастера.

В задней части дома имелось небольшое помещение, где после сильных дождей иногда появлялась сырость.

Алексей Петрович не скрывал этого.

— Я предпочитаю, чтобы покупатель знал всё заранее.

Александр кивнул.

— Это очень разумно.

Хозяин показал им кухню, кладовые, помещения для прислуги.

Потом они вышли на террасу.

Перед домом раскинулся сад.

Ядвига невольно задержала дыхание.

Старинные яблони.

Аккуратные дорожки.

Цветники.

Небольшая беседка под деревьями.

А дальше — луг, за которым начиналась роща.

— Какая красота… — прошептала она.

Александр улыбнулся.

— Да, здесь действительно хорошо.

Алексей Петрович спустился с террасы.

— Пойдёмте. Я покажу вам сад.

Они медленно шли по дорожке.

Хозяин рассказывал о деревьях, вспоминал, какие из них посадил отец, а какие появились уже при нём.

Некоторые яблони были очень старыми.

Возле одной из них Алексей Петрович остановился.

— Этой, пожалуй, уже больше полувека.

Ядвига улыбнулась.

— И она ещё плодоносит?

— Каждый год. Иногда понемногу, но яблоки удивительно вкусные.

Она осторожно коснулась коры.

И вспомнила недавний рассказ матери о старой яблоне, благодаря которой когда-то познакомились Мария и Владислав.

Как странно.

Иногда деревья действительно становились свидетелями целой семейной жизни.

Постепенно дорожка вывела их к дальней части сада.

Здесь было тише.

Старые кусты сирени образовывали небольшую зелёную стену.

За ней виднелась крыша какого-то строения.

Ядвига остановилась.

— А что это там?

Алексей Петрович посмотрел в указанную сторону.

И вдруг улыбнулся совсем иначе.

Не так, как улыбался, показывая просторные комнаты и ухоженные хозяйственные постройки.

В его лице появилось что-то удивительно нежное.

— Ах, это…

Он немного помолчал.

— Это наш первый дом.

Ядвига удивилась.

— Первый?

— Да. Пойдёмте, я покажу.

Они обошли кусты сирени.

И увидели небольшой деревянный домик.

Он стоял на краю старого сада, немного в стороне от главного здания.

Совсем простой, одноэтажный, с маленьким крыльцом.

Стены были окрашены в светлый тёплый цвет.

А окна украшали аккуратные голубые ставни.

Возле крыльца росли цветы.

Под окнами стояла деревянная скамейка.

На крыше не было ни сломанных досок, ни провалов.

Было видно, что за домиком заботливо ухаживают.

Ядвига остановилась.

Почему-то именно этот маленький дом вызвал у неё особенно тёплое чувство.

— Какой хорошенький…

Александр подошёл ближе.

— И сохранился прекрасно.

Алексей Петрович кивнул.

— Мы никогда не позволяли ему приходить в запустение.

Ядвига повернулась к хозяину.

— Расскажите, пожалуйста, почему вы назвали его первым домом.

Алексей Петрович присел на скамейку возле крыльца.

Он некоторое время смотрел на голубые ставни.

Потом начал рассказывать.

— Мой отец приобрёл эту землю, когда был ещё совсем молодым человеком. Состояние его тогда было гораздо скромнее, чем впоследствии. Он мечтал устроить здесь хозяйство, но средств на большой дом не хватало.

Хозяин улыбнулся.

— Поэтому сначала построил вот этот.

Он указал на небольшое крыльцо.

— Здесь было всего несколько комнат. Кухня, гостиная и спальня. Позже пристроили ещё одну маленькую комнату.

Ядвига слушала внимательно.

— И ваша семья жила здесь?

— Да. Отец привёз сюда мою мать сразу после свадьбы. Они были молоды, полны надежд и совершенно уверены, что сумеют преодолеть любые трудности.

Александр улыбнулся.

— Знакомое чувство.

Алексей Петрович посмотрел на молодых и понимающе кивнул.

— Здесь родились мои старшие братья и я сам. Здесь мы сделали первые шаги, здесь мать учила нас читать, а отец вечерами рассказывал, каким однажды станет наше имение.

Он провёл ладонью по деревянной скамейке.

— Потом хозяйство стало приносить хороший доход. Отец построил большой дом. Появились новые хозяйственные здания, разбили сад, расширили владения.

— А маленький дом остался, — тихо произнесла Ядвига.

— Остался.

Алексей Петрович улыбнулся.

— Помню, как один управляющий предложил его снести. Сказал, что старое строение только портит вид усадьбы.

— И что ответил ваш отец? — спросила Ядвига.

— Очень рассердился.

Хозяин усмехнулся.

— Он сказал: «Большой дом показывает, чего мы добились. А маленький напоминает, с чего начинали. Не смейте их путать».

Ядвига невольно улыбнулась.

— Какие прекрасные слова.

— Да.

Алексей Петрович замолчал.

Потом продолжил:

— Мать особенно любила это место. Даже когда мы переселились в большой дом, она иногда приходила сюда. Садилась у окна, брала книгу или рукоделие. Говорила, что здесь ей легче вспоминать счастливые молодые годы.

Он посмотрел на голубые ставни.

— Их она сама когда-то выбрала такого цвета. И велела никогда не перекрашивать в другой.

Ядвига тихо спросила:

— Поэтому вы сохранили их голубыми?

— Именно.

Алексей Петрович поднялся.

— Хотите посмотреть внутри?

— Очень, — ответила Ядвига.

Хозяин открыл дверь старым ключом.

Внутри пахло сухим деревом и чистотой.

Небольшая прихожая вела в две комнаты.

Окна были невысокими, но светлыми.

В одной комнате стояла старинная печь, в другой — несколько простых предметов мебели.

На стене висела маленькая полочка.

Рядом с окном находился стол.

Ядвига медленно прошла по комнате.

— Здесь так уютно…

Александр осмотрел потолок.

Потрогал оконную раму.

— Вы действительно хорошо его сохранили.

Алексей Петрович кивнул.

— Крышу меняли не так давно. Печь тоже приводили в порядок. Иногда здесь останавливались родственники, приезжавшие на несколько дней. Но чаще домик стоял закрытым.

Ядвига подошла к окну.

Через голубые ставни был виден сад.

Солнце освещало листья.

Возле крыльца пели птицы.

И на мгновение ей представилась молодая женщина, которая много лет назад стояла у этого окна.

Наверное, тоже смотрела на сад.

Ждала мужа.

Мечтала о будущем.

Не знала, какой большой станет однажды её семья.

Ядвига улыбнулась.

— Значит, здесь когда-то начиналось чьё-то счастье…

Алексей Петрович посмотрел на неё.

— Да, сударыня. Именно так.

Он немного помолчал.

— И мне хотелось бы, чтобы новые хозяева тоже берегли это место.

Когда они вышли из домика, Александр тихо спросил жену:

— Понравился?

— Очень.

Она посмотрела на него.

— Но я помню наше обещание.

Он улыбнулся.

— Какое?

— Не покупать усадьбу только потому, что в ней есть что-нибудь красивое.

Александр рассмеялся.

— Рад это слышать.

Ядвига взяла его под руку.

— Но ведь домик действительно чудесный.

— Чудесный.

— И история у него удивительная.

— Согласен.

Она задумалась.

— Как хорошо, что прежние хозяева не стали его разрушать.

Александр посмотрел на маленький дом.

— Наверное, для них он значил гораздо больше, чем просто старое строение.

— Конечно.

Ядвига немного помолчала.

— Представляешь, Саша, когда-нибудь и у нас появятся вещи, которые будут дороги нашим детям не из-за своей цены.

Он улыбнулся.

— Надеюсь.

По дороге обратно они снова осмотрели хозяйственные постройки.

Александр выяснил, сколько служащих занято в усадьбе, сколько земли непосредственно используется для сада и огорода, а какая часть сдаётся в пользование соседним крестьянам.

Его интересовали налоги, расходы на содержание построек, запасы дров и состояние дороги к городу.

Ядвига с удивлением обнаружила, что муж задаёт всё больше вопросов.

Иногда таких, о которых она даже не подумала бы.

Алексей Петрович отвечал обстоятельно.

Но когда речь зашла о цене, разговор стал серьёзнее.

Названная сумма была значительной.

И хотя она не выходила далеко за пределы обсуждавшихся возможностей, Александру было ясно: собственных накоплений молодых не хватит.

Понадобится часть приданого Ядвиги.

Возможно, и помощь родителей.

А затем — постоянные расходы.

Он внимательно посмотрел на хозяина.

— Мы не сможем принять решение сразу.

Алексей Петрович кивнул.

— Я и не ожидал.

— Нам нужно будет пригласить человека, который разбирается в состоянии старых домов.

— Разумеется.

— И подробнее ознакомиться с документами на землю и строения.

— Я подготовлю всё необходимое.

Павел Михайлович, до этого преимущественно молчавший, оживился.

— Вот и прекрасно! Значит, можно условиться о следующей встрече?

Александр улыбнулся.

— Пока рано.

Посредник несколько смутился.

Но Алексей Петрович рассмеялся.

— Молодой человек совершенно прав. Хороший дом должен быть выбран с умом.

Когда они собирались уезжать, Ядвига в последний раз оглянулась на сад.

Из-за деревьев виднелась крыша маленького домика.

Голубые ставни ярко выделялись на светлых стенах.

Она невольно задержала взгляд.

Александр заметил это.

— Ты уже скучаешь по нему?

Ядвига улыбнулась.

— Немного.

— А мы ведь ещё даже не решили, нравится ли нам усадьба.

Она посмотрела на мужа.

— Мне нравится.

— Я заметил.

— Но я понимаю, что этого недостаточно.

Александр обнял её за плечи.

— Вот теперь мы действительно начинаем принимать решения вместе.

В обратную дорогу они отправились уже ближе к вечеру.

Солнце опускалось к горизонту.

Над полями стелился лёгкий золотистый свет.

Ядвига некоторое время молчала.

Потом спросила:

— Саша, а тебе понравился большой дом?

— Да.

— А сад?

— Очень.

— А дорога?

Александр задумался.

— Вот дорога мне понравилась меньше.

Она вздохнула.

— Я так и думала.

— Летом всё прекрасно. А зимой придётся выезжать заранее. Возможно, в дни поздних спектаклей мне понадобится оставаться в городе.

— Это неудобно.

— Не смертельно. Но учитывать нужно.

Ядвига кивнула.

— А ремонт?

— Пока неясно. Кровлю и печи нужно осмотреть. И разобраться с сыростью в задней части дома.

Она задумалась.

— Значит, снова одни трудности?

Александр улыбнулся.

— Нет, Ядвига. Мы просто нашли дом, который стоит рассмотреть серьёзно.

Она повернулась к нему.

— Правда?

— Правда.

Он немного помолчал.

— Только я хочу, чтобы мы выбрали его не потому, что боимся упустить красивое место. А потому, что оно действительно нам подходит.

Ядвига взяла мужа за руку.

— Я согласна.

Дома их встретила Анна Сергеевна.

Она выглянула из своей квартиры, когда молодые поднимались по лестнице.

— Ну что, путешественники? Как съездили?

Ядвига улыбнулась.

— Видели очень красивую усадьбу.

— Так-так…

Старушка внимательно посмотрела на Александра.

— А молодой хозяин что скажет?

Он рассмеялся.

— Молодой хозяин пока считает деньги.

— И правильно!

Анна Сергеевна кивнула.

— Красота красотой, а печь топить каждый день придётся.

Ядвига рассмеялась.

— Вы с Сашей сегодня словно сговорились!

— Ничего подобного. Просто я на своём веку много домов повидала.

Она немного помолчала.

— А вы, деточки, не торопитесь. Самое дорогое в доме — не стены.

Ядвига улыбнулась.

— Мы знаем.

Анна Сергеевна ласково посмотрела на них.

— Вот и хорошо.

После ужина Александр достал тетрадь.

На столе появились новые записи.

Они выписали всё, что узнали за день.

Стоимость усадьбы.

Предполагаемые расходы.

Необходимые проверки.

Дорогу до города.

Возможность продолжать уроки Ядвиги.

Потом Александр сложил карандаш.

— Теперь нужно посоветоваться с людьми, которые понимают в строительстве и хозяйстве больше нас.

Ядвига кивнула.

— А папе напишем?

Александр задумался.

— Напишем. Но не с просьбой немедленно прислать деньги.

— Конечно.

— Сначала расскажем, что нашли интересный вариант. Попросим его взглянуть на сведения о земле и документах, когда они будут у нас.

Ядвига улыбнулась.

— Папа будет счастлив.

— Почему?

— Потому что наконец сможет дать нам столько советов, сколько захочет!

Александр рассмеялся.

— Тогда нам потребуется ещё одна тетрадь.

Поздно вечером Ядвига осталась одна в гостиной.

Александр ушёл в соседнюю комнату разбирать ноты к предстоящей репетиции.

Она открыла окно.

В комнату вошёл тёплый ночной воздух.

Липа тихо шелестела листьями.

Ядвига посмотрела на знакомый двор.

Здесь они прожили свой первый год.

Здесь учились понимать друг друга.

Здесь встретили первое Рождество.

Здесь принимали родителей.

Сколько воспоминаний уже хранили эти небольшие комнаты!

Она улыбнулась.

Потом открыла тетрадь со своими мечтами.

На одной странице были записаны сад, музыкальная комната, место для гостей.

Ниже — детская.

Ядвига перечитала знакомые строки.

И вдруг на свободном месте написала:

«Дом должен помнить тех, кто в нём жил».

Она задумалась.

Перед глазами снова возник маленький деревянный домик с голубыми ставнями.

Тихий сад.

Старая скамейка.

И рассказ Алексея Петровича о молодой семье, которая когда-то начала там свою жизнь.

Ядвига не знала, купят ли они эту усадьбу.

Не знала, что скажет Александр после всех проверок.

Не знала, согласятся ли продавцы уступить в цене.

Но ей почему-то очень хотелось, чтобы маленький домик продолжал жить.

Чтобы кто-нибудь открывал его голубые ставни по утрам.

Выращивал цветы возле крыльца.

Зажигал свет в окнах.

И рассказывал детям историю о том, как всё начиналось.

Она закрыла тетрадь.

Александр появился в дверях.

— О чём задумалась?

Ядвига улыбнулась.

— О доме.

— Опять?

— Опять.

Он подошёл и обнял жену.

— Не слишком ли рано ты его полюбила?

Она прислонилась к нему.

— Возможно.

Александр посмотрел в открытое окно.

— Тогда нам придётся особенно внимательно всё проверить.

Ядвига подняла голову.

— Почему?

Он улыбнулся.

— Потому что я очень хочу, чтобы однажды ты могла сказать: мы выбрали правильно.

Она крепко обняла мужа.

— И я хочу.

За окном тихо шелестела липа.

А где-то за городом, среди старого сада, стоял небольшой деревянный домик с голубыми ставнями.

Он ещё принадлежал другой семье.

Хранил чужие воспоминания.

И не знал, что однажды станет частью совершенно иной истории.

Истории любви, потерь, ожидания и возвращения.

Истории, которой только предстояло начаться.

Глава двадцать вторая. Под старой крышей

Следующие несколько дней Ядвига старалась не говорить об усадьбе слишком часто.

По крайней мере, ей самой так казалось.

Она занималась с учениками, ходила за покупками, переписывалась с родными и готовилась к небольшому музыкальному вечеру. Но стоило появиться свободной минуте, как мысли невольно возвращались к старой липовой аллее, просторной гостиной и маленькому домику с голубыми ставнями.

Иногда она ловила себя на том, что мысленно расставляет мебель в комнатах, которые видела всего один раз.

А потом вспоминала обещание, данное Александру, и смеялась над собой.

Однажды вечером муж застал её возле рояля с карандашом и листом бумаги.

— Что рисуешь?

Ядвига поспешно перевернула лист.

— Ничего особенного.

Александр подозрительно посмотрел на неё.

— Можно взглянуть?

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты будешь смеяться.

Он обнял её за плечи.

— Обещаю не смеяться.

Ядвига немного подумала и протянула рисунок.

На нём была изображена большая комната с окнами, роялем и несколькими креслами.

А возле окна — высокий книжный шкаф.

Александр долго рассматривал рисунок.

— Это гостиная?

— Да.

— В усадьбе Белозёрова?

Ядвига смущённо улыбнулась.

— Возможно.

Он указал на шкаф.

— А здесь что?

— Твои книги.

— Все?

— Не знаю, сколько их будет через десять лет.

Александр рассмеялся.

— Тогда шкаф придётся сделать гораздо больше.

Ядвига облегчённо вздохнула.

— Ты не сердишься?

Он удивился.

— За что?

— Что я уже представляю нашу жизнь там, хотя мы ничего не решили.

Александр отложил рисунок.

— Ядвига, мечтать нам никто не запрещает.

Он немного помолчал.

— Просто давай убедимся, что дом сможет выдержать наши мечты.

Для повторного осмотра Александр пригласил двух мастеров.

Первым был Иван Фёдорович Климов — опытный строитель и плотницкий мастер, много лет занимавшийся ремонтом городских и загородных домов.

Вторым — печник Егор Трофимович, которого порекомендовал один из знакомых музыкантов.

Вместе с ними должен был приехать и Павел Михайлович Орлов, помогавший молодым в поисках усадьбы.

Накануне поездки Ядвига приготовила тетрадь.

Александр с удивлением обнаружил на столе целых три чистых страницы.

— Что это?

— Для замечаний.

— Чьих?

— Мастеров.

Он улыбнулся.

— Ты собираешься всё записывать?

— Конечно. Ты ведь сам говорил, что нужно подходить к покупке основательно.

Александр рассмеялся.

— Кажется, я воспитал себе самого строгого помощника.

— Поздно жаловаться, господин Воронцов.

В назначенное утро они вновь отправились за город.

На этот раз погода была пасмурной.

Над полями висели тяжёлые облака, и Ядвига немного огорчилась.

Ей хотелось показать усадьбу мастерам в солнечном свете, словно от погоды могло зависеть их мнение.

Но Иван Фёдорович, услышав её сожаление, только усмехнулся.

— А вот и хорошо, сударыня, что солнце сегодня не слишком яркое.

— Почему?

— Дом нужно смотреть не только в праздник. После дождя недостатки иногда виднее.

Ядвига задумалась.

— Значит, погода нам даже помогает?

— Бывает и такое.

Александр улыбнулся.

— Вот видишь, мы уже нашли первое преимущество.

Алексей Петрович встретил гостей на крыльце.

Он приветливо поздоровался со всеми и, увидев мастеров, одобрительно кивнул.

— Правильно делаете, что привезли знающих людей.

Александр протянул ему руку.

— Надеюсь, вы не возражаете против подробного осмотра?

— Напротив. Мне хочется, чтобы новый хозяин понимал, что приобретает.

Иван Фёдорович снял шляпу.

— Тогда, с вашего позволения, начнём снаружи.

Он медленно обошёл дом.

Осмотрел стены, цоколь, углы здания.

Останавливался возле окон, постукивал костяшками пальцев по деревянным деталям, внимательно разглядывал места соединения водосточных труб.

Ядвига шла следом с тетрадью.

Поначалу она добросовестно записывала каждое замечание.

Но вскоре обнаружила, что совершенно не понимает некоторых строительных выражений.

— Иван Фёдорович, простите, а что означает «просадка обвязки»?

Мастер обернулся.

— Это когда часть деревянной конструкции со временем меняет положение. Но здесь я пока ничего опасного не вижу. Нужно только проверить внимательнее.

Ядвига кивнула и записала:

«Осмотреть деревянные части. Пока не опасно».

Александр заглянул в тетрадь.

— Очень научное заключение.

Она улыбнулась.

— Зато понятное.

Первой неприятностью оказались водосточные трубы.

Возле одного из углов дома Иван Фёдорович остановился особенно надолго.

— Вот здесь нехорошо.

Александр подошёл ближе.

— Что именно?

Мастер указал на повреждённое соединение.

— Во время сильного дождя вода идёт не туда, куда следует. Часть стекает вдоль стены. Видите следы?

На штукатурке действительно темнела широкая полоса.

— Это и есть причина сырости в задней комнате? — спросил Александр.

— Вполне возможно. Но нужно посмотреть снизу.

Они прошли в дом.

В заднем помещении чувствовался знакомый влажный запах.

Иван Фёдорович внимательно осмотрел пол, стены и потолок.

Потом попросил открыть подвальное помещение.

Алексей Петрович сам принёс ключ.

Внизу было прохладно.

Мастер долго изучал кладку, затем поднял лампу, осматривая балки.

Наконец произнёс:

— Основание пока выглядит крепким. Но воду необходимо отвести от стены. И часть деревянных деталей придётся заменить.

Александр внимательно слушал.

— Это большой ремонт?

— Не маленький. Но и не такой, чтобы отказаться от дома, если остальное в порядке.

Ядвига почувствовала облегчение.

Потом вспомнила, что радоваться ещё рано, и спросила:

— А если этого не сделать?

Мастер посмотрел на неё с уважением.

— Тогда через несколько лет ремонт может обойтись гораздо дороже.

Она тщательно записала ответ.

Осмотр крыши занял больше часа.

Иван Фёдорович вместе с помощником, которого он взял с собой, поднялся на чердак.

Александр отправился с ними.

Ядвига осталась внизу.

Через некоторое время она услышала стук, шаги и приглушённые голоса.

Потом Александр появился на лестнице.

— Ну что? — немедленно спросила она.

— Пока живы.

— Саша!

Он рассмеялся.

— Ядвига, не волнуйся. Мастер ещё смотрит.

Она нахмурилась.

— Я не волнуюсь.

Александр посмотрел на её тетрадь, которую она так крепко сжимала, что угол страницы успел помяться.

— Разумеется.

Когда Иван Фёдорович спустился, выражение его лица было задумчивым.

— Крыша в целом сохранилась неплохо, — сообщил он. — Но ремонтировали её не всю. В одном месте старое дерево уже требует замены.

Алексей Петрович вздохнул.

— Я предполагал, что там понадобится работа.

— Лучше сделать до осенних дождей, — продолжил мастер. — Тогда спокойнее будет.

Александр кивнул.

— А перекрытия?

— Основные крепкие. Но над задним помещением стоит заменить несколько повреждённых досок.

Ядвига записывала.

Потом подняла голову.

— Иван Фёдорович, а дом ещё долго простоит?

Мастер посмотрел на неё.

И неожиданно улыбнулся.

— Сударыня, дома иногда живут дольше людей. Главное — не оставлять их без заботы.

Эти слова Ядвига запомнила.

Тем временем Егор Трофимович закончил осмотр печей.

Он вышел из одной из комнат, отряхивая руки.

— Ну что, господа, две печи хорошие. Одну надо основательно прочистить и поправить кладку. А вот наверху одна мне совсем не нравится.

Александр насторожился.

— Насколько серьёзно?

— Придётся часть разобрать и сложить заново. Иначе зимой топить её я бы не советовал.

Ядвига удивилась.

— Но в комнате ведь тепло будет нужно!

— Именно поэтому я и говорю сейчас, а не в декабре.

Егор Трофимович улыбнулся.

— Зато остальные печи в добром состоянии.

Александр записал примерную стоимость работы.

Ядвига посмотрела на цифры.

Сумма оказалась неприятной.

Но вполне объяснимой.

— Значит, прежде чем въезжать, нужно привести всё в порядок, — сказала она.

Печник кивнул.

— Если хотите жить без тревоги — непременно.

К полудню осмотр главного дома закончился.

Молодые вышли на террасу.

Над садом всё ещё висели облака.

Ветер шевелил листья деревьев.

Александр разложил записи на небольшом столике.

— Итак…

Ядвига села напротив.

— Неужели всё так плохо?

Он поднял голову.

— Почему ты решила?

— У нас уже столько замечаний!

Иван Фёдорович, услышав её слова, присел рядом.

— Позвольте вам сказать, сударыня. Совсем старых домов без замечаний почти не бывает. Вопрос в том, можно ли исправить недостатки и сколько это будет стоить.

— И здесь можно?

— Можно. Но не следует рассчитывать, что всё ограничится несколькими вёдрами краски.

Александр кивнул.

— Вот именно это мы и хотели понять.

После короткого отдыха они направились к хозяйственным постройкам.

Конюшня оказалась добротной, но её ворота требовали ремонта.

Один из сараев вполне можно было использовать для хранения инструментов.

А вот крыша небольшой пристройки возле кухни нуждалась в замене.

Ядвига уже почти перестала удивляться.

Она только записывала новые замечания.

В какой-то момент Александр заметил её усталость.

— Может быть, отдохнёшь?

— Нет.

— Ты с утра на ногах.

— А ты?

— Я привык.

Ядвига посмотрела на него.

— А я привыкаю.

Он улыбнулся.

И больше не спорил.

Наконец они подошли к маленькому домику с голубыми ставнями.

Ядвига почувствовала, как невольно ускорился её шаг.

Домик стоял тихий и светлый.

Под окнами цвели первые летние цветы.

На крыльце лежал небольшой коврик, а возле стены висела аккуратно сложенная садовая лейка.

Казалось, хозяева только что вышли и скоро вернутся.

Алексей Петрович открыл дверь.

— Прошу.

Иван Фёдорович осмотрел потолок, стены, окна.

Потом попросил показать чердак.

Егор Трофимович занялся печью.

Ядвига стояла возле окна и старалась не мешать.

Но когда мастер долго молчал, ей становилось всё тревожнее.

Наконец она не выдержала:

— Иван Фёдорович, с ним всё хорошо?

Мастер обернулся.

— С домиком?

— Да.

Он улыбнулся.

— Лучше, чем я ожидал.

Ядвига облегчённо вздохнула.

— Правда?

— Его берегли. Дерево сухое, крыша исправна. Небольшие работы понадобятся, но ничего серьёзного пока не вижу.

Алексей Петрович просиял.

— Вот видите!

Потом тихо добавил:

— Отец был бы доволен.

Ядвига посмотрела на пожилого хозяина.

И вдруг поняла, что он волнуется за домик почти так же, как она.

Когда мастера закончили осмотр, Алексей Петрович пригласил всех к обеду.

Стол накрыли в небольшой столовой, окна которой выходили в сад.

Подавали простую домашнюю еду.

Во время обеда хозяин неожиданно спросил Ядвигу:

— Скажите, сударыня, почему вам так понравился наш старый домик?

Она немного смутилась.

— Не знаю, смогу ли объяснить.

— Попробуйте.

Ядвига задумалась.

— Наверное, потому, что вы рассказали его историю.

Она улыбнулась.

— Когда я впервые увидела большой дом, мне понравились комнаты, сад, терраса. Я представляла, как мы могли бы здесь жить.

Алексей Петрович внимательно слушал.

— А когда увидела маленький домик, мне захотелось узнать, как здесь жили до нас.

Хозяин опустил глаза.

— Понимаю.

— Ведь у каждого дома есть своё прошлое, — продолжила Ядвига. — И мне кажется неправильным уничтожать его только потому, что появилась возможность построить что-то новое.

Алексей Петрович долго молчал.

Потом тихо сказал:

— Моя мать говорила почти то же самое.

После обеда хозяин предложил прогуляться по саду.

Погода наконец прояснилась.

Солнце пробивалось сквозь облака, освещая дорожки и цветники.

Алексей Петрович шёл рядом с Александром.

Ядвига немного отстала, рассматривая старые деревья.

Вдруг она услышала голос хозяина:

— Я не спрашивал вас прежде, почему вы хотите приобрести усадьбу.

Александр задумался.

— Мы хотим создать собственный дом. Не слишком большой, но такой, где сможем жить много лет.

— А вы ведь музыкант?

— Да.

— И намерены продолжать работать в городе?

— Разумеется.

Алексей Петрович кивнул.

— Тогда вам следует хорошо обдумать расстояние. Я не хотел бы, чтобы однажды вы прокляли эту дорогу.

Александр улыбнулся.

— Мы уже обсуждали этот вопрос.

— И что решили?

— Пока ничего окончательного.

Хозяин посмотрел на него с уважением.

— Это правильно.

Некоторое время они шли молча.

Потом Александр спросил:

— Алексей Петрович, простите за любопытство, но почему вы решили продать усадьбу?

Старик остановился.

Посмотрел на дом.

— Потому что для меня одного она стала слишком большой.

Он немного помолчал.

— Супруги моей уже несколько лет нет. Сыновья живут далеко, у каждого свои дела. Дочь зовёт меня к себе. А здесь…

Он оглядел деревья.

— Здесь слишком много воспоминаний.

Александр ничего не сказал.

— Поначалу я думал, что никогда не смогу расстаться с домом, — продолжил хозяин. — Но потом понял: если буду держаться за него до последнего, однажды он останется без присмотра и начнёт разрушаться.

Он грустно улыбнулся.

— Лучше передать его тем, кто сможет дать ему новую жизнь.

Александр посмотрел на старый фасад.

— Наверное, это очень непростое решение.

— Непростое.

Алексей Петрович вздохнул.

— Но иногда нужно уметь отпускать то, что любишь.

Когда они вернулись к дому, Иван Фёдорович уже заканчивал записи.

Он отвёл Александра немного в сторону.

— Можно сказать вам несколько слов?

— Конечно.

Мастер развернул лист.

— Дом добротный. Основные конструкции сохранились лучше, чем можно ожидать от здания такого возраста.

Александр облегчённо вздохнул.

— Значит, серьёзных опасений нет?

— Есть работы, которые откладывать нельзя. Водосток, повреждённые доски, одна из печей, часть пристройки. И ещё я бы осенью проследил, как ведёт себя сырая стена.

Он показал примерный расчёт.

Александр внимательно прочитал.

Сумма оказалась больше, чем он рассчитывал.

— Значит, к цене усадьбы нужно прибавить и это.

— Именно.

Мастер немного помолчал.

— И оставьте ещё некоторый запас. В старых домах иногда появляются неожиданности.

Александр кивнул.

— Благодарю.

— А вообще место хорошее, — добавил Иван Фёдорович. — Если договоритесь о разумной цене, можно брать. Только документы проверьте как следует.

Именно с документами неожиданно возникло затруднение.

Павел Михайлович, изучавший бумаги вместе с хозяином, попросил Александра подойти.

— Есть один вопрос, который нужно уточнить.

— Какой?

Посредник разложил план земельных владений.

— Здесь, видите, проходит старая дорога к соседнему сенокосному участку.

Александр наклонился над бумагой.

— Через территорию усадьбы?

— По самому краю, за хозяйственным двором.

Алексей Петрович подтвердил:

— Соседи пользуются ею уже много лет. Ещё при моём отце так повелось.

Александр нахмурился.

— А это право где-нибудь закреплено?

Хозяин задумался.

— Нужно поднять старые бумаги. Насколько помню, существовала договорённость между семьями.

Павел Михайлович аккуратно сложил план.

— Вот это и следует выяснить до покупки. Чтобы впоследствии не возникло споров.

Ядвига, подошедшая к мужчинам, спросила:

— А нам эта дорога будет мешать?

Александр посмотрел на неё.

— Возможно, совсем нет. Но мы должны знать, какие обязанности перейдут к нам вместе с землёй.

Алексей Петрович кивнул.

— Вы совершенно правы. Я распоряжусь, чтобы все документы нашли.

На обратном пути Ядвига долго молчала.

Александр тоже был задумчив.

Наконец она спросила:

— Саша, стало хуже?

Он повернулся.

— Почему?

— Потому что теперь выяснилось, сколько всего нужно ремонтировать. И ещё эта дорога…

Александр немного подумал.

— Я бы сказал иначе. Стало понятнее.

— Понятнее?

— Да. Раньше мы видели красивый дом и могли только догадываться о его недостатках. А теперь знаем, с чем придётся иметь дело.

Ядвига посмотрела на мужа.

— И что ты думаешь?

Он улыбнулся.

— Думаю, что дом действительно хорош.

Она оживилась.

— Правда?

— Правда. Но покупать его за первоначальную цену было бы неразумно.

— Значит, придётся торговаться?

— Непременно.

Ядвига задумалась.

— А если Алексей Петрович не согласится?

— Тогда будем искать дальше.

Она вздохнула.

Александр взял её руку.

— Ядвига, ты ведь сама хотела, чтобы наш дом стал радостью, а не бедой.

— Конечно.

— Вот и будем искать решение, которое устроит нас обоих.

Она кивнула.

— Хорошо.

Потом добавила:

— Только мне очень не хочется, чтобы маленький домик достался людям, которые решат его снести.

Александр посмотрел на неё.

— Я понимаю.

— Представляешь, как расстроился бы Алексей Петрович?

Он вздохнул.

— Наверное, очень.

Ядвига немного помолчала.

— Но ведь мы не можем купить целую усадьбу только ради одного домика.

Александр улыбнулся.

— Вот именно поэтому я так тобой горжусь.

Она удивилась.

— Почему?

— Потому что ты умеешь любить красивое, но уже научилась спрашивать, чего эта красота стоит.

Ядвига рассмеялась.

— Похоже, жизнь с тобой не прошла даром.

— Взаимно, дорогая.

Дома они разложили все записи на столе.

Иван Фёдорович составил примерный перечень работ.

Егор Трофимович указал, что необходимо сделать с печами до холодов.

Павел Михайлович обещал помочь с проверкой документов.

Александр просидел над бумагами почти весь вечер.

Ядвига несколько раз приносила ему чай.

Наконец она спросила:

— Ну что, Саша?

Он поднял голову.

— Я думаю, нам нужно написать Владиславу.

— Сегодня?

— Да. Чем раньше отправим письмо, тем раньше получим ответ.

Ядвига присела рядом.

— Что напишем?

Александр улыбнулся.

— Всё как есть.

И они принялись составлять письмо.

Не скрывая ни достоинств усадьбы, ни её недостатков.

Рассказали о доме, саде, дороге, хозяйстве, необходимых ремонтах.

Указали названную цену и предполагаемые расходы.

Попросили совета о документах и о том, какие условия стоит обсудить с продавцом.

Когда письмо было почти закончено, Ядвига добавила несколько строк от себя:

«Папочка, мне очень понравилось это место. Но мы с Сашей не торопимся. Я хочу, чтобы наш будущий дом был не только красивым, но и разумным выбором.

А ещё там есть маленький деревянный домик с голубыми ставнями. Когда-нибудь я обязательно расскажу тебе его историю. Мне кажется, она бы тебе понравилась».

Александр прочитал последние строки.

Улыбнулся.

— Вот теперь письмо стало совершенно твоим.

Ядвига рассмеялась.

— Почему?

— Потому что даже среди всех наших расчётов ты сумела найти место для истории о маленьком доме.

Она положила голову ему на плечо.

— А разве это плохо?

— Нет, любимая. Это прекрасно.

Он поцеловал её в волосы.

— Просто кто-то должен считать деньги, пока ты собираешь воспоминания.

Ядвига подняла голову.

— А кто-то должен напоминать тебе, ради чего мы их считаем.

Александр рассмеялся.

— Справедливо.

Когда письмо было запечатано, Ядвига подошла к окну.

На улице уже стемнело.

Внизу тихо покачивались ветви липы.

Она подумала об усадьбе.

О старом доме.

О голубых ставнях.

О печах, которые нужно починить, и крыше, которую придётся ремонтировать.

Но почему-то все эти заботы уже не казались ей неприятными.

Они были частью будущей жизни.

Настоящей.

Не придуманной.

Жизни, в которой иногда нужно чинить трубы, платить мастерам, принимать сложные решения.

И всё же находить время для музыки, прогулок, любви.

Александр подошёл сзади.

— О чём думаешь?

Ядвига улыбнулась.

— О том, что дом — это, оказывается, очень серьёзное дело.

— Ещё какое.

— Но ведь мы справимся?

Он обнял жену.

— Если решим, что это наш дом, обязательно постараемся.

За окном тихо шумел ветер.

А где-то далеко, за городом, старый дом ожидал решения, от которого зависела его дальнейшая судьба.

Глава двадцать третья. Решение двоих

Ответа из Польши пришлось ждать почти три недели.

За это время лето окончательно вступило в свои права.

Город наполнился запахом цветущих лип, по утрам солнце освещало крыши домов, а вечерами люди подолгу гуляли по набережной, наслаждаясь тёплым воздухом.

Жизнь Ядвиги и Александра внешне почти не изменилась.

Она продолжала заниматься с учениками, хотя некоторые семьи уже собирались уезжать на лето.

Он репетировал в театре и готовился к заключительным концертам сезона.

Но теперь в их разговорах всё чаще появлялось новое слово.

Усадьба.

Иногда они произносили его с улыбкой.

Иногда с тревогой.

А порой старались вовсе не упоминать, словно боялись, что слишком большие надежды могут помешать принять разумное решение.

В один из вечеров Ядвига вернулась после урока необычно задумчивая.

Александр сидел возле окна с раскрытой партитурой.

Увидев жену, он отложил карандаш.

— Что случилось?

Она сняла шляпку.

— Ничего страшного.

— Но ты чем-то расстроена.

Ядвига присела напротив.

— Сегодня мать Варвары спросила, смогу ли я продолжать занятия осенью.

— И что ты ответила?

— Что, разумеется, смогу.

Она немного помолчала.

— А потом подумала о нашем будущем доме.

Александр сразу понял.

— Далеко от города?

Ядвига кивнула.

— Если мы переедем в усадьбу, как я буду ездить к ученикам? А они ко мне?

Он задумался.

— Хороший вопрос.

— Причём я совершенно не хочу оставлять преподавание.

— И не нужно.

— Но ведь нельзя заставлять детей каждый раз ехать за город.

Александр отложил ноты.

— Тогда нам придётся найти другое решение.

— Какое?

Он немного подумал.

— Может быть, договориться с Екатериной Павловной о занятиях в городе. Или с музыкальным обществом, если у них найдётся подходящее помещение.

Ядвига оживилась.

— Можно приезжать в определённые дни!

— Именно.

— А в остальные заниматься дома.

— И играть для собственного удовольствия.

Ядвига улыбнулась.

— Саша, а ты ведь прав!

Он рассмеялся.

— Иногда и со мной такое случается.

Она подошла и обняла мужа.

— Знаешь, чего я испугалась?

— Чего?

— Что ради большого дома мне придётся отказаться от того, что я так полюбила.

Александр стал серьёзным.

— Ядвига, я никогда не хотел, чтобы ты отказалась от музыки.

Она посмотрела на него.

— Знаю.

— Тогда давай искать дом, в котором хватит места не только для нашей семьи, но и для наших занятий, мечтаний и привычек.

Ядвига улыбнулась.

— Вот теперь мне действительно спокойно.

Через несколько дней Александр встретился с Екатериной Павловной.

Они долго обсуждали возможность продолжать уроки Ядвиги в городе.

К счастью, решение нашлось довольно быстро.

Музыкальное общество располагало небольшим помещением, где несколько раз в неделю проводились занятия.

Пётр Андреевич, попечитель общества, давно высоко ценил преподавательские способности Ядвиги.

Узнав о её возможном переезде, он предложил обсудить использование комнаты в свободные часы.

Разумеется, не бесплатно.

Но плата была вполне разумной.

Когда Александр рассказал об этом жене, она даже подпрыгнула от радости.

— Саша! Значит, я смогу продолжать уроки!

— Если мы договоримся об удобном расписании.

— Обязательно договоримся!

Она немного помолчала.

— Вот теперь ещё один важный вопрос решён.

Александр улыбнулся.

— Не окончательно, но решение у нас есть.

— Ты неисправим.

— Знаю.

Они рассмеялись.

Вскоре Павел Михайлович принёс известия о документах.

Старая дорога, проходившая по краю владений, действительно использовалась соседней семьёй на основании давней письменной договорённости.

Сохранилась запись, позволяющая уточнить её условия.

Было предусмотрено, что соседи могут пользоваться проездом для хозяйственных нужд, не проходя через сад или жилую часть усадьбы.

Александр внимательно изучил план.

— Значит, эта дорога не затронет наши прогулочные аллеи?

— Нет, — ответил посредник. — Она идёт за хозяйственным двором.

— И мы должны будем сохранять возможность проезда?

— Да. Это нужно ясно отразить при оформлении покупки.

Александр кивнул.

— Если всё надлежащим образом подтверждено документами, меня это не пугает.

Ядвига посмотрела на план.

— А ведь соседи, наверное, пользуются дорогой уже много лет.

— Именно, — ответил Павел Михайлович.

Она задумалась.

— Было бы несправедливо купить усадьбу и вдруг запретить им ездить привычным путём.

Александр улыбнулся.

— Я с тобой согласен.

Посредник сложил бумаги.

— Тогда останется проверить окончательные границы и убедиться, что остальные документы в порядке.

Письмо из Польши пришло в один из тёплых июньских дней.

Ядвига как раз вернулась с прогулки.

Увидев на столе знакомый конверт, она сразу оживилась.

— Саша! От папы!

Александр вышел из соседней комнаты.

— Наконец-то!

Они сели рядом.

Ядвига осторожно вскрыла письмо.

Почерк Владислава был ровным и уверенным.

«Мои дорогие Ядвига и Александр!

Мы с Марией внимательно прочитали ваше письмо. Признаюсь, я был приятно удивлён тем, насколько обстоятельно вы подошли к выбору дома.

Особенно рад, что вы не позволили себе увлечься внешней красотой усадьбы и пригласили мастеров для осмотра. Именно так и следует поступать».

Ядвига улыбнулась.

— Видишь? Папа нас хвалит!

Александр рассмеялся.

— Признаюсь, это приятно.

Она продолжила читать.

«По тем сведениям, которые вы прислали, дом заслуживает внимания. Однако я рекомендую не принимать решения, пока не будут проверены документы на землю, условия соседского проезда и составлен окончательный расчёт ближайших расходов.

Особенно советую предусмотреть запас средств. Старые дома любят удивлять новых хозяев, и не всегда приятно».

Александр кивнул.

— Вот это я и сам подозревал.

Ядвига перевернула страницу.

«Теперь о главном.

Мы с Марией ещё во время поездки говорили о том, что хотели бы помочь вам приобрести собственный дом.

Ядвига располагает средствами, выделенными перед свадьбой на семейное будущее. Её личную часть приданого я советовал бы по возможности сохранить отдельно.

Кроме того, мы готовы подарить вам дополнительную сумму на приобретение жилья. Это наш подарок вашей семье, а не заём. Возвращать его не потребуется.

Мы не ставим никаких условий относительно выбора дома и не намерены вмешиваться в ваше хозяйство.

Но прошу вас об одном: не тратьте всё до последней монеты. Спокойствие семьи стоит дороже лишней комнаты».

Ядвига замолчала.

Александр долго смотрел на письмо.

Наконец тихо произнёс:

— Очень щедро с их стороны.

Она повернулась к нему.

— Ты расстроен?

Он покачал головой.

— Нет.

— Правда?

Александр улыбнулся.

— Я просто пытаюсь привыкнуть к мысли, что кто-то может помогать нам без всякого ожидания награды.

Ядвига взяла его руку.

— Саша, это мои родители. Теперь и твои родные люди.

Он кивнул.

— Я знаю.

Помолчал.

Потом добавил:

— И я очень благодарен им за то, что они не пытаются решать за нас.

В конце письма Владислав сообщил новости о семье.

Станислав всё чаще проводил время с Анной Лещинской, и обе семьи уже не скрывали, что относятся к их дружбе с большим интересом.

Зофья по-прежнему переписывалась с Генрихом фон Бергом. Его родители собирались пригласить её в Вену на несколько недель, и Мария обдумывала, как лучше организовать поездку.

Ядвига улыбнулась.

— Кажется, скоро нам снова придётся ехать на свадьбу.

Александр поднял брови.

— На какую из двух?

— Вот именно!

Она рассмеялась.

— Похоже, у нас впереди много семейных праздников.

Вечером молодые снова достали свои расчёты.

Теперь перед ними лежали три отдельных листа.

На первом — цена усадьбы.

На втором — предполагаемые расходы на ремонт.

На третьем — средства, которыми они могли бы располагать, если примут предложенную помощь.

Александр долго считал.

Потом ещё раз проверил записи.

Ядвига терпеливо ждала.

Наконец он положил карандаш.

— Если нам удастся немного снизить цену, мы сможем сделать необходимые работы и оставить запас.

— А если хозяин не уступит?

— Тогда придётся серьёзно подумать, стоит ли покупать именно этот дом.

Ядвига кивнула.

— Я согласна.

Она немного помолчала.

— А знаешь, Саша, мне даже нравится, что мы столько всего проверяем.

Он удивился.

— Почему?

— Потому что теперь я уже не просто мечтаю о красивой усадьбе. Я постепенно понимаю, как мы будем там жить.

Александр улыбнулся.

— Вот это и есть самое главное.

Через несколько дней состоялась встреча с Алексеем Петровичем.

На этот раз молодые приехали без мастеров.

С ними был только Павел Михайлович, подготовивший необходимые бумаги.

Алексей Петрович встретил гостей в библиотеке.

На большом письменном столе лежали документы, план владений и несколько старых хозяйственных книг.

После обычных приветствий разговор сразу стал серьёзным.

Александр рассказал о результатах осмотра.

Перечислил работы, которые потребуется выполнить до наступления холодов.

Назвал приблизительную стоимость ремонта.

Алексей Петрович слушал внимательно.

Иногда кивал.

Иногда задавал уточняющие вопросы.

Когда Александр закончил, хозяин некоторое время молчал.

Потом сказал:

— Должен признать, замечания мастеров вполне обоснованны.

Александр почувствовал облегчение.

— Мы не хотим умалять достоинства вашего дома.

— Я понимаю.

Алексей Петрович улыбнулся.

— Вы просто не хотите покупать его с закрытыми глазами.

— Именно.

— И какую цену считаете разумной?

Александр назвал сумму.

Она была ниже первоначальной.

Не настолько, чтобы обидеть владельца, но достаточно, чтобы молодые смогли покрыть большую часть необходимых расходов на ремонт.

Алексей Петрович задумчиво провёл рукой по столу.

— Значит, вот как…

Он поднялся и подошёл к окну.

За стеклом виднелся сад.

Некоторое время хозяин смотрел на деревья.

Потом повернулся.

— Вы понимаете, что я продаю не просто дом?

Александр кивнул.

— Понимаю.

Ядвига тихо добавила:

— Мы помним всё, что вы нам рассказали о вашей семье.

Алексей Петрович посмотрел на неё.

— И о маленьком доме тоже?

— Особенно о нём.

Хозяин улыбнулся.

— Я заметил.

Он вернулся к столу.

— Знаете, господа, мне уже предлагали купить усадьбу.

Ядвига насторожилась.

— Правда?

— Да. Один покупатель хотел перестроить главный дом. Другой собирался разделить землю на отдельные участки.

Он вздохнул.

— Я понимаю, что после продажи не смогу распоряжаться собственностью новых владельцев. Но всё же мне было тяжело представить, как исчезнет то, что наша семья создавала много лет.

Александр внимательно слушал.

— Поэтому я не спешил, — продолжил Алексей Петрович. — Деньги для меня важны, но не настолько, чтобы продавать первому встречному.

Он посмотрел на Ядвигу.

— А вы, сударыня, когда увидели старый домик, прежде всего спросили о людях, которые в нём жили.

Она смутилась.

— Просто мне было интересно.

— Я знаю.

Хозяин улыбнулся.

— И это многое говорит о человеке.

Разговор продолжался почти час.

Алексей Петрович соглашался, что часть ремонта действительно придётся сделать новым владельцам.

Но хотел, чтобы цена оставалась справедливой и по отношению к его семье.

Александр не настаивал на максимальной уступке.

Он подробно объяснил свои расчёты.

В какой-то момент хозяин предложил промежуточную сумму.

Молодые переглянулись.

Она была выше той, на которую рассчитывал Александр, но ниже первоначальной цены.

Павел Михайлович внимательно изучил записи.

— Полагаю, это уже серьёзное основание для соглашения.

Александр не спешил отвечать.

— Нам нужно немного подумать.

Алексей Петрович кивнул.

— Разумеется.

Он поднялся.

— Прогуляйтесь пока по саду. А я распоряжусь подать чай.

Они вышли на террасу.

Ядвига молчала.

Александр остановился возле перил.

— Ну что думаешь?

Она посмотрела на мужа.

— Мне кажется, хозяин предложил честную цену.

— Возможно.

— Но ты всё равно сомневаешься?

Он кивнул.

— Не столько в цене, сколько в том, хватит ли нам средств на всё остальное.

Ядвига задумалась.

— А если мы пока не станем ремонтировать те комнаты, которыми не будем пользоваться?

Александр повернулся к ней.

— Продолжай.

Она оживилась.

— Ведь мы не обязаны сразу обставлять весь дом. Нам достаточно спальни, кухни, гостиной и нескольких комнат.

— И кабинета, — улыбнулся он.

— И кабинета.

Ядвига рассмеялась.

— А остальные помещения можно приводить в порядок постепенно.

Александр задумался.

— Разумно.

Она продолжила:

— Но крышу, печи и сырость нужно исправить сразу. Иначе потом будет дороже.

Он посмотрел на жену с удивлением.

— Кто ты и что сделала с моей Ядвигой?

Она расхохоталась.

— Это всё твоя школа, господин Воронцов!

Александр обнял её.

— Кажется, я действительно обзавёлся прекрасным помощником.

Ядвига стала серьёзнее.

— Саша, мне очень нравится эта усадьба. Но если ты скажешь, что нам будет слишком трудно её содержать, я соглашусь искать дальше.

Он внимательно посмотрел на неё.

— Правда?

Она кивнула.

— Правда. Я хочу жить с тобой счастливо. А не сидеть в красивом доме и каждый вечер тревожиться о деньгах.

Александр крепко обнял жену.

— Знаешь, кажется, теперь я готов принять решение.

Но прежде они решили сделать ещё одну вещь.

Александр предложил встретиться со старым управляющим усадьбы и садовником.

Алексей Петрович охотно согласился.

Управляющий, Николай Степанович, служил в имении много лет.

Это был немолодой, спокойный человек, привыкший отвечать обстоятельно и без лишних слов.

Он показал Александру хозяйственные записи.

Рассказал о дровах, запасах, оплате труда работников, уходе за садом и содержании строений.

Выяснилось, что при разумном управлении расходы можно сократить, не доводя хозяйство до запустения.

Часть земли по-прежнему приносила небольшой доход.

А сад обеспечивал дом фруктами и овощами.

Александр внимательно слушал.

— Значит, совсем большого штата здесь не требуется?

— Нет, сударь, — ответил управляющий. — Особенно если вы не собираетесь расширять хозяйство.

— Не собираюсь. Я музыкант, а не землевладелец по призванию.

Николай Степанович едва заметно улыбнулся.

— Тогда и хозяйство следует вести сообразно вашим нуждам.

Ядвига мысленно повторила эти слова.

Сообразно нуждам.

Не ради впечатления на соседей.

Не ради богатого фасада.

А ради настоящей жизни.

Садовник, пожилой Семён Егорович, оказался разговорчивее управляющего.

Он показал молодым цветники, яблоневый сад, несколько молодых груш и огород.

А возле маленького домика с голубыми ставнями остановился.

— Здесь покойная барыня всегда сама цветы выбирала.

Ядвига улыбнулась.

— А вы давно здесь служите?

— С молодости. Ещё старого хозяина помню.

Он посмотрел на домик.

— Добрый был человек. Строгий, но справедливый.

Семён Егорович немного помолчал.

— Только домик этот никогда не велел трогать.

Ядвига кивнула.

— Алексей Петрович рассказывал.

— И правильно. Отсюда ведь всё начиналось.

Старик осторожно поправил наклонившийся стебель возле крыльца.

— Жалко будет, если новый хозяин цветники уничтожит.

Ядвига улыбнулась.

— А зачем их уничтожать?

Садовник поднял голову.

— Стало быть, оставите?

Она посмотрела на Александра.

Он слегка кивнул.

— Если усадьба станет нашей, — ответила Ядвига, — мне хотелось бы сохранить здесь всё самое хорошее.

Семён Егорович просиял.

— Вот и славно.

Когда они вернулись в библиотеку, Алексей Петрович уже ждал их.

На столе стоял чай.

Павел Михайлович раскладывал документы.

Хозяин поднялся.

— Ну что, господа, удалось прийти к решению?

Александр посмотрел на Ядвигу.

Она улыбнулась.

И в этом коротком взгляде было больше понимания, чем в долгом разговоре.

Александр повернулся к хозяину.

— Алексей Петрович, мы готовы приобрести усадьбу на предложенных вами условиях.

Ядвига почувствовала, как сильно забилось сердце.

Хозяин некоторое время смотрел на них.

Потом улыбнулся.

— Рад это слышать.

Он протянул руку Александру.

Тот крепко пожал её.

— Но, — добавил молодой человек, — окончательное оформление мы хотели бы провести только после завершения проверки всех документов.

Алексей Петрович кивнул.

— Разумеется.

— И условиться, что до передачи дома будут составлены точные описи строений и имущества, остающегося в продаже.

— Согласен.

Павел Михайлович удовлетворённо закрыл записную книжку.

— Вот теперь можно говорить о серьёзном намерении заключить сделку.

Алексей Петрович посмотрел на молодых.

— Надеюсь, вы будете здесь счастливы.

Ядвига тихо ответила:

— Мы очень постараемся.

Когда они вышли из дома, Ядвига вдруг остановилась на крыльце.

Александр удивлённо посмотрел на неё.

— Что случилось?

Она покачала головой.

— Ничего.

— Ты побледнела.

Ядвига рассмеялась.

— Саша, мне кажется, я сейчас расплачусь.

Он подошёл ближе.

— Почему?

— Потому что мы только что решили купить дом.

Александр улыбнулся.

— Похоже на то.

— Настоящий дом!

— Самый настоящий.

Она обняла мужа.

— С садом!

— С садом.

— С большой гостиной!

— С большой гостиной.

— С комнатой для музыки!

— И с печью, которую нужно перекладывать.

Ядвига расхохоталась сквозь слёзы.

— Ну вот! Ты всё испортил!

Александр крепко обнял её.

— Нет, любимая. Просто напоминаю, что счастье у нас будет настоящее. Вместе со всеми хозяйственными заботами.

Она прижалась к нему.

— Значит, справимся.

— Справимся.

Перед отъездом Ядвига попросила ещё раз подойти к маленькому домику.

Александр согласился.

Они медленно прошли через сад.

Солнце уже клонилось к вечеру.

На голубые ставни ложились длинные тени.

Возле крыльца цвели цветы.

Ядвига остановилась у скамейки.

Некоторое время молчала.

Потом сказала:

— Саша, как ты думаешь, мы правильно поступили?

Александр посмотрел на домик.

— Мы многое проверили, обсудили цену, посоветовались с твоим отцом, подумали о расходах.

Он улыбнулся.

— Думаю, мы сделали всё, что могли, чтобы принять разумное решение.

— Значит, теперь остаётся надеяться?

— И работать.

Ядвига рассмеялась.

— Конечно.

Она провела рукой по деревянной спинке скамейки.

— Знаешь, мне хочется, чтобы этот домик всегда оставался таким.

Александр посмотрел на неё.

— Каким?

— Тёплым. Уютным. Чтобы здесь всегда чувствовалось, что его любили.

Он задумался.

— Тогда будем за ним ухаживать.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Они ещё немного постояли возле крыльца.

Потом Ядвига посмотрела на мужа.

— А как мы будем его использовать?

Александр задумался.

— Для гостей, например. Или иногда приезжать сюда вдвоём, когда захочется тишины.

Ядвига улыбнулась.

— А может быть, когда-нибудь здесь поселится кто-то из наших родных.

— Возможно.

Она посмотрела на голубые ставни.

— Главное, чтобы он не пустовал совсем.

Александр обнял её за плечи.

— У нас впереди много времени, чтобы решить.

Возвращались они уже в сумерках.

Дорога казалась знакомее, чем прежде.

Ядвига смотрела в окно экипажа и улыбалась своим мыслям.

В какой-то момент Александр спросил:

— О чём задумалась?

— О том, как мы расскажем маме и папе.

Он рассмеялся.

— Думаю, Владислав попросит прислать ему все документы ещё раз.

— Непременно!

— А Мария спросит, не слишком ли мы устали.

— И сразу начнёт думать, какие занавески нам понадобятся.

Александр покачал головой.

— Значит, выбора у нас не останется.
Ядвига рассмеялась.
— Зато Станислав обязательно начнёт давать советы по хозяйству.
— А Зофья?
— Скажет, что мы сошли с ума, приобретая столько комнат, которые нужно убирать.
Они оба рассмеялись.
Поздним вечером они вернулись в свою квартиру.
Анна Сергеевна уже собиралась закрывать дверь, но, увидев молодых, остановилась.
— Ну что, как дела?
Ядвига улыбнулась.
— Кажется, мы нашли наш дом.
Старушка внимательно посмотрела на неё.
Потом на Александра.
— Значит, всё-таки решились?
Он кивнул.
— Пока договорились о покупке. Нужно ещё завершить оформление.
Анна Сергеевна помолчала.
— Ну что же… Это хорошо.
Но в её голосе прозвучала едва заметная грусть.
Ядвига сразу её услышала.
— Анна Сергеевна…
Старушка махнула рукой.
— Да что ты, деточка! Я ведь знала, что рано или поздно вам станет здесь тесно.
Ядвига подошла ближе.
— Мы вас не забудем.
Анна Сергеевна улыбнулась.
— Верю.
— И будем обязательно приезжать.
— А я к вам, если пригласите.
— Конечно пригласим!
Старушка посмотрела на молодых.
— Тогда я за вас рада.
И добавила:
— Только смотрите, не растеряйте в большом доме то, что нажили в маленьком.
Александр улыбнулся.
— Постараемся.
Когда они остались вдвоём, Ядвига долго ходила по квартире.
Она смотрела на знакомые стены.
На рояль.
На старое кресло Александра.
На скатерть, подаренную матерью.
На фотографии, стоявшие возле окна.
И вдруг почувствовала лёгкую грусть.
Александр заметил это.
— Что случилось?
Она покачала головой.
— Ничего. Просто…
Ядвига посмотрела вокруг.
— Это ведь наш первый дом.

Он кивнул.

— Да.

— Здесь мы прожили первый год. Здесь я училась быть хозяйкой. Здесь мы встречали маму с папой.

Она улыбнулась.

— Здесь я впервые поняла, что Россия тоже может стать мне родной.

Александр подошёл и обнял её.

— И всё это останется с нами.

— Но ведь саму квартиру мы оставим.

— Оставим.

Он немного помолчал.

— Знаешь, Ядвига, мне кажется, дом — это не только место, где мы живём.

Она подняла голову.

— А что ещё?

Александр улыбнулся.

— Это то, что мы уносим с собой, когда переезжаем.

Она задумалась.

— Воспоминания?

— И привычки. И любовь. И всё, чему научились вместе.

Ядвига крепче обняла мужа.

— Тогда наш новый дом будет очень богатым.

— Почему?

Она улыбнулась.

— Потому что мы привезём туда столько всего хорошего!

Позже они написали письмо в Польшу.

В нём подробно рассказали о переговорах, согласованной цене и предстоящем оформлении.

Поблагодарили родителей за поддержку.

Но особенно долго Ядвига подбирала слова для последней части.

Наконец она написала:

«Мамочка, папочка, мы ещё не стали хозяевами усадьбы, но сегодня впервые почувствовали, что у нас может быть свой настоящий семейный дом.

Мы не спешим с переездом. Сначала нужно завершить все дела, привести в порядок печи и крышу, подготовить комнаты.

И всё же мне уже хочется представить, как однажды вы снова приедете к нам. Только теперь мы встретим вас не в маленькой квартире, а на крыльце нашего собственного дома.

И тогда мы обязательно покажем вам маленький деревянный домик с голубыми ставнями, о котором я уже писала.

Мне кажется, вы его полюбите».

Александр прочитал письмо.

Кивнул.

— Очень хорошо.

Ядвига улыбнулась.

— Думаешь, папа одобрит наш выбор?

— Думаю, он уже оценил, насколько серьёзно мы к нему подошли.

— А мама?

Александр рассмеялся.

— А Мария наверняка начнёт собирать вещи для следующего приезда.

Ночью Ядвига долго не могла уснуть.

Она лежала рядом с мужем, слушала знакомые звуки дома и думала о том, как странно устроена жизнь.

Ещё недавно она была молодой девушкой, стоявшей возле окна родительской усадьбы в Польше.

Потом встретила Александра.

Влюбилась.

Плакала над письмами.

Ждала.

Сомневалась.

Счастливо улыбалась в день свадьбы.

Переехала в другую страну.

Училась говорить на новом языке.

Привыкала к чужому городу.

А теперь…

Теперь они собирались приобрести собственную усадьбу.

Ядвига повернулась к мужу.

Александр не спал.

— Саша?

— Да, любимая.

— Ты тоже думаешь о доме?

Он улыбнулся в темноте.

— Конечно.

— И не боишься?

Александр немного помолчал.

— Боюсь.

Она приподнялась.

— Правда?

— Конечно. Это большая ответственность.

— А почему тогда согласился?

Он обнял её.

— Потому что верю, что мы справимся.

Ядвига положила голову ему на плечо.

— Вместе?

— Только вместе.

Она закрыла глаза.

И впервые за долгое время не стала представлять, где в новой гостиной будет стоять рояль.

Не думала о саде, цветах или голубых ставнях.

Ей просто было хорошо.

Потому что рядом лежал человек, с которым она готова была начинать всё заново.

Даже если впереди ждали заботы, расходы и бессонные ночи.

Она знала: они не будут одиноки.

А далеко за городом, среди старых лип и яблонь, стояла усадьба Белозёровых.

Большой дом ещё хранил вещи прежних хозяев.

В гостиной стоял рояль, на котором когда-то играла покойная хозяйка.

Садовник заботливо поливал цветы.

Старый управляющий проверял хозяйственные записи.

А маленький деревянный домик с голубыми ставнями тихо стоял за кустами сирени.

Много лет назад с него началась история одной семьи.

Теперь он готовился стать частью другой.

Никто ещё не знал, какие радости и испытания ждут будущих хозяев.

Сколько поколений пройдёт по аллеям сада.

Сколько раз в этих стенах будут звучать смех, музыка и детские голоса.

И сколько лет спустя маленький домик снова станет для одной женщины последним напоминанием о большой семье, которую она когда-то потеряла.

Но всё это было впереди.

А пока стояло тёплое лето.

И двое молодых людей готовились к началу новой главы своей жизни.

Глава двадцать четвёртая. Ключи от будущего

Лето уже вступило в свои права.

Солнце поднималось рано, и по утрам Ядвига просыпалась от того, что золотистые лучи проникали сквозь занавески и ложились на край кровати.

За окнами шумела старая липа.

В комнате стоял знакомый запах дерева, книг и едва уловимый аромат цветов, которые Александр накануне принёс жене.

Всё было как обычно.

И всё же теперь каждый день казался немного необычным.

На письменном столе лежала отдельная папка.

В ней хранились планы усадьбы, записи о необходимых работах, письма Владислава и документы, которые передал Павел Михайлович.

Ядвига иногда подходила к столу и осторожно касалась папки рукой.

Словно хотела убедиться, что всё происходящее — не сон.

Однажды Александр застал её за этим занятием.

— Ты опять проверяешь, на месте ли наш будущий дом?

Она рассмеялась.

— А вдруг исчезнет?

— Усадьба?

— Конечно. Мы столько о ней говорим, а она всё ещё не наша.

Александр обнял жену.

— Скоро будет.

— Ты уверен?

— Если с документами всё окажется в порядке.

Ядвига вздохнула.

— Саша, ты когда-нибудь научишься говорить просто «да»?

Он задумался.

— Возможно.

Она расхохоталась.

В начале следующей недели Павел Михайлович сообщил, что проверка документов близится к завершению.

Все основные бумаги на владение усадьбой были в порядке.

Удалось уточнить границы земельного участка, получить сведения об обязательных платежах и подтвердить условия пользования старой хозяйственной дорогой.

Последний вопрос особенно беспокоил Александра.

Он не хотел, чтобы после покупки неожиданно появились соседи, требующие открыть проезд там, где молодые собирались устроить сад.

Но документы подтвердили то, о чём рассказывал Алексей Петрович: дорога проходила по дальнему краю владений и не затрагивала жилую часть усадьбы.

— Значит, никаких неожиданных претензий? — уточнил Александр.

Павел Михайлович поправил очки.

— По изученным бумагам оснований для них не обнаружено. Осталось завершить оформление установленным порядком.

Ядвига облегчённо вздохнула.

— Наконец-то!

Посредник улыбнулся.

— Сударыня, при покупке недвижимости терпение не менее важно, чем деньги.

— Кажется, я начинаю это понимать.

— И прекрасно. Значит, приобретаете не только дом, но и опыт.

Александр рассмеялся.

— Хотелось бы, чтобы опыт обходился немного дешевле.

Самым сложным оставался вопрос расчётов.

Владислав уже подтвердил своё намерение помочь молодой семье и распорядился подготовить необходимые банковские документы.

Но Александр настоял, чтобы все суммы были тщательно записаны.

Одна часть денег принадлежала Ядвиге ещё со времени свадьбы и предназначалась для семейного будущего.

Другую супруги накопили самостоятельно.

Дополнительные средства родители передавали им в подарок.

При этом личную часть приданого Ядвиги решили не трогать.

Однажды вечером она спросила:

— Саша, почему ты так настаиваешь, чтобы мои личные деньги остались отдельно?

Александр отложил карандаш.

— Потому что это твои средства.

— Но мы ведь семья.

— Конечно.

Он улыбнулся.

— Именно поэтому я хочу, чтобы у тебя всегда была собственная опора.

Ядвига задумалась.

— Даже если у нас всё общее?

— Даже тогда.

Он взял её руку.

— Мне приятно, что ты доверяешь мне. Но доверие не означает, что человек должен лишиться всего своего.

Она посмотрела на мужа с неожиданной нежностью.

— Ты знаешь, Саша, за этот год я много раз убеждалась, что правильно выбрала тебя.

Он рассмеялся.

— Надеюсь, не только из-за бухгалтерии.

— Нет. Хотя считаешь ты действительно замечательно.

Когда окончательные приготовления к сделке были завершены, молодые отправились на встречу с Алексеем Петровичем.

На этот раз они ехали не смотреть дом.

Не оценивать печи.

Не любоваться садом.

Сегодня предстояло решить то, что ещё недавно казалось далёкой мечтой.

Ядвига надела светлое платье, которое особенно любил Александр.

Перед выходом долго стояла перед зеркалом.

Муж заметил её волнение.

— Ты выглядишь прекрасно.

— Спасибо.

Она поправила воротник.

— Саша, а вдруг мы что-нибудь забыли?

— Все необходимые бумаги у меня.

— А расчёты?

— Тоже.

— А письмо папы?

— В папке.

Ядвига вздохнула.

— Тогда, кажется, всё.

Александр улыбнулся.

— Осталось только взять с собой будущую хозяйку.

Она рассмеялась.

— А вот её ты чуть не забыл!

Оформление заняло почти весь день.

Приходилось внимательно читать бумаги, уточнять отдельные формулировки, сверять записи и подписывать документы.

Ядвига вскоре поняла, что приобретение усадьбы значительно менее романтично, чем её осмотр.

Вместо цветущих яблонь — столы.

Вместо красивой террасы — строгие лица.

Вместо музыки — шорох бумаги и скрип перьев.

Александр сосредоточенно вчитывался в каждый документ.

Иногда задавал вопросы.

Павел Михайлович объяснял подробности.

Алексей Петрович терпеливо ждал, пока всё будет согласовано.

Ядвига старалась не показывать усталости.

Но в какой-то момент наклонилась к мужу и тихо прошептала:

— Саша, я начинаю понимать, почему папа так любит свой кабинет.

Александр удивлённо посмотрел на неё.

— Почему?

— Там хотя бы никто не заставляет меня сидеть столько часов над чужими бумагами.

Он едва сдержал смех.

— Потерпи ещё немного.

— А потом?

— Потом поедем смотреть наши собственные стены.

Ядвига улыбнулась.

— Вот это уже гораздо интереснее.

Когда последние формальности были завершены, Алексей Петрович поднялся.

Он некоторое время смотрел на разложенные перед ним бумаги.

Потом повернулся к молодым.

— Ну что же, поздравляю вас.

Александр встал.

Они обменялись рукопожатием.

— Благодарю, Алексей Петрович.

Прежний хозяин посмотрел на Ядвигу.

— Теперь это ваше владение, сударыня.

Она вдруг растерялась.

Столько недель они мечтали об этом моменте.
Обсуждали.
Считали.
Сомневались.
А теперь всё произошло так просто.
Несколько подписей.
Несколько официальных слов.
И целая усадьба, принадлежавшая когда-то другой семье, получила новых хозяев.
— Спасибо, — тихо сказала Ядвига.
Алексей Петрович улыбнулся.
— Не благодарите меня. Надеюсь, она принесёт вам счастье.
Ядвига посмотрела на Александра.
Он улыбался.
Но в его взгляде было то же волнение, что и у неё.
Усадьба встретила новых хозяев послеобеденной тишиной.
Экипаж медленно проехал по знакомой аллее.
Ядвига смотрела на старые деревья и не могла отделаться от странного чувства.
Она уже дважды приезжала сюда.
Знала поворот дороги.
Помнила, за какими кустами открывается вид на главный дом.
Даже могла указать место, где дорожка сворачивала к маленькому домику.
Но сегодня всё выглядело иначе.
Теперь это было их место.
И от этой мысли становилось одновременно радостно и немного страшно.
На крыльце их ждал Николай Степанович, управляющий усадьбы.
Он снял фуражку.
— Добрый день, господа.
Александр поздоровался с ним за руку.
— Добрый день, Николай Степанович.
Ядвига улыбнулась.
— Здравствуйте.
Управляющий внимательно посмотрел на молодых.
— Алексей Петрович предупредил нас, что сегодня всё должно решиться.
— Решилось, — ответил Александр.
Николай Степанович кивнул.
— Значит, поздравляю.
Он немного помолчал.
— Надеюсь, усадьба будет вам добрым домом.
— Мы тоже надеемся, — сказала Ядвига.
Они вошли в большой холл.
Старинные часы по-прежнему стояли у стены.
Солнечный свет ложился на ступени широкой лестницы.
Где-то наверху тихо скрипнула половица.
Ядвига остановилась посреди помещения.
— Саша…
Он посмотрел на неё.
— Что?
— Мы действительно здесь хозяева?
Александр улыбнулся.

— Похоже, что да.

Она рассмеялась.

— Как странно!

— Что именно?

— Ничего ведь не изменилось.

Александр оглядел холл.

— Разумеется.

— Те же стены. Те же окна. Те же часы.

Она задумалась.

— А вся жизнь этого дома теперь изменится.

Александр мягко ответил:

— Постепенно, Ядвига. Не сразу.

Она кивнула.

И почему-то именно эти слова успокоили её больше всего.

В гостиной их ожидал Алексей Петрович.

Он приехал раньше, чтобы лично передать ключи и обсудить последние хозяйственные вопросы.

На небольшом столике лежала связка ключей.

Старинных, тяжёлых, разной формы и величины.

Хозяин взял её в руки.

— Здесь ключи от главного дома, хозяйственных помещений, кладовых и нескольких закрытых комнат.

Он передал связку Александру.

Тот осторожно принял её.

Металл негромко звякнул.

Ядвига посмотрела на ключи.

И неожиданно почувствовала, как к глазам подступают слёзы.

Она сама удивилась этому.

Ведь совсем недавно радовалась новым стульям, красивому саду, возможности поставить рояль в большой гостиной.

А теперь её растрогала простая связка ключей.

Александр заметил её состояние.

— Ядвига?

Она улыбнулась сквозь слёзы.

— Всё хорошо.

Алексей Петрович посмотрел на неё с пониманием.

— Моя мать тоже плакала, когда отец впервые привёз её сюда.

Ядвига подняла голову.

— Правда?

— Правда. Только тогда большого дома ещё не существовало.

Он улыбнулся.

— Она стояла на крыльце маленького домика и говорила, что не знает, сумеет ли стать хорошей хозяйкой.

Ядвига тихо рассмеялась.

— Кажется, я понимаю её.

После передачи ключей разговор перешёл к практическим делам.

Николай Степанович принёс хозяйственные книги.

Рассказал о запасах дров, состоянии погребов, необходимости осмотреть одну из оград и работах в саду.

Александр слушал внимательно.

Ядвига тоже старалась ничего не пропустить.

Но вскоре обнаружила, что прежний управляющий говорит слишком быстро и употребляет множество слов, которых она ещё не знала.

Она смутилась.

— Простите, Николай Степанович, можно немного медленнее?

Тот сразу остановился.

— Конечно, сударыня.

— Я ещё не все хозяйственные выражения понимаю.

Управляющий кивнул.

— Ничего страшного. Всё постепенно освоите.

Ядвига улыбнулась.

— Спасибо.

Александр взглянул на неё с одобрением.

Ему понравилось, что жена не стала притворяться, будто всё поняла.

Затем возник вопрос о людях, работавших в усадьбе.

Алексей Петрович осторожно заговорил первым.

— Мне хотелось бы попросить вас об одном.

Александр поднял голову.

— Слушаю.

— Здесь много лет служат люди, которых я хорошо знаю. Конечно, теперь вы вправе решать, кого оставить. Но мне было бы спокойно, если бы вы сначала познакомились с ними и оценили их работу.

Молодые переглянулись.

Александр ответил:

— Мы как раз собирались поговорить об этом.

Ядвига добавила:

— Я бы очень хотела, чтобы Николай Степанович и Семён Егорович пока остались. Они знают здесь каждое дерево и каждую постройку.

Алексей Петрович улыбнулся.

— Благодарю вас.

Александр продолжил:

— Но мы должны будем определить, какое хозяйство действительно сможем содержать. Я не хочу давать обещаний, не рассчитав расходов.

Управляющий кивнул.

— Это разумно.

Он немного помолчал.

— Думаю, всё можно устроить без лишних затрат.

Когда деловые разговоры наконец закончились, Алексей Петрович попросил Ядвигу пройти с ним в сад.

Александр остался с управляющим, чтобы уточнить порядок предстоящих ремонтных работ.

Они медленно шли по знакомой дорожке.

Солнце проникало сквозь листву.

Пахло травой и цветами.

Некоторое время Алексей Петрович молчал.

Потом сказал:

— Знаете, сударыня, мне сегодня немного грустно.

Ядвига посмотрела на него.

— Я понимаю.

— Вряд ли вы можете понять полностью. Но когда-нибудь, возможно, поймёте.

Она не обиделась.

Просто тихо кивнула.

— Мой отец прожил здесь почти всю жизнь, — продолжил старик. — Потом я. Здесь росли мои дети. Здесь умерла моя жена.

Он остановился возле старой яблони.

— Когда-то мне казалось, что я никогда не уеду отсюда.

Ядвига молчала.

— Но теперь дом стал слишком большим для одного человека. А дети ждут меня. И я понимаю, что хочу ещё пожить рядом с ними.

Он улыбнулся.

— Странное дело. В молодости строишь большой дом, чтобы собрать под одной крышей всю семью. А в старости едешь к детям, потому что именно там теперь твой дом.

Ядвига почувствовала, как сильно тронули её эти слова.

— Алексей Петрович, мне хочется вам кое-что обещать.

Он внимательно посмотрел на неё.

— Что именно?

— Мы будем беречь эту усадьбу.

Старик улыбнулся.

— Очень надеюсь.

— И не станем уничтожать всё старое только ради того, чтобы переделать по-своему.

— Спасибо.

Он немного помолчал.

— Но помните: вы не обязаны жить воспоминаниями моей семьи. Создавайте свои.

Ядвига задумалась.

— А разве одно мешает другому?

Алексей Петрович посмотрел на неё с удивлением.

Потом медленно улыбнулся.

— Пожалуй, нет.

Они подошли к маленькому домику с голубыми ставнями.

Дверь была закрыта.

Возле крыльца цвели цветы.

На скамейке лежало несколько опавших листьев.

Алексей Петрович остановился.

— Я хотел показать вам кое-что.

Он достал из кармана небольшой ключ.

— Это ключ от домика.

Ядвига осторожно взяла его.

Ключ оказался старым, потемневшим от времени.

— Он ещё от прежних хозяев?

— От моего отца. Замок несколько раз чинили, но ключ сохранили.

Она улыбнулась.

— Значит, ему очень много лет.

— Да.

Алексей Петрович посмотрел на крыльцо.

— Когда я был мальчиком, мать иногда позволяла мне открывать этот дом. Я ужасно гордился.

Ядвига рассмеялась.

— Представляю.

— А однажды потерял ключ в саду.

— И что было?

— Отец рассердился. Мы искали его почти целый день.

Он улыбнулся.

— Нашли возле яблони. После этого мать привязала к нему ленточку, чтобы я больше не терял.

Ядвига посмотрела на старый ключ.

— Ленточки уже нет.

— Давно нет.

Старик немного помолчал.

— А ключ остался.

Он посмотрел на неё.

— Теперь берегите его вы.

Ядвига сжала ключ в ладони.

— Обещаю.

Внутри маленького домика было тихо.

Солнечный свет падал на деревянный пол.

На столе стояла пустая ваза.

В углу находился старый шкафчик.

Алексей Петрович медленно прошёл по комнате.

— Здесь моя мать любила сидеть по вечерам.

Он указал на окно.

— А здесь стояло кресло отца. Он читал газеты и иногда делал вид, что не слышит, как мы шумим.

Ядвига улыбнулась.

— Вы были непослушными детьми?

— Разумеется.

Он рассмеялся.

— Иначе какое же детство?

Они немного помолчали.

Потом старик сказал:

— Знаете, я долго думал, стоит ли оставлять здесь мебель. Но решил, что несколько вещей пусть останутся вместе с домом. Они ничего особенного не стоят, зато принадлежат именно этому месту.

Ядвига посмотрела на простой стол, шкафчик, полочку.

— Я бы хотела их сохранить.

Алексей Петрович кивнул.

— Тогда мне будет спокойнее.

Когда они вернулись к главному дому, Александр уже закончил разговор с управляющим.

Увидев жену, он сразу заметил ключ в её руке.

— Что это?

Ядвига улыбнулась.

— Маленький подарок.

— От кого?

— От Алексея Петровича.

Она показала старый ключ.

— От домика с голубыми ставнями.

Александр посмотрел на хозяина.

Тот улыбнулся.

— Теперь он ваш. В полном смысле слова.

Александр взял жену за руку.

— Спасибо. Мы будем его беречь.

Ближе к вечеру Алексей Петрович собрался уезжать.

Некоторые личные вещи он уже вывез, остальные обещал забрать в ближайшие дни.

Ядвига проводила его до экипажа.

Старик остановился возле ступеней.

Некоторое время смотрел на главный дом.

Потом медленно обвёл взглядом сад.

— Ну вот, — тихо сказал он.

Ядвига ничего не ответила.

Она чувствовала, что сейчас любые слова будут лишними.

Алексей Петрович повернулся к молодым.

— Желаю вам долгой и счастливой жизни.

Александр крепко пожал ему руку.

— Благодарю вас.

Ядвига подошла ближе.

— Вы ведь сможете приезжать сюда, если захотите?

Старик удивлённо посмотрел на неё.

— Правда?

— Конечно. Это ведь место, где прошла ваша жизнь.

Алексей Петрович долго молчал.

Потом тихо произнёс:

— Спасибо вам, дорогая.

Он сел в экипаж.

Лошади тронулись.

Молодые стояли на крыльце и смотрели вслед.

Когда экипаж скрылся за поворотом аллеи, Ядвига почувствовала странную грусть.

— Саша…

— Да?

— Мне кажется, ему было очень тяжело уезжать.

Александр обнял её.

— Наверное.

— И всё равно он уехал.

— Потому что иногда человек должен выбирать между местом, которое любит, и людьми, которых хочет видеть рядом.

Ядвига задумалась.

Потом тихо сказала:

— Я рада, что мы пригласили его возвращаться.

— Я тоже.

Перед отъездом молодые ещё раз обошли главный дом.

Теперь комнаты казались особенно просторными.

Пока здесь почти ничего не изменилось.

Но уже скоро должны были приехать мастера.

Предстояло заменить повреждённые части крыши, привести в порядок водостоки, исправить печи и устранить сырость в заднем помещении.

После этого можно будет заниматься комнатами.

Ядвига остановилась в большой гостиной.

Подошла к окну.

Посмотрела на сад.

— Саша, а ты представляешь, как здесь будет красиво вечером?

Александр улыбнулся.

— При хорошем освещении?

— Нет!

Она рассмеялась.

— Когда мы соберём здесь гостей. Ты будешь играть на скрипке, я — на рояле. Мама с папой приедут. Может быть, Станислав с Анной. Зофья…

Она вдруг замолчала.

Александр посмотрел на неё.

— Что?

— Как странно. Мы ещё даже не знаем, какие семьи будут у моего брата и сестры.

Он улыбнулся.

— Скоро узнаем.

Ядвига задумалась.

— А когда-нибудь и у нас появятся дети.

Александр мягко сжал её руку.

— Когда придёт время.

Она улыбнулась.

— Да. Не будем торопиться.

Они некоторое время стояли у окна.

И им обоим вдруг показалось, что большой пустой дом уже становится немного теплее.

На обратной дороге Ядвига неожиданно засмеялась.

Александр удивился.

— Что случилось?

— Я только сейчас поняла одну вещь.

— Какую?

— Сегодня мы стали владельцами огромного количества забот.

Он рассмеялся.

— Это правда.

— Крыша, печи, сад, хозяйственные постройки, работники, дрова…

Она начала загибать пальцы.

— Дорога, продукты, мебель, занавески…

— Занавески обязательно, — серьёзно заметил Александр.

— Конечно!

Она улыбнулась.

— И всё это теперь наше.

Александр взял её руку.

— Наше.

Ядвига немного помолчала.

— Саша, а ведь мне не страшно.

Он посмотрел на неё.

— Совсем?

— Немного волнительно. Но не страшно.

— Почему?

Она улыбнулась.

— Потому что мы уже умеем справляться с трудностями вдвоём.

Александр поцеловал её руку.

— Надеюсь, никогда не разучимся.

Поздним вечером они вернулись в квартиру.

Анна Сергеевна, как всегда, услышала шаги на лестнице.

Она открыла дверь.

— Ну что, молодые? Как дела?

Ядвига улыбнулась.

— Анна Сергеевна, мы теперь настоящие хозяева усадьбы!

Старушка всплеснула руками.

— Вот оно что!

Она обняла Ядвигу.

— Поздравляю, деточка!

Потом повернулась к Александру.

— И тебя поздравляю. Теперь хлопот прибавится.

Он рассмеялся.

— Мы уже заметили.

Анна Сергеевна внимательно посмотрела на них.

— А переезжать когда собираетесь?

— Не сразу, — ответила Ядвига. — Сначала нужно привести дом в порядок.

Старушка облегчённо вздохнула.

— И правильно. Не спешите.

Она немного помолчала.

— А я уж думала, завтра соберёте вещи и поминай как звали.

Ядвига улыбнулась.

— Ну что вы! Мы ведь ещё столько дел здесь не закончили.

Анна Сергеевна кивнула.

— Вот и хорошо.

Но когда молодые поднялись наверх, она ещё некоторое время стояла возле двери.

Смотрела на пустую лестницу.

И, наверное, впервые по-настоящему почувствовала, что однажды её любимые жильцы всё-таки уедут.

В квартире Ядвига сняла шляпку и устало опустилась в кресло.

Александр положил папку с документами на стол.

Потом достал связку ключей.

Металл тихо звякнул.

Ядвига подняла голову.

— Саша, покажи ещё раз.

Он улыбнулся и протянул ей ключи.

Она взяла их обеими руками.

Разложила на ладони.

Большой ключ от главной двери.

Несколько поменьше — от комнат и хозяйственных помещений.

И отдельно — старый, потемневший ключик от домика с голубыми ставнями.

Ядвига долго смотрела на него.

Потом тихо произнесла:

— А ведь когда-то кто-то точно так же держал этот ключ и радовался своему первому дому.

Александр сел рядом.

— Наверное.

Она повернулась к мужу.

— Интересно, какими они были?

— Кто?

— Те молодые люди, которые первыми поселились в маленьком домике.

Александр задумался.

— Думаю, немного похожими на нас.

Ядвига улыбнулась.

— Почему?

— Потому что тоже наверняка мечтали о будущем, считали деньги и спорили, куда поставить мебель.

Она рассмеялась.

— И, наверное, боялись, что не справятся.

— Наверняка.

Он обнял её.

— Но справились. Ведь потом построили целую усадьбу.

Ядвига некоторое время молчала.

Потом осторожно положила ключи на стол.

— Саша…

— Да?

— Давай никогда не будем забывать нашу маленькую квартиру.

Александр удивлённо посмотрел на неё.

— Почему ты об этом говоришь?

— Потому что однажды мы уедем. У нас будет большой дом, сад, новые заботы. И может показаться, будто всё настоящее началось только там.

Она посмотрела на знакомые стены.

— А ведь всё началось здесь.

Александр обнял жену.

— Не забудем.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Ядвига улыбнулась.

— Тогда, может быть, и мы когда-нибудь будем рассказывать своим детям, как жили в маленькой квартире над старой липой.

Александр рассмеялся.

— И как покупали первые стулья, чтобы твой отец мог на них сидеть.

Ядвига расхохоталась.

— Обязательно!

Они ещё долго вспоминали свой первый год.

Первые завтраки.

Первые прогулки.

Первую зиму.

Приезд родителей.

Небольшие ссоры, над которыми теперь можно было смеяться.

И постепенно Ядвига поняла: новый дом не отнимет у них прошлое.

Он просто станет его продолжением.

Перед сном она открыла свою тетрадь.

На одной из страниц по-прежнему стояли слова:

«Наш будущий дом».

Ядвига долго смотрела на них.

Потом аккуратно зачеркнула только одно слово.

Будущий.

И ниже написала:

«Сегодня у нас появился собственный дом. Пока он пустой, и впереди много работы. Но когда-нибудь мы наполним его музыкой, смехом и счастливыми воспоминаниями».

Она закрыла тетрадь.

Погасила лампу.

За окном тихо шумела липа.

А где-то за городом, среди старых деревьев, стояла усадьба, которая с этого дня принадлежала Ядвиге и Александру.

В большом доме ещё сохранялась тишина.

Старинные часы отсчитывали минуты.

За окнами шелестел сад.

А маленький деревянный домик с голубыми ставнями, переживший молодость и старость своих первых хозяев, теперь ожидал новых голосов.

Новых радостей.

Новой жизни.

Глава двадцать пятая. Хозяйка большого дома

Август выдался жарким.

Солнце с самого утра заливало город золотистым светом, и даже старая липа во дворе не всегда спасала маленькую квартиру от духоты.

Ядвига стояла возле раскрытого окна и собирала волосы в причёску.

Сегодня они снова собирались в усадьбу.

Но впервые ехали туда не для осмотра комнат, проверки документов или переговоров с прежним владельцем.

Сегодня Ядвиге предстояло познакомиться с людьми, которые работали в доме, и начать распоряжаться собственным хозяйством.

От одной этой мысли она немного волновалась.

Александр, сидевший за столом, просматривал какие-то бумаги.

— Саша, как ты думаешь, они меня послушаются?

Он поднял голову.

— Кто?

— Слуги.

Александр улыбнулся.

— А почему не должны?

Ядвига задумалась.

— Не знаю. Они ведь гораздо лучше меня знают усадьбу.

— Это правда.

— И хозяйство.

— Наверняка.

Она повернулась к мужу.

— Вот видишь!

Александр отложил бумаги.

— Ядвига, тебе ведь не нужно делать вид, будто ты знаешь всё на свете.

— Но я теперь хозяйка!

— Именно. А хороший хозяин должен уметь не только распоряжаться, но и слушать людей, которые разбираются в своём деле.

Ядвига немного помолчала.

— Прямо как мой папа говорит.

Александр рассмеялся.

— Похоже, его советы действительно начинают приносить пользу.

Она улыбнулась.

— Тогда будем надеяться, что я не опозорю семейство Вишневских.

Он подошёл и поцеловал жену в лоб.

— Уверен, что не опозоришь.

— А если вдруг что-нибудь сделаю неправильно?

— Исправим.

— Так просто?

— Не всегда. Но вдвоём гораздо легче.

Ядвига обняла мужа.

— Ну что бы я без тебя делала!

Александр улыбнулся.

— Наверное, прекрасно управляла бы усадьбой. Только некому было бы носить твои покупки.

Она рассмеялась.

— Вот это действительно серьёзная потеря!

Усадьба встретила их запахом нагретой солнцем травы и спелых яблок.

На аллеях лежали первые пожелтевшие листья, хотя лето ещё не собиралось уступать место осени.

Возле главного дома уже стояла повозка со строительными материалами.

Рабочие разгружали доски.

Из открытого окна второго этажа доносился стук молотка.

Ядвига остановилась у крыльца.

— Саша, здесь уже работают!

— Разумеется. Иван Фёдорович обещал начать с крыши.

— Но мы ведь только вчера окончательно согласовали расходы!

— А он, кажется, не любит терять время.

Александр улыбнулся.

Из дома вышел Николай Степанович.

Увидев новых хозяев, управляющий снял фуражку.

— Доброе утро, господа Воронцовы.

— Доброе утро, Николай Степанович, — ответил Александр.

Ядвига улыбнулась.

— Здравствуйте. Как у нас дела?

Управляющий слегка удивился.

— У нас?

— Ну конечно. Разве теперь это не наше общее дело?

Николай Степанович впервые улыбнулся по-настоящему.

— Так точно, сударыня. Дела идут помаленьку. Материалы доставили. Кровельщик приступил к работе. Печник обещал приехать послезавтра.

Он повернулся к Александру.

— А ещё хотел показать вам кое-какие записи по хозяйству.

— Обязательно посмотрим, — ответил тот.

Ядвига огляделась.

— А где остальные работники?

— В доме, сударыня. Я велел всем собраться, как только вы приедете.

Она почувствовала лёгкое смущение.

— Всем?

— Разумеется. Люди хотят познакомиться с новыми хозяевами.

Александр незаметно сжал её руку.

— Ну что, Ядвига, начнём?

Она глубоко вдохнула.

— Начнём.

В столовой собрались несколько человек.

Первой вперёд вышла немолодая женщина с аккуратно убранными седыми волосами.

Она держалась спокойно и уверенно.

— Прасковья Ивановна, — представил её управляющий. — Много лет ведёт кухню и кладовые.

Женщина слегка поклонилась.

— Здравствуйте, барыня.

Ядвига улыбнулась.

— Здравствуйте, Прасковья Ивановна. Очень рада познакомиться.

Следом Николай Степанович представил горничную Дарью — молодую девушку с ясными глазами и немного застенчивой улыбкой.

Затем появилась Анфиса, занимавшаяся бельём, уборкой и помогавшая на кухне.

Садовник Семён Егорович, которого молодые уже знали, тоже пришёл познакомиться с новой хозяйкой, хотя от своих обычных обязанностей отвлекался явно неохотно.

— Я-то, сударыня, больше по деревьям, — сразу предупредил он. — В доме от меня толку немного.

Ядвига рассмеялась.

— Зато в саду, наверное, без вас никак.

Семён Егорович довольно улыбнулся.

— Это уж верно.

Когда представления закончились, в комнате воцарилась тишина.

Все смотрели на Ядвигу.

А она вдруг поняла, что от неё ждут каких-то слов.

Она растерянно взглянула на Александра.

Тот едва заметно кивнул.

Ядвига выпрямилась.

— Я хочу сказать вам, что мы с мужем очень рады познакомиться со всеми.

Она немного помолчала.

— Я понимаю, что вы давно здесь работаете, хорошо знаете дом и привыкли к прежнему порядку. А я пока только начинаю во всём разбираться.

Прасковья Ивановна внимательно посмотрела на молодую хозяйку.

— Поэтому, — продолжила Ядвига, — мне очень пригодится ваша помощь. Надеюсь, мы сумеем хорошо работать вместе.

Александр улыбнулся.

Николай Степанович одобрительно кивнул.

Но Прасковья Ивановна неожиданно спросила:

— А порядок менять станете, сударыня?

Ядвига растерялась.

— Какой именно?

— В кухне, в кладовых. Да и вообще по дому.

Она задумалась.

— Наверное, кое-что со временем изменим. Но сначала я хотела бы посмотреть, как всё устроено.

Прасковья Ивановна чуть заметно кивнула.

— Это дело хорошее.

И Ядвига почувствовала, что первый маленький экзамен, кажется, выдержала.

После знакомства Александр отправился с управляющим осматривать ремонт.

Ядвига осталась с Прасковьей Ивановной.

— Покажете мне кухню?

— Извольте, сударыня.

Они прошли длинным коридором в заднюю часть дома.

Кухня оказалась гораздо просторнее той, к которой Ядвига привыкла в городской квартире.

Здесь стояла большая плита, имелись отдельные столы для приготовления пищи, шкафы, кладовая и выход во двор.

В углу блестели медные кастрюли.

На полках ровными рядами стояла посуда.

Возле окна сохли пучки ароматных трав.

Ядвига огляделась с восхищением.

— Как у вас здесь всё устроено!

Прасковья Ивановна выпрямилась.

— Покойная хозяйка любила порядок.

— Это сразу видно.

Ядвига подошла к одному из шкафов.

— А здесь что?

— Крупы, сударыня.

— А там?

— Сахар, соль, чай и всё прочее.

— А запасы вы сами учитываете?

— Вместе с Николаем Степановичем.

Прасковья Ивановна достала толстую тетрадь.

— Здесь всё записано.

Ядвига раскрыла её.

Страницы были исписаны аккуратным почерком.

В одних колонках значились поступления продуктов, в других — расходы.

Она внимательно просмотрела несколько записей.

— Очень удобно.

Кухарка чуть заметно улыбнулась.

— Мы давно так ведём.

Ядвига кивнула.

— Значит, менять не станем.

Прасковья Ивановна посмотрела на неё уже с большим интересом.

Затем пришёл черёд бельевой комнаты.

Анфиса показала шкафы с простынями, скатертями и полотенцами.

Ядвига с любопытством рассматривала аккуратно сложенные стопки.

— А сколько же здесь всего!

Анфиса улыбнулась.

— Дом большой, сударыня.

— Это я уже начинаю понимать.

Она достала одну из старых скатертей.

Ткань была плотной, с красивой вышивкой по краям.

— Какая хорошая работа.

— Ещё покойной хозяйки, — тихо сказала Анфиса.

Ядвига осторожно провела пальцами по узору.

— Не выбрасывайте её, пожалуйста.

Девушка удивилась.

— Да что вы, сударыня! Она совсем крепкая.

— Вот и прекрасно.

Ядвига улыбнулась.

— Когда приведём столовую в порядок, обязательно будем ею пользоваться.

Анфиса просияла.

— Хорошо, сударыня.

Самым неожиданным оказалось знакомство с Дарьей.

Молодая горничная помогала Ядвиге осматривать спальни второго этажа.

В одной из комнат стоял старый комод.

Ядвига подошла к окну.

— Здесь очень красиво. А если поставить кровать ближе к стене, останется больше места для небольшого столика.

Дарья замялась.

— Простите, сударыня…

Ядвига обернулась.

— Что такое?

— Там не очень удобно кровать ставить.

— Почему?

— Зимой от стены тянет холодом.

Ядвига удивилась.

— Правда?

— Да. Особенно когда сильный ветер. Здесь раньше редко ночевали.

Ядвига подошла к стене.

— Значит, нужно проверить окна.

— И щели под подоконником, — добавила Дарья.

Молодая хозяйка задумалась.

Потом улыбнулась.

— Спасибо, что сказала.

Девушка покраснела.

— Да я просто подумала…

— И правильно подумала.

Ядвига посмотрела на комнату другими глазами.

Как легко было представить здесь красивую мебель!

И как важно оказалось знать, где зимой бывает холодно.

К обеду она уже порядком устала.

Когда Александр вернулся из хозяйственного двора, Ядвига сидела в гостиной с тетрадью на коленях.

Он остановился возле двери.

— Ну что, как поживает хозяйка большого дома?

Она подняла голову.

— Хозяйка большого дома мечтает о чашке чая.

Александр рассмеялся.

— Значит, всё идёт прекрасно.

Он сел рядом.

— Как познакомилась с людьми?

— Хорошо. Только я теперь понимаю, что ничего не знаю.

— Это почему?

Ядвига показала тетрадь.

— Здесь у меня записано, что нужно проверить окна, пересчитать бельё, договориться о закупках, посмотреть посуду, уточнить, какие комнаты мы будем готовить первыми…

Она перевернула страницу.

— А ещё…

Александр поднял руки.

— Подожди! Я уже испугался.

Ядвига рассмеялась.

— А это я ещё не всё рассказала!

Он обнял жену.

— Знаешь, что мне нравится?

— Что?

— Ты не стала пытаться изменить весь дом за один день.

Она улыбнулась.

— Мне кажется, если я начну распоряжаться тем, чего не понимаю, меня очень быстро перестанут воспринимать всерьёз.

Александр посмотрел на неё с уважением.

— Совершенно верно.

После обеда Николай Степанович предложил осмотреть конюшню.

— Есть ещё один вопрос, господа, который лучше решить сейчас.

Александр поднял голову.

— Какой?

— Экипаж.

Ядвига удивилась.

— У нас есть экипаж?

Управляющий улыбнулся.

— Есть, сударыня. Он включён в опись имущества. И две лошади тоже.

Александр переглянулся с женой.

— Вот это уже интересно.

Они отправились к конюшне.

Строение стояло немного в стороне от главного дома.

Внутри пахло сеном, деревом и лошадьми.

В стойлах находились две ухоженные лошади.

Одна — гнедая, с белой отметиной на лбу.

Другая — тёмно-серая, спокойная, с умными глазами.

Ядвига сразу подошла ближе.

— Какие красавицы!

Из-за перегородки вышел немолодой мужчина в рабочем жилете.

— Фёдор Лукич, — представил его управляющий. — Наш кучер.

Тот снял картуз.

— Здравствуйте, господа.

Александр поздоровался.

— Расскажите нам о лошадях.

Фёдор Лукич заметно оживился.

— Это Бурка, — сказал он, указывая на гнедую. — Спокойная, ходкая, дорогу знает. А серая — Зорька. Тоже добрая, только немного пугливая, когда гроза.

Ядвига осторожно протянула ладонь к Бурке.

Лошадь понюхала её руку.

— Можно погладить?

— Конечно, сударыня. Только подходите так, чтобы она вас видела.

Ядвига осторожно погладила тёплую шею.

Бурка спокойно стояла.

Александр улыбнулся.

— Кажется, у тебя появилась новая подруга.

— И очень красивая!

Экипаж находился под навесом.

Он был добротный, крытый, с удобными сиденьями.

Но на одной из дверец заметно облупилась краска, обивка местами потёрлась, а одно колесо выглядело подозрительно неровным.

Александр обошёл его.

— В каком он состоянии?

Фёдор Лукич помялся.

— Если прямо сказать, ездить можно, да я бы пока не советовал.

Ядвига удивилась.

— Почему?

— Колесо нужно отдать мастеру. И упряжь проверить. Кое-где кожа уже старая.

Александр кивнул.

— А лошади давно работали?

— Постоянно, сударь. На них и хозяина возили, и по хозяйству ездили. Только в последнее время выезжали реже.

Ядвига посмотрела на мужа.

— Саша, а ведь собственный экипаж нам очень пригодится.

— Пригодится.

— Тебе в театр ездить.

— И тебе на уроки.

Она улыбнулась.

— Вот именно!

Александр повернулся к кучеру.

— Фёдор Лукич, сможете договориться с надёжным колёсным мастером?

— Конечно, сударь. Есть у нас в городе человек. Хорошо работает.

— Тогда попросите его осмотреть экипаж и составить расчёт. До ремонта далеко на нём не выезжать.

Фёдор Лукич одобрительно кивнул.

— Это правильно.

Когда они вышли из конюшни, Ядвига снова обернулась к лошадям.

— Саша, а мы сможем иногда просто кататься по окрестностям?

— Конечно.

— И летом ездить к реке?

— Разумеется.

— А зимой?

Александр задумался.

— Зимой, пожалуй, понадобится санный выезд. И хорошая дорога.

Ядвига улыбнулась.

— Значит, у нас ещё одна забота.

Он рассмеялся.

— У нас их уже столько, что одна больше ничего не изменит.

Она взяла его под руку.

— Но зато какие приятные заботы!

Александр посмотрел на жену.

— Посмотрим, что ты скажешь, когда придёт счёт от колёсного мастера.

Оба рассмеялись.

Во второй половине дня началась первая небольшая неприятность.

Ядвига вернулась в столовую и обнаружила, что Дарья переставляет посуду в шкафу.

— Дарья, а почему вы убираете эти тарелки?

Девушка смутилась.

— Прасковья Ивановна велела.

— Но я ведь просила оставить их здесь. Они хорошо подходят к столовой.

Дарья опустила глаза.

— Я сказала ей, сударыня.

— И что она ответила?

— Что здесь эту посуду никогда не держали. И ей место в другом шкафу.

Ядвига почувствовала раздражение.

Совсем небольшое.

Но неприятное.

Получалось, что её первое распоряжение уже отменили.

Она некоторое время молчала.

Потом сказала:

— Позовите, пожалуйста, Прасковью Ивановну.

Кухарка появилась через несколько минут.

Держалась она спокойно, но в её взгляде чувствовалась настороженность.

— Вы звали, сударыня?

Ядвига указала на тарелки.

— Да. Я хотела спросить, почему их убрали.

Прасковья Ивановна выпрямилась.

— Они у нас всегда в буфетной стояли.

— Но я попросила оставить их здесь.

— Посуду эту каждый день брать незачем, сударыня. А в столовой шкаф невелик. Только место занимает.

Ядвига почувствовала, как внутри поднимается обида.

Ей хотелось сказать, что теперь хозяйка здесь она и последнее слово должно оставаться за ней.

Но вдруг вспомнила утренний разговор с Александром.

«Не нужно делать вид, будто ты знаешь всё на свете».

Она немного помолчала.

— Прасковья Ивановна, а почему эту посуду редко использовали?

Женщина удивилась.

— Она праздничная.

— Значит, берегли?

— Конечно.

Ядвига посмотрела на тарелки.

Потом на шкаф.

— А если мы оставим здесь несколько предметов для красоты, а остальное уберём туда, где оно стояло прежде?

Прасковья Ивановна задумалась.

— Несколько можно.

— Тогда так и сделаем.

Кухарка кивнула.

— Хорошо, сударыня.

Ядвига улыбнулась.

— И ещё. Если я предложу что-нибудь неудобное, вы мне объясняйте. Но, пожалуйста, не отменяйте моё решение молча. Иначе мы обе будем сердиться друг на друга.

Прасковья Ивановна посмотрела на неё внимательно.

Потом неожиданно улыбнулась.

— Справедливо сказано.

Ядвига облегчённо вздохнула.

— Вот и прекрасно.

Когда кухарка вышла, Дарья тихо произнесла:

— А вы хорошо с ней поговорили, сударыня.

Ядвига удивилась.

— Почему?

Девушка смущённо улыбнулась.

— Прасковью Ивановну здесь все уважают. Только спорить с ней мало кто любит.

Ядвига рассмеялась.

— Теперь буду знать.

Вечером Александр нашёл жену на террасе.

Она сидела в плетёном кресле и смотрела на сад.

Солнце уже клонилось к закату.

Воздух наполнялся вечерней прохладой.

Где-то вдалеке стучали последние молотки.

Александр подошёл.

— Устала?

— Очень.

Он сел рядом.

— День был непростой.

— Это точно.

Ядвига немного помолчала.

— Саша, я сегодня впервые поссорилась с Прасковьей Ивановной.

Он удивлённо посмотрел на неё.

— Серьёзно?

— Не совсем. Скорее мы поспорили из-за тарелок.

Александр рассмеялся.

— Из-за тарелок?

— Не смейся! Это оказалось очень важным делом.

Она рассказала мужу о случившемся.

Он слушал внимательно.

Когда Ядвига закончила, Александр спросил:

— И что ты почувствовала?

Она задумалась.

— Сначала обиделась. Мне показалось, что меня не считают хозяйкой.

— А потом?

— Потом поняла, что Прасковья Ивановна просто привыкла к своему порядку. И у неё были причины поступить именно так.

Александр улыбнулся.

— Значит, вы договорились?

— Да.

Она немного помолчала.

— Только знаешь, Саша, я сегодня поняла одну вещь.

— Какую?

— Мне раньше казалось, что хозяйка большого дома должна всё знать и всем распоряжаться.

— А теперь?

Ядвига посмотрела на сад.

— Теперь думаю, что она прежде всего должна понимать людей, которые рядом с ней работают.

Александр взял её руку.

— Очень мудро.

Она засмеялась.

— Не хвали слишком рано. Завтра я могу снова что-нибудь перепутать.

— Значит, завтра снова будем учиться.

Перед отъездом они решили заглянуть к маленькому домику с голубыми ставнями.

Солнце уже почти скрылось за деревьями.

В саду стояла тишина.

Возле крыльца Семён Егорович оставил лейку.

На клумбе цвели последние летние цветы.

Ядвига остановилась.

— Саша, а ведь здесь тоже нужно будет кое-что сделать.

Он осмотрел домик.

— Ничего срочного. Мастер сказал, что он сохранился хорошо.

— Значит, пока оставим как есть?

— Думаю, да.

Ядвига улыбнулась.

— А весной можно будет привести в порядок дорожку и посадить новые цветы.

Александр рассмеялся.

— Я знал, что ты уже придумала весенние работы.

— Разве это плохо?

— Нисколько.

Он обнял жену.

— Просто у нас ещё август, а ты уже распланировала следующую весну.

Ядвига посмотрела на голубые ставни.

— Знаешь, мне нравится, что у этого домика всё впереди.

Александр улыбнулся.

— У него уже было много хорошего.

— Да. Но ведь может быть ещё больше.

Он задумался.

— Наверное.

Они немного постояли молча.

Потом отправились к экипажу, который наняли для обратной дороги.

Поздним вечером молодые вернулись в городскую квартиру.

Анна Сергеевна, как всегда, услышала их шаги.

Она выглянула из-за двери.

— Ну что, хозяева? Как ваш дворец?

Ядвига рассмеялась.

— Анна Сергеевна, какой же это дворец!

— А что? Два этажа, сад, лошади. По мне так самый настоящий дворец.

Александр улыбнулся.

— Пока больше похож на большую строительную площадку.

— И правильно. Сначала всё почините, а потом живите спокойно.

Старушка внимательно посмотрела на Ядвигу.

— А ты чего такая уставшая?

— Сегодня знакомилась с хозяйством.

Анна Сергеевна понимающе кивнула.

— Ну, это дело нелёгкое.

— Я уже заметила.

— Главное, не пытайся за один день переделать всё на свете.

Ядвига рассмеялась.

— Вы с Сашей сегодня говорите одно и то же!

Анна Сергеевна улыбнулась.

— Значит, мы оба правы.

Когда они наконец остались одни, Ядвига достала свою тетрадь.

На новой странице она написала:

«Август. Первый день настоящей хозяйки».

Немного подумала.

А потом добавила:

«Сегодня я узнала, что в большом доме много комнат, но ещё больше забот.

Что лошади могут быть прекрасными, а экипаж — неисправным.

Что даже из-за нескольких тарелок можно поссориться.

И что хороший дом держится не только на крепких стенах, но и на людях, которые заботятся о нём каждый день».

Она перечитала написанное.

Улыбнулась.

И закрыла тетрадь.

Александр уже собирался спать.

— Ядвига, ты скоро?

— Сейчас, Саша.

Она подошла к окну.

Во дворе тихо шелестела липа.

Квартира была маленькой, знакомой, родной.

Здесь всё было просто.

Здесь она сама знала, где лежат тарелки, как топить печь и когда покупать продукты.

А там, за городом, стоял большой дом.

С множеством комнат.

Садом.

Лошадьми.

Работниками.

Старинными часами в холле.

И маленьким деревянным домиком с голубыми ставнями.

Он уже принадлежал им.

Но Ядвига только начинала учиться быть его хозяйкой.

Она улыбнулась своим мыслям.

А потом погасила лампу.

Завтра Александру предстояла репетиция.

Ей — занятия с учениками.

Мастерам — работа на крыше.

Николаю Степановичу — хозяйственные расчёты.

Прасковье Ивановне — заботы о кухне.

Семёну Егоровичу — уход за садом.

И у каждого было своё дело.

Большой дом постепенно готовился к новой жизни.

Не за день.

Не за неделю.

А осторожно, терпеливо, с уважением к прошлому и надеждой на будущее.

И это, пожалуй, было самым правильным началом.

Глава двадцать шестая. Дорога к дому

Прошло несколько недель с того дня, когда Ядвига и Александр стали владельцами усадьбы.

Август незаметно уступил место сентябрю.

Ещё недавно солнце с раннего утра заливало старые липовые аллеи, согревало каменные ступени крыльца и заставляло Ядвигу искать тень под раскидистыми деревьями.

Теперь всё чаще по утрам над садом стоял лёгкий туман.

На яблонях наливались плоды, в цветниках постепенно увядали летние цветы, а по дорожкам ветер гонял первые золотистые листья.

Осень осторожно вступала в свои права.

В большом доме жизнь тоже менялась.

За несколько недель успели сделать немало.

Иван Фёдорович со своими мастерами привёл в порядок повреждённые участки кровли. Рабочие заменили негодные деревянные детали, исправили водосточные трубы и приступили к устранению сырости в задней части здания.

Егор Трофимович закончил перекладку печи на втором этаже.

Николай Степанович подготовил хозяйственные запасы к холодам, а Семён Егорович занимался сбором яблок и осенними работами в саду.

Ядвига постепенно осваивалась в роли хозяйки.

Она уже знала, где находятся бельевые шкафы, какие комнаты лучше прогреваются, сколько продуктов требуется для кухни и почему Прасковья Ивановна сердится, когда кто-нибудь без спроса переставляет её кастрюли.

Правда, иногда молодая хозяйка всё ещё ошибалась.

Но теперь ошибки не приводили её в отчаяние.

Она научилась спрашивать, слушать и, когда нужно, признавать свою неправоту.

Прасковья Ивановна, прежде смотревшая на неё с некоторой настороженностью, всё чаще обращалась за советом.

А однажды даже сказала Дарье:

— Молодая-то барыня с головой. Не всё пока знает, зато учиться не стыдится.

Дарья потом пересказала эти слова Ядвиге.

Та рассмеялась.

— Ну вот! Значит, меня наконец приняли в собственном доме!

Особенную радость доставил отремонтированный экипаж.

Фёдор Лукич привёз его из мастерской в конце августа.

Колесо теперь вращалось ровно, изношенные ремни упряжи заменили, сиденья обтянули новой тканью, а дверцы вновь закрывались без усилий.

Ядвига несколько раз обошла экипаж, любуясь результатом.

— Саша, он почти как новый!

Александр внимательно осмотрел колёса.

— Надеюсь, теперь будет служить исправно.

Фёдор Лукич довольно улыбнулся.

— Мастер хороший попался. Всё сделал на совесть.

— А лошади? — спросила Ядвига.

— Бурка и Зорька в порядке, сударыня. Только Зорьку в плохую погоду лучше поберечь. Пугается она резких звуков.

Ядвига осторожно погладила серую лошадь по шее.

— Значит, будем ездить аккуратно.

Александр улыбнулся.

— Вот теперь можно хоть каждый день приезжать в усадьбу.

— И скоро совсем переехать!

Он посмотрел на жену.

— Сначала закончим самое необходимое.

Она рассмеялась.

— Знаю, знаю. Крыша, печи, окна, сырость…

— И дорога, — добавил Фёдор Лукич.

Александр удивлённо повернулся.

— Что с дорогой?

Кучер пожал плечами.

— Пока ничего особенного. Только осень начинается. Дожди пойдут — намучаемся.

Александр задумался.

— Разве её не ремонтируют?

— Когда как, сударь. Весной кое-где подсыпали, а до нашего поворота руки не дошли.

Тогда этим словам никто не придал большого значения.

Первые сентябрьские дожди были короткими.

Они начинались неожиданно, быстро смачивали землю и вскоре заканчивались.

Но постепенно погода испортилась.

Небо всё чаще затягивали серые облака.

Дожди становились продолжительнее.

Ночами заметно холодало.

На дороге между городом и усадьбой появились глубокие колеи.

В низинах скапливалась вода.

Там, где летом экипаж легко проходил за несколько минут, теперь лошади вынуждены были идти осторожно, выбирая более твёрдую землю.

Однажды Александр вернулся из усадьбы мрачнее обычного.

Он вошёл в квартиру, снял влажное пальто и молча поставил дорожную сумку на стол.

Ядвига сразу заметила его настроение.

— Саша, что случилось?

— Дорога.

— Что дорога?

— Её, кажется, решили окончательно предоставить в распоряжение дождей.

Ядвига улыбнулась.

— Всё так плохо?

— Сегодня мы едва выбрались из одной колеи. Фёдору Лукичу пришлось несколько раз останавливать лошадей.

Он подошёл к окну.

— А ведь сейчас только сентябрь.

Ядвига задумалась.

— Представляю, что будет в октябре.

— Вот именно.

Александр повернулся к жене.

— Я ведь предупреждал, что дорогу нужно учитывать при покупке.

— Предупреждал.

— Но летом она выглядела вполне прилично.

Ядвига подошла и обняла его.

— Саша, мы не могли предусмотреть всего.

— Могли внимательнее расспросить соседей.

— Мы спрашивали.

— Недостаточно.

Она посмотрела на мужа.

— Ты сейчас на кого сердишься? На дорогу или на себя?

Александр помолчал.

Потом невольно улыбнулся.

— Пожалуй, на обоих.

Через несколько дней случилось то, чего Фёдор Лукич опасался.

Александр возвращался из усадьбы после очередного разговора с мастерами.

День выдался тяжёлым.

Утром пришлось выяснять, почему задержалась доставка материалов для ремонта задней пристройки. Затем обнаружилось, что часть оконных рам требует более серьёзной починки, чем предполагалось.

А под вечер снова пошёл дождь.

Сначала мелкий.

Потом густой, холодный, настойчивый.

Фёдор Лукич поднял воротник плаща и крепче взял вожжи.

— Нехорошо сегодня, сударь.

Александр выглянул из экипажа.

— Далеко ещё до большой дороги?

— Немного осталось. Да только впереди низина.

— Та самая?

— Она, проклятая.

Экипаж медленно двигался по размокшей земле.

Колёса проваливались в колеи.

Лошади шли напряжённо.

Вдруг Бурка остановилась.

Фёдор Лукич тихо прикрикнул на неё.

— Ну, родимая, ну ещё немного…

Лошадь сделала шаг.

Потом другой.

Переднее колесо соскользнуло в глубокую, скрытую мутной водой выбоину.

Экипаж резко накренился.

Александра бросило к дверце.

Он успел схватиться за сиденье.

Раздался испуганный крик кучера.

— Стой! Стой, проклятая!

Зорька дёрнулась.

Бурка попыталась отступить.

Экипаж качнулся ещё сильнее.

На мгновение Александру показалось, что он сейчас опрокинется набок.

Но Фёдор Лукич сумел остановить лошадей.

Наступила короткая, страшная тишина.

Только дождь стучал по крыше.

— Сударь! — крикнул кучер. — Вы целы?

Александр с трудом перевёл дыхание.

— Цел. А ты?

— Тоже.

— Лошади?

— Кажется, не пострадали. Только не шевелитесь пока!

Александр осторожно открыл дверцу с приподнятой стороны.

Выбрался наружу.

Ботинки сразу погрузились в мокрую грязь.

Он обошёл экипаж.

Одно переднее колесо стояло глубоко в колее, а заднее едва касалось земли.

Ещё немного — и повозка действительно могла перевернуться.

Александр почувствовал, как по спине пробежал холод.

И вовсе не от дождя.

Выбраться самостоятельно не удалось.

Фёдор Лукич пытался осторожно вывести лошадей, но колесо лишь глубже уходило в размокшую землю.

Тогда Александр велел прекратить попытки.

— Не будем ломать экипаж и мучить животных. Нужно искать помощь.

К счастью, неподалёку показалась крестьянская подвода.

Её хозяин, пожилой мужчина, остановился, увидев беду.

— Что, господа, засели?

Александр вытер мокрое лицо рукавом.

— Как видите.

Крестьянин оглядел колесо.

— Тут одним коням не вытянуть. Надо подложить чего-нибудь.

Вместе они нашли несколько крепких досок, лежавших возле заброшенного сарая у дороги.

Под колёса подложили дерево, расчистили края выбоины.

Крестьянин привёл ещё одного человека из ближайшего двора.

После нескольких осторожных попыток экипаж наконец удалось вывести на более твёрдую землю.

Фёдор Лукич облегчённо перекрестился.

— Слава богу!

Александр подошёл к крестьянам.

— Благодарю вас. Без вашей помощи мы бы до ночи здесь простояли.

Старик махнул рукой.

— Да чего уж. Не вы первые, сударь.

Александр насторожился.

— Часто здесь застревают?

— Постоянно, когда дожди. На прошлой неделе телегу с сеном вытаскивали. А раньше у одного торговца колесо сломалось.

Он показал на низину.

— Воду-то девать некуда. Канаву давно чистить надо. Да и подсыпать дорогу не мешало бы.

Александр внимательно посмотрел на повреждённый участок.

— А кто отвечает за её содержание?

Крестьянин пожал плечами.

— Управа, кому ж ещё. Только до нас у них всё руки не доходят.

Александр нахмурился.

— Значит, придётся напомнить.

Старик усмехнулся.

— Напомнить-то можно. Только вы погромче напоминайте, сударь.

Домой Александр добрался поздно.

Промокший, грязный, уставший.

Ядвига встретила его в прихожей.

— Саша! Боже мой, что с тобой?

Он попытался улыбнуться.

— Кажется, я сегодня немного познакомился с настоящей осенью.

Она посмотрела на его испачканное пальто.

— Ты упал?

— Нет. Но мог.

И рассказал обо всём.

Чем дальше он говорил, тем сильнее менялось лицо Ядвиги.

Когда она услышала, что экипаж едва не опрокинулся, то побледнела.

— Саша…

Она села на ближайший стул.

— Ты ведь мог разбиться.

Александр подошёл к ней.

— Но не разбился.

— Это не смешно.

— Я и не смеюсь.

Она подняла на него глаза.

— А если бы с тобой ехала я?

Александр замолчал.

Впервые за весь вечер он по-настоящему представил, что жена могла находиться рядом.

И ему стало не по себе.

Ядвига взяла его руку.

— Саша, нельзя оставлять всё как есть.

— Я знаю.

— Мы ведь собираемся там жить. Ты будешь возвращаться поздно после концертов. Я ездить на уроки.

Она говорила всё быстрее.

— А зимой? Если пойдёт снег? Если дорогу размоет ещё сильнее?

Александр присел рядом.

— Ядвига, послушай.

Она замолчала.

— Завтра я займусь этим вопросом.

— Как?

Он задумчиво посмотрел на окно.

— Пока не знаю. Но обязательно выясню.

На следующее утро Александр отправился в земскую управу.

Он ожидал, что вопрос окажется простым.

Дорога общего пользования.

Ею ездят жители ближайших деревень, торговцы, почтовые подводы, владельцы окрестных хозяйств.

Следовательно, кто-то должен отвечать за её исправность.

Но всё оказалось сложнее.

В небольшой приёмной его попросили подождать.

Потом направили к одному служащему.

Тот выслушал жалобу, просмотрел какие-то бумаги и сообщил, что вопрос относится к дорожным работам.

Александр обрадовался.

— Прекрасно. Значит, можно договориться об осмотре?

Служащий покачал головой.

— Сначала нужно письменное обращение.

— Хорошо. Я напишу.

— И желательно указать точное место повреждения.

— Укажу.

— А ещё представить сведения о том, кто пользуется дорогой.

Александр удивился.

— Разве у вас их нет?

Чиновник посмотрел на него поверх очков.

— Молодой человек, дорог у нас много.

— А экипажей, которые на них опрокидываются, тоже много?

Служащий нахмурился.

— Прошу соблюдать спокойствие.

Александр почувствовал, как внутри поднимается раздражение.

Но сдержался.

— Простите. Я просто хочу, чтобы дорогу привели в безопасное состояние.

— Тогда подавайте прошение установленным порядком.

Вечером на столе появились бумага, чернила и несколько неудачных черновиков.

Ядвига наблюдала за мужем.

Он писал, перечёркивал, снова начинал.

Наконец отложил перо.

— Не понимаю, почему нельзя просто сказать: дорога опасна, её нужно исправить.

Ядвига улыбнулась.

— Ты сегодня уже говорил.

— И меня отправили писать то же самое.

Она подошла ближе.

— Давай посмотрим.

Александр протянул ей лист.

Ядвига внимательно прочитала.

— Саша, здесь всё правильно. Только слишком сердито.

Он удивился.

— Где?

Она указала на одну из фраз.

— «Полнейшее бездействие ответственных лиц».

Александр нахмурился.

— Но ведь они действительно ничего не сделали!

— Возможно. Только мы хотим, чтобы они помогли, а не обиделись.

Он задумался.

— И что предлагаешь?

Ядвига взяла чистый лист.

— Давай сначала опишем происшествие. Потом объясним, что дорогой пользуются многие люди. И попросим провести осмотр и необходимые работы.

Александр некоторое время смотрел на жену.

Потом улыбнулся.

— Кажется, ты начинаешь лучше разбираться в чиновниках, чем я.

— Нет, Саша. Просто я хорошо знаю тебя.

Он рассмеялся.

— Это опасное преимущество.

Письмо отправили.

Через несколько дней Александр получил короткий ответ.

Обращение принято к рассмотрению.

О сроках работ ничего не сообщалось.

Он прочитал письмо дважды.

Потом положил на стол.

— Замечательно.

Ядвига подняла голову.

— Что пишут?

— Что рассмотрят.

— И когда?

— Неизвестно.

Он прошёлся по комнате.

— Ядвига, они ведь даже не обещают приехать посмотреть!

Она задумалась.

— Может быть, одного письма недостаточно.

Александр остановился.

— Думаешь?

— А сколько людей пользуется этой дорогой?

— Много.

— Тогда почему жалуешься только ты?

Он посмотрел на жену.

Она продолжила:

— Если дорога нужна всем, может быть, стоит поговорить с соседями? Они ведь наверняка тоже недовольны.

Александр медленно улыбнулся.

— Вот это уже мысль.

В ближайшие дни он начал знакомиться с соседними землевладельцами.

Первым оказался Пётр Васильевич Громов — хозяин небольшого хозяйства неподалёку от усадьбы.

Это был энергичный мужчина лет пятидесяти, с громким голосом и привычкой говорить прямо.

Услышав о дороге, он всплеснул руками.

— Да я из-за неё уже третью осень мучаюсь!

Александр удивился.

— И вы обращались в управу?

— Дважды!

— И что?

— Обещали рассмотреть.

Александр невольно рассмеялся.

— Мне написали то же самое.

Громов хлопнул ладонью по столу.

— Вот! А между тем я каждый год отправляю в город зерно, овощи, дрова. И всё через эту проклятую низину!

Он немного помолчал.

— Знаете что, Александр… простите, как вас по батюшке?

— Александрович.

— Так вот, Александр Александрович, если уж взялись за дело, давайте вместе.

Они договорились поговорить с другими соседями.

Не все встречи проходили так удачно.

Один хозяин заявил, что дорога его почти не касается.

Другой охотно жаловался, но не хотел подписывать никаких бумаг.

Третий предложил молодому Воронцову самому оплатить ремонт, раз уж тот купил большую усадьбу.

Александр вышел от него раздражённый.

— Как будто большая усадьба означает, что я обязан чинить дорогу за весь уезд!

Вечером он пересказал разговор Ядвиге.

Она внимательно слушала.

Потом спросила:

— А что ты ему ответил?

— Что эта дорога общего пользования и должна содержаться соответствующим образом.

— Правильно.

— Только, кажется, он меня не услышал.

Ядвига задумалась.

— Может быть, стоит объяснять людям не то, почему ты не хочешь платить за всех, а почему исправная дорога нужна им самим?

Александр посмотрел на неё.

— Разница невелика.

— По смыслу — нет. А по тому, как человек услышит, — большая.

Она улыбнулась.

— Вспомни мою историю с Прасковьей Ивановной и тарелками.

Он рассмеялся.

— Неужели мы снова вернулись к тарелкам?

— А почему бы и нет? Вопрос ведь тот же. Люди не любят, когда им просто говорят, что они неправы.

Александр задумался.

— Пожалуй.

Постепенно сторонников стало больше.

К просьбе присоединились несколько местных хозяев и представители деревенских обществ, жители которых постоянно пользовались дорогой.

Выяснилось, что проблема затрагивает не только состоятельных владельцев усадеб.

Крестьяне с трудом доставляли товары на рынок.

Извозчики старались объезжать опасную низину.

А во время сильных дождей почтовая подвода иногда задерживалась.

Александр попросил Фёдора Лукича подробно описать самый опасный участок.

Тот вместе с Николаем Степановичем составил простой план дороги, отметив глубокие колеи, низину и место, где вода скапливалась после дождей.

Ядвига помогла аккуратно переписать обращение.

К нему приложили подписи.

Когда бумаги были готовы, Александр долго рассматривал их.

— Ну вот. Теперь нас хотя бы не смогут назвать одним недовольным владельцем усадьбы.

Ядвига улыбнулась.

— Теперь вы целое общество недовольных владельцев усадеб и деревенских жителей.

Он рассмеялся.

— Звучит внушительно.

— И очень грозно.

Но даже после повторного обращения дело двигалось медленно.

Осмотр назначили лишь спустя некоторое время.

Александр то и дело ездил в город, разговаривал со служащими и пытался выяснить, на какой стадии находится решение.

Однажды он вернулся совершенно измученный.

— Всё! Больше не могу!

Ядвига подняла голову от рукоделия.

— Что случилось?

— Мне снова сказали, что нужно дождаться рассмотрения вопроса.

— Но ведь осмотр уже был!

— Был.

— И дорогу признали опасной?

— Признали.

— Так в чём же дело?

Александр развёл руками.

— Если бы я знал!

Он сел напротив жены.

— Ядвига, я музыкант. Я умею читать ноты, слышать фальшь и заставлять скрипку звучать так, как задумал композитор. Но я совершенно не понимаю, как заставить нескольких чиновников договориться о том, что нужно засыпать яму на дороге!

Ядвига не выдержала и рассмеялась.

Александр посмотрел на неё с обидой.

— Тебе смешно?

— Прости, Саша. Просто ты так это сказал…

Она подошла и обняла его.

— Я понимаю, как ты устал.

Он вздохнул.

— Иногда мне кажется, что мы купили усадьбу вместе со всеми окрестными неприятностями.

Ядвига улыбнулась.

— Но ведь ты не жалеешь?

Он посмотрел на неё.

Потом покачал головой.

— Нет.

— Вот и хорошо.

Она поцеловала его в щёку.

— Тогда будем искать следующий способ.

Помощь пришла неожиданно.

На одном из музыкальных вечеров Александр встретил Николая Андреевича Лаврова — человека, которого прежде знал только как любителя музыки и постоянного посетителя концертов.

Разговор начался с новой концертной программы.

Потом перешёл к жизни за городом.

Услышав, что Воронцов приобрёл усадьбу, Николай Андреевич поздравил его.

— Хорошие места. Только дороги там, насколько знаю, не из лучших.

Александр невольно усмехнулся.

— Вы даже не представляете, насколько.

И рассказал о случившемся.

Лавров выслушал внимательно.

— Обращались в земскую управу?

— Неоднократно.

— И что?

— Пока в основном получаю письма.

Николай Андреевич улыбнулся.

— Это у них получается исправно.

Александр тоже улыбнулся.

— Боюсь, письмами колею не засыпать.

— Верно.

Собеседник немного подумал.

— Я знаком с одним из членов земской управы. Могу узнать, что мешает решить вопрос.

Александр оживился.

— Вы действительно могли бы?

— Почему нет? Тем более что дорога нужна не только вам. Если уже есть общее обращение, это серьёзный довод.

Он поднял палец.

— Но сразу предупреждаю: я не могу обещать вам новую дорогу от города до самой усадьбы.

— Мне бы для начала хотелось, чтобы экипажи перестали рисковать перевернуться.

Лавров кивнул.

— Вот с этого и начнём.

Через неделю Александра пригласили на встречу.

На ней присутствовали представитель земской управы, дорожный техник и несколько заинтересованных хозяев.

Разговор получился непростым.

Выяснилось, что средств на капитальное устройство всей дороги в текущем году не предусмотрено.

Александр почувствовал, как вновь поднимается раздражение.

Но на этот раз сдержался.

— Хорошо, — сказал он. — Допустим, вы не можете исправить всё сразу. Но ведь можно привести в порядок хотя бы наиболее опасный участок?

Дорожный техник кивнул.

— Это возможно.

Громов немедленно поддержал его:

— Именно! Нам ведь не каменную мостовую на двадцать вёрст нужно!

Один из чиновников заглянул в бумаги.

— Понадобится расчистить водоотводные канавы, подсыпать основание и укрепить участок щебнем и гравием.

Александр внимательно слушал.

— И сколько времени это займёт?

— Если найдём рабочих и материалы, не слишком долго.

— А когда можно начать?

Чиновник замялся.

Николай Андреевич Лавров спокойно вмешался:

— Полагаю, стоит определить конкретный срок. Иначе в следующий раз мы соберёмся здесь уже после первых морозов.

После непродолжительного обсуждения было решено провести первоочередные работы на самом повреждённом участке.

Остальную дорогу обещали включить в дальнейшие планы.

Александр впервые за много недель почувствовал облегчение.

Не полную победу.

Но хотя бы начало.

Рабочие появились ближе к концу сентября.

Фёдор Лукич первым принёс об этом известие.

Он вошёл в хозяйственную комнату усадьбы, где Александр разговаривал с Николаем Степановичем.

— Сударь! Дорогу делают!

Александр поднял голову.

— Где?

— На низине! Люди приехали, канаву чистят, камень выгружают!

Ядвига, находившаяся неподалёку, сразу подошла.

— Правда?

Фёдор Лукич довольно улыбнулся.

— Сам видел!

Александр переглянулся с женой.

Она рассмеялась.

— Саша, кажется, твои письма всё-таки оказались полезнее, чем ты думал!

Он улыбнулся.

— И не только мои. Без соседей ничего бы не получилось.

Работы продолжались несколько дней.

Сначала расчистили канавы, чтобы вода перестала собираться посреди дороги.

Затем укрепили наиболее размокшие места.

На опасном участке уложили каменный материал и разровняли гравийную подсыпку.

Дорога не стала идеальной.

Далеко не везде исчезли колеи.

После сильного дождя по-прежнему приходилось ехать осторожно.

Но самая опасная низина заметно изменилась.

Когда Александр впервые проехал по ней после ремонта, Фёдор Лукич остановил лошадей на другом конце участка.

— Ну как, сударь?

Александр выглянул из экипажа.

— Гораздо лучше.

Кучер довольно кивнул.

— Теперь хоть колесо не провалится по самую ступицу.

Александр улыбнулся.

— Будем надеяться.

Он немного помолчал.

— Но всё равно осенью ездить осторожно.

— Само собой, сударь.

В тот вечер Александр вернулся домой раньше обычного.

Ядвига как раз раскладывала письма на столе.

Услышав его шаги, она выглянула из комнаты.

— Саша?

Он вошёл с необычно довольным лицом.

— Угадай, что произошло.

Она задумалась.

— Ты получил приглашение на новый концерт?

— Нет.

— Нашли недостающие ноты?

— Тоже нет.

— Тогда что?

Александр торжественно развёл руками.

— Я проехал по нашей злосчастной низине и не услышал ни одного страшного треска!

Ядвига расхохоталась.

— Неужели дорогу сделали?

— Самый опасный участок.

Она подбежала к нему и обняла.

— Саша, как же я рада!

Он рассмеялся.

— Кажется, за всю музыкальную жизнь я не получал столько поздравлений, сколько сегодня за несколько возов гравия.

Ядвига улыбнулась.

— Потому что музыка радует сердце, а хорошая дорога иногда спасает жизнь.

Александр посмотрел на жену.

— Знаешь, пожалуй, ты права.

Они сели ужинать.

За окном моросил мелкий дождь.

Ядвига поставила перед мужем тарелку горячего супа.

Некоторое время они молчали.

Потом она спросила:

— Саша, а ты доволен?

Он задумался.

— Да. Хотя хотелось бы добиться большего.

— Но ты ведь понимаешь, что всё сразу исправить невозможно?

— Теперь понимаю.

Александр улыбнулся.

— Знаешь, чему меня научила эта история?

— Чему?

— Тому, что недостаточно просто знать, чего ты хочешь. Иногда нужно долго объяснять другим людям, почему это важно.

Ядвига кивнула.

— И уметь искать тех, кому нужно то же самое.

— Именно.

Он помолчал.

— А ещё я понял, что в большом хозяйстве не бывает совершенно чужих проблем. Дорога проходит не по нашей земле, но от неё зависит наша жизнь.

Ядвига улыбнулась.

— Вот видишь, ты уже становишься настоящим хозяином усадьбы.

Александр рассмеялся.

— Если так пойдёт дальше, скоро совсем перестану играть на скрипке и начну руководить строительством дорог.

— Даже не думай!

Она шутливо погрозила ему пальцем.

— Скрипку я тебе не отдам.

Они рассмеялись.

В начале октября молодые вновь отправились в усадьбу.

После нескольких холодных ночей сад заметно изменился.

Аллеи покрылись золотыми и багряными листьями.

Воздух пах влажной землёй, яблоками и древесным дымом.

Из кухни большого дома доносились голоса.

В одной из комнат рабочие завершали отделку.

В другой Дарья вместе с Анфисой приводили в порядок оконные занавески.

Прасковья Ивановна уже приготовила список продуктов, которые необходимо было заготовить на зиму.

А Николай Степанович ждал Александра с новыми хозяйственными расчётами.

Жизнь продолжалась.

Не всё получалось сразу.

Не все работы шли по плану.

Но теперь молодые уже не терялись при каждой неожиданности.

Они учились спокойно решать вопросы один за другим.

После обеда Ядвига вышла на террасу.

Перед ней лежал осенний сад.

Вдалеке виднелась крыша маленького домика с голубыми ставнями.

Семён Егорович сгребал опавшие листья.

Фёдор Лукич возился возле конюшни.

Рабочие переносили доски к хозяйственной пристройке.

Ядвига некоторое время наблюдала за ними.

Потом почувствовала, что рядом остановился Александр.

— О чём думаешь?

Она улыбнулась.

— О том, сколько всего произошло за эти недели.

Он посмотрел на сад.

— Немало.

— Помнишь, как мы впервые приехали сюда? Мне казалось, что стоит купить дом, и начнётся одна сплошная сказка.

Александр рассмеялся.

— А оказалось?

— Оказалось, что у сказки бывают протекающие крыши, холодные комнаты, упрямые работники и совершенно ужасные дороги.

Он улыбнулся.

— Очень жизненная сказка.

Ядвига взяла его под руку.

— Но знаешь, Саша, мне она всё равно нравится.

— Даже со всеми хлопотами?

— Даже с ними.

Она немного помолчала.

— Потому что теперь я понимаю: мы не просто покупаем красивые вещи и обустраиваем комнаты. Мы создаём свою жизнь.

Александр посмотрел на жену.

— Ты права.

— И каждый день что-нибудь прибавляем к нашему дому.

— Иногда даже гравий, — заметил он.

Ядвига громко рассмеялась.

— Саша!

Он обнял её.

— Что? Очень полезное приобретение.

Она прижалась к мужу.

И некоторое время они молча смотрели на сад.

Позднее Николай Степанович сообщил, что основные работы в жилой части дома идут по плану.

Если не возникнет серьёзных неожиданностей, к концу осени можно будет подготовить несколько комнат для постоянного проживания.

Остальные помещения, хозяйственную пристройку и наружные работы решено было приводить в порядок постепенно.

Ядвига оживилась.

— Значит, мы действительно сможем переехать до Рождества?

Управляющий осторожно улыбнулся.

— Если всё пойдёт благополучно, сударыня.

Александр посмотрел на жену.

— Слышишь? Если всё пойдёт благополучно.

Она рассмеялась.

— Я слышу, Саша! И уже научилась не торопить события.

Николай Степанович кивнул.

— Тогда у нас всё получится.

Перед отъездом Ядвига подошла к маленькому домику.

Голубые ставни были закрыты.

На крыльце лежало несколько жёлтых листьев.

Она осторожно смела их рукой.

Потом присела на старую скамейку.

Здесь было тихо.

В большом доме ещё стучали молотки, слышались голоса рабочих и шаги прислуги.

А маленький домик словно отдыхал.

Ядвига посмотрела на его окна.

— Ну что, старичок, — тихо сказала она, — скоро и у нас здесь будет настоящая жизнь.

Она улыбнулась собственной привычке разговаривать с домом.

Но почему-то ей показалось, что это совсем не странно.

Ведь некоторые места действительно умеют хранить человеческое тепло.

И если относиться к ним бережно, они ещё очень долго будут дарить его новым поколениям.

Когда Ядвига вернулась к экипажу, Александр уже ждал её.

— Где ты была?

— У домика.

Он улыбнулся.

— Проверяла голубые ставни?

— И их тоже.

Она села рядом.

Фёдор Лукич тронул лошадей.

Экипаж медленно поехал по аллее.

На повороте Ядвига оглянулась.

За деревьями виднелся большой дом.

Ещё не совсем готовый.

Ещё наполненный запахом краски и свежего дерева.

Но уже родной.

А впереди была дорога.

Теперь немного более надёжная, чем прежде.

Не идеальная.

Местами разбитая, требующая дальнейшей работы.

И Ядвига вдруг подумала, что их семейная жизнь удивительно похожа на эту дорогу.

В ней тоже встречались трудные участки.

Иногда приходилось останавливаться.

Иногда просить помощи.

Иногда возвращаться к уже сделанному и исправлять ошибки.

Но если идти вместе, не отступать перед трудностями и заботиться не только о себе, даже самую тяжёлую дорогу постепенно можно сделать лучше.

Она посмотрела на Александра.

Он сидел рядом, немного усталый, задумчивый, но довольный.

Ядвига взяла его руку.

— Саша…

— Да?

— Я тобой горжусь.

Он удивлённо посмотрел на жену.

— За что?

— За дорогу.

Александр рассмеялся.

— Никогда бы не подумал, что услышу такие слова.

Ядвига улыбнулась.

— А я никогда не думала, что выйду замуж за человека, который сумеет заставить земскую управу привезти несколько возов гравия.

Он рассмеялся ещё громче.

— Вот видишь, сколько талантов открылось во мне после свадьбы!

Она положила голову ему на плечо.

— И это только начало.

Экипаж продолжал путь.

Колёса негромко стучали по укреплённому участку дороги.

Впереди лежал город.

Там их ждала маленькая квартира, ставшая первым семейным домом.

А позади оставалась усадьба, к которой они теперь возвращались не как гости.

Как хозяева.

И каждый новый день приближал их к тому времени, когда дорога в усадьбу станет дорогой домой.

Глава двадцать седьмая. Осенние хлопоты

Октябрь пришёл с дождями и холодными ветрами.

По утрам на городских улицах лежала влажная листва, а из печных труб поднимался первый густой дым. Торговцы на рынке всё чаще кутались в тёплые кафтаны, женщины доставали

шерстяные платки, и даже самые беспечные горожане начинали поглядывать на небо, прежде чем выйти из дома.

В усадьбе осень чувствовалась особенно сильно.

Сад заметно опустел. Яблоки были собраны, последние цветы срезаны, а деревья постепенно теряли свои нарядные уборы.

Но в большом доме работы продолжались.

И если в августе Ядвиге казалось, что ремонт движется слишком медленно, то теперь она с удивлением замечала, сколько уже удалось сделать.

В нескольких комнатах были исправлены печи. Плотники закончили замену повреждённых рам. Крыша выдержала первые серьёзные осенние дожди, и Иван Фёдорович с удовлетворением сообщил, что новые протечки не обнаружены.

Правда, не все помещения ещё годились для проживания.

Задняя комната, в которой раньше появилась сырость, требовала просушки. Рабочие сняли повреждённую отделку, и теперь голые стены выглядели так уныло, что Ядвига старалась лишний раз туда не заходить.

Александр же, напротив, любил заглядывать именно туда.

— Ну что, сохнет? — спрашивал он у мастера почти при каждом приезде.

Иван Фёдорович терпеливо отвечал:

— Сохнет, Александр Александрович. Только не надо торопить. Если раньше времени всё закрыть новой отделкой, сырость вернётся.

— А к зиме закончим?

— В этой комнате не обещаю. Зависит от погоды.

Александр хмурился.

— Но мы собираемся переезжать.

— Так ведь дом большой, сударь. Не обязательно сразу жить во всех комнатах.

Эта простая мысль почему-то всякий раз заставала Александра врасплох.

Ему хотелось закончить всё.

И сразу.

Однажды утром Ядвига застала мужа за очередными расчётами.

Он сидел в кабинете их городской квартиры, обложившись счетами, письмами и листами бумаги.

Перед ним стояла давно остывшая чашка чая.

— Саша, ты завтракать будешь?

— Сейчас.

— Ты это сказал четверть часа назад.

— Правда?

Ядвига подошла ближе.

— Что опять случилось?

Александр протянул ей лист.

— Посмотри.

Она пробежала глазами несколько строк.

— Это счёт за материалы?

— Да. И он выше первоначального расчёта.

— Намного?

— Достаточно, чтобы мне захотелось лично пересчитать каждую доску.

Ядвига улыбнулась.

— А мастер что говорит?

— Что часть старого дерева пришлось заменить после того, как вскрыли обшивку. Раньше повреждений не было видно.

Она задумалась.

— Но ведь об этом нас предупреждали.

— Предупреждали. Поэтому я и не спорю с необходимостью работ. Мне не нравится, что мы снова выходим за пределы намеченных расходов.

Ядвига присела напротив.

— Саша, давай вспомним, что говорил папа.

— Не тратить все деньги на покупку и ремонт, оставлять запас.

— Именно.

— Я помню.

— И мы ведь оставили этот запас.

Александр кивнул.

— Оставили.

— Тогда, может быть, стоит перестать пытаться привести весь дом в совершенное состояние до переезда?

Он поднял глаза.

Ядвига продолжила:

— Нам необходимы спальня, гостиная, столовая, кухня, несколько гостевых комнат и исправные печи. Остальные помещения могут подождать.

— А если потом ремонт обойдётся дороже?

— Возможно. Но если сейчас начнём всё одновременно, нам придётся оплачивать и работы, и содержание дома, и квартиру в городе.

Александр задумался.

Потом отложил карандаш.

— Кажется, ты становишься опасно рассудительной женщиной.

Ядвига рассмеялась.

— А разве раньше я была другой?

— Раньше ты выбирала занавески, не спрашивая их стоимость.

Она притворилась возмущённой.

— Неправда! Я всегда спрашивала.

— После покупки.

Ядвига громко расхохоталась.

— Ну, может быть, один раз!

Александр улыбнулся.

— Три.

— Саша!

Он наконец рассмеялся.

И утро сразу стало приятнее.

В середине октября Ядвига решила провести в усадьбе целый день.

Александр должен был остаться в городе: в театре начались усиленные репетиции к большому осеннему концерту.

С самого утра он был немного рассеян.

За завтраком вдруг начал постукивать пальцами по столу, словно отбивая музыкальный ритм.

Ядвига некоторое время наблюдала за ним.

— Саша.

— М-м?

— Ты сейчас с нами?

Он удивлённо посмотрел на жену.

— Конечно.

— Тогда передай, пожалуйста, хлеб.

Александр послушно протянул ей сахарницу.

Ядвига посмотрела на неё.

Потом на мужа.

— Спасибо. Только хлеб у нас сегодня какой-то удивительно сладкий.

Он опустил глаза.

И рассмеялся.

— Прости. Я всё думаю об одной партии.

— Заметно.

— У нас никак не получается согласовать несколько переходов. Оркестр играет хорошо, но звучит совсем не так, как нужно.

Ядвига отложила ложку.

— Покажешь вечером?

— Конечно.

— Тогда я попробую посмотреть свежим взглядом.

Александр улыбнулся.

— Ты уже столько времени проводишь среди хозяйственных книг, что я начинаю бояться: однажды вместо нот ты принесёшь мне список закупок.

— А что? Можно написать замечательную пьесу для фортепиано под названием «Расходы на содержание усадьбы».

Он расхохотался.

— Особенно трагичной будет последняя часть!

В усадьбе Ядвигу встретила Дарья.

— Доброе утро, сударыня!

— Здравствуй, Дарья. Что у нас нового?

— Прасковья Ивановна просила зайти на кухню. И ещё Николай Степанович оставил вам список.

Ядвига вздохнула.

— Кажется, я становлюсь очень важной особой.

Дарья улыбнулась.

— Конечно, сударыня. Вы ведь хозяйка.

— Тогда почему у меня такое чувство, что все распоряжаются мною?

Дарья не удержалась от смеха.

И Ядвига рассмеялась вместе с ней.

На кухне пахло свежим хлебом и яблоками.

Прасковья Ивановна стояла возле большого стола и внимательно осматривала несколько банок с вареньем.

— Доброе утро, — поздоровалась Ядвига.

— Здравствуйте, сударыня.

— Что у вас случилось?

— Ничего дурного. Только хотела спросить насчёт зимних запасов.

Ядвига подошла к столу.

— Слушаю.

Прасковья Ивановна раскрыла хозяйственную тетрадь.

— Яблок в этом году много. Часть уложили в погреб, часть пустили на сушку. Варенье сварили. Но осталось решить, сколько оставить для дома, а сколько можно продать.

Ядвига удивилась.

— Продать?

— А как же? Раньше Алексей Петрович каждый год часть урожая продавал. Дом большой, расходы немалые.

Молодая хозяйка задумалась.

Ей почему-то прежде не приходило в голову, что сад способен приносить не только красоту, но и деньги.

— А кто этим занимался?

— Николай Степанович. Он всё знает.

Ядвига улыбнулась.

— Значит, поговорим с ним.

Прасковья Ивановна кивнула.

— Я так и думала.

Она немного помолчала.

— И ещё одно дело, сударыня.

— Какое?

— Нужно решить, будем ли держать зимой полную прислугу.

Ядвига растерялась.

— А что вы предлагаете?

— Да я ничего не предлагаю. Просто раньше в большом доме жило больше людей. А теперь вас пока двое. Если пользоваться только частью комнат, работы станет меньше.

Ядвига медленно опустилась на стул.

Вопрос оказался неожиданным.

До сих пор она привыкала к тому, что в доме работают люди. Училась обращаться к ним, давать поручения, обсуждать обязанности.

А теперь нужно было решать, сколько работников они действительно смогут содержать.

И от этого решения зависела не только чистота комнат.

Зависели чужие заработки.

После обеда Ядвига пригласила Николая Степановича в бывший кабинет Алексея Петровича.

Управляющий принёс книги расходов.

Они долго обсуждали, сколько средств потребуется зимой на дрова, корм для лошадей, продукты, жалованье работникам и содержание дома.

— Николай Степанович, — спросила наконец Ядвига, — а можно ли пока оставить всех, кто здесь работает?

Управляющий задумался.

— Смотря какие обязанности определить.

— Объясните.

Он открыл тетрадь.

— Фёдор Лукич нужен постоянно. Лошади требуют ухода ежедневно, да и вам придётся ездить в город. Семён Егорович зимой тоже без дела не останется: сад, снег, дорожки, хозяйственные работы.

— А домашняя прислуга?

— Прасковья Ивановна, разумеется, нужна на кухне. Дарья и Анфиса смогут обслуживать жилые комнаты, заниматься бельём и помогать по хозяйству. Главное — не открывать зимой весь дом без надобности.

Ядвига кивнула.

— Значит, можно обойтись без новых работников?

— Пока вполне.

— А прежних не придётся отпускать?

Николай Степанович внимательно посмотрел на неё.

— Если вы будете пользоваться только подготовленной частью дома и расходы не превысят намеченных, думаю, нет.

Ядвига облегчённо вздохнула.

— Вот и хорошо.

Управляющий улыбнулся.

— Но вы, сударыня, должны понимать: содержание усадьбы — это постоянные расходы. Даже когда ничего не ломается.

Она рассмеялась.

— Начинаю понимать. Особенно когда ничего не ломается, а деньги всё равно уходят.

— Именно так.

После разговора Ядвига отправилась осматривать комнаты.

В большой гостиной уже сняли защитные полотнища с мебели.

Высокие окна выходили в сад.

Старинные кресла и диван нуждались в чистке, но были крепкими.

Возле стены стоял рояль прежней хозяйки.

Ядвига остановилась перед ним.

Инструмент был красивый, хотя и заметно старый.

Она подняла крышку.

Осторожно провела пальцами по клавишам.

Несколько звуков прозвучали глухо.

Одна клавиша запала.

Ядвига нахмурилась.

— Ну, с тобой тоже придётся повозиться.

Дарья, стоявшая у двери, спросила:

— Сударыня, а этот рояль останется?

— Да. Он включён в опись имущества.

— А ваш из города тоже привезут?

Ядвига улыбнулась.

— Обязательно.

Девушка удивилась.

— Значит, в доме будет два рояля?

— Возможно, ненадолго. Этот нужно осмотреть и настроить. Если его удастся привести в порядок, найдём ему место в одной из других комнат.

Ядвига опустила крышку.

— А мой поставим здесь. Я слишком к нему привыкла.

Дарья кивнула.

— Говорят, его из Польши привезли?

— Да. Он был у меня ещё до замужества.

Девушка улыбнулась.

— Значит, почти как старый знакомый.

— Именно.

И Ядвиге вдруг захотелось поскорее услышать его звучание в большой гостиной.

Во второй половине дня приехал обойщик, которого рекомендовал Иван Фёдорович.

Он привёз образцы тканей и несколько предложений по обивке мебели.

Ядвига разложила всё на столе.

Рассматривала узоры, оттенки, плотность материала.

Для гостиной ей нравилась светлая ткань с едва заметным растительным рисунком.

Для столовой — более тёплые, спокойные цвета.

Но когда мастер назвал стоимость работы, Ядвига призадумалась.

— А если пока привести в порядок только диван и четыре кресла?

Обойщик удивился.

— А остальное?

— Позже.

— Но ведь тогда мебель будет разной.

Ядвига улыбнулась.

— Боюсь, наш кошелёк пока предпочитает разнообразие.

Мастер рассмеялся.

— Как скажете, сударыня.

Она выбрала ткань попроще, но хорошего качества.

Впервые ей пришлось отказаться от красивого решения не потому, что оно было плохим, а потому, что имелись более важные расходы.

И, к собственному удивлению, она совсем не огорчилась.

Александр приехал за женой ближе к вечеру.

Он был уставшим, но в хорошем настроении.

Увидев Ядвигу, стоявшую посреди гостиной с образцами ткани, он улыбнулся.

— Ну что, моя дорогая, сколько новых расходов ты сегодня придумала?

Она подняла голову.

— Гораздо меньше, чем могла бы!

— Это обнадёживает.

— Я даже отказалась от некоторых покупок.

Александр приложил руку к груди.

— Неужели?

— Представь себе!

Она подошла к нему.

— А как репетиция?

Он сразу оживился.

— Сегодня значительно лучше. Мы наконец нашли нужное звучание.

Ядвига обрадовалась.

— Вот видишь!

— Но теперь мне нужно ещё несколько вечеров поработать с оркестром.

Она кивнула.

— Конечно.

Александр внимательно посмотрел на жену.

— Ты не обидишься, если в ближайшие дни я буду возвращаться поздно?

— Саша, разве я могу обижаться на твою музыку?

Он улыбнулся.

— Иногда мне кажется, что в последнее время усадьба отнимает у меня слишком много сил.

Ядвига взяла его за руку.

— Тогда давай договоримся об одном.

— О чём?

— У нас есть Николай Степанович, который прекрасно знает хозяйство. Есть мастера, которые отвечают за ремонт. Не нужно каждую мелочь проверять самому.

Александр задумался.

— Ты считаешь, я слишком вмешиваюсь?

— Иногда.

Он удивлённо посмотрел на неё.

Ядвига поспешно добавила:

— Не сердись. Просто сегодня Николай Степанович показал мне все книги. Он очень добросовестный человек. Ему можно доверять.

Александр помолчал.

— Возможно, ты права.

Она улыбнулась.

— А если понадобится твоё решение, он сообщит.

— Договорились.

Потом Александр вдруг рассмеялся.

— Забавно получается.

— Что именно?

— Когда мы жили только в квартире, я мечтал о собственном доме. А теперь ты напоминаешь мне, что, кроме дома, у меня есть ещё профессия.

Ядвига улыбнулась.

— И жена.

— Вот о ней я точно не забываю.

Он обнял её.

— Даже когда она целыми днями разговаривает с плотниками и обойщиками.

Через несколько дней в усадьбе произошло маленькое происшествие.

Ночью резко похолодало.

Наутро Николай Степанович обнаружил, что в одной из подготовленных спален печь дымит.

Работы в ней считались законченными, и комнату уже собирались обставлять.

Александра в усадьбе не было.

Ядвига приехала только к полудню.

Управляющий встретил её с озабоченным лицом.

— Сударыня, возникло затруднение.

— Что случилось?

— Печь в гостевой спальне дала дым.

Она удивилась.

— Но ведь её проверяли!

— Проверяли. Только сегодня тяга оказалась плохой. Я запретил пока топить.

Ядвига нахмурилась.

— А что говорит печник?

— Послал за ним. Должен приехать.

Она немного подумала.

— Правильно сделали. До его приезда не пользоваться. И комнату проветрить.

Управляющий кивнул.

— Уже распорядился.

Ядвига посмотрела на лестницу.

— А это та спальня, которую мы собирались приготовить для гостей?

— Именно.

Она вздохнула.

— Значит, пока придётся выбрать другую.

Николай Степанович осторожно сказал:

— Боюсь, отделка и обстановка немного задержатся.

Ядвига пожала плечами.

— Главное, чтобы печь была исправна. Красивые занавески от дыма не спасают.

Управляющий едва заметно улыбнулся.

— Совершенно верно, сударыня.

Печник приехал на следующий день.

После осмотра выяснилось, что в дымовом канале скопился мусор, оставшийся после прежних работ, и тяга нарушилась.

Пришлось очищать канал, а затем снова проверять печь.

Ядвига внимательно выслушала объяснения.

— Значит, ничего серьёзного?

— К счастью, нет, сударыня. Но хорошо, что вовремя заметили.

— А остальные печи?

— Я бы рекомендовал ещё раз проверить все перед постоянным проживанием.

Она кивнула.

— Так и сделаем.

Когда вечером Александр узнал о случившемся, он нахмурился.

— Почему мне не сообщили сразу?

Ядвига спокойно ответила:

— Потому что тебя не было в городе, а вопрос уже решали. Печь не топили, мастера вызвали.

— Но я должен знать, что происходит в доме.

— Конечно. Поэтому сейчас и рассказываю.

Он хотел возразить, но остановился.

Посмотрел на жену.

И вдруг улыбнулся.

— Кажется, ты уже умеешь обходиться без моих распоряжений.

Ядвига рассмеялась.

— Представь себе!

— Это хорошо.

Он немного помолчал.

— Просто я всё ещё привык считать, что за каждую неисправность должен отвечать лично.

Она подошла ближе.

— Саша, ты отвечаешь за то, чтобы в доме был порядок. Но это не означает, что ты обязан сам чистить каждую печную трубу.

Александр расхохотался.

— Благодарю! А я уже собирался завтра взбираться на крышу.

— Даже не думай!

В конце октября Александр выступал на большом концерте.

Ядвига ждала этого вечера с особенным волнением.

Последние недели муж много работал. Иногда возвращался поздно, почти не разговаривал за ужином, а после еды снова брал в руки скрипку.

Она старалась не мешать.

Но видела, как устаёт Александр.

И потому особенно хотела, чтобы концерт прошёл удачно.

В тот вечер Ядвига надела своё любимое тёмно-синее платье.

Волосы уложила высоко, закрепив небольшим украшением, подаренным матерью.

Перед выходом Анна Сергеевна заглянула к ней.

— Какая красавица!

Ядвига улыбнулась.

— Спасибо.

— К мужу на концерт?

— Да.

Старушка поправила ей складку на плече.

— Вот так лучше.

Потом внимательно посмотрела на неё.

— А сама-то играешь?

Ядвига немного растерялась.

— Дома. И на занятиях с учениками.

— А на сцене?

— Пока нет.

Анна Сергеевна покачала головой.

— Зря.

Ядвига удивилась.

— Почему?

— Потому что у тебя глаза совсем другие становятся, когда ты садишься за рояль. Я ведь слышу, как ты играешь.

Она улыбнулась.

— Не прячь свой талант за хозяйственными тетрадями.

Ядвига некоторое время молчала.

Потом обняла старушку.

— Спасибо вам.

Анна Сергеевна ласково погладила её по плечу.

— Иди уж. А то опоздаешь.

Концертный зал был полон.

Ядвига сидела недалеко от сцены.

Когда Александр вышел к оркестру, она почувствовала знакомое волнение.

Она любила наблюдать за мужем в такие минуты.

Дома он мог шутить, забывать, куда положил перчатки, путать сахарницу с хлебницей и сердиться из-за хозяйственных счетов.

Но стоило ему взять скрипку, как всё менялось.

Он становился сосредоточенным.

Собранным.

Уверенным.

Музыка словно возвращала его к самому себе.

Первое произведение прошло прекрасно.

Затем прозвучала сложная оркестровая пьеса, над которой музыканты так долго работали.

Ядвига внимательно слушала.

Она сразу узнала те места, из-за которых Александр столько вечеров переживал.

Теперь они звучали свободно.

Именно так, как он хотел.

Когда зал разразился аплодисментами, Ядвига улыбалась так счастливо, будто сама стояла на сцене.

После концерта к Александру подходили знакомые.

Поздравляли.

Благодарили.

Обсуждали программу.

Ядвига стояла неподалёку и наблюдала за ним.

В какой-то момент к ней подошла Екатерина Павловна.

— Ну что, дорогая, довольны мужем?

Ядвига рассмеялась.

— Очень!

— И правильно. Сегодня он был великолепен.

Они некоторое время поговорили о музыке.

Затем Екатерина Павловна спросила:

— А как ваши собственные занятия?

— Продолжаются. Только времени стало меньше.

— Понимаю. Большой дом требует большого внимания.

Ядвига улыбнулась.

— Именно.

Екатерина Павловна задумчиво посмотрела на неё.

— Но, Ядвига Владиславовна, постарайтесь не оставлять музыку.

— Не оставлю.

— Это хорошо. Потому что у Петра Андреевича есть одна мысль относительно небольшого зимнего музыкального вечера. Он хотел бы пригласить вас выступить.

Ядвига удивилась.

— Меня?

— Разумеется.

— Но…

— Никаких «но»! Вы прекрасная пианистка.

Ядвига почувствовала неожиданное волнение.

— Мне нужно подумать.

Екатерина Павловна улыбнулась.

— Подумайте. Только не слишком долго.

Когда они возвращались домой, Александр заметил, что жена необычно молчалива.

— Устала?

— Немного.

— Не понравился концерт?

Ядвига повернулась к нему.

— Саша!

Он рассмеялся.

— Шучу.

Она улыбнулась.

— Сегодня ты играл замечательно.

— Спасибо.

Он немного помолчал.

— А о чём ты думаешь?

Ядвига рассказала о предложении Екатерины Павловны.

Александр сразу оживился.

— Это прекрасно!

— Ты так считаешь?

— Конечно!

Она задумалась.

— Но у нас столько дел…

— Ядвига.

Он осторожно остановил её.

— Посмотри на меня.

Она подняла голову.

— Что?

— Ты ведь сама говорила, что я не должен забывать о музыке из-за усадьбы.

— Говорила.

— А теперь собираешься поступить именно так.

Она улыбнулась.

— Пожалуй.

Александр взял её руку.

— Обязательно соглашайся.

— Но я давно не выступала перед большой публикой.

— Значит, начнёшь с небольшого вечера.

Ядвига рассмеялась.

— Ты говоришь так, будто всё очень просто.

— Нет. Я прекрасно знаю, как волнительно выходить на сцену.

Он улыбнулся.

— Но ещё я знаю, как ты играешь.

Она посмотрела на мужа.

— Ты правда думаешь, что у меня получится?

Александр остановился.

— Ядвига, я не просто думаю. Я уверен.

Она обняла его.

И впервые за долгое время почувствовала то особенное волнение, которое раньше возникало у неё перед выступлениями.

Приятное.

Тревожное.

Захватывающее.

В последние октябрьские дни пришло письмо из Польши.

Писала Мария.

Она рассказывала о здоровье Владислава, семейных делах и новостях из Варшавы.

Но особенно Ядвигу заинтересовали несколько строк о брате.

Станислав всё чаще бывал в доме Лещинских.

Его отношения с Анной становились серьёзнее.

Мария осторожно намекала, что весной в семье, возможно, состоится радостное событие.

Ядвига перечитала эти строки дважды.

— Саша!

Александр поднял голову.

— Что?

— Кажется, мой брат собирается жениться!

Он улыбнулся.

— Неужели?

— Мама прямо не пишет, но я её знаю!

Она снова посмотрела в письмо.

— А Зофья, представляешь, отправилась с родителями на музыкальный вечер, где снова встретила Генриха.

Александр рассмеялся.

— Кажется, у твоей семьи намечается очень насыщенный год.

— Похоже на то.

Ядвига задумалась.

— Саша, как странно! Я ведь всегда была младшей в семье. Станислав и Зофья казались мне такими взрослыми, такими самостоятельными. А теперь у каждого появляется своя семья. И я вдруг понимаю, что мы все уже давно не дети.

Александр улыбнулся.

— Зато для родителей вы, наверное, всегда останетесь детьми.

Ядвига рассмеялась.

— Особенно я! Папа до сих пор иногда пишет мне так, будто я маленькая девочка, которую нужно укутать потеплее и вовремя накормить.

Она улыбнулась.

А потом неожиданно вздохнула.

— Саша, как бы мне хотелось увидеть всех.

Он обнял жену.

— Увидишь.

— Надеюсь.

— А если весной действительно будет свадьба, у нас появится прекрасный повод поехать в Польшу.

Ядвига просияла.

— Ты поедешь со мной?

Александр улыбнулся.

— Постараюсь устроить свои дела так, чтобы поехать.

Она крепко обняла его.

— Как же я хочу снова побывать дома!

В последний день октября молодые приехали в усадьбу вместе.

Погода была холодной, но сухой.

Небо затянули высокие облака.

В доме пахло свежим деревом, известью и недавно натопленными печами.

В жилых комнатах стало заметно теплее.

В гостиной уже стояла часть отремонтированной мебели.

Столовую привели в порядок.

Спальню подготовили к расстановке вещей.

На втором этаже оставались помещения, куда пока не следовало заносить мебель, но основные комнаты постепенно приобретали жилой вид.

Николай Степанович встретил молодых с хорошими новостями.

— Главные работы идут к завершению. Если ноябрь не принесёт неприятных сюрпризов, к началу декабря сможем подготовить всё необходимое для переезда.

Ядвига улыбнулась.

— Значит, перед Рождеством мы уже будем здесь?

— Очень надеюсь, сударыня.

Александр привычно спросил:

— А печи проверили?

Управляющий невольно улыбнулся.

— Проверили. И ещё раз проверим перед тем, как вы начнёте жить постоянно.

— Хорошо.

Ядвига посмотрела на мужа.

— Саша, ты скоро станешь почётным надзирателем всех печей в нашем доме.

Николай Степанович с трудом удержался от смеха.

Александр покачал головой.

— Я предпочитаю звание владельца исправных печей.

Они прошли в гостиную.

Ядвига остановилась посреди комнаты.

Посмотрела на окна.

На отремонтированные кресла.

На светлые стены.

На место, которое выбрала для своего рояля.

Всё ещё было не совсем так, как она представляла.

Не хватало занавесок.

Некоторая мебель нуждалась в чистке.

Картины пока стояли прислонёнными к стене.

Но впервые комната перестала казаться чужой.

— Саша…

Он подошёл.

— Что?

— Мне кажется, я наконец начинаю видеть наш дом.

Александр огляделся.

— А раньше?

— Раньше я видела комнаты, которые нужно ремонтировать.

Она улыбнулась.

— А сейчас представляю, как мы здесь будем жить.

Он обнял её за плечи.

— Ещё немного терпения.

— Я знаю.

Ядвига посмотрела на мужа.

— А ведь ты тоже стал спокойнее.

Он удивился.

— Правда?

— Да. В августе ты пытался за один день решить все вопросы.

Александр рассмеялся.

— А теперь?

— Теперь иногда позволяешь Николаю Степановичу делать свою работу.

— Иногда, — согласился он.

Она рассмеялась.

Перед отъездом Ядвига поднялась на второй этаж.

Ей хотелось ещё раз осмотреть гостевые комнаты.

Одну из них, небольшую, но очень уютную, она уже мысленно предназначила для Анны Сергеевны.

В комнате было тепло.

Из окна открывался вид на старую аллею.

Возле стены стояла кровать с высокой деревянной спинкой.

Рядом помещались комод и кресло.

Ядвига представила, как Анна Сергеевна будет сидеть здесь вечером с книгой или рукоделием.

Как утром Дарья принесёт ей чай.

Как они вместе спустятся к рождественскому столу.

Она улыбнулась.

Но тут же заметила, что одно окно закрывается неплотно.

Ядвига попробовала повернуть ручку.

Рама слегка подалась.

— Вот тебе и готовая спальня, — пробормотала она.

Достала тетрадь.

Записала:

«Проверить окно в малой гостевой комнате. До переезда обязательно исправить».

Потом ещё раз огляделась.

И добавила:

«Кресло поставить ближе к печи, но не вплотную. Нужен небольшой столик и хорошая лампа».

Закрыла тетрадь.

Улыбнулась.

И отправилась вниз.

Вечером, уже в городской квартире, молодые сидели за чаем.

Анна Сергеевна принесла им пирог с яблоками.

— Угощайтесь, пока горячий.

Ядвига отрезала кусочек.

— Как вкусно!

Старушка довольно улыбнулась.

— Ешьте на здоровье.

Александр рассказал, как продвигается ремонт.

Анна Сергеевна слушала внимательно.

— Значит, к декабрю собираетесь переехать?

— Надеемся, — ответила Ядвига.

Старушка кивнула.

— Ну и хорошо. До настоящих морозов успеете.

Она поднялась.

— Ладно, пойду. У меня ещё дела.

Но Ядвига остановила её.

— Анна Сергеевна, подождите.

— Что такое, деточка?

— Я хотела попросить вас кое о чём.

Старушка насторожилась.

— О чём?

— Мы очень хотим, чтобы вы приехали к нам на Рождество.

Анна Сергеевна удивилась.

— Я?

— Конечно!

— Да зачем же вам старая женщина за праздничным столом?

Ядвига даже возмутилась.

— Как зачем? Вы ведь для нас почти родная!

Старушка смутилась.

— Ну что ты, деточка…

Александр улыбнулся.

— Ядвига права. Мы будем очень рады.

Анна Сергеевна покачала головой.

— А дорога? Мне ведь уже не двадцать лет.

— За вами приедет Фёдор Лукич, — ответила Ядвига. — На нашем экипаже.

— А обратно?

— А обратно на следующий день. Или позже, как пожелаете.

Старушка растерялась ещё сильнее.

— Вы что же, хотите, чтобы я у вас ночевала?

— Разумеется!

Ядвига рассмеялась.

— Мы уже готовим вам комнату.

Анна Сергеевна долго смотрела на молодых.

Потом тихо сказала:

— Вот ведь какие вы…

Она замолчала.

Поправила край передника.

— Ну, если не передумаете…

— Даже не надейтесь! — весело ответила Ядвига.

Александр рассмеялся.

— Теперь вам не отвертеться.

Старушка улыбнулась.

— Ладно, уговорили. Только учтите: я привыкла рано вставать.

Ядвига обняла её.

— Вот и прекрасно. Значит, будете будить нас к рождественскому завтраку.

Поздно вечером Александр убирал бумаги со стола.

Ядвига сидела возле окна с письмом матери.

За стеклом тихо шумел ветер.

В комнате было тепло.

Она перечитала несколько строк о Станиславе, потом аккуратно сложила письмо.

— Саша, ты заметил, как быстро всё меняется?

— Что именно?

— Ещё недавно мы выбирали квартиру. Потом готовились к приезду родителей. Теперь заканчиваем ремонт усадьбы. Станислав, возможно, скоро женится. Зофья тоже уже совсем не ребёнок.

Александр улыбнулся.

— Время идёт.

— Да.

Она немного помолчала.

— А мне иногда кажется, что мы всё ещё те самые молодые люди, которые только что приехали из Польши.

— А разве это плохо?

Ядвига посмотрела на мужа.

— Нет. Очень хорошо.

Он подошёл к ней.

— Знаешь, что я сегодня подумал?

— Что?

— Мы столько времени занимались ремонтом, что почти перестали проводить вечера просто вдвоём.

Ядвига улыбнулась.

— Это правда.

Александр протянул ей руку.

— Тогда предлагаю завтра никуда не ехать.

— Совсем?

— Совсем. Никаких мастеров, хозяйственных книг и разговоров о печах.

Ядвига рассмеялась.

— А что будем делать?

— Гулять. Может быть, сходим в кондитерскую. А вечером ты сыграешь мне что-нибудь.

Она поднялась.

— А ты мне?

— Обязательно.

Ядвига обняла мужа.

— Договорились.

На следующее утро дождь наконец прекратился.

Между облаками показалось бледное осеннее солнце.

Александр и Ядвига вышли из дома без папок, расчётов и списков покупок.

Они шли по знакомым улицам, рассматривали витрины, смеялись над мелочами и спорили, где купить самые вкусные пирожные.

У кондитерской Александр неожиданно остановился.

— Ядвига, а ведь мы давно не делали ничего подобного.

Она посмотрела на него.

— Чего именно?

— Просто гуляли, не торопясь куда-нибудь по делу.

Ядвига улыбнулась.

— Значит, нужно чаще.

Он предложил ей руку.

— С удовольствием.

Они вошли в кондитерскую.

За окнами продолжалась обычная городская жизнь.

Проезжали экипажи.

Спешили прохожие.

Ветер срывал последние листья с деревьев.

А у молодых впереди был целый день.

Без ремонта.

Без чиновников.

Без хозяйственных расходов.

Просто день, который они решили подарить друг другу.

И, пожалуй, именно этого им в последнее время не хватало.

Глава двадцать восьмая. В преддверии зимы

Ноябрь начался с холодного ветра.

Он налетал на город неожиданными порывами, гнал по мостовой опавшие листья, забирался под воротники пальто и заставлял прохожих ускорять шаг.

По утрам лужи иногда покрывались тонкой корочкой льда, но к полудню она исчезала. Вместо снега всё чаще шёл мелкий, неприятный дождь, от которого не спасал даже хороший зонт.

Ядвига не любила такую погоду.

В Польше ноябрь тоже редко радовал солнцем, но там рядом были родные, большой тёплый дом и привычный с детства распорядок жизни. Здесь же ей приходилось ежедневно то отправляться к ученикам, то ехать в усадьбу, то заниматься покупками.

Впрочем, теперь она почти перестала замечать, как быстро пролетает день.

Усадьба требовала внимания даже тогда, когда Ядвига находилась за много вёрст от неё.

То привозили счета.

То Николай Степанович присылал записку с вопросами.

То появлялся мастер, которому необходимо было срочно согласовать какую-нибудь работу.

Однажды за завтраком Александр с улыбкой заметил:

— Ядвига, мне кажется, у нас появился третий член семьи.

Она удивилась.

— Кто же?

— Наша усадьба.

Ядвига рассмеялась.

— И почему ты так решил?

— Потому что мы говорим о ней за завтраком, за обедом и перед сном. А иногда, подозреваю, ты видишь её даже во сне.

Она задумалась.

— Вообще-то вчера мне приснилось, что в столовой никак не могут повесить занавески.

Александр расхохотался.

— Вот видишь!

— И что же ты предлагаешь?

— Хотя бы один вечер поговорить о чём-нибудь другом.

Ядвига улыбнулась.

— Например?

— О музыке. О книгах. О том, что мы сделаем на Рождество.

— Но Рождество мы собираемся встречать в усадьбе!

Александр с притворным отчаянием развёл руками.

— Всё. Теперь я уверен: от неё нам не спастись!

Между тем в большом доме постепенно становилось уютнее.

В первых числах ноября закончили основные столярные работы в жилых комнатах. Стены просохли, печи были осмотрены, а Николай Степанович распорядился регулярно протапливать помещения, предназначенные для переезда.

В столовой уже висели занавески.

В спальне молодых поставили большую кровать, привезённую из мастерской после небольшой починки.

В гостиной расставили отремонтированные кресла.

И всё-таки дом пока оставался непривычно пустым.

Не хватало книг, картин, нот, цветов на подоконниках и множества мелочей, которые придают жилью обжитой вид.

Но больше всего Ядвигу беспокоил её рояль.

Он по-прежнему стоял в городской квартире.

Всякий раз, когда она садилась играть, ей казалось, что инструмент тоже ожидает переезда.

Однажды вечером она неожиданно спросила мужа:

— Саша, а как мы его повезём?

Александр поднял голову от книги.

— Кого?

— Мой рояль.

— Разумеется, наймём людей, которые умеют перевозить такие инструменты.

— А если повредят?

— Постараемся этого не допустить.

Ядвига нахмурилась.

— Ты говоришь так спокойно!

— А что мне делать? Начать волноваться заранее?

Она улыбнулась.

— Нет, конечно. Просто он мне очень дорог.

Александр закрыл книгу.

— Я знаю.

Он подошёл к инструменту и провёл ладонью по полированной крышке.

— Твой отец когда-то позаботился о том, чтобы он приехал к нам из Польши. Теперь наша очередь позаботиться о его следующем путешествии.

— Только дорога осенью плохая.

— Поэтому будем выбирать подходящий день и хороших перевозчиков.

Ядвига немного успокоилась.

Но уже на следующее утро попросила Александра узнать, кто в городе занимается перевозкой роялей.

Через несколько дней выяснилось, что найти таких людей не столь просто.

Обычные возчики охотно соглашались доставить шкафы, сундуки, кровати и любую домашнюю утварь.

Но когда речь заходила о большом тяжёлом инструменте, многие начинали сомневаться.

Один уверял, что справится без труда, но не мог объяснить, как собирается закреплять рояль.

Другой предложил перевезти его на обыкновенной открытой телеге.

Третий назвал такую цену, что Александр некоторое время молча смотрел на него.

— Вы, вероятно, собираетесь не только перевезти рояль, но и купить мне второй? — наконец спросил он.

Возчик не понял шутки.

— Нет, сударь. Второй — это уж за отдельную плату.

Вечером Александр пересказал разговор жене.

Ядвига смеялась до слёз.

— Саша, ну нельзя же так!

— Почему? Я просто хотел выяснить, что входит в стоимость.

— И что?

— Кажется, исключительно перевозка.

Она снова рассмеялась.

Однако после нескольких поисков Александр нашёл мастера, который уже занимался доставкой музыкальных инструментов для театра.

Тот внимательно расспросил о размерах рояля, лестнице, дороге и количестве ступеней в новом доме.

Затем назвал цену.

Немалую.

Но вполне объяснимую.

Александр согласился, попросив подобрать день, когда не будет сильного дождя и дорожная грязь хотя бы немного подсохнет.

В середине ноября молодые решили провести в усадьбе два дня подряд.

Для ночёвки уже подготовили одну из небольших спален, и Николай Степанович уверял, что в ней вполне тепло.

Ядвиге очень хотелось проверить, насколько дом действительно пригоден для жизни.

Они приехали после полудня.

Ветер был холодным, но дождь наконец прекратился.

У крыльца их встретил управляющий.

— Добрый день, господа. Всё приготовлено.

— А в комнатах тепло? — первым делом спросил Александр.

Николай Степанович едва заметно улыбнулся.

— Тепло, Александр Александрович. Можете убедиться сами.

Ядвига посмотрела на мужа.

— Бедный Николай Степанович. Мне кажется, ты скоро начнёшь сниться ему вместе со своими вопросами.

Управляющий не выдержал и рассмеялся.

— Ничего, сударыня. Хуже было бы, если бы хозяевам совсем не было дела до дома.

Первый вечер в усадьбе оказался неожиданно приятным.

Прасковья Ивановна приготовила ужин.

В столовой горели лампы.

За окнами шумел ветер.

Александр и Ядвига сидели за большим столом и непривычно оглядывались.

Прежде они приезжали сюда на несколько часов.

Теперь же впервые никуда не спешили.

Ядвига посмотрела на мужа.

— Саша, а ведь странное чувство.

— Какое?

— Мы сидим здесь, ужинаем, а домой сегодня не поедем.

Он улыбнулся.

— Потому что мы уже дома.

Она задумалась.

— Пока ещё не совсем.

— Почему?

Ядвига обвела взглядом комнату.

— Наши вещи остались в квартире. Нет книг. Нет моих нот. Даже любимые чашки ещё там.

Александр рассмеялся.

— Значит, дом определяется чашками?

— Иногда да!

Он поднял бокал.

— Тогда выпьем за то, чтобы они поскорее прибыли.

Ядвига улыбнулась.

— И желательно целыми.

Ночью похолодало.

Ближе к утру Ядвига проснулась от непривычной тишины.

В городской квартире даже ночью слышались далёкие шаги, колёса экипажей, голоса поздних прохожих.

Здесь же было совершенно иначе.

Она прислушалась.

Где-то потрескивали остывающие поленья.

Ветер тихо касался оконных рам.

Рядом ровно дышал Александр.

Ядвига осторожно приподнялась.

В комнате было тепло, хотя воздух заметно отличался от привычной городской духоты.

Она накинула шаль и подошла к окну.

За стеклом темнел сад.

Небо постепенно светлело.

И вдруг Ядвига заметила на траве беловатый налёт.

Первый иней.

Она улыбнулась.

— Саша…

Муж сонно пошевелился.

— Что?

— У нас заморозки.

— Поздравляю, — пробормотал он, не открывая глаз.

Ядвига тихо рассмеялась.

— А ты даже не посмотришь?

— Обязательно. Только когда солнце взойдёт.

Она вернулась в постель.

И ещё долго улыбалась, вспоминая его сонный голос.

Утром выяснилось, что первая ночёвка прошла не совсем безупречно.

В спальне оказалось удобно и тепло.

Но вода в умывальной комнате была слишком холодной.

А когда Ядвига попросила принести завтрак немного раньше обычного, обнаружилось, что кухня ещё не успела приготовить всё необходимое.

Прасковья Ивановна объяснила:

— Мы ведь не знали, что вы так рано встанете, сударыня.

Ядвига смутилась.

— Простите. Я привыкла в городе завтракать раньше.

— Так вы только скажите, к какому часу подавать. Мы всё устроим.

— Договорились.

Позже Николай Степанович показал Александру, что в одной из прихожих нужно утеплить наружную дверь: при сильном ветре через неё проникал холодный воздух.

— Это несложно исправить, — заверил управляющий.

Александр кивнул.

Но записал замечание в свою тетрадь.

К обеду у них набралось столько небольших наблюдений, что Ядвига неожиданно рассмеялась.

— Саша, теперь я понимаю, почему нельзя было переезжать сразу после ремонта.

— Почему?

— Потому что только пожив в доме, замечаешь, чего в нём не хватает.

Он улыбнулся.

— Значит, наша поездка была полезной.

— Очень. И даже приятной.

Однако самым серьёзным разговором тех двух дней стала вовсе не холодная вода и не плохо закрывающаяся дверь.

После завтрака Николай Степанович принёс Александру хозяйственные книги за последние месяцы.

Молодые устроились в кабинете.

За окном шумел ветер.

Управляющий последовательно объяснял, сколько средств уже потрачено на ремонт и содержание усадьбы.

Александр внимательно слушал.

Ядвига тоже делала заметки.

Когда разговор дошёл до расходов на предстоящую зиму, выяснилось, что запас дров нужно пополнить раньше, чем они предполагали.

— Но ведь в сентябре мы уже закупали дрова, — удивился Александр.

— Закупали, — ответил Николай Степанович. — Однако тогда дом почти не отапливался. Теперь печи работают ежедневно, пусть и не во всех комнатах.

— Значит, понадобится ещё одна поставка?

— Да. И лучше до сильных морозов, пока подвоз не осложнился.

Александр помолчал.

— А если временно закрыть часть помещений?

Управляющий кивнул.

— Именно это я и хотел предложить. Достаточно отапливать жилые комнаты и те помещения, где сырость может повредить отделке. Остальные можно содержать в другом режиме, но следить за их состоянием.

Ядвига внимательно посмотрела на мужа.

— Саша, мы ведь уже обсуждали это.

— Обсуждали.

Он вздохнул.

— Просто мне всё ещё трудно привыкнуть, что большой дом требует расходов даже тогда, когда мы в нём не живём.

Николай Степанович спокойно ответил:

— Потому-то большое хозяйство и требует постоянного счёта, сударь.

Александр закрыл книгу.

— Хорошо. Давайте составим новый расчёт до весны.

Работа заняла почти два часа.

Они пересмотрели планы закупок, определили, какие помещения будут использоваться зимой, и обсудили оставшиеся ремонтные работы.

Снаружи ещё предстояло исправить часть ограды, привести в порядок дорожки и заняться хозяйственной пристройкой.

Но всё это решено было отложить до тепла.

Куда важнее сейчас было обеспечить сухие комнаты, исправное отопление и достаточно дров.

Когда Николай Степанович вышел, Ядвига устало откинулась на спинку кресла.

— Саша, ты заметил, что мы всё время что-нибудь считаем?

Он улыбнулся.

— Да.

— А ведь когда-то я думала, что самая сложная часть семейной жизни — научиться готовить твой любимый суп.

Александр рассмеялся.

— Между прочим, ты и с этим прекрасно справилась.

— А теперь у меня целая кухня, и суп готовит Прасковья Ивановна.

— Значит, жизнь стала легче.

Ядвига посмотрела на него.

— Ты уверен?

Они одновременно рассмеялись.

Во время следующего приезда произошло небольшое разногласие.

Ядвига обнаружила, что Александр без её ведома договорился с плотником об изготовлении новых книжных шкафов для кабинета.

Шкафы должны были быть добротными, из хорошего дерева, но стоили довольно дорого.

Она внимательно посмотрела на чертёж.

— Саша, а зачем нам сейчас новые шкафы?

Александр удивился.

— Для книг.

— Это я понимаю. Но ведь в доме уже есть библиотечные шкафы.

— Они не очень удобны. А мне хочется устроить кабинет сразу как следует.

Ядвига помолчала.

— Ты уже заказал работу?

— Предварительно договорился.

— Не спросив меня?

Александр поднял голову.

— Ядвига, это ведь мой кабинет.

Она почувствовала, как вспыхнули щёки.

— А расходы общие.

Он нахмурился.

— Ты хочешь сказать, что я не могу самостоятельно заказать мебель?

— Нет. Я хочу сказать, что мы только вчера обсуждали необходимость экономить!

Александр раздражённо отложил карандаш.

— Я прекрасно это помню.

— Тогда почему ты решил потратить столько денег на шкафы, которые пока не нужны?

Он некоторое время молчал.

Потом ответил уже суше:

— Потому что мне тоже хочется чувствовать себя хозяином в собственном доме, Ядвига.

Эти слова её задели.

Она закрыла чертёж.

— А я разве мешаю тебе быть хозяином?

— Я этого не сказал.

— Но подумал.

Александр вздохнул.

— Давай не будем спорить.

Ядвига поднялась.

— Хорошо.

И вышла из кабинета.

До вечера они почти не разговаривали.

Не потому, что хотели наказать друг друга молчанием.

Просто оба были задеты.

Ядвига занималась бельём и гостевыми комнатами.

Александр остался с управляющим, обсуждая зимние расходы.

Но мысли то и дело возвращались к неприятному разговору.

Ядвига сердилась.

Не на шкафы.

И даже не на их стоимость.

Её обидело, что муж принял решение после того, как они вместе договорились осторожнее расходовать деньги.

Александр тоже был недоволен.

Ему казалось, что в последние месяцы каждый его шаг оценивают исключительно с точки зрения стоимости.

Он устал от счетов, мастеров, задержек и постоянных ограничений.

И ему хотелось хотя бы собственный кабинет устроить так, как он давно представлял.

К вечеру оба успели немного остыть.

Обратно они ехали молча.

Дорога после недавних заморозков стала твёрже, и экипаж двигался довольно ровно.

Фёдор Лукич управлял лошадьми осторожно.

За окнами темнели поля.

Наконец Александр повернулся к жене.

— Ядвига.

Она посмотрела на него.

— Да?

— Мы ведь не собираемся ссориться из-за книжных шкафов?

Она некоторое время молчала.

— Мне не нужны эти шкафы, Саша.

— Я понимаю.

— Мне нужно, чтобы мы советовались друг с другом.

Он опустил глаза.

— Ты права. Я должен был сначала поговорить с тобой.

Она смягчилась.

— И я, наверное, могла сказать спокойнее.

— Могла, — согласился он.

Ядвига удивлённо посмотрела на мужа.

— Ах вот как!

Он улыбнулся.

— Ты сама предложила.

Она не выдержала и рассмеялась.

Александр взял её руку.

— Знаешь, я ведь просто очень устал. Мне хотелось наконец закончить хоть что-нибудь так, как я задумал.

— Я понимаю.

— Но ты права: сейчас важнее подготовить дом к зиме.

Ядвига немного подумала.

— А новые шкафы мы всё-таки когда-нибудь сделаем.

— Правда?

— Конечно. Просто не обязательно сейчас.

Александр улыбнулся.

— Тогда пока воспользуемся старыми.

— А если тебе будет неудобно, переставим полки.

Он рассмеялся.

— Представляю, что скажет Николай Степанович, когда мы снова начнём переставлять мебель.

Ядвига улыбнулась.

— Ничего. Он уже привык.

Они помолчали.

Потом Александр тихо сказал:

— Прости меня.

— И ты меня.

Он поцеловал её руку.

Разговор закончился.

Но оба запомнили его.

Иногда даже любящим людям приходилось учиться не только договариваться о больших решениях, но и уважать желания друг друга в мелочах.

К концу ноября заметно приблизилось ещё одно важное событие.

Ядвига наконец согласилась выступить на зимнем музыкальном вечере.

Екатерина Павловна встретила эту новость с таким восторгом, словно речь шла о большом концерте в столице.

— Ну наконец-то, дорогая! Я уже боялась, что придётся лично приехать к вам и отнять все хозяйственные книги.

Ядвига рассмеялась.

— Вы бы их всё равно не осилили. Там слишком много цифр.

— Вот именно! А у музыки цифр должно быть ровно столько, сколько требуется для такта.

Вечер назначили на начало декабря.

Он должен был состояться в зале музыкального общества, где собирались преподаватели, музыканты и любители искусства.

Ядвига выбрала несколько произведений.

Она хотела сыграть нечто светлое, но достаточно сложное, чтобы вновь почувствовать себя настоящей исполнительницей.

Александр помогал ей готовиться.

По вечерам, когда оба возвращались домой, он внимательно слушал её игру.

Иногда делал замечания.

Иногда просил повторить отдельные места.

А однажды остановил её посреди произведения.

— Нет, Ядвига.

Она удивилась.

— Что?

— Ты слишком торопишься.

— Но здесь такой темп!

— Темп правильный. А вот дыхания музыке не хватает.

Она посмотрела на него с лёгким раздражением.

— Саша, я играю на рояле, а не на скрипке.

— Именно поэтому тебе иногда кажется, что можно забыть о дыхании.

Ядвига вздохнула.

— Хорошо. Ещё раз.

Она начала сначала.

На этот раз музыка зазвучала иначе.

Мягче.

Свободнее.

Когда закончила, Александр улыбнулся.

— Вот теперь прекрасно.

Ядвига повернулась к нему.

— Знаешь, ты ужасно требовательный преподаватель.

— Зато у меня очень талантливая ученица.

Она рассмеялась.

— Вообще-то я твоя жена!

— Это только увеличивает мою ответственность.

Однажды после такой репетиции Ядвига долго сидела у рояля.

Александр заметил её задумчивость.

— Устала?

— Немного.

Он подошёл ближе.

— Что случилось?

Она провела пальцами по клавишам, не извлекая звука.

— Саша, а ведь я чуть не забыла, как сильно люблю выступать.

Он сел рядом.

— Не забыла. Просто временно занялась другим.

— Мне казалось, что теперь я должна прежде всего быть хорошей женой и хозяйкой.

Александр внимательно посмотрел на неё.

— А кто сказал, что ради этого нужно перестать быть музыкантом?

Ядвига улыбнулась.

— Никто.

— Вот и прекрасно.

Он помолчал.

— Знаешь, мне нравится, когда ты распоряжаешься в доме. Но ещё больше мне нравится видеть, как ты играешь.

Она повернулась к мужу.

— Почему?

Александр задумался.

— Потому что тогда ты счастлива по-особенному. И я это сразу вижу.

Ядвига молча обняла его.

Последняя неделя ноября оказалась особенно хлопотной.

Пришлось окончательно согласовать порядок перевозки мебели.

Часть вещей решили отправить в усадьбу заранее.

Остальные должны были дождаться самого переезда.

Для рояля назначили отдельный день в начале декабря. Перевозчик обещал следить за погодой и не трогать инструмент в сильный дождь или снегопад.

Николай Степанович сообщил, что жилые комнаты готовы к постоянному проживанию.

Правда, в дальнем крыле некоторые работы оставались незаконченными, но молодые уже смирились с тем, что не смогут привести весь дом в порядок за один сезон.

Особенно порадовала Ядвигу весть о гостевых комнатах.

Она решила подготовить одну для родителей, если они соберутся приехать из Польши, а другую — для Анны Сергеевны.

И отдельно попросила Дарью проверить, удобно ли пожилой женщине будет подниматься по лестнице.

Дарья подумала и предложила вместо спальни на втором этаже приготовить небольшую комнату внизу, неподалёку от гостиной.

Ядвига сначала удивилась.

А потом хлопнула себя по лбу.

— Дарья! Ну конечно! Как я сама не догадалась?

Девушка смутилась.

— Я просто подумала, что Анне Сергеевне будет удобнее.

— И совершенно правильно подумала.

Так у будущей рождественской гостьи появилась новая комната.

Небольшая, тёплая, с удобным креслом и окном в сад.

В один из последних ноябрьских вечеров пришли сразу два письма из Польши.

Первое было от матери.

Мария рассказывала о приготовлениях к зиме, семейных обедах и здоровье Владислава.

В конце письма она осторожно сообщала, что Станислав всё чаще говорит об Анне Лещинской и, кажется, собирается сделать ей официальное предложение.

Ядвига улыбнулась.

— Саша, представляешь, наш серьёзный Станислав наконец решился!

Александр рассмеялся.

— А разве ты сомневалась?

— Нет. Просто он всегда всё так долго обдумывает.

Она покачала головой.

— Даже в детстве, если хотел купить новую книгу, сначала сравнивал несколько изданий.

— Значит, к выбору жены подошёл ещё серьёзнее.

— Несомненно!

Второе письмо было от Зофьи.

Её почерк, как всегда, казался стремительным. Строки местами поднимались вверх, словно сестра писала так быстро, что не успевала следить за ровностью.

Ядвига читала вслух.

Зофья рассказывала о концерте, поездке в гости и очередной встрече с Генрихом фон Бергом.

О нём она писала гораздо больше, чем о музыке.

Ядвига остановилась.

Перечитала одну фразу.

А потом рассмеялась.

— Что такое? — спросил Александр.

— Зофья утверждает, что Генрих совершенно не умеет танцевать.

— И что же?

— А потом на целую страницу описывает, как он приглашал её на танец!

Александр улыбнулся.

— Кажется, ей это нисколько не мешает.

— Вот именно.

Ядвига сложила письмо.

— Мне так хочется увидеть их всех. Особенно теперь, когда столько всего происходит.

— Если Станислав действительно соберётся жениться весной, возможно, получится поехать.

Она посмотрела на мужа.

— А как же театр?

— Постараюсь договориться заранее. Только сначала дождёмся приглашения.

Ядвига улыбнулась.

— Ты прав. Не будем женить брата раньше, чем он сделает предложение.

В последний день ноября выпал первый настоящий снег.

Ночью он тихо опустился на город, укрыл крыши, подоконники и мостовую тонким белым слоем.

Утром Ядвига подошла к окну и долго смотрела во двор.

Старая липа стояла почти голая.

На её ветвях лежал снег.

Во дворе ещё не успели расчистить дорожки.

Александр вошёл в комнату с чашкой чая.

— Что рассматриваешь?

— Снег.

Он подошёл ближе.

— Красиво.

— Да.

Она немного помолчала.

— Саша, а ведь скоро мы будем смотреть на первый снег уже из другого окна.

Он обнял её за плечи.

— Похоже на то.

— Ты рад?

— Конечно.

Ядвига задумалась.

— А мне немного грустно.

Александр посмотрел на неё.

— Из-за квартиры?

Она кивнула.

— Мы здесь были так счастливы.

— И будем счастливы там.

— Я знаю.

Она улыбнулась.

— Просто странно расставаться с местом, в котором всё началось.

Александр взял её за руку.

— Значит, не будем торопить прощание.

Ядвига повернулась к нему.

— А переезд?

— Переезд состоится, когда всё будет готово. Но впереди у нас ещё несколько недель. Давай проживём их спокойно.

Она улыбнулась.

— Хорошо.

После завтрака они достали календарь.

Ядвига отметила день своего выступления.

Затем — предполагаемую перевозку рояля.

Потом — сроки доставки мебели.

Александр посмотрел на записи.

— Если погода позволит и ничего не задержится, сможем переехать в середине декабря.

Ядвига оживилась.

— До моего польского Рождества!

— Именно.

Она улыбнулась.

— Значит, успеем поставить ёлку.

— Надеюсь.

— И пригласить Анну Сергеевну.

— Обязательно.

Ядвига задумалась.

— А потом отпразднуем и твоё Рождество, в январе.

Александр рассмеялся.

— Два праздника в новом доме. Неплохое начало!

Она подняла голову.

— И оба будут нашими.

Он поцеловал её.

— Договорились.

За окном продолжал падать снег.

На столе лежал календарь, исписанный датами.

В соседней комнате стояли первые пустые ящики для книг.

На спинке кресла висел тёплый дорожный плащ.

Впереди было ещё много забот.

Нужно было закончить приготовления, перевезти вещи, не забыть о занятиях, концертах и обычной работе.

И всё же ноябрь подарил молодым нечто важное.

Они научились спокойнее относиться к тому, что не всё происходит по их желанию.

Александр начал доверять хозяйственные дела людям, которые знали их лучше.

Ядвига поняла, что не должна отказываться от собственной музыки ради домашнего благополучия.

И оба ещё раз убедились: семейная жизнь состоит не только из нежных слов и красивых обещаний.

Иногда она требует уступить.
Иногда — настоять на своём.
Иногда — признать ошибку.
А иногда достаточно просто сесть рядом и выслушать человека, которого любишь.
Вечером Ядвига открыла крышку рояля.
Александр взял скрипку.
И маленькая квартира вновь наполнилась музыкой.
До переезда оставалось совсем немного времени.
Но этот вечер они решили провести здесь.
В своём первом доме.

Глава двадцать девятая. Возвращение к музыке

Первый декабрьский день встретил город снегопадом.

Ночью снег шёл почти без перерыва, а к утру улицы, крыши домов и деревья покрылись белым пушистым одеялом. Дворники с самого рассвета расчищали дорожки, извозчики осторожно объезжали заснеженные колеи, а дети с радостными криками выбегали во дворы.

Ядвига стояла у окна и смотрела на медленно падающие снежинки.
В комнате было тепло. Печь весело потрескивала, а на столе дожидался утренний чай.
— Саша, посмотри, какая красота!
Александр подошёл к окну.
— Красиво. Только бы снег не помешал нашим планам.
Ядвига повернулась к мужу.
— Ты опять о переезде?
— О рояле. Перевозчик обещал приехать через несколько дней.
Она вздохнула.
— Я уже начинаю волноваться за этот инструмент больше, чем за себя.
Александр улыбнулся.
— А за себя тебе тоже следует немного поволноваться.
— Почему?
— Потому что через три дня у тебя выступление.
Ядвига замолчала.
Потом медленно повернулась к мужу.
— Не напоминай.
Он рассмеялся.
— Вот как? Ещё недавно ты так радовалась приглашению.
— Я и сейчас радуюсь.
— Но?
Она вздохнула.
— Но чем ближе вечер, тем сильнее мне кажется, что я разучилась играть.
Александр посмотрел на неё с удивлением.
— Ядвига, вчера ты исполнила всю программу почти безупречно.
— Почти!
— Именно. Потому что безупречно, пожалуй, не играет никто.
Она улыбнулась.
— Даже ты?
— Особенно я.
Ядвига рассмеялась.
— Не верю!
Александр обнял жену за плечи.

— Тогда поверь хотя бы в то, что твои слушатели придут наслаждаться музыкой, а не считать каждую неверно взятую ноту.

Она немного успокоилась.

Но, едва закончив завтрак, снова села за рояль.

В последние дни перед выступлением квартира наполнилась музыкой.

Ядвига играла утром, когда Александр уходил на репетиции, и вечером, когда он возвращался домой.

Иногда она останавливалась посреди произведения, возвращалась на несколько тактов назад и повторяла трудное место снова и снова.

Анна Сергеевна, привыкшая слышать музыку со второго этажа, однажды не выдержала и поднялась к молодым.

— Ядвига, деточка, ты уж извини, что вмешиваюсь.

Та испуганно обернулась.

— Я слишком громко играю?

— Да нет же! — рассмеялась старушка. — Я хотела спросить, не собираешься ли ты совсем извести свой бедный рояль?

Ядвига смутилась.

— Почему вы так решили?

— Потому что одно и то же место слышу уже десятый раз. А оно с первого раза прекрасно звучало!

Александр, сидевший за письменным столом, громко рассмеялся.

— Вот видишь! У тебя появился ещё один музыкальный наставник.

Анна Сергеевна довольно кивнула.

— И наставник этот советует молодой даме выпить чаю, съесть пирога и дать пальцам отдохнуть.

Ядвига улыбнулась.

— Пожалуй, вы правы.

— Конечно, права! Я за свою жизнь много чего слышала. И музыку хорошую от дурной отличить могу.

Она поставила на стол тарелку с пирожками.

— Вот. С яблоками. Только из печи.

Александр немедленно поднялся.

— Анна Сергеевна, за такие советы я готов признать вас главным распорядителем нашей музыкальной жизни!

— Вот и признавайте, — невозмутимо ответила старушка. — А теперь оба садитесь за стол.

Однако Ядвигу тревожило не только само выступление.

Она давно не играла перед публикой.

Когда-то, ещё в Польше, музыкальные вечера казались ей естественной частью жизни. Родители приглашали гостей, в гостиной собирались знакомые, звучали скрипка и фортепиано, а Ядвига с радостью садилась за инструмент.

Но тогда рядом были мама, папа, Станислав, Зофья.

Здесь всё было иначе.

Хотя за прошедшее время она успела обзавестись друзьями и учениками, порой ей всё ещё казалось, что публика будет видеть в ней прежде всего молодую жену известного музыканта.

Однажды вечером она неожиданно поделилась своими мыслями с Александром.

— Саша, можно тебя кое о чём спросить?

Он отложил ноты.

— Конечно.

— Как ты думаешь, меня пригласили потому, что я хорошо играю, или потому, что я твоя жена?

Александр посмотрел на неё внимательно.

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Просто подумала.

— Ядвига, Екатерина Павловна слышала твою игру ещё до того, как предложила выступить.

— Да, но…

— И Пётр Андреевич знаком с твоими способностями.

Она помолчала.

— Всё равно мне хотелось бы, чтобы меня воспринимали самостоятельно.

Александр улыбнулся.

— Тогда сыграй так, чтобы у них не осталось сомнений.

Ядвига посмотрела на мужа.

— Думаешь, получится?

— Думаю, тебе пора перестать задавать этот вопрос.

Она рассмеялась.

— Ты сегодня строгий.

— Очень. Особенно когда моя жена начинает сомневаться в том, что умеет лучше многих.

— Ну уж не преувеличивай!

— Я и не собирался.

Он подошёл к роялю.

— Сыграй мне ещё раз заключительное произведение.

Ядвига покачала головой.

— Анна Сергеевна запретила.

Александр задумался.

— Тогда придётся подчиниться.

И оба рассмеялись.

За день до выступления Екатерина Павловна прислала записку.

Она просила Ядвигу приехать в зал музыкального общества немного раньше назначенного времени, чтобы познакомиться с инструментом и проверить его звучание.

Вечером Александр прочитал записку и одобрительно кивнул.

— Очень разумно.

— Я тоже так думаю.

— Только не начинай переживать, если рояль будет звучать иначе, чем твой.

Ядвига улыбнулась.

— Саша, я ведь уже играла на других инструментах.

— Знаю. Просто напоминаю.

Она внимательно посмотрела на мужа.

— А знаешь, кто сегодня волнуется больше всех?

— Кто?

— Ты.

Александр удивился.

— Я?

— Конечно. Уже третий раз напоминаешь мне об одном и том же.

Он рассмеялся.

— Возможно, немного.

Ядвига подошла ближе.

— Почему?

Александр улыбнулся.

— Потому что очень хочу, чтобы этот вечер принёс тебе радость.

Она обняла мужа.

— Тогда всё обязательно будет хорошо.

Утро назначенного дня оказалось морозным и ясным.

Солнце отражалось в снегу, и город выглядел особенно нарядным.

Ядвига проснулась раньше обычного.

Некоторое время лежала с открытыми глазами, прислушиваясь к тишине.

Сегодня ей предстояло вновь выйти к публике.

Она давно ждала этого дня.

И теперь, когда он наконец наступил, больше всего хотелось отложить выступление хотя бы на неделю.

За завтраком Александр заметил её рассеянность.

— Что-то не так?

— Нет.

— Тогда почему ты размешиваешь чай уже несколько минут?

Ядвига посмотрела на ложечку.

— Правда?

— Я начинаю беспокоиться, что ты сотрёшь с неё серебро.

Она засмеялась.

— Саша, перестань!

— С удовольствием. Только сначала позавтракай.

К полудню Ядвига отправилась в музыкальное общество.

Екатерина Павловна встретила её у входа.

— Дорогая моя, как хорошо, что вы приехали!

Она провела Ядвигу в зал.

Там уже готовили стулья для слушателей, проверяли освещение и расставляли нотные пюпитры.

На сцене стоял большой концертный рояль.

Ядвига подошла к нему.

Осторожно подняла крышку клавиатуры.

Села.

Провела пальцами по клавишам.

Звук оказался ярким и немного более резким, чем у её домашнего инструмента.

Она сыграла несколько гамм, затем короткий отрывок из программы.

Екатерина Павловна некоторое время слушала.

— Ну как?

— Хороший инструмент. Только к нему нужно немного привыкнуть.

— Вот и привыкайте. У вас достаточно времени.

Ядвига продолжила играть.

Постепенно руки привыкли к клавиатуре.

Она уже почти перестала думать о предстоящем вечере, когда в зал вошёл Пётр Андреевич.

— А вот и наша сегодняшняя исполнительница!

Ядвига поднялась.

— Добрый день.

Он тепло поздоровался.

— Как настроение?

— Немного волнуюсь.

— Прекрасно.

Она удивилась.

— Разве это прекрасно?

— Конечно. Хуже, когда музыканту совершенно всё равно, что услышит публика.

Он улыбнулся.

— Только не позволяйте волнению распоряжаться вашими руками. Для этого у вас есть голова и сердце.

Ядвига рассмеялась.

— Постараюсь.

К вечеру зал начал заполняться.

Приходили преподаватели, музыканты, знакомые семьи, любители искусства.

Ядвига находилась в небольшой комнате рядом со сценой.

Она надела светлое платье с изящной отделкой и закрепила волосы аккуратной причёской.

На груди сияла небольшая золотая брошь, когда-то подаренная матерью.

Ядвига подошла к зеркалу.

Поправила складку платья.

Потом ещё раз посмотрела на себя.

Ну что ж, Ядвига Воронцова. Пора.

Раздался осторожный стук.

— Можно?

Она узнала голос Александра.

— Конечно!

Он вошёл с небольшим букетом белых цветов.

Ядвига удивилась.

— Саша! Откуда?

— Купил по дороге.

— Но сейчас зима!

— Цветы об этом, кажется, не знают.

Она рассмеялась.

Александр протянул букет.

— Для самой прекрасной пианистки сегодняшнего вечера.

— Ты ещё никого не слышал!

— И всё равно уверен.

Ядвига взяла цветы.

На мгновение её глаза наполнились слезами.

— Саша…

Он обнял её.

— Только не плачь. А то мне придётся объяснять Екатерине Павловне, почему исполнительница не может выйти на сцену.

Она рассмеялась сквозь слёзы.

— Глупый!

— Возможно.

Он поцеловал её в лоб.

— А теперь иди и получай удовольствие.

Когда объявили её имя, Ядвига почувствовала, как сердце забилось быстрее.

Она вышла на сцену.

Свет ламп показался особенно ярким.

В первых рядах сидели Екатерина Павловна и Пётр Андреевич.

Чуть дальше Ядвига увидела Александра.

Он улыбнулся ей.

Она ответила едва заметной улыбкой.

Потом села за рояль.

Положила руки на колени.

На несколько мгновений закрыла глаза.

И начала играть.

Первые звуки прозвучали осторожно.

Ядвига ещё ощущала присутствие публики, слышала едва заметные движения в зале.

Но постепенно всё изменилось.

Она перестала думать о том, кто сидит перед ней.

Перестала вспоминать, где может ошибиться.

Музыка захватила её.

Пальцы свободно двигались по клавишам.

Мелодия то становилась тихой и задумчивой, то набирала силу, наполняя зал.

Ядвига чувствовала каждое движение произведения.

Каждый переход.

Каждую паузу.

И вдруг поняла, что больше не боится.

Она играла.

Так, как любила.

Так, как умела.

Первое произведение закончилось.

В зале раздались аплодисменты.

Ядвига поднялась, поклонилась и вновь села за инструмент.

Вторая часть программы была сложнее.

Она требовала не только хорошей техники, но и особой сосредоточенности.

В середине произведения неожиданно произошло то, чего Ядвига опасалась больше всего.

Один быстрый пассаж прозвучал неровно.

Совсем немного.

Возможно, большинство слушателей даже не заметило ошибки.

Но Ядвига заметила.

На мгновение ей захотелось остановиться.

Исправить.

Начать заново.

Однако она продолжила.

Вспомнила, как Александр не раз говорил ей:

«Музыка не заканчивается из-за одной неверной ноты. Главное — не потерять мысль».

Она спокойно повела мелодию дальше.

И через несколько тактов уже полностью вернулась к прежней уверенности.

Когда прозвучал последний аккорд, зал на мгновение замер.

А затем раздались аплодисменты.

Ядвига поднялась.

Поклонилась.

И впервые за долгое время почувствовала то удивительное счастье, которое невозможно объяснить человеку, никогда не выходившему на сцену.

После выступления её окружили знакомые.

Поздравляли.

Благодарили.

Говорили о музыке.

Екатерина Павловна крепко обняла молодую женщину.

— Я же говорила, что вы прекрасно справитесь!

Ядвига улыбнулась.

— Спасибо вам.

— И надеюсь, теперь мы будем видеть вас на наших вечерах гораздо чаще.

Пётр Андреевич подошёл следом.

— Поздравляю, Ядвига Владиславовна. Очень достойное выступление.

— Благодарю вас.

Он немного помолчал.

— Особенно понравилось, что вы не растерялись во второй части.

Ядвига удивлённо посмотрела на него.

— Вы заметили?

— Конечно.

Она смутилась.

— Я допустила ошибку.

— Допустили. И правильно сделали, что продолжили.

Пётр Андреевич улыбнулся.

— Знаете, чем хороший музыкант отличается от неопытного? Не тем, что никогда не ошибается. А тем, что умеет сохранить произведение даже после ошибки.

Ядвига почувствовала облегчение.

— Спасибо. Для меня это очень важно.

— А теперь отдыхайте и принимайте поздравления. Сегодня вы их заслужили.

Александр подошёл к жене немного позже.

В его руках по-прежнему был её букет.

— Ну что, госпожа Воронцова?

Ядвига улыбнулась.

— Ну что, господин Воронцов?

— Кажется, сегодня у меня появилась серьёзная соперница.

Она рассмеялась.

— В чём?

— В музыкальной славе.

— Саша!

Он обнял её.

— Я очень тобой горжусь.

Ядвига посмотрела на мужа.

— Правда?

— Очень.

Она немного помолчала.

— А я одну ноту взяла неправильно.

Александр закатил глаза.

— Ядвига!

Она рассмеялась.

— Всё, молчу!

— И правильно.

Он улыбнулся.

— Сегодня ты была прекрасна.

Она обняла его.

И больше не стала говорить об ошибке.

Домой они вернулись поздно.

Анна Сергеевна ещё не спала.

Услышав шаги на лестнице, она выглянула из-за двери.

— Ну что? Как всё прошло?

Ядвига просияла.

— Хорошо!

— А публика?

— Аплодировала!

Старушка всплеснула руками.

— Вот и славно!

Александр улыбнулся.

— Наша Ядвига сегодня имела большой успех.

— Я и не сомневалась!

Анна Сергеевна гордо посмотрела на молодую женщину.

— А ты боялась!

Ядвига рассмеялась.

— Боялась.

— И зря.

Она обняла старушку.

— Спасибо вам за поддержку.

— Да полно тебе, деточка.

Анна Сергеевна отстранилась.

— А теперь идите отдыхать. Завтра будете рассказывать подробности.

Но уснуть Ядвига смогла не сразу.

Она долго сидела у окна.

На подоконнике стоял небольшой букет, подаренный Александром.

В комнате было тихо.

Муж уже лёг спать, а она всё ещё вспоминала вечер.

Зал.

Свет.

Рояль.

Аплодисменты.

И то неожиданное чувство свободы, которое пришло к ней во время игры.

Ей вдруг стало ясно, как сильно она скучала по сцене.

Не по вниманию публики.

Не по поздравлениям.

А по возможности говорить с людьми языком музыки.

Она улыбнулась.

Потом осторожно закрыла окно и отправилась спать.

На следующий день молодые получили сообщение из усадьбы.

Николай Степанович писал, что помещения подготовлены к приёму мебели, а после последних проверок отопления серьёзных неисправностей не обнаружено.

Кроме того, он просил определить окончательный день переезда, чтобы заранее организовать доставку вещей и подготовить комнаты.

Ядвига прочитала записку.

Потом посмотрела на Александра.

— Саша…

Он поднял голову.

— Что?

— Кажется, пришло время.

Александр улыбнулся.

— Похоже на то.

Они достали календарь.

Посмотрели на ближайшие недели.

Обсудили погоду, работу театра, занятия Ядвиги и возможности перевозчиков.

Решили, что основные вещи отправят в усадьбу постепенно, а окончательный переезд назначат на середину декабря, если дорога останется проезжей.

Рояль должны были перевозить отдельно.

Ядвига очень внимательно выслушала объяснения Александра.

— А ты уверен, что всё будет хорошо?

Он улыбнулся.

— Насколько вообще можно быть уверенным в перевозке большого рояля по зимней дороге.

Она нахмурилась.

— Саша!

— Не волнуйся. Я буду присутствовать лично.

— Тогда мне немного спокойнее.

В тот вечер они начали разбирать книжные шкафы.

Александр аккуратно складывал книги в ящики.

Ядвига пересматривала ноты.

На столе постепенно выросла целая стопка старых программ, писем и записей.

Вдруг из одной нотной папки выпал небольшой листок.

Ядвига подняла его.

Это была старая записка Александра.

Написанная ещё в те дни, когда они только начинали знакомиться.

Она прочитала несколько строк.

И улыбнулась.

— Саша, посмотри, что я нашла!

Он подошёл ближе.

Взглянул на листок.

— Неужели ты сохранила?

— Конечно!

Александр рассмеялся.

— Я ведь написал это совершенно случайно.

— А для меня это было важно.

Она осторожно разгладила бумагу.

Некоторое время они молчали.

Потом Александр взял записку из её рук.

— Знаешь, Ядвига, мне кажется, некоторые вещи не стоит прятать слишком далеко.

— Почему?

— Потому что иногда полезно вспоминать, какими мы были, когда только начинали узнавать друг друга.

Она улыбнулась.

— И какими были?

Он задумался.

— Ты — ужасно серьёзной.

Ядвига возмутилась.

— Я?!

— Конечно. Особенно когда старалась не показывать, что я тебе нравлюсь.

Она рассмеялась.

— А ты был ужасно самоуверенным!

— Неправда.

— Ещё какая правда!

Они переглянулись.

И рассмеялись оба.

Когда поздно вечером последние книги были уложены, Ядвига устало опустилась в кресло.

В комнате стало непривычно пусто.

Несколько полок уже освободили.

На полу стояли закрытые ящики.

В углу лежала стопка аккуратно перевязанных нот.

А рояль по-прежнему занимал своё привычное место.

Александр сел рядом.

— Устала?

— Немного.

Он взял её руку.

— Завтра продолжим.

Ядвига кивнула.

Некоторое время они молчали.

Потом она тихо сказала:

— Саша, у меня сегодня такое странное чувство.

— Какое?

— Будто мы одновременно заканчиваем одну историю и начинаем другую.

Александр посмотрел на пустые книжные полки.

— Пожалуй, так и есть.

Ядвига улыбнулась.

— Но знаешь, я рада.

— Чему?

— Тому, что мы не потеряли себя среди всех этих хлопот.

Он повернулся к ней.

Она продолжила:

— У нас появился большой дом. Столько новых обязанностей. Но ты по-прежнему играешь, я снова выступаю. Мы можем спорить из-за мебели, сердиться на дорожных чиновников, считать расходы…

Она рассмеялась.

— И всё-таки оставаться собой.

Александр улыбнулся.

— Очень надеюсь, что так будет всегда.

Он обнял жену.

За окном медленно падал снег.

В комнате пахло бумагой, древесиной и едва уловимым ароматом белых цветов.

Впереди были дни сборов, перевозка мебели, хлопоты и окончательное прощание с квартирой.

Но сейчас Ядвига чувствовала прежде всего приятную усталость после удачного выступления.

Она вернулась к музыке.

И это было её собственное, маленькое, но очень важное достижение.

А завтра начинался новый день.

Со своими заботами.

И радостями.

И неожиданностями.

Как и полагается настоящей жизни.

Глава тридцатая. Прощай, маленькая квартира

Декабрь принёс настоящую зиму.

Снег, выпавший в конце ноября, уже не растаял. По ночам мороз крепчал, а утрами на окнах появлялись причудливые ледяные узоры. Городские улицы постепенно привыкали к зимнему движению: где-то ещё грохотали колёса экипажей, но всё чаще слышался мягкий скрип полозьев.

Ядвига прежде любила декабрь.

В родительском доме это было время приятных хлопот, запаха праздничной выпечки, приготовления подарков и долгих семейных вечеров.

Теперь же декабрь оказался наполнен совсем другими заботами.

Посреди комнаты стояли ящики.

Со стен были сняты картины.

Книги исчезли с полок.

В шкафах с каждым днём оставалось всё меньше вещей.

Маленькая квартира, которую молодые когда-то обставляли с такой любовью, постепенно пустела.

И чем меньше в ней оставалось мебели, тем чаще Ядвига ловила себя на странном желании отложить переезд.

Не отменить.

Нет.

Она очень хотела жить в усадьбе.

Но оказалось, что покидать первый семейный дом гораздо труднее, чем она представляла.

— Саша, только не складывай эти письма вместе со счетами!

Александр поднял голову от открытого ящика.

— Почему?

— Потому что потом я никогда их не найду.

— Здесь всё аккуратно.

Ядвига подошла ближе.

В ящике действительно лежали аккуратные стопки бумаг.

Только письма матери оказались рядом с хозяйственными расчётами, нотные записи — с документами на покупку усадьбы, а фотографии — под пачкой старых театральных программ.

Она посмотрела на мужа.

— Саша, это ты называешь порядком?

— Разумеется.

— А как ты собираешься во всём этом разбираться?

— Очень просто. Я знаю, что всё находится в этом ящике.

Ядвига расхохоталась.

— Замечательная система!

Александр невозмутимо ответил:

— Благодарю. Я долго её разрабатывал.

Она присела рядом и начала разбирать бумаги.

— Вот эту папку мы возьмём отдельно. Здесь письма и фотографии.

— Хорошо.

— Ноты тоже отдельно.

— Согласен.

— А хозяйственные бумаги…

— Ядвига, если ты сейчас снова начнёшь говорить о расходах на ремонт, я немедленно спрячусь в этот ящик.

Она рассмеялась ещё громче.

И Александр, не выдержав, присоединился к её смеху.

Переезд назначили на середину месяца.

Николай Степанович уверял, что необходимые комнаты готовы.

В усадьбе уже разместили часть мебели, доставили постельные принадлежности, проверили печи и приготовили дрова.

Прасковья Ивановна распорядилась закупкой продуктов.

Дарья и Анфиса занимались спальнями и бельём.

Фёдор Лукич каждый день осматривал лошадей и с тревогой следил за погодой.

Дорога, которую осенью удалось частично исправить, теперь покрылась снегом. На укреплённом участке ехать стало значительно легче, но в других местах по-прежнему встречались глубокие колеи и заносы.

Поэтому Николай Степанович советовал перевозить вещи небольшими партиями.

Александр согласился.

Сначала отправили сундуки и часть посуды.

Затем книги и бельё.

После этого настала очередь оставшейся мебели.

И только один предмет продолжал стоять в квартире нетронутым.

Рояль Ядвиги.

Она несколько раз поднимала вопрос о перевозке инструмента.

И каждый раз Александр отвечал осторожно.

— Подождём, пока дорога станет надёжнее.

— Но ведь снег уже лежит.

— Именно поэтому я и беспокоюсь.

— Саша, весной тоже будет грязь.

— Значит, дождёмся, когда земля просохнет.

Ядвига вздыхала.

Она понимала его доводы.

Но всё же надеялась, что удастся придумать что-нибудь другое.

Наконец Александр договорился с опытным перевозчиком, и тот приехал осмотреть инструмент ещё раз.

Мастер долго изучал рояль, осматривал лестницу и расспрашивал о дороге.

Потом выпрямился.

— Перевезти можно, сударь. Только я бы не советовал делать это сейчас.

Ядвига нахмурилась.

— Почему?

— Тяжёлый инструмент. Вёз бы его на особом возу, хорошо закреплённым. А зимой дорога не везде ровная, снег скрывает выбоины. Есть риск повредить корпус или внутренние части.

— Но ведь его уже однажды перевозили из Польши, — тихо сказала Ядвига.

Мастер кивнул.

— И, судя по состоянию, перевозили очень бережно.

Она опустила глаза.

Александр спросил:

— Если отложить до весны?

— Когда просохнет дорога, будет спокойнее. Лучше дождаться хорошей погоды, чем потом искать мастера, который сумеет починить повреждённый инструмент.

После ухода перевозчика в комнате надолго стало тихо.

Ядвига подошла к роялю.

Провела пальцами по крышке.

— Значит, останется здесь.

Александр остановился рядом.

— Только до весны.

Она кивнула.

Но ничего не ответила.

Вечером, когда Александр ушёл на репетицию, Ядвига села за рояль.

Она не стала доставать ноты.

Играла по памяти.

Сначала мелодию, которую особенно любила её мать.

Потом произведение, над которым работала ещё до замужества.

Затем несколько коротких пьес.

Звуки заполняли почти пустую квартиру.

Без ковра и привычной мебели комната отзывалась на музыку иначе. Каждый аккорд звучал немного ярче, каждый тихий звук дольше держался в воздухе.

Ядвига играла и вспоминала.

Как отец впервые сообщил ей, что рояль отправят в Россию.

Как Александр помогал устраивать его на новом месте.

Как они вместе проводили вечера за музыкой.

Как у них появлялись первые ученики, друзья, гости.

Она не заметила, когда открылась дверь.

Анна Сергеевна остановилась на пороге и некоторое время молча слушала.

Когда Ядвига закончила, старушка тихо спросила:

— Что же ты так печально сегодня играешь, деточка?

Ядвига обернулась.

— Анна Сергеевна…

Она попыталась улыбнуться.

— Да вот, прощаюсь с роялем.

Старушка удивилась.

— Как прощаешься?

— До весны. Сейчас его опасно перевозить.

Анна Сергеевна подошла ближе.

— Ну и правильно. Чего зря рисковать?

Ядвига опустила глаза.

— Я понимаю. Только мне очень не хочется оставлять его здесь.

Старушка посмотрела на инструмент.

Потом на молодую женщину.

— А кто тебе сказал, что он останется один?

Ядвига удивилась.

— Что вы имеете в виду?

— Я ведь никуда этот дом не деваю. Квартира будет под присмотром. И комнату эту мы сможем понемногу протапливать, чтобы инструмент не стоял в сырости и холоде.

— Но ведь вы собирались искать новых жильцов.

Анна Сергеевна отмахнулась.

— Собиралась. А теперь передумала.

— Почему?

— Потому что имею право передумать. Дом-то мой!

Ядвига невольно рассмеялась.

— Конечно, имеете.

Старушка присела в кресло.

— Послушай меня. Вы с Сашей здесь прожили счастливое время. Хорошие жильцы, тихие, порядочные. Ну, разве что музыки у вас было больше, чем у всех соседей вместе взятых.

Ядвига улыбнулась.

— Простите.

— Да за что же? Я к ней привыкла.

Она немного помолчала.

— Пусть пока квартира постоит свободной. Весной перевезёте рояль, а там посмотрим.

Ядвига подошла и обняла её.

— Анна Сергеевна, вы так добры к нам.

Старушка ласково похлопала её по спине.

— Да полно тебе. Нашла из-за чего расстраиваться. Не на войну же отправляешь свой рояль.

Ядвига рассмеялась сквозь слёзы.

И впервые за несколько дней почувствовала облегчение.

Однако Александр, узнав об этом решении, встревожился по другой причине.

— Ядвига, мы ведь не можем просто оставить квартиру за собой и ничего не платить.

Она посмотрела на мужа.

— Я тоже об этом подумала.

— Нужно договориться с Анной Сергеевной.

На следующий день они пригласили старушку к чаю.

Александр объяснил, что хотел бы оставить помещение до весны и оплачивать его содержание.

Анна Сергеевна сразу нахмурилась.

— Опять вы со своими деньгами!

— Но ведь вы могли бы сдать квартиру другим людям.

— Могла бы.

— И потеряете доход.

Старушка посмотрела на него.

— Александр Александрович, я хозяйка своего дома уже не первый год. Уж как-нибудь разберусь.

Он улыбнулся.

— В этом я не сомневаюсь.

— Тогда и не спорьте.

Ядвига вмешалась:

— Анна Сергеевна, но нам будет спокойнее, если вы примете хотя бы плату за отопление и содержание комнаты.

Старушка некоторое время смотрела на молодых.

Потом вздохнула.

— Упрямые вы оба.

— Есть немного, — согласился Александр.

— Ладно. Давайте договоримся. Квартира пока остаётся за вами. А по весне решим окончательно.

Так и поступили.

Составили простую договорённость о плате за содержание свободной квартиры и сохранность рояля.

Анна Сергеевна не стала приглашать новых жильцов.

А молодые наконец успокоились.

Хотя Ядвига ещё не раз подходила к инструменту, словно проверяя, действительно ли он остаётся в надёжных руках.

В один из последних дней перед переездом Александр привёз из усадьбы неожиданную новость.

— Ядвига, знаешь, что я сегодня сделал?

Она подняла голову от открытого сундука.

— Надеюсь, не заказал новые книжные шкафы?

Он расхохотался.

— Нет! Этот урок я усвоил.

— Тогда что?

— Пригласил настройщика осмотреть старый рояль в усадьбе.

Ядвига оживилась.

— И что он сказал?

— Что инструмент требует работы, но его можно привести в порядок.

Она улыбнулась.

— Правда?

— Некоторые клавиши и механизм придётся исправить, потом настроить. Он обещал заняться этим после праздников.

Ядвига на мгновение задумалась.

— Значит, у меня всё-таки будет на чём играть?

— Конечно. А для выступлений и занятий в городе остаются инструменты музыкального общества.

Она обняла мужа.

— Саша, как же хорошо!

Он улыбнулся.

— Вот видишь. Твой рояль спокойно дождётся весны, а ты не останешься без музыки.

— Я тебя люблю.

— За рояль?

— И за рояль тоже!

Они рассмеялись.

День переезда выдался ясным, но морозным.

С самого утра возле дома стояли подводы.

Рабочие выносили сундуки, ящики и последние предметы мебели.

Александр следил за погрузкой.

Ядвига проверяла списки.

Анна Сергеевна наблюдала за происходящим из прихожей.

Иногда она вмешивалась.

— Этот ящик осторожнее! Там посуда!

Или:

— Молодой человек, не тащите стул за спинку. Отломаете!

Рабочие слушались её почти беспрекословно.

Александр однажды подошёл к Ядвиге и тихо заметил:

— Мне кажется, нам следовало сразу назначить Анну Сергеевну начальницей переезда.

Ядвига рассмеялась.

— А разве она ещё не назначила себя сама?

Ближе к полудню выяснилось, что одна из подвод не сможет отправиться одновременно с остальными.

У возчика возникла неисправность упряжи, и пришлось срочно искать замену.

Александр нахмурился.

— Только этого нам не хватало.

Ядвига посмотрела на оставшиеся вещи.

— А что там?

— Два сундука, несколько стульев и ящик с книгами.

— Значит, ничего жизненно необходимого.

— Книги жизненно необходимы, — серьёзно возразил Александр.

Ядвига рассмеялась.

— Конечно. Особенно сегодня вечером.

Он улыбнулся.

— Хорошо. Уговорила. Отправим завтра.

Так впервые за весь день им удалось избежать спора из-за очередной неожиданности.

К вечеру почти всё было готово.

Рабочие уехали.

Ящики исчезли.

На полу остались лишь небольшие следы от мебели.

В комнатах стало непривычно просторно.

Ядвига медленно прошла по квартире.

Заглянула в спальню.

В столовую.

В маленький кабинет.

Остановилась у окна.

Во дворе по-прежнему стояла старая липа.

Её ветви были покрыты снегом.

Здесь всё оставалось знакомым.

И всё же теперь комнаты выглядели чужими.

Без книг.

Без занавесок, которые Ядвига так тщательно выбирала.

Без привычных мелочей.

Только рояль по-прежнему стоял на своём месте.

Она подошла к нему.

Положила ладонь на крышку.

Но играть не стала.

Почему-то боялась, что тогда снова расплачется.

За спиной послышались шаги.

Это был Александр.

— Ты готова?

Ядвига кивнула.

— Почти.

Он подошёл ближе.

Некоторое время они молча смотрели на пустую комнату.

Потом Александр сказал:

— А ведь мы здесь были счастливы.
Ядвига повернулась к нему.
— Очень.
— Помнишь наш первый ужин?
Она рассмеялась.
— Когда ты забыл купить хлеб?
— Я был уверен, что ты купила.
— А я была уверена, что купил ты.
Александр улыбнулся.
— Зато у нас был чай.
— И сыр.
— И целая жизнь впереди.
Ядвига посмотрела на мужа.
— Она и сейчас впереди, Саша.
Он обнял её.
— Конечно.
Анна Сергеевна ждала их у двери.
Она надела тёплую шаль и старательно делала вид, что совсем не волнуется.
— Ну что, молодые? Всё собрали?
— Кажется, да, — ответил Александр.
Ядвига подошла к старушке.
— Анна Сергеевна…
Та сразу подняла руку.
— Только не начинай плакать!
Ядвига рассмеялась.
— Я ещё ничего не сказала!
— А я уже вижу, что собираешься.
Они обнялись.
Долго.
Крепко.
Анна Сергеевна первой отстранилась.
— Ну вот. Будто навсегда прощаемся.
Ядвига вытерла глаза.
— Конечно, нет.
— Вот и хорошо. Через неделю сама к вам приеду.
Она посмотрела на Александра.
— Вы ведь не передумали насчёт Рождества?
Он улыбнулся.
— Даже не думали. За вами приедет Фёдор Лукич.
— Тогда договорились.
Анна Сергеевна поправила Ядвиге воротник пальто.
Совсем как делала иногда Мария, провожая младшую дочь из родительского дома.
— Береги себя, деточка.
Ядвига снова обняла её.
— И вы себя берегите.
Когда экипаж тронулся, Ядвига долго смотрела назад.
Дом постепенно исчезал за поворотом улицы.
Александр сидел рядом.
Он не пытался развеселить жену.

Не говорил, что в усадьбе будет лучше.
Просто держал её за руку.
И это оказалось именно тем, что было нужно.
За городом дорога стала тише.
Лошади шли ровно.
Снег негромко поскрипывал под полозьями санного выезда.
Фёдор Лукич время от времени оборачивался, спрашивая, не замёрзли ли господа.
Ядвига отвечала, что всё хорошо.
Но ближе к усадьбе вдруг оживилась.
— Саша, а мы ведь сегодня впервые едем туда не в гости.
Он улыбнулся.
— Да.
— И не на осмотр.
— Нет.
Она посмотрела на мужа.
— Мы едем домой.
Александр крепче сжал её руку.
— Именно.
Усадьба встретила их светом в окнах.
На крыльце уже ждали Николай Степанович и Дарья.
Из кухни доносился запах жаркого.
В холле было тепло.
Ядвига сняла перчатки и огляделась.
На небольшом столике стояла ваза с еловыми ветками.
Возле лестницы Дарья поставила корзину с чистыми полотенцами.
На кресле в гостиной лежал плед.
Несколько картин уже висели на стенах.
Дом постепенно приобретал знакомые черты.
— Добро пожаловать, господа, — сказал Николай Степанович.
Ядвига улыбнулась.
— Спасибо.
Дарья осторожно спросила:
— Сударыня, хотите сначала посмотреть спальню?
— Хочу. Но прежде скажи, всё ли в порядке с вещами?
— Почти всё разобрали. Только несколько ящиков оставили до завтра.
Ядвига кивнула.
— Правильно. Сегодня все устали.
Прасковья Ивановна выглянула из столовой.
— А ужин остывает!
Александр рассмеялся.
— Вот это распоряжение я предлагаю выполнить немедленно.
В тот вечер они впервые ужинали в усадьбе как постоянные жильцы.
На столе горели свечи.
За окнами темнел зимний сад.
В доме слышались шаги прислуги, потрескивание поленьев и негромкий бой старинных часов.
Ядвига оглядывалась.
Всё ещё казалось немного непривычным.
Она вдруг поняла, что больше не нужно торопиться в город до наступления темноты.

Не нужно проверять, успеют ли они вернуться до сильного мороза.
Не нужно просить Фёдора Лукича готовить лошадей после ужина.
Можно просто подняться в спальню.
Разложить вещи.
И лечь спать.
У себя дома.
— Саша, — тихо сказала она.
— Да?
— Кажется, я начинаю верить, что мы действительно переехали.
Он улыбнулся.
— Я поверю окончательно, когда найду завтра утром свои чистые рубашки.
Ядвига рассмеялась.
— Они в верхнем ящике комода.
— Ты уверена?
— Почти.
Александр поднял брови.
— Обнадёживает!
Они рассмеялись оба.
Но ночью Ядвига долго не могла уснуть.
Дом был слишком большим.
Слишком тихим.
Слишком непривычным.
Она слышала, как где-то в коридоре скрипнула половица.
Как ветер коснулся окон.
Как на первом этаже часы отбили очередной час.
В маленькой квартире всё находилось рядом.
Здесь же за дверью начинался длинный коридор, за ним лестница, а дальше — множество комнат, в которых пока никто не жил.
Ядвига повернулась к мужу.
— Саша, ты спишь?
— Почти.
— А тебе не кажется, что здесь слишком тихо?
Он открыл глаза.
Прислушался.
— Немного.
— И слишком просторно.
Александр улыбнулся в темноте.
— Это мы исправим, когда привезём все книги.
Она тихо рассмеялась.
— Серьёзно, Саша.
Он повернулся к ней.
— Я понимаю.
Некоторое время они лежали молча.
Потом Александр сказал:
— Помнишь нашу первую ночь в городской квартире?
— Конечно.
— Ты тогда тоже не могла уснуть.
Ядвига задумалась.
— Правда.

— И спрашивала, почему так шумно во дворе.

Она рассмеялась.

— А теперь жалуюсь, что слишком тихо.

— Видимо, тебе трудно угодить.

— Саша!

Он обнял её.

— Привыкнем.

Ядвига положила голову ему на плечо.

— Наверное.

И вскоре действительно уснула.

Утром оказалось, что в большом доме просыпаются гораздо раньше, чем молодые предполагали.

Ещё до рассвета начали хлопотать на кухне.

Фёдор Лукич отправился к лошадям.

Дарья принесла горячую воду.

Анфиса занималась бельём.

Николай Степанович уже успел обойти хозяйственные постройки.

Ядвига спустилась к завтраку и с удивлением обнаружила, что почти все давно работают.

Прасковья Ивановна посмотрела на молодую хозяйку.

— Доброе утро, сударыня. Как спалось?

— Хорошо. Только я, кажется, проспала половину дня.

Кухарка улыбнулась.

— Да какой там! Ещё девяти нет.

Ядвига рассмеялась.

— В нашей квартире я в это время уже успевала сделать несколько дел.

— А здесь не обязательно всё делать самой, — спокойно ответила Прасковья Ивановна.

Ядвига задумалась.

И вдруг поняла, что к этому ей тоже предстоит привыкнуть.

В первые дни после переезда молодые то и дело обнаруживали, что забыли какую-нибудь нужную вещь.

Сначала не могли найти любимый чайник Ядвиги.

Потом выяснилось, что Александр оставил в городе папку с несколькими важными нотами.

А однажды за ужином Ядвига вдруг вспомнила о небольшом серебряном подсвечнике, который подарила ей Зофья.

— Саша, он остался в квартире!

Александр спокойно продолжал ужинать.

— Значит, привезём позже.

— Но я хотела поставить его на рождественский стол.

— Тогда попросим Фёдора Лукича забрать его, когда поедет за Анной Сергеевной.

Ядвига облегчённо вздохнула.

— Действительно!

Александр посмотрел на жену и улыбнулся.

— Знаешь, что я заметил?

— Что?

— Мы переехали только несколько дней назад, а уже успели решить столько вопросов, сколько раньше не возникало за целый месяц.

— И это ещё Рождество не наступило, — заметила Ядвига.

Оба рассмеялись.

Анна Сергеевна приехала за несколько дней до праздника.

Фёдор Лукич доставил её в усадьбу вместе с небольшим дорожным сундуком, корзиной домашних пирожков и двумя свёртками, которые она категорически отказалась доверить кому-либо другому.

Ядвига вышла встречать гостью на крыльцо.

— Анна Сергеевна!

— Осторожнее, деточка! На ступеньках скользко!

Но Ядвига уже обняла её.

— Как же я рада!

Старушка оглядела большой дом.

— Вот, значит, куда вы от меня сбежали.

Александр, стоявший рядом, улыбнулся.

— Разве от вас убежишь? Вы нас и здесь нашли.

— Ещё как найду! — ответила Анна Сергеевна. — Особенно если будут плохо кормить.

Из дверей как раз появилась Прасковья Ивановна.

— За это можете не беспокоиться.

Старушка посмотрела на неё с интересом.

— А вы, значит, здешняя кухарка?

— Прасковья Ивановна.

— Очень приятно. Анна Сергеевна.

Женщины обменялись внимательными взглядами.

И Ядвига почему-то сразу поняла, что скучно им вместе не будет.

Для гостьи приготовили комнату на первом этаже.

Когда Ядвига провела её туда, старушка остановилась на пороге.

Комната была небольшой, но уютной. На окнах висели светлые занавески, возле печи стояло мягкое кресло, а рядом с кроватью — столик с лампой.

На комоде уже лежали несколько книг.

Анна Сергеевна медленно огляделась.

— Это всё мне?

— Конечно.

— Да зачем же столько хлопот?

Ядвига улыбнулась.

— Чтобы вам было удобно.

Старушка подошла к креслу.

Потрогала обивку.

Затем посмотрела на кровать.

— Мягко, наверное.

— Попробуйте.

Анна Сергеевна осторожно присела.

— Ох, хорошо!

И вдруг рассмеялась.

— Только смотрите, молодые, я у вас теперь совсем разленюсь.

— Ничего страшного, — ответил Александр с порога. — Мы вас для этого и приглашали.

— Вот уж нет! Я ещё вполне способна приносить пользу.

Ядвига засмеялась.

— Мы даже не сомневаемся.

Вечером Анна Сергеевна долго расспрашивала молодых о переезде.

Потом рассказала, как обстоят дела в городе.

Свободную квартиру она пока никому не сдала. Рояль стоял на прежнем месте, инструмента никто не трогал. За отоплением и состоянием помещения присматривали.

— А кто будет следить за домом, пока вы гостите у нас? — спросил Александр.

— Не волнуйся, — ответила старушка. — У меня там всё устроено. Соседка по дому, Марфа Никитична, обещала присматривать. Да и родственник мой будет навещать хозяйство. Я ведь не навсегда уехала.

Ядвига улыбнулась.

— А могли бы задержаться подольше.

Анна Сергеевна посмотрела на неё.

— Подольше — это насколько?

— Хотя бы до Нового года.

Старушка задумалась.

— Посмотрим.

— А потом у нас будет и православное Рождество, — добавил Александр.

Анна Сергеевна рассмеялась.

— Ах вот вы какие! Значит, решили заманить меня сюда на все праздники?

— Именно, — ответила Ядвига.

— Ну, тогда посмотрим, как вы будете себя вести.

Подготовка к Рождеству заметно оживила усадьбу.

Ядвига хотела сохранить несколько польских семейных обычаев.

Она заранее написала матери, расспрашивая о некоторых любимых рецептах. Мария прислала подробное письмо, а вместе с ним небольшой праздничный свёрток.

Прасковья Ивановна внимательно выслушала объяснения молодой хозяйки.

— Значит, ужин будет особенный?

— Да. У нас дома сочельник всегда отмечали всей семьёй.

— И что же вы обычно готовили?

Ядвига принялась рассказывать.

Кухарка слушала с интересом.

Временами задавала вопросы.

Некоторые блюда показались ей необычными.

Но отступать она не собиралась.

— Попробуем, сударыня. Только вы мне покажите, как у вас принято.

Анна Сергеевна, оказавшаяся поблизости, немедленно вмешалась:

— А пироги будут?

Прасковья Ивановна повернулась к ней.

— Без пирогов какой же праздник?

— Вот это правильно!

Обе женщины довольно переглянулись.

Ядвига рассмеялась.

— Кажется, с праздничным столом у нас никаких затруднений не будет.

За день до сочельника Александр привёз из города небольшую ель.

Её установили в гостиной, возле окна.

Дарья и Анфиса помогали украшать дерево.

Ядвига достала привезённые из Польши ёлочные игрушки, некоторые из которых хранились у неё ещё с детства.

Анна Сергеевна осторожно разворачивала бумажные свёртки.

— Какие красивые!

— Это мама прислала мне ещё к нашему первому Рождеству, — объяснила Ядвига.

Старушка подняла маленькое стеклянное украшение.

— А это куда?

— Думаю, повыше.

— Нет уж, деточка. Я на стремянку не полезу.

Ядвига рассмеялась.

— И не нужно!

Александр, услышав разговор, подошёл и протянул руку.

— Давайте сюда. Сегодня я назначен главным украшателем верхних веток.

Анна Сергеевна посмотрела на него.

— Только осторожно, Александр Александрович. Ёлка — не скрипка, за шею её держать не следует.

Ядвига расхохоталась.

Александр покорно кивнул.

— Буду иметь в виду.

Вечером двадцать четвёртого декабря в столовой накрыли праздничный стол.

Ядвига долго проверяла, всё ли готово.

Александр несколько раз просил её перестать волноваться.

Анна Сергеевна же смотрела на молодую хозяйку с откровенным удовольствием.

— Ты, деточка, сегодня совсем как твоя мама, когда к вам гости приезжали.

Ядвига остановилась.

— Вы ведь даже не знакомы с моей мамой!

— Зато хорошо представляю, какая она. Ты о ней столько рассказывала.

Ядвига улыбнулась.

На столе стояли праздничные блюда, горели свечи.

Из Польши пришло письмо с поздравлениями от родителей, Станислава и Зофьи.

Мария желала дочери счастливого Рождества в новом доме.

Владислав напоминал Александру, что большой дом требует не только разумных расходов, но и умения иногда забывать о них.

А Станислав приписал короткую шутку о том, что теперь младшая сестра сможет наконец приглашать его в гости, не заставляя спать на слишком коротком диване.

Ядвига смеялась, читая эти строки вслух.

— Вот увидишь, Саша, когда он приедет, я нарочно покажу ему самую маленькую гостевую комнату!

— Не сомневаюсь, он оценит твоё гостеприимство.

После ужина Александр взял скрипку.

Ядвига попросила его сыграть одну из мелодий, которые любила слушать ещё в родительском доме.

В гостиной погасили лишние лампы.

Остался мягкий свет возле ёлки.

Анна Сергеевна сидела в кресле, укрыв ноги тёплым пледом.

Ядвига устроилась рядом.

Александр начал играть.

Несколько минут никто не разговаривал.

Когда музыка закончилась, старушка тихо вздохнула.

— Хорошо-то как…

Потом улыбнулась.

— А вот если бы ещё и Ядвига сыграла…

Молодая женщина посмотрела на мужа.

— Пока придётся подождать.

Анна Сергеевна сразу поняла.

— До весны?

— Мой рояль — да. А здешний мастер обещал привести в порядок после праздников.

Старушка кивнула.

— Значит, скоро снова услышим вас обоих.

— Обязательно, — ответил Александр.

Когда праздник закончился, никто не спешил расходиться.

Ядвига принесла ещё чаю.

Анна Сергеевна рассказывала истории из своего детства.

Александр вспоминал рождественские праздники в родительском доме.

За окнами падал снег.

Большая гостиная, ещё недавно казавшаяся слишком просторной, теперь была наполнена голосами.

Но самое интересное произошло на следующее утро.

За завтраком Анна Сергеевна неожиданно заявила:

— А знаете что, молодые? Я, пожалуй, ещё немного у вас поживу.

Ядвига просияла.

— Правда?

— Только ненадолго. До Нового года.

Александр улыбнулся.

— Мы будем рады.

Старушка строго посмотрела на них.

— Только не вздумайте устраивать из-за меня дополнительные хлопоты.

— Какие хлопоты? — удивилась Ядвига.

— Вот и хорошо.

Она спокойно взяла чашку.

— А то я уже привыкла к вашей Прасковье Ивановне. И она, кажется, ко мне тоже.

Из кухни в этот момент раздался голос:

— Анна Сергеевна, вы обещали показать мне, как готовите свои пирожки!

Старушка довольно улыбнулась.

— Вот видите! У меня уже дела.

Все трое рассмеялись.

Впрочем, до Нового года Анна Сергеевна не уехала.

Перед самым праздником ударили сильные морозы.

Дорогу занесло снегом, и Фёдор Лукич посоветовал отложить поездку в город на несколько дней.

Анна Сергеевна, получив известие, только пожала плечами.

— Что ж, придётся вам меня ещё потерпеть.

Ядвига обняла её.

— С удовольствием!

Александр усмехнулся.

— Тем более что у нас скоро ещё одно Рождество.

Старушка посмотрела на него.

Потом на Ядвигу.

— Ну всё. Кажется, я попалась.

И громко рассмеялась.

Так Анна Сергеевна постепенно стала привычной частью жизни в усадьбе.

Она не вмешивалась в распоряжения Ядвиги, но охотно делилась опытом, если её спрашивали.

С Прасковьей Ивановной обсуждала рецепты.

С Дарьей иногда занималась рукоделием.

По вечерам читала или сидела с молодыми в гостиной.

А если Ядвига возвращалась из города уставшей после уроков, Анна Сергеевна первая замечала это.

— Иди-ка, деточка, отдохни. Никуда твои дела не убегут.

Иногда Ядвига слушалась.

Иногда возражала.

И тогда старушка только качала головой:

— Совсем как я в молодости. Тоже думала, что без меня всё пропадёт.

Постепенно молодые привыкли к её присутствию.

А сама Анна Сергеевна обнаружила, что дни здесь проходят гораздо быстрее, чем в пустеющем городском доме.

Разумеется, она не забывала о собственном хозяйстве.

Время от времени получала вести из города, посылала распоряжения и при подходящей погоде собиралась съездить проверить дела лично.

Но возвращаться надолго ей пока не хотелось.

И когда однажды в январе Ядвига предложила:

— Анна Сергеевна, а оставайтесь у нас хотя бы до конца зимы, — старушка уже не стала сразу отказываться.

Она посмотрела на молодых, сидевших за вечерним чаем.

Потом улыбнулась.

— Ну, если не надоем вам раньше…

— Даже не надейтесь, — ответил Александр.

— Вот ведь упрямые, — вздохнула она.

И согласилась.

А молодые и представить не могли, насколько кстати окажется её присутствие в доме в следующие зимние месяцы.

Пока же впереди было ещё много обычных дней.

Александра ждали репетиции и концерты.

Ядвигу — ученики и новые музыкальные вечера.

Николая Степановича — хозяйственные заботы.

Анну Сергеевну — непривычная, но удивительно приятная жизнь вдали от городского шума.

И большая усадьба понемногу становилась домом, в котором каждому находилось своё место.

Глава тридцать первая. Зима в большом доме

Январские морозы в тот год выдались крепкими.

По утрам деревья в усадебном саду стояли белые от инея. Снег лежал на широких ступенях террасы, укрывал дорожки и хозяйственные постройки, а возле конюшни Фёдор Лукич каждое утро расчищал проход для лошадей.

В доме жизнь постепенно входила в привычное русло.

После рождественских праздников убрали украшения, разобрали подарки, отправили благодарственные письма родным и знакомым.

Ядвига всё чаще ловила себя на том, что перестала мысленно сравнивать усадьбу с городской квартирой.

Раньше она говорила:

— А вот у нас в городе…

Теперь всё чаще звучало:

— Надо посмотреть, как у нас в доме…

И это маленькое изменение почему-то особенно радовало Александра.

Однажды за завтраком он заметил:

— Ядвига, ты уже почти перестала спрашивать, где что находится.

Она улыбнулась.

— Потому что наконец запомнила.

— Даже где лежат мои перчатки?

— Твои перчатки, Саша, не лежат нигде. Они постоянно путешествуют по дому.

Анна Сергеевна, сидевшая за столом, рассмеялась.

— Вот уж правда! Вчера одну нашли в гостиной, другую — возле библиотеки.

Александр удивился.

— А я-то думал, что положил обе в прихожей.

— Ты их там и положил, — ответила Ядвига. — Только потом почему-то решил перенести.

— Странно.

— Совершенно загадочное происшествие!

Все трое рассмеялись.

Анна Сергеевна продолжала гостить у молодых.

Правда, однажды в начале января она съездила в город, чтобы лично проверить свои дела.

Фёдор Лукич отвёз её утром и привёз обратно на следующий день.

Вернулась старушка довольная, с несколькими небольшими покупками и целой корзиной городских новостей.

— Всё у меня в порядке, — сообщила она за ужином. — Дом стоит, ничего не развалилось. Марфа Никитична присматривает добросовестно. А твой рояль, Ядвига, спокойно дожидается весны на своём прежнем месте.

Ядвига улыбнулась.

— Как он?

— Стоит себе спокойно. Я велела протопить комнаты и проверила, нет ли сырости. Только вот без вашей музыки там совсем тихо стало.

Александр посмотрел на неё.

— Весной обязательно заберём инструмент.

— Вот и правильно.

Старушка принялась разливать чай.

— А пока у вас и здесь музыка появится.

Ядвига оживилась.

— Вы что-то знаете?

— Конечно. Прасковья Ивановна сказала, что завтра приедет мастер.

Настройщик действительно приехал на следующий день.

Это был невысокий седоватый мужчина с внимательными глазами и небольшой кожаной сумкой, в которой хранились инструменты.

Звали его Григорий Матвеевич.

Старый рояль он осматривал ещё в декабре, но тогда не успел закончить ремонт.

Теперь мастер приехал с необходимыми деталями.

Ядвига встретила его почти у дверей гостиной.

— Григорий Матвеевич, как вы думаете, удастся окончательно привести инструмент в порядок?

Он улыбнулся.

— Посмотрим, сударыня. Рояль старый, но хороший. Ему прежде не хватало ухода.

— Некоторые клавиши совсем плохо звучали.

— Помню. Это исправим.

Мастер открыл инструмент.

Снял необходимые детали и принялся за работу.

Ядвига несколько раз подходила к гостиной, но старалась не мешать.

К полудню раздались первые пробные звуки.

Сначала отдельные.

Потом целые последовательности.

Григорий Матвеевич долго прислушивался, что-то подкручивал, вновь нажимал клавиши.

Ближе к вечеру он наконец позвал хозяйку.

— Прошу, сударыня. Попробуйте.

Ядвига села.

Положила руки на клавиатуру.

Сыграла несколько аккордов.

Прислушалась.

Затем осторожно начала знакомое произведение.

Инструмент звучал не так, как её собственный рояль.

Звук был мягче, немного приглушённый, с особенной теплотой в среднем регистре.

Но все клавиши работали.

И главное — музыка вновь звучала свободно.

Ядвига закончила небольшой отрывок и повернулась к мастеру.

— Как хорошо!

Григорий Матвеевич довольно улыбнулся.

— Служить ещё будет. Только следите, чтобы возле него не было слишком сыро или жарко. И время от времени приглашайте настройщика.

— Обязательно.

В дверях появился Александр.

Он вернулся из города немного раньше, чем ожидали.

— Кажется, я услышал музыку ещё с лестницы.

Ядвига просияла.

— Саша! Послушай!

Она снова заиграла.

Александр подошёл ближе.

Некоторое время внимательно слушал, затем одобрительно кивнул.

— Совсем другое дело.

Мастер довольно собрал инструменты.

— Теперь можете играть, господа.

Вечером они впервые исполнили вместе небольшое произведение в новой гостиной.

Александр играл на скрипке.

Ядвига аккомпанировала ему на восстановленном рояле.

Анна Сергеевна расположилась в кресле с вязанием.

Она слушала так внимательно, что временами забывала двигать спицами.

Когда музыка закончилась, старушка отложила работу.

— Вот теперь другое дело!

Ядвига рассмеялась.

— Что именно?

— А то живёте в огромном доме, а музыка у вас только на словах. Теперь хоть будет что послушать.

Александр улыбнулся.

— Значит, одобряете?

— Очень. Только предупреждаю: я теперь буду заказывать любимые мелодии.

— С удовольствием.

Анна Сергеевна задумалась.

— Тогда завтра сыграйте что-нибудь повеселее. А то сегодня я чуть не расплакалась.

Ядвига посмотрела на мужа.

Он едва заметно улыбнулся.

— Договорились.

Вскоре в усадьбе действительно стали устраивать небольшие музыкальные вечера.

Сначала собирались только втроём.

Иногда к ним присоединялся Николай Степанович, который, как неожиданно выяснилось, очень любил музыку, хотя совершенно не разбирался в её тонкостях.

Однажды после исполнения довольно сложного произведения он задумчиво сказал:

— Очень красиво, Александр Александрович. Только не знаю, почему в середине мне вдруг стало тревожно.

Александр рассмеялся.

— Значит, композитор добился своего.

Управляющий удивился.

— Он специально этого хотел?

— Именно.

Николай Степанович покачал головой.

— Чудное дело. Столько лет живу, а всё ещё не перестаю удивляться тому, что люди умеют делать.

В другой раз Ядвига сыграла несколько лёгких танцевальных пьес.

Анна Сергеевна неожиданно оживилась.

— А вот под это я когда-то танцевала!

Ядвига рассмеялась.

— Правда?

— Ещё как! И не хуже молодых барышень.

Александр немедленно поднялся.

— Тогда разрешите пригласить вас.

Старушка отмахнулась.

— Да полно тебе! В моём возрасте!

— Возраст не имеет никакого отношения к хорошей музыке.

Она посмотрела на него.

Потом рассмеялась.

— Ах ты хитрец!

Но всё-таки поднялась.

Александр осторожно провёл её несколько шагов по гостиной.

Ядвига заиграла весёлую мелодию.

Анна Сергеевна сначала смущалась, а затем вдруг так ловко повернулась, что Александр удивлённо поднял брови.

— Вот это да!

— А ты думал!

Все трое смеялись до слёз.

После этого Анна Сергеевна ещё несколько дней вспоминала, что Александр оказался вполне приличным кавалером.

Однажды за ужином Ядвига предложила пригласить в усадьбу гостей.

Александр с интересом посмотрел на жену.

— Кого ты имеешь в виду?

— Екатерину Павловну, Петра Андреевича. Может быть, ещё нескольких наших знакомых из музыкального общества.

— Прекрасная мысль.

— И соседей, — добавила Ядвига.

— Каких?

— Например, Петра Васильевича Громова с супругой. Ведь вы столько времени вместе хлопотали о ремонте дороги, а мы с его женой даже толком не познакомились.

Александр задумался.

— Ты права. К тому же зимой мы ещё ни разу не принимали гостей.

Анна Сергеевна подняла голову.

— Вот и устройте хороший вечер. Дом большой, места хватит.

Ядвига улыбнулась.

— Только без чрезмерной торжественности.

— Это уж как получится, — заметила старушка. — Гостей пригласить просто. А вот чтобы всем было хорошо, придётся постараться.

Приглашения отправили на следующей неделе.

Первым ответил Пётр Андреевич.

Он с удовольствием согласился приехать и обещал захватить несколько новых нотных изданий.

Екатерина Павловна сообщила, что давно хотела посмотреть, как Ядвига устроилась в усадьбе.

Пётр Васильевич Громов ответил коротко, но весьма решительно:

«Приедем непременно. Жена давно желает познакомиться с вашей хозяйкой. Надеюсь, дорога теперь позволит добраться без приключений».

Александр рассмеялся, прочитав последние слова.

— Видишь, Ядвига, наша дорога ещё долго будет предметом разговоров.

— Главное, чтобы гости доехали благополучно.

Подготовка заняла несколько дней.

Прасковья Ивановна вместе с Анной Сергеевной обсуждала праздничное угощение.

Ядвига проверяла гостиную, столовую и спальни.

Ведь некоторые приглашённые могли пожелать остаться до утра.

Николай Степанович распорядился расчистить подъездную аллею и подготовить место для приезжих экипажей.

Фёдор Лукич проверил состояние дорожки от ворот до дома.

Казалось, всё было предусмотрено.

Но вечером накануне приёма пошёл сильный снег.

Утром он не прекратился.

Ядвига стояла у окна и с тревогой смотрела на заметённую аллею.

— Саша, гости не приедут.

Александр подошёл ближе.

— Возможно, снег скоро закончится.

— А если нет?

— Тогда вечер придётся перенести.

Она вздохнула.

— Столько приготовлений!

Александр улыбнулся.

— Зато у нас будет замечательный ужин.

— На двоих?

Из-за спины раздался голос Анны Сергеевны:

— Попрошу не забывать, что вас здесь уже трое!

Они обернулись.

Старушка стояла в дверях с совершенно серьёзным видом.

А потом все рассмеялись.

К счастью, к полудню снегопад ослаб.

Фёдор Лукич съездил до большой дороги и сообщил, что проезд возможен, хотя ехать следует осторожно.

Ближе к вечеру появились первые гости.

Екатерина Павловна приехала вместе с Петром Андреевичем.

Следом прибыли супруги Громовы.

Пётр Васильевич вошёл в холл, стряхивая снег с шубы.

— Ну что, Александр Александрович, поздравляю! Дорога наконец перестала пытаться нас убить!

Александр громко рассмеялся.

— Рад, что вы добрались.

— Да мы бы добрались в любом случае. Моя супруга сказала: раз пригласили, значит, поедем.

Рядом появилась невысокая женщина с приветливым лицом.

— Не слушайте его, — сказала она. — Он сам с утра спрашивал, когда будем выезжать.

Ядвига улыбнулась.

— Очень рада знакомству.

— И я, дорогая. Меня зовут Вера Николаевна.

Женщины обменялись рукопожатием.

— Проходите, пожалуйста.

Вера Николаевна оказалась женщиной весёлой и общительной.

Она сразу заинтересовалась домом, но, к удивлению Ядвиги, больше расспрашивала не о мебели, а о хозяйстве.

— Скажите, дорогая, вы уже привыкли к такому количеству комнат?

Ядвига рассмеялась.

— Пока не совсем.

— Вот и я когда-то никак не могла привыкнуть. В родительском доме всё казалось таким простым, а после свадьбы выяснилось, что в хозяйстве постоянно что-нибудь ломается, заканчивается или требует внимания.

— Совершенно верно!

— И, конечно, муж полагает, что всё это можно исправить за один день.

Ядвига улыбнулась.

— Кажется, наши мужья похожи.

Вера Николаевна рассмеялась.

— О, если бы вы знали, сколько раз Пётр Васильевич собирался лично исправить какую-нибудь хозяйственную неприятность! Однажды решил починить дверь в амбаре и так усердно работал, что мы потом два дня не могли её открыть.

Ядвига расхохоталась.

— Неужели?

— Представьте себе!

В этот момент мимо проходил Пётр Васильевич.

— Вера, ты опять рассказываешь историю про амбар?

— Конечно, дорогой. Это наша семейная гордость.

Гости рассмеялись.

После ужина все собрались в гостиной.

Пётр Андреевич с интересом осмотрел восстановленный рояль.

— Хороший инструмент. Для своих лет сохранился неплохо.

Ядвига улыбнулась.

— Мы недавно привели его в порядок.

— И правильно сделали. Такие инструменты иногда обладают замечательным звучанием.

Александр достал скрипку.

Екатерина Павловна устроилась поближе к роялю.

— Ну что, дорогие мои, чем сегодня порадуете?

Ядвига посмотрела на мужа.

Он улыбнулся.

— Начнём с того, что хорошо знаем.

Они исполнили несколько произведений.

Сначала спокойных.

Затем более живых.

Музыка звучала в большой гостиной удивительно свободно.

Александр быстро привык к особенностям помещения, а Ядвига с удовольствием почувствовала, что старый рояль вполне способен сопровождать скрипку.

Когда они закончили, гости долго аплодировали.

Пётр Андреевич довольно кивнул.

— Прекрасно. Вам стоит чаще играть вместе.

— Мы как раз собираемся, — ответила Ядвига.

Екатерина Павловна улыбнулась.

— Вот и замечательно. А то мы чуть было не потеряли нашу пианистку среди хозяйственных забот.

— Не потеряли, — рассмеялась Ядвига. — Просто она некоторое время изучала устройство печей.

Все засмеялись.

Позже Екатерина Павловна предложила сыграть что-нибудь в четыре руки.

Ядвига с радостью согласилась.

Они сели рядом.

Первое произведение прошло почти безупречно.

Но в середине второго Екатерина Павловна неожиданно сбилась.

— Ах, простите!

Ядвига остановилась.

— Ничего страшного.

— Нет, дорогая, я совершенно забыла этот переход!

Пётр Андреевич рассмеялся.

— Екатерина Павловна, теперь вы знаете, что чувствуют ваши ученики, когда вы заставляете их повторять одно и то же место.

— Прекрасно знаю! Именно поэтому сейчас начну сначала.

Все снова рассмеялись.

И музыка продолжилась.

Вечер закончился гораздо позднее, чем предполагали.

Громовы остались ночевать.

Екатерина Павловна и Пётр Андреевич также приняли приглашение воспользоваться гостевыми комнатами, поскольку возвращаться в город по зимней дороге в темноте было неразумно.

Когда всех проводили, Ядвига устало опустилась в кресло.

— Саша, кажется, у нас получилось.

Александр улыбнулся.

— Получилось.

— И никто не пожаловался на холод.

— Это особенно важно.

— И Прасковья Ивановна довольна.

— Значит, вечер действительно удался.

Ядвига рассмеялась.

Потом немного помолчала.

— Знаешь, мне понравилась Вера Николаевна.

— Мне тоже.

— Думаю, мы подружимся.

Александр кивнул.

— Было бы хорошо. У нас пока не так много знакомых поблизости.

Ядвига улыбнулась.

— Теперь станет больше.

На следующее утро дом был полон голосов.

Гости постепенно спускались к завтраку.

Кто-то расспрашивал о дороге.

Кто-то любовался видом на заснеженный сад.

Пётр Васильевич уже успел обсудить с Николаем Степановичем хозяйственные вопросы.

А Вера Николаевна, встретившись с Ядвигой в столовой, неожиданно предложила:

— Приезжайте к нам в гости на следующей неделе. Если погода позволит, устроим небольшой обед.

— С удовольствием.

— И ещё, дорогая, летом обязательно приезжайте посмотреть наш сад. Муж постоянно хвастается новыми посадками, а мне хочется услышать мнение человека, который не обязан соглашаться с ним.

Ядвига рассмеялась.

— Договорились.

Вера Николаевна улыбнулась.

— Вот и прекрасно. А то в деревенской жизни без соседей бывает скучновато.

После отъезда гостей усадьба снова стала тише.

Но теперь эта тишина не казалась Ядвиге пустой.

Ей нравилось, что в доме можно собирать друзей, устраивать музыкальные вечера, принимать людей, с которыми приятно разговаривать.

И всё же самым неожиданным событием той недели стал совсем не музыкальный приём.

Однажды в конце января к Громовым приехали родственники с детьми.

Вера Николаевна пригласила Ядвигу на чай, и молодая женщина отправилась к соседям.

В доме её встретили весёлые голоса.

По коридору пробежали двое мальчиков лет семи и девяти.

Следом появилась маленькая девочка, державшая в руках тряпичную куклу.

— Осторожнее! — крикнула Вера Николаевна. — У нас гости!

Мальчики остановились.

Посмотрели на Ядвигу.

Потом дружно поздоровались.

Девочка спряталась за юбку матери.

Ядвига рассмеялась.

— Какие у вас замечательные помощники!

Вера Николаевна покачала головой.

— Если бы они ещё хоть иногда помогали!

Из соседней комнаты послышался грохот.

Один из мальчиков, торопясь показать брату деревянную лошадку, случайно опрокинул небольшую подставку.

Вера Николаевна всплеснула руками.

— Вот! Не успела договорить!

Но сердиться долго она не могла.

Через несколько минут дети уже снова носились по дому.

Ядвига наблюдала за ними с улыбкой.

Ей нравилась эта шумная, немного беспорядочная жизнь.

Вечером, вернувшись в усадьбу, она рассказала Александру о своём визите.

— Саша, у Громовых сегодня было так весело!

— Почему?

— Приехали родственники с детьми. Трое малышей. Представляешь, они чуть не перевернули половину гостиной!

Александр рассмеялся.

— Надеюсь, никто не пострадал?

— Нет. Только одна подставка.

Она улыбнулась.

— Зато сколько смеха!

Александр посмотрел на жену.

— Тебе понравилось?

— Очень.

Ядвига немного помолчала.

Потом оглядела просторную гостиную.

— Знаешь, Саша, мне сегодня вдруг показалось, что в нашем доме чего-то не хватает.

Он удивился.

— Чего же? Опять мебели?

Она рассмеялась.

— Нет.

— Ковров?

— Нет!

— Неужели новых занавесок?

— Саша, перестань!

Она подошла к нему и обняла.

— Детского смеха.

Александр замолчал.

Некоторое время смотрел на жену.

Потом улыбнулся.

— А ведь ты права.

Ядвига прижалась к нему.

— Представляешь, как здесь когда-нибудь будут бегать наши дети?

Он оглядел гостиную.

— Боюсь, тогда нам придётся убрать отсюда несколько хрупких вещей.

Ядвига рассмеялась.

— Непременно.

— И позаботиться, чтобы они не добрались до моих нот.

— А до твоей скрипки?

Александр задумался.

— Вот это уже серьёзный вопрос.

Она засмеялась ещё громче.

Потом тихо спросила:

— Ты ведь тоже хочешь детей?

Он посмотрел на неё с нежностью.

— Конечно, хочу.

Ядвига улыбнулась.

— И я.

Некоторое время они молчали.

Потом Александр сказал:

— Только нам пока и вдвоём хорошо.

— Очень хорошо, — согласилась она.

— Значит, пусть всё идёт своим чередом.

Ядвига кивнула.

— Да. Мы никуда не торопимся.

Они ещё долго сидели рядом, разговаривая о самых обыкновенных вещах.

О том, что весной нужно будет заняться садом.

Что Александр обещал съездить к Петру Васильевичу.

Что Ядвига собирается возобновить несколько занятий с учениками в музыкальном обществе.

И что Анна Сергеевна совершенно серьёзно намерена научить Прасковью Ивановну печь свои знаменитые пирожки.

О детях больше в тот вечер не говорили.

Но сама мысль осталась с ними — светлая, спокойная, не требующая немедленных решений.

Февраль принёс новые снегопады.

Временами дорогу заносило так сильно, что Фёдор Лукич советовал откладывать поездки.

Александр сердился, когда это мешало репетициям, но теперь заранее договаривался о возможности остаться в городе после поздних выступлений.

Ядвига тоже научилась разумнее распределять свои дела.

Она приезжала к ученикам в определённые дни, стараясь объединять занятия, чтобы не совершать лишних поездок.

Музыкальное общество по-прежнему предоставляло ей комнату с инструментом.

Иногда после уроков она оставалась там ещё на час и репетировала новую программу.

Екатерина Павловна уже предложила ей участие в весеннем концерте.

Ядвига с удовольствием согласилась, хотя предупредила, что весной возможна поездка в Польшу.

— На свадьбу? — сразу догадалась Екатерина Павловна.

— Пока ещё не знаем наверняка.

— Ну что ж, дорогая, будем надеяться, что ваш брат наконец решится.

Ядвига рассмеялась.

— Я тоже на это надеюсь!

Между тем Анна Сергеевна совсем освоилась в усадьбе.

Она не стремилась управлять домом и не вмешивалась в распоряжения Ядвиги.

Зато теперь у неё появились свои небольшие привычки.

После завтрака она любила сидеть у окна с рукоделием.

Иногда помогала Дарье разбирать бельё или занималась починкой одежды.

По вечерам охотно слушала музыку.

И, что особенно удивляло Ядвигу, прекрасно подружилась с Прасковьей Ивановной.

Правда, время от времени между ними возникали споры.

Особенно из-за приготовления некоторых блюд.

— Да не нужно туда столько масла! — уверяла Анна Сергеевна.

— А я вам говорю, без масла сухо получится! — возражала кухарка.

Ядвига однажды застала их за этим разговором.

Обе женщины одновременно повернулись к ней.

— Сударыня, скажите…

Ядвига немедленно подняла руки.

— Нет уж! В этот спор я вмешиваться не стану!

Они переглянулись.

А затем дружно рассмеялись.

Однажды за вечерним чаем Анна Сергеевна неожиданно сказала:

— А ведь я собиралась приехать к вам всего на несколько дней.

Ядвига улыбнулась.

— А остались почти на всю зиму.

— Вот именно.

Старушка задумалась.

— И знаете, что странно? Я совершенно не скучаю.

Александр посмотрел на неё.

— Значит, вам у нас хорошо.

— Хорошо. Только не думайте, что я совсем забыла о собственном доме.

— Мы и не думаем.

Анна Сергеевна улыбнулась.

— Весной вернусь. Нужно будет всё проверить, квартиру привести в порядок. Да и ваш рояль наконец отправлять.

Ядвига немного огорчилась.

— А потом будете приезжать?

— Конечно. Только теперь уже настоящей гостьей.

Александр рассмеялся.

— Анна Сергеевна, вы здесь давно перестали быть гостьей.

Старушка посмотрела на него.

Потом довольно улыбнулась.

— Ладно. Не стану спорить.

В конце февраля пришло долгожданное письмо из Польши.

Его доставили вместе с обычной почтой.

Но конверт был необычный — плотный, красивый, с аккуратно выведенными именами Александра и Ядвиги.

Ядвига узнала почерк брата ещё до того, как вскрыла письмо.

— Саша!

Александр поднял голову.

— Что случилось?

— Станислав написал!

Она быстро открыла конверт.

Внутри находилось официальное приглашение.

Ядвига пробежала глазами первые строки.

Потом замерла.

— Ну? — нетерпеливо спросил Александр.

Она подняла на него счастливые глаза.

— Саша… Он женится!

— Неужели?

— Да!

Она перечитала приглашение.

Станислав Вишневский и Анна Лещинская приглашали Александра и Ядвигу на свадебное торжество, назначенное на весну.

К приглашению прилагалось личное письмо Станислава.

Ядвига начала читать вслух.

Брат писал с привычной сдержанностью, но между строк чувствовалась неподдельная радость.

Он рассказывал, что сделал Анне предложение и получил её согласие.

Родители обеих семей уже обсуждали приготовления.

Владислав и Мария были счастливы.

А сам Станислав надеялся, что младшая сестра непременно приедет вместе с мужем.

В конце письма он добавил:

«И, пожалуйста, Ядвига, не начинай заранее беспокоиться обо всём на свете. У нас достаточно людей, чтобы подготовить свадьбу. Тебе нужно только приехать».

Ядвига расхохоталась.

— Саша, ну это же настоящий Станислав!

Александр улыбнулся.

— Даже в свадебном приглашении распоряжается.

— Он всегда такой!

Она снова посмотрела на письмо.

И неожиданно замолчала.

Александр заметил перемену.

— Что такое?

Ядвига улыбнулась.

— Представляешь, мой старший брат женится.

Она немного помолчала.

— Он ведь всегда был для меня таким взрослым. Когда я была маленькой, он помогал мне с уроками, делал замечания, если я слишком шумела, и ужасно сердился, когда мы с Зофьей трогали его книги.

Александр рассмеялся.

— Значит, книжные шкафы у вас в семье — наследственная слабость.

— Не отвлекай!

Она улыбнулась.

— А теперь он создаёт собственную семью.

Александр обнял жену.

— И мы обязательно будем рядом.

Однако уже на следующий день выяснилось, что поездка в Польшу потребует немалой подготовки.

Прежде всего Александру нужно было договориться в театре.

Весной предстояли репетиции и несколько выступлений.

Он не мог просто уехать, не предупредив руководство.

Затем следовало обсудить дорогу, подобрать удобный маршрут и решить, на какое время оставить усадьбу.

Ядвига тем временем составляла список необходимых вещей.

И, конечно, думала о свадебном подарке.

— Саша, что мы подарим Станиславу и Анне?

Александр задумался.

— Может быть, что-нибудь для их дома?

— У них и так всё есть.

— Тогда что-нибудь памятное.

Ядвига кивнула.

— Вот именно. Хочется, чтобы подарок был не просто дорогим.

Она немного помолчала.

— Может быть, что-нибудь связанное с музыкой?

Александр улыбнулся.

— Прекрасная мысль.

— А что именно?

— Давай подумаем.

И они действительно начали обсуждать возможные подарки.

Не спеша.

С удовольствием.

Впервые за долгое время предстоящие расходы казались Ядвиге исключительно приятными.

Николай Степанович воспринял известие о путешествии совершенно спокойно.

— Разумеется, господа. Поезжайте. Хозяйство будет под присмотром.

Александр внимательно посмотрел на управляющего.

— Но весной у нас начнутся работы.

— Мы заранее определим, что можно делать без вас, а какие решения подождут вашего возвращения.

Ядвига улыбнулась.

— Николай Степанович, как хорошо, что вы у нас есть!

Управляющий немного смутился.

— Служу, сударыня.

— И очень хорошо служите, — добавил Александр.

Николай Степанович кивнул.

— Благодарю.

Вечером молодые сидели в гостиной.

Ядвига держала приглашение брата.

На столе лежали письма из Польши, дорожные заметки и календарь.

За окном медленно падал снег.

Александр рассматривал предполагаемые даты поездки.

— Если всё удастся согласовать в театре, мы сможем приехать за несколько дней до свадьбы.

Ядвига оживилась.

— Правда?

— Постараюсь.

— Тогда я успею побыть с мамой!

— И с отцом.

— И с Зофьей!

Александр рассмеялся.

— А брату хотя бы немного времени уделишь?

Ядвига улыбнулась.

— Конечно. Ведь мы едем на его свадьбу.

Она снова посмотрела на приглашение.

— Саша, мне кажется, я уже чувствую запах маминой выпечки.

— А я начинаю подозревать, что за время поездки прибавлю в весе.

— Непременно!

Они рассмеялись.

Потом Ядвига вдруг сказала:

— Как хорошо, что мы всё-таки купили усадьбу и успели переехать до зимы.

Александр удивился.

— Почему ты сейчас об этом вспомнила?

— Потому что теперь у нас есть свой дом, в который мы сможем вернуться после путешествия.

Она улыбнулась.

— И ведь я так давно не видела родных!

Александр взял её руку.

— Значит, весна будет для нас особенной.

— Да.

Ядвига задумалась.

— А ещё Зофья пишет, что у неё тоже есть новости. Но обещает рассказать при встрече.

Александр улыбнулся.

— Подозрительно.

— Очень!

— Как думаешь, Генрих?

Ядвига рассмеялась.

— А кто же ещё!

Поздно вечером Ядвига написала ответ брату.

Поздравила его и Анну.

Сообщила, что они с Александром очень постараются приехать.

Пообещала ничего не предпринимать без согласования свадебных приготовлений.

А затем не удержалась и добавила:

«Дорогой Станислав, ты всю жизнь говорил мне, что я слишком тороплюсь. Теперь я с удовольствием посмотрю, насколько спокойно ты сам будешь держаться перед свадьбой».

Она перечитала написанное.

Улыбнулась.

И запечатала конверт.

Александр, наблюдавший за ней, спросил:

— Что написала?

— Ничего особенного.

Он подозрительно посмотрел на жену.

— Ядвига…

Она рассмеялась.

— Всего лишь несколько добрых сестринских слов!

— Теперь мне жаль твоего брата.

— А мне совсем нет!

В последние февральские дни морозы начали понемногу слабеть.

Днём с крыш иногда капала вода, хотя по ночам всё ещё крепко подмораживало.

Семён Егорович уже заглядывал в сад, прикидывая, какие деревья потребуют весенней обрезки.

Фёдор Лукич говорил, что вскоре придётся внимательнее следить за состоянием дорог.

Николай Степанович составлял предварительные расчёты на весенние работы.

А Ядвига и Александр всё чаще обсуждали Польшу.

В большом доме по-прежнему звучала музыка.

Иногда приходили гости.

Анна Сергеевна продолжала рассказывать свои истории и спорить с Прасковьей Ивановной о пирогах.

И жизнь шла своим чередом.

За эту зиму молодые успели привыкнуть к усадьбе, наладить хозяйство, познакомиться с соседями, научиться принимать гостей.

А впереди их ждала весна.

И первая после замужества большая поездка Ядвиги в родительский дом.

Глава тридцать вторая. Дорога к родным

Весна в тот год приходила неохотно.

Ещё в марте казалось, что зима окончательно уступила свои права. Солнце пригревало крыши, с карнизов капала вода, а в саду усадьбы появились первые проталины.

Но стоило молодым убрать тёплые вещи подальше, как неожиданно возвращались морозы.

По утрам лужи вновь покрывались льдом, ветер приносил снег, а Семён Егорович только качал головой.

— Рано радуетесь, господа. Весна нынче с характером.

Ядвига смеялась:

— Значит, мы с ней похожи!

Александр, стоявший рядом, осторожно заметил:

— Я бы не стал спорить.

— Саша!

— Что? Я ведь ничего плохого не сказал.

Оба рассмеялись.

И всё же к апрелю весна окончательно победила.

Снег растаял. Дороги постепенно подсыхали, в саду зазеленели первые почки, а птицы с самого утра устраивали такой шум, что Ядвига нередко просыпалась раньше обычного.

Наступило время новых забот.

Но теперь все разговоры молодых неизменно возвращались к предстоящей поездке в Польшу.

Свадьба Станислава была назначена на начало мая.

Приглашение давно лежало среди семейных писем, и Ядвига время от времени доставала его, перечитывала, улыбалась и снова аккуратно убирала.

Ей до сих пор было немного непривычно представлять старшего брата женихом.

В детстве Станислав казался ей человеком необыкновенно серьёзным.

Он всегда знал, где лежат его вещи, терпеть не мог беспорядка и с величайшим терпением объяснял младшей сестре то, что она никак не могла понять.

Правда, терпение иногда заканчивалось.

Особенно когда Ядвига без разрешения брала его книги.

Однажды она случайно пролила на страницу чернила.

Станислав тогда целый вечер с ней не разговаривал.

А на следующее утро принёс новую тетрадь и строго сказал:

— Если уж тебе так хочется писать, делай это здесь.

Ядвига потом долго обижалась.

Но тетрадь сохранила.

Теперь, вспоминая тот случай, она улыбалась.

Интересно, каким станет её серьёзный брат после женитьбы?

И сумеет ли Анна Лещинская иногда заставлять его забывать о собственных правилах?

В первых числах апреля Анна Сергеевна наконец собралась возвращаться в город.

Почти вся зима прошла в усадьбе, и старушка уже настолько привыкла к здешнему распорядку, что её отъезд казался домашним событием.

Прасковья Ивановна приготовила ей в дорогу пирожки.

Дарья помогла собрать вещи.

А Ядвига несколько раз спрашивала:

— Анна Сергеевна, может быть, ещё останетесь?

Старушка только посмеивалась.

— Нет уж, деточка. Погостила — и честь знать. У меня свой дом есть, а вам пора без моей опеки пожить.

— Да мы и не нуждаемся в опеке!

— Вот и прекрасно.

Она улыбнулась.

— Только не забывайте иногда приезжать.

Александр обещал, что они обязательно будут навещать её.

Перед отъездом Ядвига напомнила о рояле.

— Мы заберём его после возвращения из Польши, когда окончательно просохнет дорога.

— Забирайте, когда сочтёте нужным. Комната под присмотром, всё в порядке.

Старушка поправила шляпку.

— И не волнуйся ты так за свой инструмент! Он пережил путешествие из Польши, переживёт и несколько месяцев в моей квартире.

Ядвига рассмеялась.

Они обнялись.

И на этот раз расставание прошло легче.

Все знали, что теперь будут часто видеться.

Подготовка к путешествию заняла почти весь апрель.

Александру удалось договориться с руководством театра об отпуске.

Правда, перед отъездом пришлось провести несколько дополнительных репетиций и заранее согласовать участие в будущих выступлениях.

Ядвига временно передала часть своих учеников Екатерине Павловне, а остальные занятия перенесла на более поздний срок.

Николай Степанович получил подробные указания относительно хозяйства.

Работы в саду уже начались, но серьёзный ремонт хозяйственной пристройки решили отложить до возвращения хозяев.

— Разберёмся после поездки, — сказал Александр, закрывая очередную тетрадь с расчётами.

Управляющий кивнул.

— Всё необходимое будет под присмотром. Не беспокойтесь.

Ядвига улыбнулась.

— Николай Степанович, мы так часто просим вас присматривать за хозяйством, что однажды вы просто перестанете обращать внимание на наши просьбы.

— Напротив, сударыня. Теперь я хотя бы знаю, что вы мне доверяете.

Александр протянул управляющему руку.

— Доверяем. И очень рассчитываем на вас.

Гораздо сложнее оказалось решить вопрос со свадебным подарком.

Ядвига отвергла несколько предложений мужа.

Серебряная посуда казалась ей слишком обычной.

Дорогие часы — чересчур официальными.

Картина, которую они присмотрели в городе, совершенно не подходила к вкусам Станислава.

Наконец Александр не выдержал.

— Ядвига, скажи мне, пожалуйста, что же ты хочешь подарить брату?

Она задумалась.

— Что-нибудь такое, чтобы он потом посмотрел и вспомнил о нас.

— Он и без подарка о нас помнит.

— Саша!

— Хорошо, хорошо. Больше не вмешиваюсь.

Он улыбнулся.

— Только предлагаю не откладывать решение до самой свадьбы.

В тот же вечер Ядвига вспомнила старую семейную фотографию.

На ней все трое детей Вишневских стояли рядом с родителями перед большим домом.

Станислав, тогда ещё юноша, держался очень прямо.

Зофья улыбалась так широко, будто едва сдерживала смех.

А маленькая Ядвига пыталась поправить ленту в волосах.

Отец был необыкновенно серьёзен.

Мария же смотрела не на фотографа, а на детей.

— Саша, вот что я придумала!

Александр отложил книгу.

— Слушаю.

— Мы подарим Станиславу эту фотографию в красивой раме. Только сделаем хороший отпечаток. А для Анны подберём что-нибудь отдельно, чтобы она не чувствовала себя забытой.

Александр задумался.

— Прекрасная мысль.

— Правда?

— Особенно если добавить небольшой семейный подарок для них обоих.

После нескольких обсуждений они остановились на изящном серебряном чайном сервизе, который можно было использовать каждый день.

Фотография предназначалась Станиславу лично.

А для Анны Ядвига выбрала красивую шкатулку с тонкой деревянной инкрустацией.

— Вот теперь я довольна, — объявила она.

Александр облегчённо вздохнул.

— Слава богу!

За несколько дней до отъезда пришло письмо от Зофьи.

Как всегда, оно было длинным, весёлым и совершенно неупорядоченным.

Сестра сообщала, что свадебные приготовления идут полным ходом.

Мария почти ежедневно занимается гостями, платьями, цветами и бесконечными разговорами с родственниками.

Владислав пытается сохранять спокойствие, но уже дважды перепроверял списки приглашённых.

А Станислав, по словам Зофьи, превратился в человека, который одновременно счастлив и страшно раздражителен.

«Он всё время уверяет, что совершенно спокоен, — писала Зофья, — но вчера целых десять минут искал собственные перчатки, которые держал в руках. Я немедленно вспомнила твоего Александра».

Ядвига так смеялась, что Александр попросил прочитать письмо вслух.

Когда она дошла до перчаток, он возмущённо заметил:

— Ну почему вся ваша семья считает, что я постоянно что-нибудь теряю?

Ядвига улыбнулась.

— Потому что это правда, дорогой.

Она продолжила читать.

«Анна очень милая. И, к счастью, умеет смеяться. Иначе я бы за судьбу нашего брата серьёзно опасалась».

Дальше Зофья сообщала, что непременно встретит их на вокзале вместе с родителями.

А в конце добавила:

«И, пожалуйста, Ядвига, приезжай поскорее. Мне нужно рассказать тебе кое-что важное. Только обещай не задавать вопросов раньше времени».

Ядвига отложила письмо.

— Саша!

Он сразу улыбнулся.

— Генрих?

— Ну конечно!

— А может быть, она просто купила новое платье?

Ядвига посмотрела на него с укоризной.

— Ради нового платья Зофья не стала бы писать такие таинственные письма.

Александр задумался.

— Значит, всё серьёзно.

— Вот именно.

В день отъезда молодые поднялись ещё затемно.

На станции их ждал поезд, который должен был увезти их на запад.

Фёдор Лукич доставил багаж, помог перенести сундуки и несколько раз уточнил, не забыли ли господа документы.

Александр проверил дорожную папку.

— Всё на месте.

Ядвига оглядела вещи.

— Кажется, ничего не забыли.

Фёдор Лукич улыбнулся.

— Ну, дай бог доброй дороги.

Он попрощался и отправился обратно.

Вокруг кипела обычная вокзальная жизнь.

Носильщики переносили чемоданы.

Пассажиры торопились к вагонам.

Провожающие обнимались, давали последние наставления и обещали писать.

Из-под паровоза вырывались облака белого пара.

Ядвига стояла рядом с Александром и чувствовала необыкновенное волнение.

Сколько раз за последние недели она представляла этот момент!

И вот теперь всё происходило на самом деле.

Она возвращалась в Польшу.

К родителям.

К брату и сестре.

В дом, где прошло её детство.

— Саша, — тихо сказала она, — мне даже не верится.

Он улыбнулся.

— Во что?

— Что совсем скоро я увижу маму.

Александр взял её руку.

— Увидишь.

Путешествие началось благополучно.

Им удалось удобно устроиться в купе.

Багаж разместили.

Александр достал книгу.

Ядвига некоторое время смотрела в окно.

Город постепенно исчезал.

За ним потянулись поля, деревни, перелески.

Снег давно сошёл, но земля ещё сохраняла следы весенней сырости.

На деревьях зеленели молодые листья.

Иногда поезд проходил мимо небольших станций, возле которых стояли крестьяне с корзинами, торговцы и любопытные дети.

Ядвига смотрела на всё с интересом.

Но постепенно её мысли возвращались к предстоящей встрече.

— Саша, как ты думаешь, мама сильно изменилась?

Он поднял голову от книги.

— За такое время? Вряд ли.

— А папа?

— Думаю, он по-прежнему считает тебя своей маленькой дочерью.

Ядвига улыбнулась.

— Наверняка.

— И, возможно, опять спросит меня, хорошо ли я тебя кормлю.

Она рассмеялась.

— А ты что ответишь?

— Что теперь за этим следит Прасковья Ивановна.

Ядвига засмеялась ещё громче.

К вечеру путешествие перестало казаться таким увлекательным.

Долгое сидение утомляло.

На одной из станций поезд задержался.

Потом выяснилось, что из-за путевых работ придётся некоторое время ждать разрешения на дальнейшее движение.

Александр отправился узнать, что случилось.

Вернулся он не слишком довольный.

— Похоже, опаздываем.

Ядвига встревожилась.

— Надолго?

— Пока неизвестно.

— Но нас ведь будут встречать!

— Я знаю.

Она посмотрела в окно.

За стеклом темнело.

На соседних путях стояли грузовые вагоны.

Где-то вдалеке перекликались железнодорожные служащие.

— Саша, а если мы приедем ночью?

— Тогда придётся найти способ сообщить родителям или остановиться до утра.

Ядвига вздохнула.

— Ну почему именно сейчас?

Александр улыбнулся.

— Потому что путешествие без приключений, вероятно, показалось бы тебе слишком скучным.

— Совершенно не показалось бы!

Он рассмеялся.

— Тогда давай надеяться, что дальше всё пойдёт лучше.

Задержка оказалась дольше, чем предполагали.

Поезд тронулся лишь спустя несколько часов.

К счастью, на следующей крупной станции Александр сумел отправить телеграмму с предупреждением о возможном опоздании.

Ядвига немного успокоилась.

Но усталость уже давала о себе знать.

Она сидела у окна, положив голову на свёрнутую шаль.

Александр заметил, что жена зябнет.

— Тебе холодно?

— Немного.

Он достал из багажа дополнительный платок.

— Вот. Укройся.

Ядвига улыбнулась.

— Спасибо.

Она некоторое время молчала.

Потом неожиданно спросила:

— Саша, а ты не жалеешь, что поехал?

Он удивился.

— Почему я должен жалеть?

— Столько хлопот. Театр пришлось оставлять. Усадьба без нас…

Александр закрыл книгу.

— Ядвига, это свадьба твоего брата.

— Я знаю.

— И твоя семья.

Он улыбнулся.

— А теперь и моя тоже.

Она посмотрела на мужа.

Потом осторожно взяла его руку.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что ты так к ним относишься.

Александр пожал плечами.

— Мне повезло с родственниками.

Ядвига рассмеялась.

— Ты это скажешь после нескольких дней свадебных приготовлений!

— Тогда посмотрим, не изменится ли моё мнение.

На следующий день поезд продолжал путь уже без серьёзных задержек.

Ядвига всё чаще узнавала знакомые пейзажи.

Где-то вдали показались поля, напоминавшие ей детские поездки с отцом.

Затем небольшие станции, названия которых она помнила ещё со школьных лет.

Она оживилась.

— Саша, посмотри!

Он подошёл к окну.

— Что там?

— Мы когда-то останавливались здесь с папой. Я была совсем маленькой.

Александр посмотрел на аккуратное станционное здание.

— И что вы делали?

— Ездили к родственникам. Зофья тогда заболела, и мама осталась дома, а папа решил взять меня с собой.

Она улыбнулась.

— Я ужасно гордилась. Мне казалось, что меня впервые взяли во взрослое путешествие.

— А Станислав?

— Был занят учёбой. И, конечно, дал мне перед отъездом целую кучу наставлений.

Александр рассмеялся.

— Представляю.

— А я потом привезла ему маленький сувенир и потребовала немедленно поставить его на письменный стол.

— Поставил?

— Конечно. Хотя сказал, что он совершенно не подходит к остальным вещам.

Они оба рассмеялись.

Чем ближе был родной город, тем беспокойнее становилась Ядвига.

Она то доставала часы, то снова поправляла волосы.

Проверяла, на месте ли дорожная сумочка.

Спрашивала Александра, не слишком ли измялось платье.

Он терпеливо отвечал.

Наконец, когда она в третий раз спросила, хорошо ли выглядит, Александр отложил книгу.

— Ядвига.

— Что?

— Ты прекрасно выглядишь.

— Правда?

— Правда.

— Просто я так давно не видела родных.

Он улыбнулся.

— Они будут рады тебе, даже если ты выйдешь из вагона с растрёпанными волосами.

Ядвига задумалась.

— Мама — да. А Зофья обязательно начнёт смеяться.

— Значит, всё будет как прежде.

Она улыбнулась.

— Да. Именно этого мне и хочется.

Поезд прибыл ближе к вечеру.

Когда за окнами показались знакомые городские строения, Ядвига вдруг замолчала.

Александр понял, что она волнуется.

Он помог ей надеть пальто.

Подал сумочку.

Проверил багаж.

А потом поезд медленно остановился у платформы.

Вокруг сразу поднялась суета.

Пассажиры потянулись к выходу.

Носильщики торопились к вагонам.

Кто-то громко звал родственников.

Ядвига осторожно спустилась на платформу.

Огляделась.

Сначала она никого не увидела.

Сердце тревожно забилось.

Неужели телеграмма не дошла?

И вдруг среди людей раздался знакомый голос:

— Ядвига!

Она резко обернулась.

Неподалёку стояла Мария.

Рядом — Владислав.

А чуть позади уже махала рукой Зофья.

— Ядвига! Мы здесь!

Молодая женщина на мгновение застыла.

А потом почти побежала навстречу.

— Мама!

Мария раскрыла объятия.

Они обнялись так крепко, словно хотели за несколько мгновений наверстать всё время разлуки.

— Доченька моя…

Голос Марии дрогнул.

Ядвига прижалась к матери.

— Мамочка, как же я соскучилась!

— И я, родная. И я.

Владислав стоял рядом.

Он старался сохранять своё обычное достоинство, но Ядвига заметила, как блестят его глаза.

Она повернулась к отцу.

— Папа!

Он обнял дочь.

Крепко.

По-отцовски.

— Ну здравствуй, моя маленькая путешественница.

Ядвига рассмеялась сквозь слёзы.

— Папа, я уже давно не маленькая!

— Для меня это ничего не меняет.

Он поцеловал её в лоб.

— Добро пожаловать домой.

Зофья терпеливо ждала своей очереди ровно столько, сколько могла.

Потом решительно вмешалась.

— Ну всё! Теперь отдайте сестру мне!

Ядвига обернулась.

И в следующую секунду они уже обнимались, смеясь и перебивая друг друга.

— Зофья!

— Ядвига!

— Как ты изменилась!

— А ты совсем нет!

— Неправда!

— Правда! Только стала ещё важнее!

Ядвига рассмеялась.

— Почему?

— Потому что теперь у тебя целая усадьба и, наверное, ты распоряжаешься всеми с утра до вечера!

— Совершенно не распоряжаюсь!

Зофья подняла брови.

— Даже мужем?

Александр, подошедший к ним, услышал последние слова.

— Особенно мужем, — серьёзно ответил он.

Все рассмеялись.

Владислав тепло поздоровался с зятем.

— Александр, рад тебя видеть.

— И я вас, Владислав.

Они крепко пожали друг другу руки.

Мария внимательно посмотрела на молодого человека.

— Ты хорошо выглядишь. Хотя, кажется, немного устал.

Александр улыбнулся.

— Дорога оказалась длиннее, чем мы рассчитывали.

— Получили вашу телеграмму, — ответил Владислав. — Поэтому и приехали позже. Не беспокойтесь, всё в порядке.

Он огляделся.

— А где багаж?

Александр указал на носильщиков.

— Сейчас принесут.

Зофья уже взяла Ядвигу под руку.

— Ну, рассказывай!

— Что?

— Всё!

Ядвига рассмеялась.

— Зофья, мы ведь только приехали!

— И что? Я столько времени ждала!

Она наклонилась к сестре.

— А ещё я хочу узнать, правда ли ты теперь умеешь распоряжаться прислугой.

Ядвига покачала головой.

— Началось…

Станислав на вокзале не появился.

Ядвига сразу заметила его отсутствие.

— А где брат?

Зофья рассмеялась.

— Наш жених сегодня совершенно занят.

Владислав пояснил:

— У него была встреча с семьёй Анны. Он обещал приехать к ужину.

— Значит, увидимся дома, — сказала Ядвига.

— Обязательно, — улыбнулась Мария.

До родительского дома ехали в двух экипажах.

Ядвига села рядом с матерью и Зофьей.

Александр отправился вместе с Владиславом.

Это произошло настолько естественно, что молодые даже не успели переглянуться.

Уже через несколько минут Ядвига поняла, как сильно ей не хватало обычных разговоров с родными.

Мария спрашивала о здоровье, о занятиях, о доме.

Зофья непрерывно перебивала её, требуя подробностей о новых платьях, соседях и музыкальных выступлениях.

Ядвига старалась отвечать обеим.

Но очень скоро запуталась.

— Подождите! — рассмеялась она. — Давайте по очереди!

Зофья возмутилась:

— Мы и так тебя почти год ждём!

— Не почти год, — поправила Мария. — Но действительно долго.

Ядвига улыбнулась.

— Я вам всё расскажу. Только дайте добраться до дома.

Мать взяла её руку.

— Конечно, доченька. Главное, что вы уже здесь.

Тем временем во втором экипаже разговор оказался значительно спокойнее.

Владислав расспрашивал Александра об усадьбе.

— Как прошла зима?

— Лучше, чем мы опасались.

— С отоплением справились?

— Да. Пришлось докупить дрова и не пользоваться частью комнат, но серьёзных неприятностей не было.

Владислав одобрительно кивнул.

— Разумно.

Александр немного помолчал.

— Впрочем, не всё проходило гладко. Осенью едва не перевернулись из-за разбитой дороги.

Владислав сразу повернулся к нему.

— Как это?

Александр рассказал о происшествии.

О прошениях в управу.

О соседях, которые помогли добиться ремонта.

Когда он закончил, Владислав некоторое время молчал.

Потом сказал:

— Неприятная история. Но ты правильно сделал, что занялся этим вопросом.

— Если бы не соседи, ничего бы не получилось.

— Тем лучше. Значит, ты уже научился находить общий язык с людьми, среди которых живёшь.

Александр улыбнулся.

— Пришлось.

Владислав рассмеялся.

— Вот видишь. Большое хозяйство учит человека быстрее, чем многие книги.

Родительский дом встретил Ядвигу знакомыми запахами.

Едва переступив порог, она почувствовала аромат свежей выпечки, полированного дерева и цветов.

В холле всё стояло почти так же, как прежде.

Большие часы.

Зеркало в тяжёлой раме.

Старинная скамья возле лестницы.

И даже небольшой столик, на который Ядвига в детстве постоянно складывала свои перчатки.

Она остановилась.

Огляделась.

— Мама…

Мария улыбнулась.

— Что, доченька?

— Здесь почти ничего не изменилось.

— А ты думала, мы всё переделаем без тебя?

Ядвига рассмеялась.

— Нет, конечно.

Зофья немедленно вмешалась:

— Не верь ей! Я хотела переставить мебель в гостиной, но папа сказал, что это нарушит весь порядок дома.

Из кабинета донёсся голос Владислава:

— Потому что ты хотела поставить диван перед дверью!

Все рассмеялись.

Комната Ядвиги тоже сохранила многое из прежней обстановки.

Правда, некоторые её вещи теперь находились в усадьбе в России.

Но кровать, туалетный столик, книжная полка и знакомое кресло стояли на своих местах.

На столе лежал небольшой букет весенних цветов.

Мария подошла к дочери.

— Я попросила приготовить комнату так, как ты любила.

Ядвига обняла мать.

— Спасибо, мамочка.

— Только теперь вы с Александром будете жить здесь вдвоём. Мы немного переставили мебель, чтобы вам было удобнее.

Ядвига улыбнулась.

— Как хорошо!

Зофья, стоявшая у двери, вздохнула:

— Ну вот. А я думала, Ядвига первым делом побежит ко мне.

Младшая сестра обернулась.

— Зофья!

— Что?

— Иди сюда!

Они снова обнялись.

Мария посмотрела на дочерей и улыбнулась.

— Кажется, дом снова станет шумным.

До ужина оставалось время.

Ядвига немного отдохнула с дороги, переоделась и спустилась в гостиную.

Владислав уже сидел в кресле с газетой.

Увидев младшую дочь, он отложил её.

— Ну что, путешественница, отдохнула?

— Немного.

— Хорошо.

Ядвига подошла и села рядом.

Некоторое время они молчали.

Потом отец спросил:

— Ты счастлива, Ядвига?

Вопрос прозвучал просто.

Без торжественности.

И потому особенно тронул её.

Она посмотрела на Владислава.

— Очень, папа.

Он кивнул.

— Я вижу.
Ядвига улыбнулась.
— Правда?
— Конечно. Ты стала спокойнее.
Она удивилась.
— Разве раньше я была беспокойной?
Владислав рассмеялся.
— Иногда чрезвычайно.
— Папа!
— Особенно когда решала, что должна добиться чего-нибудь немедленно.
Ядвига улыбнулась.
— Кажется, я и сейчас такая.
— Возможно. Но теперь ты умеешь ждать.
Она задумалась.
— Наверное, этому меня научила усадьба.
— И семейная жизнь, — добавил отец.
Ядвига кивнула.
— И семейная жизнь.
Ближе к вечеру наконец появился Станислав.
Ядвига услышала знакомые шаги ещё из гостиной.
Затем раздался его голос:
— Мне сказали, что наша младшая сестра наконец соизволила приехать!
Она вскочила.
— Станислав!
Брат стоял в дверях.
Он почти не изменился.
Разве что выглядел несколько серьёзнее и немного уставшим.
Но стоило ему увидеть Ядвигу, как лицо сразу осветилось улыбкой.
Она подбежала и обняла его.
— Как же я рада!
— И я, маленькая сестрёнка.
— Только не называй меня маленькой!
Станислав рассмеялся.
— Боюсь, от этого прозвища тебе никогда не избавиться.
Они отстранились.
Ядвига внимательно посмотрела на брата.
— Ну что, жених?
Он улыбнулся.
— Что?
— Волнуешься?
— Совершенно нет.
Из-за его спины появилась Зофья.
— Не верь ему!
Все рассмеялись.
Станислав обернулся.
— Зофья, ты можешь хотя бы сегодня не вмешиваться?
— Могу. Но не хочу.
Ядвига расхохоталась.
И вдруг почувствовала, что на мгновение вернулась в детство.

В те времена, когда старший брат пытался поддерживать порядок, Зофья обязательно спорила с ним, а она сама с удовольствием наблюдала за их препирательствами.

За ужином разговоры почти не прекращались.

Мария расспрашивала молодых о жизни в России.

Владислав интересовался хозяйством и музыкальными делами Александра.

Зофья требовала подробностей о концерте Ядвиги.

А Станислав время от времени пытался перевести разговор на собственную свадьбу.

Но всякий раз кто-нибудь отвлекался.

Наконец он не выдержал:

— Простите, но мне кажется, что я здесь собираюсь жениться, а никто этого не замечает.

Зофья немедленно ответила:

— Мы все прекрасно замечаем. Особенно когда ты по пять раз в день проверяешь список гостей.

Мария покачала головой.

— Зофья!

— Что, мама? Это правда!

Станислав вздохнул.

— Я просто хочу, чтобы всё прошло хорошо.

Ядвига улыбнулась.

— Теперь ты понимаешь, почему я так волновалась перед своей свадьбой?

Он посмотрел на сестру.

Потом рассмеялся.

— Начинаю.

Александр поднял бокал.

— Тогда предлагаю выпить за то, чтобы жениху удалось хотя бы несколько дней прожить спокойно.

Все дружно поддержали тост.

Даже Станислав рассмеялся.

Позже, когда ужин закончился, Ядвига неожиданно спросила:

— А когда я познакомлюсь с Анной?

Станислав улыбнулся.

— Завтра.

— Правда?

— Конечно. Мы приглашены к Лещинским на семейный обед.

Зофья немедленно добавила:

— И там ты наконец увидишь, какая девушка согласилась терпеть нашего брата.

Станислав посмотрел на неё.

— Зофья…

— Что?

— Ничего.

Он вздохнул.

Все рассмеялись.

Ядвига с интересом наблюдала за братом.

Она вдруг заметила то, чего раньше в нём почти не видела.

Станислав не просто готовился к свадьбе.

Он был счастлив.

И это счастье делало его немного другим.

Менее строгим.

Более открытым.

Даже его привычная серьёзность теперь временами уступала место какой-то почти мальчишеской улыбке.

Когда все начали расходиться, Зофья незаметно взяла Ядвигу за руку.

— Пойдём ко мне.

Младшая сестра сразу насторожилась.

— Зачем?

— Мне нужно с тобой поговорить.

— О чём?

Зофья загадочно улыбнулась.

— Узнаешь.

Они поднялись по лестнице.

В комнате Зофьи почти ничего не изменилось.

На столе лежали книги и письма.

Возле окна стояли свежие цветы.

На спинке кресла висела лёгкая шаль.

Зофья закрыла дверь.

Ядвига повернулась к ней.

— Ну?

Сестра улыбнулась.

— Что «ну»?

— Рассказывай!

— А ты обещаешь не перебивать?

— Обещаю.

— И не кричать?

Ядвига удивилась.

— Зофья, что случилось?

Та немного помолчала.

Потом достала из ящика небольшую коробочку.

Открыла её.

Внутри лежало кольцо.

Ядвига замерла.

— Зофья…

Сестра улыбнулась.

— Генрих сделал мне предложение.

Несколько секунд Ядвига просто смотрела на неё.

Потом радостно вскрикнула:

— Неужели?!

Зофья расхохоталась.

— Я же просила не кричать!

Ядвига бросилась её обнимать.

— Зофья! Какое счастье!

— Тише! Ты сейчас весь дом разбудишь!

— А ты согласилась?

Сестра посмотрела на неё с притворным удивлением.

— Как ты думаешь?

Ядвига снова рассмеялась.

— Конечно, согласилась!

Зофья кивнула.

— Да.

Они сели рядом на диван.

Некоторое время просто смотрели друг на друга и улыбались.

Потом Ядвига спросила:

— И когда свадьба?

Зофья опустила глаза на кольцо.

— Летом. Мы ещё обсуждаем точную дату. Скорее всего, торжество состоится в Австрии.

— В Австрии!

— Да.

Ядвига задумалась.

— Значит, нам придётся снова путешествовать.

Зофья улыбнулась.

— Очень надеюсь, что ты приедешь.

— Конечно приеду!

Потом Ядвига вдруг рассмеялась.

— Представляешь, Станислав женится весной, ты — летом, а я уже давно замужем!

Зофья покачала головой.

— Кто бы мог подумать, что наша младшая сестра первой устроит свою семейную жизнь!

Они снова рассмеялись.

Когда Ядвига вернулась в свою комнату, Александр уже готовился ко сну.

Он посмотрел на жену.

— Ну что, узнала секрет?

Ядвига остановилась посреди комнаты.

— Саша!

— Что?

— Ты даже не представляешь!

Он улыбнулся.

— Генрих?

Она рассмеялась.

— Как ты догадался?

— Просто у меня очень наблюдательная жена, которая уже несколько месяцев подозревает именно это.

Ядвига села рядом.

И подробно рассказала о разговоре с сестрой.

Александр слушал с улыбкой.

Когда она закончила, он сказал:

— Значит, летом нас ждёт ещё одна свадьба.

— Да!

— И ещё одна поездка.

— Да!

Он задумчиво посмотрел на жену.

— Надеюсь, к тому времени мы окончательно приведём в порядок дорожные сундуки.

Ядвига расхохоталась.

— Саша, ну какой же ты!

Он обнял её.

— А какой?

— Замечательный.

Поздно вечером дом наконец затих.

Ядвига подошла к окну.

Во дворе горели несколько фонарей.

Вдали виднелись знакомые деревья.

Она узнала скамейку, возле которой когда-то любила сидеть с книгой.

Дорожку, по которой бегала в детстве.

Окно отцовского кабинета.

Всё было таким знакомым.

И всё же теперь она смотрела на родительский дом иначе.

У неё была собственная жизнь.

Собственный дом в России.

Любящий муж.

Работа, музыка, друзья.

Но здесь оставалась её семья.

Люди, рядом с которыми она выросла.

Люди, которые всегда будут ей дороги.

Александр подошёл сзади.

— Не спится?

Ядвига улыбнулась.

— Немного.

— Слишком много впечатлений?

— Очень много.

Она повернулась к мужу.

— Саша, спасибо, что мы приехали.

Он удивлённо посмотрел на неё.

— Разве могло быть иначе?

Ядвига обняла его.

— Не знаю. Но я очень счастлива.

Александр поцеловал её.

— Тогда всё хорошо.

Они ещё немного постояли у окна.

Потом погасили свет.

А в соседней части дома Станислав тоже долго не ложился спать.

На его письменном столе лежали свадебные приглашения, несколько писем и небольшой список дел, которые следовало закончить до торжества.

Он внимательно перечитывал записи.

Затем отложил карандаш.

Подошёл к окну.

За стеклом стояла тихая весенняя ночь.

Через несколько дней Анна станет его женой.

Он представил её улыбку.

Вспомнил, как она однажды посмеялась над его привычкой всё заранее рассчитывать.

«Станислав, — сказала она тогда, — вы можете распланировать целую неделю, но ведь нельзя заранее решить, в какой день мы будем особенно счастливы».

Он вспомнил, как растерялся от этих слов.

А потом рассмеялся вместе с ней.

Теперь, стоя у окна, Станислав впервые за весь день перестал думать о приготовлениях.

Список дел остался на столе.

Письма — рядом.

Завтра снова придётся что-то обсуждать, проверять и согласовывать.

Но сегодня он просто улыбался.

Потому что очень любил Анну.

И совсем скоро они станут мужем и женой.

Глава тридцать третья. Невеста старшего брата

Утро началось с необыкновенного оживления.

Едва Ядвига открыла глаза, как услышала за дверью знакомый голос Зофьи.

— Ядвига! Ты уже проснулась?

Александр, лежавший рядом, тихо рассмеялся.

— Кажется, твоя сестра решила, что путешественникам достаточно одной ночи для отдыха.

Ядвига улыбнулась.

— Она всегда такая.

В дверь снова постучали.

— Ядвига!

— Да проснулась я, проснулась!

— Тогда вставай! У нас сегодня столько дел!

Александр закрыл глаза.

— Передай ей, что я проснусь только к ужину.

— Даже не надейся! — раздалось из коридора.

Оба рассмеялись.

— Саша, — прошептала Ядвига, — по-моему, она слышит даже через закрытую дверь.

— Это семейный талант?

— Несомненно!

За завтраком собралась почти вся семья.

Владислав, как обычно, уже успел прочитать утреннюю почту и теперь беседовал с Марией о предстоящих приготовлениях.

Зофья оживлённо рассказывала что-то о платьях.

Станислав сидел немного в стороне и внимательно изучал небольшой лист бумаги.

Ядвига сразу заметила это.

— Доброе утро всем!

Мария поднялась навстречу дочери.

— Доброе утро, родная. Хорошо спала?

— Прекрасно.

Она поцеловала мать, поздоровалась с отцом и села рядом с Александром.

Потом повернулась к брату.

— А ты что изучаешь с самого утра?

— Список гостей.

Зофья закатила глаза.

— Опять!

Станислав поднял голову.

— А что тебя удивляет?

— То, что ты, кажется, уже выучил этот список наизусть, но всё равно каждый день его перечитываешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.